

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ N **2** (86)

МОСКВА 2013

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
2013. № 2. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина); д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада;
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль); д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород);
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.э.н., проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов; к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург);
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина);
д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома); к.м.н. Е.В. Шелкопляс (Иваново);
д.э.н., проф. В. Шмидт (Германия), д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, заместитель гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
С.Ю. Синельников, Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Издается с участием Академии философии хозяйства

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <eszotova@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>

http://www.econ.msu.ru/cd/311/, http://www.css.msu.ru, http://www.devec.ru.

Тираж 1000 экз.

Учредитель Общество с ограниченной ответственностью

«Инвестиционная компания БАРЕЛЬ»

тел. (499)515-3333, 8-800-333-2939 (звонок по России бесплатный), (495)710-2939.

www.barrel.ru

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2013 г.

Содержание

Раздел I	
Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Уроки Макиавелли — уроки для всех: заблудших правителей, разуверившихся народов, запутавшихся мудрецов (к 500-летию написания великим итальянцем Никколо Макиавелли не устаревшего в веках и ныне остро актуального многослойного, многоумного и искрометного произведения под названием «Государь»)	9
<i>И.Р. Бугаян</i>	
Философия хозяйства и политическая экономия: тождество и различия	35
<i>Г.А. Родина</i>	
Прорыв к развитию: сочетание универсалий и самобытности	45
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метафизика и анатомия Сети	50
<i>О.В. Бойко-Бойчук</i>	
Постреформенная Россия — возвращение в себя	65
<i>М.Р. Эляян</i>	
История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственного развития Китая	79
<i>Р.Е. Соколов</i>	
Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о концепции общего блага и профессионально-сословного строя или солидаризма	91
<i>Т.Ю. Яковец</i>	
Христианский социализм С.Н. Булгакова и современность	95
Раздел II	
Экономическая теория	
<i>А.А. Гриценко</i>	
Постреформизм: методологические основания постановки проблемы	99
<i>И.Е. Рудакова, Т.И. Курносова</i>	
Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории	105
<i>В.И. Корняков, Н.А. Алексеева</i>	
Застраховаться от нео-неоиндустриализации	121
<i>Д.Г. Егоров</i>	
Экономический мейнстрим и стоимость: о позитивизме в экономической теории	127
<i>Д.П. Соколов</i>	
Эволюция системы взглядов на сущность отношений собственности	144
Раздел III	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Маньяки истины	155
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Без надежды на успех	158
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Хаос и форма в структуре субъективности	161
<i>Г.В. Христокин</i>	
Сравнительный анализ софиологии С. Булгакова и неопатристики в контексте перспектив развития православной теологии XXI века	183

<i>А.Н. Фатенков</i>	
Лики и личины национальной идеи	195
<i>В.В. Гришин</i>	
Некоторые особенности общественного сознания современности	204
Раздел IV	
Актуальная культурология	
<i>Л.А. Булавка</i>	
Культура: перезагрузка.....	215
<i>А.В. Вислова</i>	
Новый русский театр в контексте модернизации.....	224
<i>Е.Ю. Лекус</i>	
Феномен «постмонументальности» в отечественной скульптуре рубежа XX—XXI веков	233
Раздел V	
Актуальная политология	
<i>С.В. Бирюков</i>	
Постреформизм в современной России: к новой стратегии эволюционного развития.....	241
<i>А.А. Коваленко</i>	
Политическое самоопределение стран Центральной и Восточной Европы: между евроскептицизмом и национализмом	247
Раздел VI	
Рецензии и отклики	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
По поводу книги Ю.М. Осипова «Обретение».....	261
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Постреформизм и развитие	263
<i>В.П. Океанский</i>	
Компетенции без компетентности: новые угрозы качеству образования	266
<i>П.Н. Евстратов</i>	
«Мы помним...».....	269
<i>В.Н. Ерзюкян</i>	
Парадигмальное знание.....	275
Научная жизнь	
<i>Т.С. Сухина</i>	
Системное перестроение и новый облик объединенной Европы	283
<i>В.Ф. Шаповалов</i>	
Характерные черты и особенности российской цивилизации	289
Наши авторы	300

Contents

Part I

Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Machiavelli's Lessons are Lessons for All: the Lost Governors, the Undeceived People, Got Confused wise Men (to the 500 Anniversary of not Outdate in Centuries and Nowadays Actual Multilayered, Multiclever and Bright Work «The Prince» Written by Great Italian Niccolo Machiavelli)..... 9

I.R. Bugayan

Philosophy of Economy and Political Economy: Identity and Distinctions..... 35

G.A. Rodina

Break to Development: a Combination of Universality and Originality 45

N.B. Shulevsky

The Metaphysic and Anatomy of the Network 50

O.V.Boyko-Boychuk

Post-reform Russia — Back to Itself..... 65

M.R. Eloyan

The History of Philosophy of Economy: Religious and Metaphysical Preconditions of China Economic Life..... 79

R.Ye. Sokolov

Modern Canonical Philosophy of Economy in Catholicism: to the Concept of the Common Good and Professional Order or Solidarism..... 91

T.Yu.Yakovets

Christian Socialism of S.N. Bulgakov and Modernity 95

Part II

Economic Theory

A.A. Gritsenko

Postreformism: Methodological Foundations of the Issue Statement 99

I.E. Rudakova, T.I. Kurnosova

The Perception of Man and Human Capital in Economic Theory 105

V.I. Korniyakov, N.A. Alekseeva

Insure Against Neo-neoindustrializatsii 121

D.G. Egorov

Economic Mainstream and Worth: Positivism in the Economic Theory 127

D.P. Sokolov

Evolution of a Frame of Reference on Essence of the Relations of Property..... 144

Part III

Actual Philosophy

F.I. Girenok

Maniacs of True 155

F.I. Girenok

Without Hope of Success..... 158

N.N. Rostova

Chaos and Form in Subjectivity Structure 161

G.V. Hristokin

Comparative Analysis of Bulgakov Sophiology and Theology Neopatrystiki in the Context of Development Prospects of Orthodox Theology of the XXI Century.... 183

A.N. Fatenkov

Faces and Masks of the National Idea..... 195

<i>V.V. Grishin</i> Some Features of Public Consciousness of Modernity	204
Part IV	
Actual Cultural Science	
<i>L.A. Bulavka</i> Culture Reloaded	215
<i>A.V. Vislova</i> New Russian Theatre in the Context of Modernization	224
<i>E.Yu. Lekus</i> The Phenomenon of «Postmonumental» in Russian Sculpture at the Turn of the 20th and 21st Centuries.....	233
Part V	
Actual Political Science	
<i>S.V. Biryukov</i> Post-reformism in Modern Russia: to New Strategy of Evolutionary Development	241
<i>A.A. Kovalenko</i> Political Self-determination of the Central and Eastern European Countries: Between Eurocepticism and Nationalism.....	247
Part VI	
Reviews and Responses	
<i>F.I. Girenok</i> Concerning Yu.M.Osipov's Book «Finding»	261
<i>Yu.M. Osipov</i> Post-reformism and Development.....	263
<i>V.P. Okeansky</i> Competences without Competence: New Threats to Education Quality.....	266
<i>P.N. Evstratov</i> «We Remember ...»	269
<i>B.H. Yerznkyan</i> Paradigmatic Knowledge	275
Scientific Life	
<i>T.S. Soukhina</i> System Evolution and New Shape of United Europe.....	283
<i>V.F. Shapovalov</i> Characteristic Features and Peculiarities of the Russian Civilization	289
Our Authors	300

—

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Ю.М. ОСИПОВ

Уроки Макиавелли — уроки для всех: заблудших правителей, разуверившихся народов, запутавшихся мудрецов

(к 500-летию написания великим итальянцем Никколо Макиавелли не устаревшего в веках и ныне остро актуального многослойного, многоумного и искрометного произведения под названием «Государь»)

Аннотация. Рассматривается политологическое учение великого итальянца Никколо Макиавелли в свете современности (в связи с 500-летием написания им неустаревающего труда «Государь»).

Ключевые слова: Макиавелли, макиавеллизм, власть, государство, политика, политология, современная Россия.

Abstract. The article concerns great Italian Niccolo Machiavelli's the politological doctrine in the light of the present (in connection with the 500 anniversary of creating eternal work «The Prince») is considered.

Keywords: Machiavelli, machiavellism, the power, State, policy, political scienia, modern Russia.

О любом великом ренессансном писании и его досточтимом авторе, а в данном случае — Макиавелли с его назидательными сочинениями, можно говорить и говорить, как, собственно, и молчать-молчать, отмечая вслух или про себя необычайное богатство вольно разлитой по произведению мысли, красоту и четкость примененного языка, меткость умело встроенных в текст сентенций, убеждаясь постранично в неуязвимости и неуязвимости смелых авторских утверждений, поражаясь пронизательности, дальнозоркости и мудрости своевольного писателя-мыслителя, — и что особенно замечательно — без никакой со стороны Макиавелли врожденной тщеславности, едва скрываемой личностной уязвленности или же подгоняемой высокомерием дерзости, не говоря уже о пресловутой аморальности. Вряд ли сейчас найдется в мире хоть один раскрученный политолог, для которого такое странное для современной политологии понятие, как «доблесть», столь же дорого, значимо и употребимо, как для Макиавелли, причем не касательно участия какого-нибудь героя в отчаянной вооруженной схватке, в гашении страшного городского пожара или в рискованном плавании на утлом суденышке по взбунтовавшемуся Средиземному

морю, а применительно всего лишь к текущему отправлению государственности и повседневному народному бытованию. Так что говорить о Макиавелли и его примечательном труде, как и глубокомысленно о них умалчивать, можно и в самом деле много, по-разному и без всякой надежды на окончательный приговорный итог, но лучше все-таки, разбираясь с ними, сначала предоставить слово самому смертному создателю бессмертных произведений, попытавшись при этом вдуматься во все им и в них сказанное и постаравшись это сказанное понять, — и уже после этого соотнести выстраданное когда-то бесстрастным, вполне и доблестным, автором с преходящей вселенской актуальностью, вовсе не слишком далеко ушедшей в своих политико-экономических заботах, деяниях и происшествиях от современной славному гражданину Макиавелли коварной турбулентной реальности.

Итак, слово Никколо Макиавелли — политику, мыслителю, мужу! Поехали!..

Никколо Макиавелли. Государь. Избр. соч. М., Худ. лит-ра., 1982.

С. 304. Всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

С. 308. Если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден (коррупция в современной России. — *Ю.О.*), то никакое снадобье уже не поможет.

С. 310. Нельзя попустительствовать беспорядку ради того, чтобы избежать войны, ибо войны не избежать, а преимущество в войне утратишь.

С. 311. Горе тому, кто умножает чужое могущество, ибо оно добывается умением и силой, а оба эти достоинства не вызывают доверия у того, кому могущество досталось.

С. 317. Все вооруженные пророки побеждали, а все безоружные гибли.

С. 318. Тем, кто становится государем милостью судьбы, а не благодаря доблести, легко приобрести власть, но удержать ее трудно.

С. 319. Если основания не заложены заранее, то при великой доблести это можно сделать и впоследствии, хотя бы ценой многих усилий зодчего и с опасностью для всего здания.

С. 324. Люди мстят либо из страха, либо из ненависти. (Из зависти тоже. — *Ю.О.*)

Там же. Заблуждается тот, кто думает, что новые благодеяния могут заставить великих мира сего позабыть о старых обидах. (В особенности от унижений, которые никогда, никем и никому не прощаются. — *Ю.О.*)

С. 329. Государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале.

С. 330. Государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут.

Там же. Государь... не просит, а приказывает...

С. 331. Мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, — только тогда он сможет положиться на их верность.

С. 348. Государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости.

С. 349. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят (государя. — *Ю.О.*) одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх (*Ю.О.* — или внушающую почтение неопределенность).

Там же. ...Вполне можно внушить страх без ненависти.

С. 350. Любят государей по собственному усмотрению, а боятся — по усмотрению государей.

Там же. ...Важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных.

С. 354. Кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников.

С. 354. Из всех способов предотвратить заговор — не навлекать на себя ненависти и презрения подданных.

С. 355. Не ожесточать знать и быть угодными народу... это принадлежит к числу важнейших забот тех, кто правит.

С. 356. Дела, негодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные — исполнять сами.

С. 357. Добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными.

С. 363. Крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола; и если в мирное время они полезны государю, так как помогают ему держать в руках подданных, то в военное время пагубность их выходит наружу.

С. 365. Когда народ берется за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы.

С. 367. Государи... должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям.

С. 371. Добрые советы, кто бы их ни давал, рождаются из мудрости государей, а не мудрость государей рождается из добрых советов.

С. 373. Судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям.

С. 375. Натиск лучше, чем осторожность, ибо фортуна — женщина, и кто хочет с ней сладить, должен колотить ее и пинать, — таким она поддается скорее, чем тем, кто холодно (и нерешительно. — *Ю.О.*) берется за дело.

С. 377. Бог не все исполняет сам, дабы не лишить нас свободной воли и причитающейся нам части славы.

Там же. Если ваш славный дом пожелает следовать по стопам величайших мужей, ставших избавителями отечества, то первым делом он должен создать собственное войско.

Никколо Макиавелли. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Избр. Соч. М., Худ. лит-ра., 1982.

С. 381. ...Слабости, до которой довела мир нынешняя религия.

С. 388. Люди поступают хорошо лишь по необходимости; когда же у них имеется большая свобода выбора и появляется возможность вести себя как им заблагорассудится, то сразу же возникают величайшие смуты и беспорядки.

С. 389. Хорошая армия имеется там, где существует хороший политический строй, и хорошей армии редко не сопутствует счастье.

Там же. Из римских смут (в Древнем Риме. — *Ю.О.*) происходили не изгнания или насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу. (При добром народе, еще не разнузданном. — *Ю.О.*)

С. 395. Если бы римское государство было более спокойным... оно оказалось бы также более слабым, ибо отрезало бы себе путь к тому величию, которого оно достигло. Таким образом, пожелай Рим уничтожить причины смут, он уничтожил бы и причины, расширившие его границы.

С. 398. Совершенно необходимо, чтобы один-единственный человек создавал облик нового строя и чтобы его разумом порождались все новые учреждения... И никогда ни один благоразумный человек не упрекнет его, если ради упорядочения царства или создания республики он прибегнет к каким-нибудь чрезвычайным мерам.

С. 405. (Наводя порядок в Древнем Риме. — *Ю.О.*) ...обратился к религии (идеологии. — *Ю.О.*) как к вещи совершенно необходимой для поддержания цивилизованности.

Там же. Римские граждане гораздо больше боялись нарушить клятву, нежели закон, как те, кто почитают могущество бога превыше могущества людей. (А потом боги отвернулись от римлян, когда римляне отвернулись от себя. — *Ю.О.*)

С. 405. Насколько религия помогала командовать войсками, воодушевлять плебс, сдерживать людей добродетельных и посрамлять порочных.

С. 406. Мудрецы... прибегают к богам.

Там же. Религия была одной из первейших причин счастья Рима.

С. 407. Соблюдение культа божества является причиной величия государства, точно так же пренебрежение этим культом является причиной их гибели.

С. 409. Если бы князья христианской республики сохраняли религию в соответствии с предписаниями, установленными ее основателем, то христианские государства и республики были бы гораздо целостнее и намного счастливее.

Там же. Кто рассмотрит основы нашей религии (христианства. — *Ю.О.*) и посмотрит, насколько отличны ее нынешние (конца Средневековья. — *Ю.О.*) обычаи от стародавних, первоначальных, придет к выводу, что она, несомненно, близка либо к своей гибели, либо к мучительным испытаниям.

Там же. Дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии... Где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного... Мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле. Но мы обязаны им еще и гораздо большим, и сие — вторая причина нашей гибели: церковь держала и держит нашу страну раздробленной.

С. 410. Не будучи в силах овладеть всей Италией и не позволяя, чтобы ею овладел кто-нибудь другой, Церковь была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества господ и государей.

С. 411. Не познавший свободы народ... является не чем иным, как грубым животным, которое мало того что по природе своей свирепо и дико, но вдобавок вскармливалося всегда в загоне и в неволе; будучи случайно выпущенным на вольный луг и не научившись еще ни питаться, ни находить места для укрытия, оно делается добычей первого встречного, который пожелает снова надеть на него ярмо.

Там же. ...Вскоре снова склоняет (дикий, неразвитый народ. — *Ю.О.*) выю под иго, зачастую оказывающееся еще более тяжким, нежели то, которое он только что сбросил.

С. 412. Выгоды от свободной жизни никем не признаются, пока они не отняты; заключаются же они в возможности свободно пользоваться собственным добром, не опасаться за честь жены и детей, не страшиться за свою судьбу; но ведь никто никогда не сочтет себя обязанным тому (законопослушному. — *Ю.О.*), кто его не обижает.

Там же. Лучшее средство для государя — попытаться сделать народ своим другом.

С. 413. Все члены их (городов. — *Ю.О.*) прогнили.

Там же. Там, где материал не испорчен, смуты и другие раздоры не приносят никакого вреда, там же, где он испорчен, не помогут даже хорошо упорядоченные законы, если только они не предписываются человеком, который с такой огромной энергией заставляет их соблюдать, что испорченный материал становится хорошим.

С. 421. Кто хочет преобразовать старый строй в свободное государство, пусть сохранит в нем хотя бы тень давних обычаев. (Как советский гимн в постсоветской России, к примеру. — *Ю.О.*)

С. 425. Опыт показывает, что диктатура всегда оказывалась полезной... Ибо без подобного учреждения город'а (республики. — *Ю.О.*) с трудом справились бы с чрезвычайными обстоятельствами.

С. 426. Республики, которые в минуту крайней опасности не прибегают к диктатуре... неминуемо погибнут.

С. 427. Люди могут желать всего, но не могут всего достигнуть.

С. 428. В хорошо устроенных республиках все общество — богато, а отдельные граждане — бедны.

С. 430. Жадность и надменное честолюбие грандов столь велико, что, если город (республика. — *Ю.О.*) не обуздает их любыми путями и способами, они быстро доведут этот город до гибели.

Там же. Если повременить и выждать, зло либо придет позднее, либо, со временем, исчезнет само собой.

С. 431. Там, где существует равенство, невозможно создать самодержавие, там же, где его нет, невозможно учредить республику.

С. 433. Дабы стало совершенно ясно, кого обозначает слово «дворянин», скажу, что дворянами именуются те, кто праздно живут на доходы со своих огромных поместий... Подобные люди вредны во всякой республике и в каждой стране... подобная порода людей — решительный враг всякой гражданственности. (И рантье тоже. — *Ю.О.*)

С. 435. Плебеи в массе своей крепки и сильны, но по отдельности слабы.

С. 436. Взбунтовавшимся массам... — надобно сразу же избрать из своей среды вождя, который бы направлял их, поддерживал их внутреннее единство и заботился об их защите.

С. 440. Народ постояннее и много рассудительнее всякого государя. Не без причин голос народа сравнивается с гласом Божиим... Благодаря какой-то тайной способности народ ясно предвидит, что окажется для него добром, а что — злом.

Там же. Народ Рима (еще не развращенный, добрый. — *Ю.О.*) настолько ненавидел титул царя, что никакие заслуги гражданина, домогавшегося этого титула, не могли спасти его от заслуженного наказания.

Там же. Народное правление (народа развитого и неразвращенного. — *Ю.О.*) лучше правления самодержавного.

С. 441. Государь, который способен делать все, что ему заблагорассудится, — безумен, народ же, который способен делать все, что ему угодно, — не мудр. Однако если мы сопоставим государя, уважающего закон, с подчиняющимся законам народом, то убедимся, что у народа доблести больше, чем у государя.

Там же. С дурным государем поговорить некому — для избавления от него потребно железо.

С. 442. Жестокость народных масс направлена против тех, кто, как опасается народ, может посягнуть на общее благо; жестокость государя направлена против тех, кто, как он опасается, может посягнуть на его собственное, личное благо.

Там же. Неблагоприятные народу мнения о нем порождены тем, что о народе всякий говорит плохое свободно и безбоязненно даже тогда, когда народ стоит у власти; о государях же всегда говорят с большим страхом и с тысячью предосторожностей.

Теперь можно остановиться, передохнуть, призадуматься и... ехать дальше, имея в размыслительном заглавнике своем все высказанное для нас суперзвездным политтехнологом Никколо Макиавелли.

Государя, как и князя, может, сегодня кое-где по миру и есть, но в передовом западном мире их уже нет, ибо передовой постренессансно-постмодерновый мир постарался от реальных государей-князей, — авторитарщиков и самодержцев, властелинов и диктаторов, — к XXI в.

совершенно избавиться, чего не скажешь об иного рода властителях, или властей предержавших, и правителях, или управление держащих, предпочитающих находиться, как, собственно, и во время Макиавелли, в тени, выставляя на свет божий вместо себя и под видом себя всего лишь всецело зависимых от них менеджеров-управленцев: президентов, премьеров, даже и королей с королевами, как и глав всяких «независимых» международно-наднациональных учреждений вроде ООН, МВФ или ВТО..

Так что все высказанное Макиавелли предназначено сегодня не столько реальным государям-князьям, сколько по преимуществу тайным властителям-правителям мира земного и в некоторой мере легальным «руководителям» стран и народов.

Касательно народов, о которых весьма пекся Макиавелли, будучи в общем-то по своим политическим морально-политико-управленческим предпочтениям *народовластцем*, то они ныне вовсе нигде не правят, хотя и местами отвечают на закрыто-открытое управление сверху некоторым заметно-незаметным давлением снизу, а то и, как легко и точно предвидел великий реалист Никколо, попросту восстанут против слишком собою занятых властей предержавших — не без, как тоже предвидел великий Никколо, помощи извне — от таких же, но более гибких и ловких, властителей-правителей.

Относительно же мудрецов, которые ныне в передовом мире не так уже мудрецы, как попросту эксперты, можно сказать, что они служат либо властям предержавшим, либо самим себе, но менее всего народам, — хотя некоторые из них — единицы! — пытаются кое в чем разобраться и кое-что публично искренне сказать, но должного понимания и соответствующего отклика почти не встречают — не до них нынче погрязшим в потреблении и гедонизме массам, уже свершившим в передовом мире свое обыденно-обывательское восстание.

И однако наш ренессансный мыслитель нисколечко не устарел в своих чудесных выкладках, уча и вдохновляя воистину сильных и уже воистину целого мира сего (уже планетарного), хотя и не с тем вовсе знаком, о котором сам он когда-то грезил — в пользу утверждения и процветания государств, народов, наций, причем в деловом и творческом единении властных кругов и подвластных им масс либо же властвующих масс и подвластных им аристократий, а совсем с другим знаком, им вполне и осуждавшимся — в угоду любого уровня, ранга и центра властителей всего человеческого бытия, включая всю земную природу, все планетарное человечество и даже весь близлежащий к Земле космос.

Нравится это кому-то или нет, но именно на такого пошиба властителей сработал в итоге Макиавелли, вложив в их архитектурские голо-

вы безотказное управленческое оружие, принятое ими без всякой благодарности к первому политтехнологу Европы, но зато постоянно применяемое с неослабевающей энергией и непроходящим цинизмом, о котором гуманный Никколо даже не мог и во сне подумать.

Что же *такого* подарил Макиавелли властям предрежащим?

Да не что иное, как убеждение в том, что для эффективной реализации власти и процветания властного господства *все средства хороши*, — и всего лучше, ежели об истинности такого вот управления знают совсем немногие, а многим пусть достается лишь надежно запечатанное ложными мифами о нем незнание. И вот это-то властительное лукавство и стало называться «макиавеллизмом», хотя сам Макиавелли, идя невольно на одобрение крайних, даже весьма и низковатых в аспекте морали мер, считая их на какой-то момент остро необходимыми и неминуемыми, думал совсем о другом — о *пользе для всех*: государей, аристократии, народов, или же, наоборот — народов, аристократии, государей, рассматривая страны-народы вместе с их аристократией и государями как единый и преданный себе жизнетворный организм.

Чем-чем, но классовым, клановым, местечковым или личным эгоизмом пламенный ренессансный идеолог эффективной государственно-гражданской политики уж никак не страдал. Но кое-что упомянутое им в трактате из попросту неизбежного и явно исключительного очень пришлось по вкусу разного рода фактическим — открытым и скрытым — диктаторам (а какая власть в той или иной мере, как и в той или иной точке властного поля, не диктатура!), — и они не без удовольствия и успеха применяют это хорошо усвоенное ими и для них столь приятно-подходящее оружие на практике, почитая при этом самих себя за верных и правильных «макиавеллистов».

Сегодня повсюду мировой глобализм, устанавливающий свое брэнное господство над миром. Глобализм — это не столько интеграция друг в друга стран и государств, не образование единого мирового целого, а в первую очередь глобальная власть над миром с соответствующей ей империальной политикой адекватного глобализму и им ободряемого мирового правительства. Это-то мировое правительство (какое бы оно ни было на самом деле по облику, структуре и составу) и проводит в мировом масштабе хорошо им усвоенное и в то же время дурно воспринятое Макиавеллиево учение.

Но что примечательно: не менее изощренной Макиавеллиевой по алгоритмам контригрой амбициозному глобализму отвечает ныне весь, как бы уже чуть ли не подглобальный, мир. Макиавелли ведь читают всюду, находя параллели и со своими местными теоретиками-мудрецами, весьма и древними, как в Китае, Индии, Иране, а потому

наш возрожденческий гений учит сразу всех, — тех и этих, как и учат всех сегодня, вольно или невольно, глобалические «макиавеллисты».

В итоге же: *игра* и *контригра*, и обе, знаете ли, без правил, но зато с неизбежными выигрышами и проигрышами, сокрушительными поражениями и пирровыми победами. Большая всемирная «макиавеллическая»-де игра, в которой азартно участвуют хорошо известные, не очень известные и нарочито неизвестные геополитические игроки, среди которых полно хитроумцев, как и хватает дурачков, есть удачники и неудачники, как и нейтральщики, но нет еще никакого, прямо по Макиавелли, окончательного победителя, ибо такового и быть не может — тоже по Макиавелли!

Среди игроков и Россия, вовсе не из последних и даже не из средних, а прямо-таки из первых, хотя и с переменным для себя успехом, иной раз и с крутым, знаете ли, неуспехом, но с завидным со времен Петра Великого постоянством и, что главное всего, упорством.

Если обратиться к недавнему — прошлого века — историческому опыту, то Россия — вместе со своими правителями, а лучше бы сказать — российские правители вместе с Россией, вела себя в Макиавеллиевом аспекте по-разному, то терпя поражения, то одерживая победы, следственно, то следуя советам яркого политического и военностратегического мыслителя, то им не следуя, а то просто лишь пытаюсь следовать, даже очень стараясь, но либо безрезультатно, либо очень затратно, либо вовсе не с тем итогом, к которому-де стремилась. Россия — игрок, и игрок более чем странный, как не имеющий вполне ясной для себя своей собственной цели, так и ведущий малопонятную для себя и вовсе непонятную для всех остальных игроков мегаигру, которая для России игра и контригра одновременно, а для других попросту ничем определенным не представленная абстракция. И однако Россия играет, терпя поражения и одерживая победы, выигрывая и проигрывая, сбиваясь с пути и не находя прямой дороги, запутываясь и запутывая, вызывая недоумение и накликая на себя проклятия и разного рода беды. Стоит и играет, играет и вдруг падает, поднимается и вновь играет!

На рубеже XIX—XX вв. в России не нашлось властного, гибкого и непреклонного, изобретательного и эффективного, Макиавеллиевого толка правителя-государя, а более или менее подходивший под такого Столыпин не получил ни достаточной возможности, ни счастливого шанса, ни необходимого времени, — и Российская империя, давно уже разъедаемая ненужным и ставшим ей чуждым дворянством, а также сбита с пути, заторможенная и усыпленная собственным царем, лишь по именованию бывшим государем, рухнула, так и не успев эффективно отреформироваться, подкошенная опять же ненужной ей

европейской войной и по итогам двух — одной весьма нелепой, а другой ей совершенно чуждой — революций. Макиавеллиевых уроков вполне хватило тогда для геополитических противников России, а также для действовавших в угоду Европе разномастным революционерам — что сначала будто бы пробуржуазным, что потом якобы пропролетарским, но Макиавеллиевой мудрости совсем не хватило для искренних адептов Российской империи.

Россия явно проиграла тогда своим макиавеллическим друзьям-соперникам, хотя кое-кто из них получил в дальнейшем не менее макиавеллическое возмездие — от своих же то ли более последовательных, то ли более хитроумных, то ли попросту более удачливых макиавеллистов. Керенский, наверное, читывал флорентинца еще гимназистом, пряча «крамольно-циничную» книжечку от просвещенного новоевропейским гуманизмом отца, а потому и почитал себя за чуть ли не удачливого макиавеллиста, правда, затем напрочь и навзничь проигравшегося, а может, вовсе и не игравшего самостоятельно, а просто побывшего игрушкой у настоящих «макиавеллистов» — сильных мира сего; Ульянов-Ленин, о-о... он-то явно мнил себя эффективным последователем славного возрожденца, да и не напрасно, как и его товарищ по борьбе Бронштейн-Троцкий, ибо... но они ведь были захватчиками власти, чего не очень-то одобрял Макиавелли, а потому, много чего наоборот, так государями-правителями и не стали, каждый по-своему проиграв и завершив откровенно-прикровенно свою в высшей степени авантюрную политическую жизнь-игру; а самым удачливым макиавеллистом оказался в России долгое время малозаметный, хотя и с острым умом, прекрасной памятью и твердым характером, семинарист-поэт-боевик-революционер, да еще и из бедных грузин-маргиналов, Иосиф Джугашвили, ставший сначала просто Сталиным — одним из вождей большевизма, затем и великим Сталиным — единовластным вождем СССР, а после Великой Победы над фашизмом уже генералиссимусом Сталиным — вождем всех народов... то ли только народов СССР и его пламенных сателлитов, то ли... и впрямь народов (не элит, конечно!) всего мира!

Макиавеллизм Сталина был поначалу революционно-антиимперский (антигосударственный, следственно), а потом — по приходу к власти — и вполне уже, так сказать, флорентийско-римским, хотя, нужно особо заметить, каким-то очень уж *своим* макиавеллизмом — этаким сверх-, пере-, ультрамакиавеллизмом, вполне и вышедшим за рамки собственно флорентийско-римского макиавеллизма (очень уж сталинский макиавеллизм оказался во многих проявлениях отрицательным, причем масштабно отрицательным, настолько, что его легче обозначать уже не макиавеллизмом, а попросту... стали-

низмом). И тем не менее только Сталину удалось стать истинным государем — великим государем, государем-верховником, государем-державником, причем уникальным не только для российской, но и мировой истории, вершителем судеб народов и всего мира, создателем особой цивилизации со специфической идеологией-«религией», пусть и не только им придуманной и разработанной, но им все-таки реально воплощенной.

Да, невиданное по масштабам очищающее, заставляющее и гнобящее насилие — страдательное, жертвенное, кровавое, но при этом и еще более масштабный энтузиазм народных масс и интеллектуальных элит; не только почти мгновенная индустриализация страны со всеобщим образованием, но и большая наука с обновленной большой, пусть в основном и не слишком утонченной большой культурой; пусть и терпевшая поражения, но в конце концов большая и эффективная победоносная армия — Армия; пусть еще во многом отсталое сельское хозяйство, но зато созданное в кратчайшие сроки ракетно-ядерное оружие, прорыв в космос и первый в мире космонавт на околоземной орбите. Сталин оказался очень неплохим учеником славного флорентинца, причем пошедшим даже далее ренессансного учителя, хотя во многом и в антиучительском направлении. Сталин — бесспорный ученик Макиавелли, но вовсе не прямой и однозначный его последователь: Сталин — сам себе Макиавелли, и его — сталинский макиавеллизм — совсем не «отучительский», — для кого-то, наверняка, восхитительный, для кого-то совершенно ужасный, но... увы... состоявшийся!

Сталин не во всем пошел за Макиавелли, да и не особенно к этому стремился, он предпочел свой макиавеллический-де путь, причем очень здесь, так сказать, «сусердствовал», хотя это и было, наверное, в положении Сталина совершенно необходимым. Сталин выбрал не что иное, как *тотальный тоталитаризм*, о котором мальчишка Макиавелли даже подумать не мог, — и именно этот сталинский тоталитаризм и сослужил Сталину, позволив себе это сказать, добрую службу в чрезвычайные апокалиптические годы, но при этом стал главным и, как выяснилось, непреодолимым препятствием на пути страны уже во времена обыкновенные, не чрезвычайные и не апокалиптические, а мирные, обывательские, «процветанческие». Макиавелли не только не был тотальным тоталитаристом, но всячески подчеркивал необходимость достижения для мирного времени организменной гармонии в государстве, обществе, нации.

Сталин оказался со своим сталинизмом как бы чрезмерным макиавеллистом, вчистую забывшем о Макиавелли как глашатае свободы, народовластия и социальной гармонии. Цивилизацию-то новую Сталин создал, — вполне, знаете ли, ордынско-вавилонскую, то бишь эта-

то-рабскую, — а вот возможностью бессрочного исторического бытования ее не снабдил, да и не мог снабдить, хотя и чувствовал, что что-то уже другое победившей и мирной стране было остро потребно, ибо при попытке такого снабжения Сталину и его последователям пришлось бы... отказаться... от... этой самой сталинской цивилизации! Сталин со товарищи оказались тут неважными (дурными!) учениками Макиавелли, а нового титана-преобразователя СССР во что-то другое, как раз более макиавеллиевское, не нашлось, да и не могло найтись — время титанов прошло, а нетитаны на то и нетитаны, чтобы ничего великого не совершать, но зато подбросить человечеству что-то невозможимо плоское, мелкое и гиблое.

Распадение СССР, ликвидация мировой соцсистемы и международного коммунистического движения, как и последующие за этим «рыночные реформы» — деяния уже не мужей-титанов, а... ох!.. лучше, наверное, помолчать... так... мелюзги подковерной, этаких невозмутимых наглецов-реформаторов, или же реформаторов-подлецов — разрушителей, присвоителей, наживщиков, паразитариев, но никак не создателей, не строителей, не работников, не жертвователей? Анти-сталинский вроде бы разворот, да вот не вверх, а вниз, не к небесам, а прямо в преисподнюю, — и все это, чтоб... поскорее насытиться — деньгами, золотом, капиталами, богатством, потреблением, гедонизмом, гламуром, бездельем, развратом.

Тут уж никакого тебе макиавеллизма, — один лишь бессовестный обман, одна беззастенчивая ложь, один наглый нахрап! Захват, распродажа, сдача, раздача, распад, растрение — это ведь никакой не макиавеллизм, а его прямая противоположность, — и всякое упоминание о макиавеллизме в координатах 1990-х не просто неуместно, но и крайне оскорбительно для пронизательного и мужественного ренессансного мыслителя. Макиавелли выступал лишь против тех якобы добрых намерений, как и ничегонеделания, которые вели прямо в земной ад, но он никак не был апологетом самих по себе злых намерений и гнусных деяний, как раз и устраивающих прямо на земле невыносимый в моральном отношении ад. Нет, Макиавелли, хоть и не певец рая, но и не адвокат ада, — он всего лишь провозвестник ведущей к социальной гармонии гражданско-государственной *доблести!*

Совсем не макиавеллистский по сути и целям ельцинизм как свалился на Россию внезапно, благодаря предательству, ничегонеделанию и растерянности совсем не доблестных тогдашних «властей предержащих», так же внезапно и смылся из виду, хотя насовсем, как зло-вредная короста, не исчез. Спасший, пардон, свое недоблестное тело, «всенародно избранный» управитель, он же преступник, разоритель и обманщик, выторговавший для себя и своей замечательно корыстной

семьи гарантии не преследования по закону и сохранения всего нажитого «непосильным трудом» имущества, — никакой вовсе не гениальный макиавеллист, как это хочется кое-кому представить, а совсем наоборот — аморальный антимаккиавеллист, причем очень худого порядка. Дурной, хотя на тот момент и вполне эффективный, предводитель дурной части российского населения, как и действенный опекун совершенно дурной для страны реформы. Ничего от действительного макиавеллизма тут нет, а есть лишь бессовестное искажение оно, что и нашло подтверждение в катастрофически античеловеческих следствиях разудалого реформирования и получает стабильное подтверждение в той «любви», которую питает российский народ к своему недавнему управителю из Кремля. Что же касается выдачи ему гарантий в обмен не столько на кремлевскую власть, сколько на возврат страны к нормальной государственности, то этот шаг может быть принят и за вполне макиавеллистский, что пусть и не скоро, и не очень твердо, но все-таки подтверждается, — во всяком случае это был мудрый на тот момент шаг — частная несправедливость в обмен на общее, пусть еще только возможное, выживание. Вряд ли бы хитроумный возрожденец не одобрил бы это само по себе скверное деяние, точнее — необходимость такого деяния — со стороны нового кремлевца.

История вообще, а уж история такой внеисторической (или же сверхисторической) страны, как Россия, тем и хороша, что она не стоит на месте, хотя вроде бы даже повторяется, — и не останавливаясь на месте, даже и в чем-то повторяясь, всегда предлагает что-то новое, а новое на то и новое, чтобы отрицать старое, следственно, новое в чем-то непременно противоположно старому, хотя без возвратного обращения к старому новое тоже не обходится, ибо история как непрерывна, поточна и текуча, так и вихревата, турбулентна, круговертна. Поначалу любое революционно новое выглядит агрессивным отрицанием старого, оно как бы полностью разделяется со всем предшествующим, круша его и уничтожая. Но все это до поры до времени: неизбежно не только сохранение многого из старого, но и кое-какой рванш этого многого из старого, хотя и в каком-то вынужденно-свободном единении с новым. В итоге всегда возникает синтез нового и старого (как и старого и нового), и этот-то синтез, ежели он оказывается жизнеспособным, в текущем бытии, как правило, и утверждается.

2000-е гг. в истории России — время нащупывания жизнеспособного синтеза между экстравагантно новым и обыденно старым, поиска между тем и другим приемлемого для обеих сторон эффективного компромисса. И ничего другого в политико-поведенческом и перестроечно-измененческом аспектах для действующей власти и управляемого ею населения, кроме действительного макиавеллизма, предпо-

ложить было невозможно. С ельцинским дурным антимакиавеллизмом пришлось решительно, хотя при этом внешне и вкрадчиво, покончить и заняться, тоже весьма прикровенно, собственно макиавеллизмом, причем независимо от того, сознавали это новые власти предержажшие или нет.

Макиавеллизм — это не только проблема субъективного выбора, это еще и настоящая объективная потребность. Никакой тут вкусовщины: либо ты макиавеллист и *добрый*, по терминологии Макиавелли, правитель (вовсе при этом не добренький!), либо ты антимакиавеллист и правитель, опять же по подходу Макиавелли, *дурной*, вполне и злобенький.

У российских властей предержажших двухтысячного периода не было никакого иного выхода, кроме умного, расчетливого и размеренного макиавеллизма, — чем, собственно, послеельцинская власть и занялась, запустив в общество первый публичный знаковый сигнал — возвращение усердно униженной и потрепанной стране *гимна СССР*, пусть и с подправленными словами, но... *гимна великой державы* — торжественного, победоносного и вдохновляющего!

Так изрядно подзабытый в позднесоветское время и фактически отвергнутый в лихие и беспросветные 1990-е гг. макиавеллизм вернулся в российскую политическую практику, — аж со времени товарища Сталина — вождя-диктатора и правителя-властиеля, но вернулся уже не в сталинской интерпретации, а... тут мы уж помолчим... в общем... в совсем *иной* интерпретации, ибо ни тебе мирового революционного движения, ни массовой и действенной партии, ни увлекающего элиты и массы вечно живого учения, ни даже вездесущего и непреклонного ГПУ... ничего такого, да и бодрый капитализм с финансизмом в стране, и могучий глобализм по всей мировой округе, и недремлющий «вашингтонский обком» на стреме, и новая информационная цивилизация со своей всеохватывающей паутиной сетью, и всепроникающий, пошлый и разлагающий постмодернизм, и открытые границы со свободой любого из возможных передвижений... да мало ли еще что явилось, было теперь и действовало, вовсе при Сталине и не бывшее.

Хотя сталинский урок действенного макиавеллизма не мог не учитываться послеельцинской властной верхушкой, ибо ей, как и Сталину, пришлось восстанавливать самость и самостоятельность страны, ее великодержавность и историческую субъектность, но также и восстанавливать порядок, структурность, системность, в общем — *государственность*, но, разумеется, без всякого уже захода на какой-либо, кроме денежно-потребительского, тоталитаризм.

Синтез тут нового со старым, как и у Сталина, но цели, задачи и методы при этом иные, что не значит, что совсем уж «добренькие».

Сложно, неоднозначно, неопределенно, противоречиво, туманно, конспиративно, сомнительно, лукаво... э-э... что тут еще добавить... но ведь идет, идет этот макиавеллический процесс (без «процессов»!), и идет в сторону восстановления государственности, обновленного становления страны, утверждения многого нового, подтверждения кое-чего из старого, — и уже вне разудалой революции и без твердолобой реставрации.

Можно критиковать, возмущаться, сокрушаться, негодовать, как и недоуменно безмолвствовать, называть нынешнюю политику властей предержавших двуличной, блудливой, изменнической и какой еще угодно, но не признавать ее макиавеллического — в добром макиавеллиевском смысле! — характера уже никак нельзя. Вполне возможно, что это не *та* политика, которая-де нужна стране, но она — эта самая макиавеллическая политика — в России все-таки есть, мало того, она уже дает свои плоды, как раз... вполне и добрые плоды — почти что по Макиавелли!

Как бы то ни было, но Россия—2013 это Россия сосредоточивающаяся, поднимающаяся, беременная новой исторической перспективой, ищущая нового развития — не так в производительную ширь, как в творческую глубину, с выходом на новый интеллект, а вслед за этим и новое сознание, на нового российского человека — члена обновленной великой нации и гражданина воскресшей великой державы.

Ерунда, заметят скептики, ничего подобного не происходит, это не более чем наивно желаемое, принятое за действительное, — и со своей стороны будут правы, ибо состояние страны в целом и в видимой реальности никак не отвечает столь оптимистической оценке. Однако надо видеть не одно только все еще болезненное поверхностное целое, явное, феноменальное, но замечать и кое-что не столь явное, внутреннее, глубинное — на уровне еще сокрытых энергий и потаенных пока сил, как и узреть среди поверхностной неразберихи выстраивающуюся в ней и через нее системообразующую устремленность. Неявное стремление, невыраженная потенция, глухие намерения важнее и сильнее сегодня любой бросающейся в глаза поверхностной нелепости. Ничего не поделать: время разбрасывать камни и присваивать эти последние частными лицами прошло (или проходит?), наступило (или наступает?) время собирать камни и строить из них общенациональный дом.

И власть, сознавая это, разворачивает управляющую структуру, деловые круги и работные институции, ресурсы, сознание, труд и творчество, в общем — всю страновую демиургию, к созиданию Новой России, еще, быть может, только помысленной и вовсе еще не проектной, но уже призрачно (призраком!) явившейся и по стране, знаете ли,

уже бродящей. Власть, хочется это ей или нет, разворачивает Россию... к России, отворачивая ее как от победительного Запада, так и от готовящейся к мировому геополитическому прыжку Азии, вовсе не избегая взаимодействия с Западом и Азией, а лишь опасаясь растворения России в Западе или в Азии, ибо такова воля исторического провидения относительно, может, и заблудшей в потемках на срок, но уже выбирающейся на исторический свет России, того самого провидения, которого-де нет для чересчур вестернизированных ученых, но которое обязательно есть для постнаучных метафизиков, как это и было для великого итальянского разумника — Макиавелли!

Что такое действительный, а не придуманный кем-то, макиавеллизм? Вроде бы тонкий расчет и решительное действие, не исключаяющее и чрезвычайку с беспощадностью, однако, что всегда почему-то забывается... ради благополучия всего социального организма в целом и всех его — этого организма — элементов и частей. Спрашивается, где же тут метафизика, если на виду фактически одно рации? Оставив в стороне проблему метафизики самого рации, укажем на другое — на само стремление действительного государя-владельца, правителя, а иной раз и... попросту тирана — к устройению не своего личного, а общего для всех государственно-гражданского благополучия. Разве это не метафизическое стремление? Как и сам возможный процесс его фактической реализации? И дело тут вовсе не в том, что разумный государь обращается к религии, а в том, что само его государственно-гражданское деяние есть... религия, ибо обращений лишь к пользе и выгоде тут явно недостаточно. Государь улавливает посредством своей личной метафизики, включающей и метафизику властвования, метафизику управляемого государем мира и, управляя этим миром, государь действует сначала и в основе как метафизик, а потом уже как конструктор, архитектор, полководец, инквизитор, даже и палач. Есть она — метафизика власти, управления, государствования, вообще политического хозяйства, — есть! — и от нее никому и никогда не уйти — ни государю, ни народу, ни обществу, ни истории!

Россия — страна... э-э... державной и самодержавной метафизики, вовсе не народоправской, а на западный манер — не демократической, точнее — не плутократической, не игрократической, не лжекратической (где «плуто», «игро» и «лже» вовсе не гнусности какие-то, а необходимые практические институции, вроде тех же «блошиных рынков» или отхожих мест). И в России *государь* — совсем не пустое и даже не просто образное слово, это — факт, причем совершенно, знаете ли, не патологический. Обычно это первое лицо во властной структуре, как бы это лицо конкретно ни называлось! Великий князь, царь, император, вождь, генеральный секретарь, председатель правительства, пре-

зидент. Макиавелли, будучи сам по себе приверженцем народовластия, размышлял все-таки более всего о властном институте, называемом устно или письменно как раз государем, ибо не был он свидетелем особенно эффективных демократий, но зато был свидетелем эффективных, не очень эффективных и неэффективных государей вкупе с их благополучными, не очень благополучными и неблагополучными домами-государствами.

Размышления Макиавелли всего более адекватны как раз российскому историческому бытию, где государь это государь, а народ это народ, где государь над народом и ради народа, а народ под государем и вместе с государем. И дело тут не в том, хорошо это или плохо, а в том, что это *так*, что не исключает ни возможности доброго государя с добрым народом, ни дурного народа с дурным государем, ни еще какой-нибудь замысловатой комбинации. Либерализация и демократизация на западный манер вроде бы возможны в России, но, увы, вовсе не действительны, что не исключает разных практических реализаций державности, самодержавности и народоправства: как более, так и менее либеральных, как менее, так и более диктатных. Тут все зависит от обстоятельств и общих текущих состояний, от межсогласованности и гармоничности составляющих социо-государственный организм начал, от зрелости и культурности народа, от силы гражданственности, но в немалой степени и от личности государя и его умения справляться со своей державной миссией.

Искусство эффективного управления большими системами в интересах всех — вот что в центре внимания Макиавелли, для которого, заметим, ценность социума, народа, нации, государства выше ценности... государя! Не общество у Макиавелли служит государю, а государь — обществу, чего, конечно же, хотелось бы нынешним россиянам обнаружить в своей собственной стране.

Макиавелли различает внутренние и внешние аспекты бытия любого общества-государства, соответственно различает по этому же принципу и государственную политику, включая и действия самого верховного принцепса, к сознанию и интеллекту которого мыслитель неустанно обращается. И политическая жизнь современной России идет этими же двумя потоками, тесно взаимосвязанными, но и достаточно различающимися. Россия в мире и с миром, как и мир в России и относительно России — это одно, а Россия в России и сама же она против России — это другое. Россия внутренняя и Россия внешняя, — и коль скоро 2012 г. не 2000-й и тем более не 1991-й, что означает уже не падение и угасание, а кое-какое все-таки восстановление страны, еще и с перспективой подъема и развития, то нынешнее безнадежно-обнадеживающее состояние-движение России предпочтительно рас-

смаатривать в указанных двух аспектах — внутреннем и внешнем, как и положено это делать любому заботящемуся о своей стране государю, будь он при этом макиавеллистом или нет (заметим, что всякий действительный правитель всегда в той или иной мере макиавеллист, даже ежели книжки ренессансного политического теоретика никогда в руки не брал, чего, конечно же, быть все-таки не может).

Внутреннее восстановление России

Положение пореформенной России оказалось к началу 2000-х гг., что называется, аховым. Первичный захват в частные руки собственности, ресурсов, выгодных в мирохозяйственном отношении производств, вообще большей части национального богатства, их нахрапистая приватизация, были в целом успешно проведены к концу 1990-х гг., но произошло это ценой создания в стране (именно так: создания!) смуты, анархии, хаоса, а также поощрения произвола, насилия, животного страха, равным образом стимулирования тотального разрушения и саморазрушения государственной, гражданской, национальной, гуманитарной, общежитейской, социальной культуры, что означало перевод страны в режим инфернализованного бытия-небытия, погружения ее в настоящий земной ад. Разумеется, добрые люди (простецы!) всему этому сопротивлялись, как могли, выполняя свой долг перед Родиной, государством, нацией, перед культурой, цивилизацией, моралью, перед собой, близкими, семьей и человеком вообще. Они не восстали, не взбунтовались, а предпочли стоически пережить страшное, злое и вредное лихолетье, оставаясь людьми, гражданами, сторонниками законности и порядка. Им было трудно; кто-то из них приспособился к новому житию, а кто-то нет; кто-то выдюжил, а кто-то сломался, даже ушел из жизни; немало нашлось и тех, кто, не став жлобом-лжецом-преступником, предпочел покинуть взбесившуюся Россию, ища лучшей доли за границей. Потери страны были огромны, а главное, чего не было и не могло вообще быть ни в одной войне, даже гражданской, было потеряно *то*, что обычно называется нормой, порядком, сознательностью, гражданственностью, культурой, цивилизацией. Было и вдруг — не стало! По мановению чудесной палочки... с верха, из центра, из Москвы, из Кремля.

Страна, естественно, оказалась на краю погибельной бездны, что не прошло мимо внимания присвоительных реформаторов, вовсе не желавших потерять в бездне все с таким гнусным, злым и безобразным рвением только что обретенное — собственность, богатство, возможность сытно, красиво и долго жить, влившись в давно уже преуспевший в кабальной эксплуатации населения планеты высший род человеческий — всех мировых властей и возможностей надежно-де пре-державших, как раз тех, против кого когда-то выступила вроде бы ми-

ровая пролетарская революция и явно уже товарищ Сталин со своим СССР и кто, установив союз с развращенной советской верхушкой, одержал верх над СССР и соцсистемой, установил опеку над постсоветским режимом, вполне и компрадорским, и поспособствовал ельцинскому реформированию оторопевшей страны, отданной попросту на неоднородное десятилетнее разграбление.

Да, новая самозваная господствующая элита, понимая, что может навсегда упустить объект своего господства и источник своего... о-очень!.. даже жирного благополучия, вступила-таки на путь стабилизации нового строя, его укрепления и оттачивания, для чего избавилась от «нехорошего» первого президента с его «плохой» командой и внедрила «приличного» принцепса с более или менее «удовлетворительной» командой.

Начался пореформенный период бытия России — период отката от «жуткостей» 1990-х, срочного исправления попущенной ельцинизмом тотальной кривизны, ослабления общего социо-хозяйственного кризиса, снятия угрозы распада страны и возможности большой междоусобицы, отхода от замаячившей прямо перед носом погибельной бездны. Это было так, но это еще не означало прихода макиавеллизма, точнее, означало лишь некоторое первичное авансирование макиавеллизма, который, немного помедлив — до середины первого двухтысячелетнего десятилетия, не преминул в конце концов реально объявиться в издерганной стране. 2005-й г. — год явного обретения Россией, или утверждения в России, макиавеллиевого алгоритма внутривластной жизни.

Почему? А как раз потому, что на фоне стабилизации нового социо-хозяйственного строя и в его уже вырисовавшихся рамках ясно обозначилась борьба между разными течениями как постигнутого страну реформизма, так и самого странового бытия, ибо вопрос о действительной конфигурации нового российского строя, как и конкретного типа странового бытия, вовсе еще не был разрешен. Пошла большая игра — как раз за то или иное разрешение животрепещущих проблем: кем быть, куда идти, что делать, к чему стремиться? Мы оставляем сейчас в стороне вопрос борьбы за собственность, ее передел, за доминирование одной части владетельной элиты над другой, хотя это по-своему и весьма важно, ибо стимулирует нестабильность и перемены, нас более волнует разгоревшаяся внутриэлитная борьба за Россию, ее новый образ, ее судьбу, — и эта борьба тогда пошла и вовсю идет, причем вполне корреспондируя с макиавеллиевскими принципами, чаяниями и сентенциями.

Игроков в пространстве России хватает: своих и чужих; «добрых» и «злых»; светлых и темных; явных и скрытых, а главное — пророс-

сийских и антироссийских, а среди тех и других — либерально-демократических и авторитарно-державных, как и любых иных. Смута в мозгах и душах совсем еще не преодолена, а потому всякое тут возможно: от прозападной «гуляй-сети» до антизападной «стой-заглушки», как и их безобразных смешений. Много в стране и по ее поводу игроков, но есть среди них *один*, который... э-э... нет, конечно... еще нет... не государь вовсе, не властитель и даже не правитель, но *он* непосредственно от государства, от власти и от правления, от их метафизики, духа и идейности, их энергии, информации и силы, а также от порядка, устоев и перемен, от Реформы, Революции и традиции, от элиты, народа и Господа Бога, в общем — наверху, сверху, в центре, в ядре. И поскольку еще не государь, а может, и никогда уже не государь — другие времена, но в России и для России так или иначе парагосударь, который, будучи пусть и не полным государем, принимает, хочет он того или нет, государевы (пусть парагосударевы) решения и предпринимает соответствующие действия, как и, держа государев курс, выполняет государственную программу, им или не им задуманную, но провидчески как раз ему-то и служащую.

И этим игроком является, безусловно, *он* — президент Российской Федерации, вовсе не такой уж свободный и полновластный, как может кое-кому казаться, как и совсем не такой уж подневольный и безвозможностный, как может казаться еще кому-нибудь. Игрок, — и еще какой игрок! — выдержанный, стойкий, расчетливый, — совершенно и макиавеллический!

Не сталинское нынче время, ох, не сталинское, не большевистское, не пролетарское, да и не откровенно имперское, национальное, государственническое. Совсем запутанное время — постмодерновое! Свобода, открытость, дозволенность, а в России-то нынешней более всего как раз произвола, безнаказанности, наглости и подлости. То ли больной, то ли тлтворный, то ли падший люд, которого и понять можно, и простить, но вот как поднять его, «обладать»¹, оживить? Надо, надо, сохранив и укрепив при этом уже явившийся строй, значительно его и подправив, ибо впереди... впереди ведь никакой перспективы ни для строя, ни для страны, ни для властей, ни для всех нынешних «успешников». Унять многих надо, очистить страну, оздоровить социум!

А время-то совсем не диктатное, не то что тогда — при Сталине, хотя и ресурсы есть, и инфраструктура, и деньги; а чего нет — так это *людей*, которых не без успеха зажали, подавили, обескровили, вытеснили. Время не тружеников и творцов, а имитаторов, наживщиков, пустомелей. А делать-то надо, иначе не будет страны, строя, не будет

¹ От слова «лад».

и богатства, хотя и поделиться им надо, перераспределить только что внезапно добытое, людям воистину деловым и молодежи изобретательной дать если и не полный простор, то хотя бы устойчивый шанс. А тут коррупция, приватизация, разор! Тотальная несправедливость! Люди терпят, но... уже и не хотят терпеть, очень не хотят, — и надо идти навстречу, но как и с кем?

Политика — искусство невозможного! Кругом сплошная невозможность, хотя и не бетонная. Сражение, в ходе которого невозможное расступается и на арену выходит возможность — возможность перемен! Чрезвычайность, жесткость, крайность, а кое-где и кое с кем беспощадность. Измены, вредительства, поражения. Социума нет, нет и государства. Доблесть не в том, чтобы не обмануть врага и проиграть ему, — это не более чем глупая стойкость, доблесть в том, чтобы выиграть, пойдя на хитрость и даже жестокость, но повергнуть врага, — ежели цель, конечно, не мелко-личная (дурная), а крупно-общественная (добрая!). Чего нет сегодня, так это *доблести*, к которой столь тяготел наш мужественный флорентинец, но помимо доблести есть еще необходимость, которая неумолимо накатывает на нынешних властей предержавших, на самого президента-принцепса.

Сегодня... *момент!* — момент напряжения, потенции и перемены, ибо страна не может удовлетвориться уродливой пореформенностью и жаждет уже чего-то постреформенного — нормального, человеческого, жизнеспособного. И настоящий макиавеллист сегодня тот, кто сможет ответить на эту потребность момента, не склонного ни ждать, ни приспособливаться, ни покоряться. Постреформизм в угоду России и вырыв к развитию, понимаемому не в обычном экономико-потребительском смысле, а в большом метасмысле — как переход к новому человеку с новым бытием, вполне и трудо-творческим, морально-ответственным и солидарно-общественным. Потребна не стабилизация аномальности, а нормализация стабильности — однако позитивно и эффективно изменчивой, совершенствующейся, возвышающей. Дело тут не в финансах и конкурентоспособности, а в чувствующих свою полноценность и надобность людях, в их отыскании, поддержке, воспитании, образовании, в их вольном самоформировании — под общественную, национальную, государственную потребность, а не под поиск лишь личного благополучия, которого самого по себе ведь нет и никогда не будет, тем более в обстановке нарастающей на планете безысходной апокалиптики.

У России есть шанс вырваться из разудалой тьмы к удалому свету, как есть шанс споспешествовать этому вырыву властей предержавших, есть свой шанс совершить исторический подвиг и у главы государства, но любой шанс — еще не реальность! Социо-государственный орга-

низм не просто больной, что всегда бывает и что более или менее исправимо; тут совершенно другой случай: революционным реформизмом 1990-х создан не просто плохой, с большими недостатками и проблемами, организм, а самый настоящий *урод*, который требует не лечения, а... да, да... перевоплощения, чего можно добиться только посредством срочно-упорного трансформирования, да еще и с условием в общем-то тотального очищения.

Нет, речь идет вовсе не об организме-идеале, а всего лишь о жизнеспособном и жизнеутверждающем организме, могущем не только быть, но и развиваться.

Закрывать страну нельзя и не нужно; отправлять миллионы за решетку невозможно и бесполезно (кому и кого отправлять, да и толку-то); надеяться на бизнес-рынок и самодеятельность наивно; питать надежду на бюрократию глупо.

Им-то было тогда «хорошо»: дружинники, опричники, преобразенцы, немцы, масоны, партийцы, энкавэдэшники, жулики всех мастей (это в 1990-е), в общем — реальные движители преобразований, а вот нынче-то что и кто? Да-а, нужен движок, — это помимо капитала, корпораций, предпринимательства, администраций, спецслужб, — тот самый движок, который найдет интерес, волю и силы немедленно переориентировать национальный процесс в пользу страны и... уничтожить урода — этого жуткого чудовища, называемого ныне с трибуны пореформенной Россией, а в кулуарах именуемого более всего ельцинским монстром.

Выходит, что опорой может быть только... э-э... выходящий уже на арену новый — амбициозный, решительный, недоумевающий и недовольный! — молодой люд, которому пореформенный урод явно не нравится, который за него никак не ответствен и который готов его сокрушить ради становления общежитийской нормы. Потребен «орден меченосцев»! Ну и идеология новая нужна: «*Россия, справедливость, солидарность!*». Без лукавой демократии и тупого авторитаризма, без нарочитого гедонизма и навязчивого аскетизма. Норма, обыкновенная житейская норма, она же и здоровость, удовлетворенность, подвижность. Преодолеть разместившиеся, если не размещенные, в стране аномалии, а совсем уж отрицательные попросту уничтожить, что не означает ни общей остановки, ни топтания страны на месте, ни отсутствия обновления.

Низы уже хотят, верхи... пока не могут, но и... верхи кое-чего уже хотят, а низы... почти что уже готовы!

Слово! Потребно слово — СЛОВО! — а не риторика, — и не блестящее слово, а слово, пусть и не самое красивое, но дать житейское, человеческое, весомое.

Судьба страны, государства, наций — судьба всех!

У России не только шанс, но и реальная возможность, надо лишь осознать свое, для себя и со своим.

Никакого растворения в глобализованной среде, никакого подчинения глобальному центру, никакой потери самости. Не закрытие ото всех, но стояние среди всех; не подражание всем и вся, а самоопределение; не бестолковое заимствование, а продуманное самосозидание; не субординационное подыгрывание, а самостоятельная игра; не уступки, потери и «ухваты», а партнерская взаимовыгодность. Что говорить, сложно, трудно, тяжело, невозможно, но... если б было не так, то зачем же тогда Макиавелли со своим учением и для чего же к нему теперь обращаться?

Внешнее воссоздание России

Нынешняя Россия — не СССР, не бывшая Российская империя, хотя и не Московия вовсе. Это, безусловно, великая империяльная держава, ослабленная, нездоровая, несколько растерянная, но не потерянная — ни как страна, ни как страна великая, ни как страна судьбоносная. Бывшая совсем недавно в составе и в образе СССР одним из двух самых могущественных игроков на геополитическом поле мира, Россия, этот большой осколок от СССР, попавший в положение проигравшего-де в холодной войне соперника США и Запада, оказалась в 1990-е и первые 2000-е гг. очень уж неважным геополитическим игроком на мировой арене — травмированным, потерявшим форму, деградировавшим, не способным играть по-крупному и мастерски, вялым, уступчивым даже и презренным (брошенная на произвол глобалистской судьбы Сербия; позорное спасение подлодки «Курск»; уступленный глобализму Ирак).

С уходом Ельцина и приходом нового руководства началось, хотя и не сразу, не одним махом, воссоздание России как сильного геополитического игрока (мюнхенская речь президента России; борьба против натовского продвижения к границам РФ; происшествие с Грузией по поводу Южной Осетии и Абхазии; поддержка Ирана; наконец, неуступчивость России вкупе с Китаем относительно атакуемой извне Сирии, а также внутристрановая поддержка российской армии и ОПК, продажа вооружений за рубеж, строительство АЭС и трубопроводов за границей и т. п. вещи).

Нет, Россия еще не освободилась от «дружеской» опеки США и глобального штаба, под которой очутилась по итогам горбачевско-ельцинской разборки с СССР, соцсистемой и Россией, но явно уже пытается это сделать, играя, как кажется, совершенно и по-макиавеллистски. Помимо особых отношений с США, Европейским союзом и глобальным центром (G8), Россия поддерживает особые от-

ношения с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР, являясь членом БРИКС, а также с рядом других стран, среди которых Иран, Сирия, Венесуэла, Индонезия, но так же и Израиль, Турция, как и ряд бывших советских республик, а ныне независимых государств: Белоруссия, с которой действует союзный договор, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Армения, но также и «непризнанное» Приднестровье.

В общем, Россия сегодня уже заметный игрок в рамках мировой геополитической матрицы, причем не столько даже силовой (ракетно-ядерный потенциал), сколько... ментальный, — и оказывается Россия в роли... sic!.. выразителя кое-какой правды, защитника справедливости, защитника суверенности, опекуна слабых. И вот тут-то открывается что-то совершенно уж невообразимое: сама испытывающая лукавый гнет извне, Россия, вовсе не очень-то внутри себя процветающая, становится для людей и стран мира субъектом... *надежды*... на одоление разыгравшегося не на шутку глобального мирового супостата! И вот тут-то все проясняется, вся будто бы макиавеллиевская большая мировая игра — игра без правил, всюду ведущаяся ныне на планете Земля, включающая в себя как вполне злой империальный «макиавеллизм» глобального супостата, так и пусть и не совсем добрый, но в главном все-таки антизлой макиавеллизм той же России (что касается Китая, то его родной в свою пользу макиавеллизм — китайский «макиавеллизм» — никогда и ни у кого не вызывал сомнения в веках, не то что сегодня, он всегда был, есть и будет, а потому и требует особого рассмотрения). Единственная страна в нынешнем мире, которая может сказать что-то правдивое и жизненно важное и к которой мир внимательно прислушивается, это Россия, что хорошо сознают в кругах глобального центра, который неоднороден и весьма разен, а потому в его недрах не одна только нелюбовь к России, но и кое-какая приязнь, что и отражается на всей мировой геополитической и геостратегической игре.

Не будучи сегодня одним из двух самых могущественных игроков на мировой арене, как это было совсем еще недавно в случае с СССР и США, Россия тем не менее является не просто заметным, но одним из решающих игроков, а ежели оторваться на мгновение от внешней феноменальности и погрузиться в метафизическое мировое нутро, то, возможно, и... самым решающим... в плане, конечно, исторической эсхатологической перспективы. Люди, народы и страны, в том числе и западные, совсем не даром обращают взоры надежды на Россию, ибо чувствуют что-то такое, что не бросается в глаза бойким политическим обозревателям, видящим мелькающую перед их дипломированным носом обыденную мишуру, но не способным заметить за ней нарастающих из глубины неотвратимых потенциалов.

Мировая геостратегическая игра в разгаре, и Россия, вновь обретающая субъектный суверенитет и активно припоминающая имперский игровой навык, — в этой игре из первых ее участников, причем вовсе не только полевых, но и судейских, мало того — из авторских.

Макиавеллизм — не ремесло вовсе, а великое искусство, полное изобретательности, своеобразности, импровизационности, неповторимости, одноразовости, в общем — творчества, причем неожиданного, поражающего, внезапного, разящего — это удел немногих, точнее — единиц, хоть все хитрецы, лгуны, склизняки и подлецы и почитают себя за макиавеллистов, но никакими макиавеллистами они не являются, ибо они попросту чернь, а чернь на то и чернь, чтобы даже не понимать, что есть на самом деле Макиавелли и его макиавеллизм, обращенные к князьям, государям, правителям, властителям, да и то не ко всем, а лишь к некоторым, способным действовать в угоду общему делу и на пользу всех, исполнять поднебесный долг, не стесняясь в случае необходимости прибегнуть и к разящему противника коварству.

Макиавеллизм начисто софиен, он явно в согласии с Премудростью Божией. Только, в отличие от уставшего и разочарованного во всем царя Соломона, ничего уже от жизни не желавшего и излучавшего грустную пессимистическую мудрость, Макиавелли стоит за мудрость активную, действенную, созидательную. Макиавелли — великий оптимист, но не дурашливый оптимист, закрывающий глаза на смерть, раны, проказу, как и на низость, подлость, мерзость, а оптимист мужественный и реалистичный, сдобривающий и оправдывающий свой оптимизм волей к жизни, желанием общего блага и стремлением к преодолению зла. Подставление другой щеки под новый удар обидчика — вовсе не Макиавеллиев идеал, хотя, быть может, не его идеал и не достигающий поражения противника ответный удар: флорентинец за полное повержение противника, причем такое и тогда, когда наглец менее всего его ожидает. Аз, отмщение! Вот и Россия в ожидании отмщения за все западные над собой эксперименты, но не ударное отмщение, не прямолинейное, не тупое, а сходное с тем, что заслуженно когда-то получила Орда — гибкое, рассчитанное, хладнокровное. Не войной вовсе угрожает Россия Западу, а своим поразительным существованием, истерзанной душой, поруганным телом, выстраданным словом.

Как ни странно, но София вовсе не с благополучным и самоуверенным Западом, а с исковерканной, униженной и растревоженной Россией, ибо на благоустроенном Западе уже ничего богоугодного не выварится, а вот в ужасной России — очень даже возможно! В России есть вполне человеческий протест против всего *этого* — пореформенного,

и растет потребность в *ином* — уже постреформенном, — и хотя стране тяжело и невыносимо, она выдюжит и к этому *иному* непременно придет, ибо, бытуя в аду, много страдает, переживает, думает, но и ищет, озираясь и выворачиваясь спасительно, перебегая от одного судного дня к другому!

Post scriptum

Прекрасно осознавая потребность обвинения нас вместе со славным флорентинцем в «наивном прекраснотушии» — относительно современности, что, несомненно, будет непременно проявлено всезнающими умниками из рейтинговых университетов, заметим читателю-скептику следующее: во-первых, повнимательнее отнестись к оценке текущего момента — сегодня всем в мире тошно от нарастающей неопределенности и самонагнетающейся напряженности, даже проворным и успешным китайцам тошновато, не говоря о механических циниках с Уолл-стрита, а раз так, то мы все — богатые и бедные — перед серьезнейшими непредсказуемыми переменами; во-вторых, Россия, эта брошенная в перестроечный ад страна, уже безоговорочно желает выхода из этого ада, — и шанс такого выхода у России есть, а о самом выходе обязаны сегодня позаботиться прежде всего нынешние власти предержавшие (не могут, а обязаны, хотя и не очень-то, наверное, могут, ибо через короткое время не останется ни шанса, ни властей, а будет просто... *факт!*); в-третьих, у нынешнего российского принцепса нет уже выбора: или он как толковый макиавеллист идет навстречу потребностям очнувшейся страны и выводит ее на возвышательный путь, или же уже как маниакальный антимаккиавеллист идет навстречу сознательно призываемой бездне — как личной, так и всех вокруг него во властях упражняющихся, а это, сами понимаете, совсем никому из них не в радость; в-четвертых, есть еще помимо субъективного управляющего фактора и «ход вещей», который происходит сам по себе и лишь частично корректируется управляющим субъектом, мало того, есть еще и вовсе от управляющего субъекта и даже «хода вещей» не зависимый «ход неизвестности» (случайность, внезапность, произвол, воля Божия, чудо, промысел Господень), что означает, что потребно быть не просто макиавеллистом, а... очень мудрым макиавеллистом, учитывая все сразу, в том числе и никак не учитываемое; в-пятых, в России пришло время не почивания на пореформенных лаврах — прямо на краю бездны, а радикального поворота к отводящему от бездны постреформизму, — в противном случае ни тебе дойной российской коровы, ни тебе золотого молочка от нее, а одна лишь всеобщая, знаете ли, лажа; в-шестых, каяться надо западно-российским реформистам, каяться, возвращать награбленное, а не бежать, ибо бежать-то некуда — совсем малой и очень хорошо известной стала пла-

нета, а бессовестных грабителей нигде ведь не любят, их побаиваются и всю презирают — и не потому, что сами лучше их, а потому, что есть возможность побыть лучшим; в-седьмых, Макиавелли со своим макиавеллизмом хорош тем, что у него предусмотрено и сокрушительное поражение правителя-неудачника: Ельцин-то мог чудить и проказничать, ибо смута была и спроса никакого с «правителя» тогда не было, а вот у нынешнего руководства такой возможности уже нет, ибо смута всем уже надоела и народ чаёт порядка с нормой, а потому при внезапном завершении неловкого правления уже никаких гарантий ни для кого из неудачников не будет — прямо по Макиавелли! Вообще же не надо забывать, что есть макиавеллизм сверху, от и для верховного правящего субъекта, а есть макиавеллизм снизу — прямо от среды и для среды, и он — этот объективный макиавеллизм, никогда, как и София, не дремлет!

И.Р. БУГАЯН

Философия хозяйства и политическая экономия: тождество и различия

Часть 1

Аннотация. Современное хозяйство требует оптимального сочетания политической экономии и философии хозяйства, признающих, а не исключаящих друг друга.

Ключевые слова: философия хозяйства, политическая экономия, государство, доминантные фактор производства и товар, современное предпринимательство, цивилизационная спираль.

Abstract. The modern economy demands an optimum combination of political economy and philosophy of economy that recognize each other instead of excluding.

Keywords: philosophy of economy, political economy, state, dominant production factor and the commodity, modern enterprise, civilization spiral.

Многие направления современных общественных наук выросли из политической экономии. И Сергей Николаевич Булгаков, который подготовил диссертацию по теме: «Философия хозяйства», тоже находился на территории политической экономии и, защитившись в политэкономическом совете на соискание ученой степени, стал доктором наук (1912).

Приходится констатировать: тогдашние российские политэкономы готовы были несколько шире смотреть и на политэкономические, и на хозяйственные проблемы страны.

Защищенные мною диссертации — тоже по специальности 08.00.01 — политическая экономия (в 1974 г. кандидатская — в РГУ и в 1987 г. докторская — в ЛФЭИ (СПб.)) помогли разобраться в хозяйственных проблемах нашей страны, возникших в 1960 — 1980-е гг. Однако предложить вариант их разрешения на базе политической экономии оказалось затруднительным, если уместно назвать затруднительным то, что, как показали последующие события, было тогда невозможным.

Политическая экономия как наука возникла у античных народов, прежде всего у эллинов, в период доминирования и фактора производства человеческого происхождения — труда, и товара — рабов.

Последующее перемещение доминантных свойств от труда и рабов, собственность на которых давала возможность присвоения прибавочного продукта и возникновения на его основе четырех античных империй (по две в Европе и в Малой Азии), к другому фактору производства — к земле, привело к крупномасштабным общественным и мирохозяйственным катаклизмам. Не только ни одна из этих империй не устояла, но и исчезли целые этносы, возникшие на их основе.

Из четырех имперских этносов: эллинов, римлян, армян, парфян — двух не стало; исчезли выдающиеся античные этносы: римляне и парфяне, чудом, в России, сохранились армяне.

Спиралеобразное движение доминантных свойств между факторами производства — непрерывная закономерность [1, 40—41]. Именно ею вызываются подобные потрясения. Они происходили и раньше (140-летние пунические войны между Римом и Карфагеном), и много позже (например, гражданские и особенно мировые войны XX в.), и возможны в будущем, поскольку являются следствием перемещения доминантных свойств между разнородными факторами производства — трансцендентного (предпринимательство, земля) и человеческого происхождения (труд, капитал) — и наоборот.

От посреднического предпринимательства к труду, от труда к земле, от земли к капиталу и от капитала вновь к — уже современному — предпринимательству, на основе новых и информационных технологий [1, 40] — такова цивилизационная спираль общественного прогресса.

Из-за разнородности взаимодействующих в момент этого перемещения факторов производства с неизбежностью возникают общественные катаклизмы, сопровождаемые войнами, революциями, исчезновением прежних и возникновением новых государственных и этнических образований и обязательно империй и имперских этносов, адекватных новой доминанте.

По этим же причинам политическая экономия не может быть востребована и актуальна всегда, а лишь в тех случаях, когда на смену, прежнему трансцендентно-доминирующему фактору производства приходит новый, отличительная особенность которого в том, что он создан человеком и в силу этого является человекно-доминирующим.

Подобно тому, как *хозяйство шире своей однеженной части — экономики, философия хозяйства шире политической экономии, которая является одной из ее составляющих*. Историческое пространство политической экономии очерчено периодами, когда субординация факторов производства (предпринимательства, труда, земли, капитала) выстраивается так, что доминирующими среди них являются те, которые созданы человеком — труд и капитал. Во всех прочих вариантах этой субординации политическая экономия в ее классических формах оказывается бессильной. Вынужденно возникают всевозможные нео-, а затем и нео-нео варианты политической экономии в целом или отдельных разделов, являющиеся верными признаками того, что ее пора исчерпывает отведенное ей пространство; пришло время передачи эстафетной палочки для дальнейших научных изысканий и разрешения возникающих общественных проблем философии хозяйства. Эта передача — не навсегда, а до тех пор, пока в субординации факторов производства вновь займет доминирующие позиции фактор производства, созданный человеком: труд или капитал, и тогда политическая экономия вновь выдвинется на свое достойное место в системе прочих общественных наук.

При последних обстоятельствах человек, подчас, начинает себя чувствовать настолько всемогущим, что затевает богоборство, сопровождаемое «научным» атеизмом и не менее «научным» коммунизмом.

Все это мы могли наблюдать в жизни недалекого прошлого народов как нашей, так и многих других стран, сопровождаемого (тоже «единственно научной») политической экономией К. Маркса.

Надо отдать должное марксистской политической экономии. Она действительно занимала в отмеченный период центральное место в формировании научных, идеологических и интеллектуальных ценностей, обеспечивших столь существенный моральный перевес СССР над тогдашними его оппонентами.

Это разительно отличается от нынешней ситуации. Даже среди граждан России, составляющих ныне примерно 2% населения Земли, заметная часть имеет весьма размытые идеологические представления, трудно поддающиеся какой бы то ни было идентификации.

Что же произошло? В чем причина и случайна ли столь стремительная сдача, казалось бы, навсегда достигнутых позиций?

Дело в том, что марксистско-ленинская, или иная, но обязательно политическая экономия, включая разнообразные ее неоварианты, мо-

жет, как уже отмечалось выше, приобретать столь высокую значимость лишь для тех исторических условий, когда доминируют факторы производства человеческого происхождения: капитал или труд. Они с неизбежностью, в силу причин своего возникновения, опираются на «физику», практику и материализм.

Однако НТР и НТП, возникшие 1950-е гг., вызвали новые, набирающие силу тенденции. Среди них — перемещение доминантных свойств: от человеческого фактора производства — капитала — к трансцендентному — современному предпринимательству, имеющему своим инструментом новые и информационные технологии, и тоже с неизбежностью и вынужденно опирающемуся, как и прежнее предпринимательство — посредническое, имеющее инструментом золото, — на метафизику и идеализм.

Трансцендентность предпринимательства вызвана и проявляется в следующем.

1. Невозможно обучить предпринимательской деятельности. Она аналогична таланту к музыкальной композиции: предприниматель — комбинатор факторов производства, имеющий целью создание (при наличных ресурсах) максимального объема материального богатства — конкурентоспособных продуктов или услуг, а композитор — нот, приумножающих интеллектуальное богатство в виде музыкального произведения — вида искусства, способного передать слушателям чувства автора и (или) персонажей либретто.

2. Социологические исследования подтвердили избранность людей, этого вида деятельности: 3—5 человек из каждой сотни исследуемых способны осуществлять предпринимательские функции.

3. Предпринимательская деятельность трансформируется и видоизменяется по мере изменения не только субординации факторов производства, но и доминантного товара: с закреплением роли всеобщего денежного эквивалента за золотом она носила посреднический характер, а с возникновением НТР и НТП осуществляется на основе новых и информационных технологий. В этом ее отличие от другого трансцендентного фактора производства — земли.

4. Предпринимательская деятельность видоизменяется не только под воздействием применяемых ею инструментов (золото или новые и информационные технологии), но и доминирующих в рассматриваемый период времени прочих факторов производства. Так, в период доминирования капитала роль трансцендентных факторов производства, особенно предпринимательства, объективно отошла на второй план. В политэкономических работах К. Маркса, и В.И. Ленина не обнаруживается даже упоминания о предпринимательстве. Они сочли возможным обойтись такими категориями, как капиталист и наемный работник, капиталист и пролетариат.

5. И, наконец, в качестве наиболее яркого подтверждения трансцендентности предпринимательской деятельности и апофеоза марксистско-ленинской («единственной подлинно научной») мысли — запрет В.И. Лениным в 1918 г. предпринимательства для рядовых граждан, продлившийся с небольшим перерывом до конца 1980 гг.

6. Абсурдность этого запрета была настолько очевидна, что мировое предпринимательское и менеджерское сообщество, видимо, приняло его за шутку. Оно назвало лучшим менеджером XX столетия А.И. Микояна в 1964—1965 гг. Председателя Президиума Верховного Совета СССР; в 1926—1946 наркома внешней и внутренней торговли, наркома снабжения, наркома пищевой промышленности, с 1937 заместителя председателя СНК СССР; в 1942—1945 члена ГКО, с 1946 — заместителя с 1955 — первого заместителя председателя СМ СССР, одновременно в 1946—1949 министра внешней торговли, в 1953—1955 гг. министра торговли СССР) [2, 813].

Приходится констатировать, что на объективный хозяйственный фактор производства — в данном случае предпринимательство — властный, юридический или любой иной запрет не может быть полностью реализован. Он оказался в состоянии охватить лишь часть населения — рядовых граждан — и поэтому вынудил политическую элиту заняться выдвиганием и назначением людей из своей среды на «не царское дело» — «открывшиеся» вакансии объективно необходимой предпринимательской деятельности.

Надо признать, что среди подобных назначенцев, наряду с А.И. Микояном, оказалось немало выдающихся, всемирно известных, всенародно и государственно признанных предпринимателей: И.В. Курчатов, С.П. Королев, А.И. Лихачев, Артем И. Микоян — М.И. Гуревич, С.В. Ильюшин, А.А. Туполев, А.С. Яковлев и др.

Выдающемуся качественному уровню государственно назначенных советских предпринимателей, при сравнительно небольшой их численности, противостоящей многомиллионной армии коллег-оппонентов из стран, лидеры которых открыто называли СССР «империей зла», в целом удавалось сохранять конкурентоспособность в государственно значимых направлениях, в основном сконцентрированных в III подразделении общественного воспроизводства. В так называемом общественном секторе экономики, или, точнее, национального хозяйства, обеспечивающем внутреннюю и внешнюю безопасность страны, развитие науки и культуры, просвещения, образования, здравоохранения и др. Иначе говоря, в направлениях, в которых международную конкуренцию, а следовательно, и предпринимательство отменить было невозможно.

В других же отраслях, в которых возможно было реализовать концепцию В.И. Ленина: социализм — это крупнотоварное монопольное

производство, поставленное на службу рабочих и крестьян, конкуренция и предпринимательство упразднились, точнее, заменялись так называемым социалистическим соревнованием.

Больше всего из-за запрета предпринимательства и уничтожения конкуренции пострадали отрасли промышленности СССР, прямо или косвенно связанные со II подразделением общественного производства, призванным удовлетворять потребности населения.

Хорошо известно: наиболее действенным инструментом конкурентной борьбы в отраслях II подразделения является изменение моды. Французскими экономистами установлено, что не только изменения в моде, но и навязываемый мужчинам тип женщин, который в соответствии с модой должен им нравиться, является производным от межфазовых переходов внутри экономических циклов.

Понятно, что в условиях планомерного развития, запрета предпринимательства и отсутствия конкуренции инициировать моду внутри СССР было просто некому. мода, как правило, приходила из-за рубежа через непосредственно соприкасающихся с нею ограниченно-избранных лиц.

Киноактриса Любовь Орлова могла отправиться в Париж для приобретения модных туалетов, силуэты которых затем, через иерархические ступени советской элиты, проникали в широкие народные массы. Это многоступенчатое распространение через «своих портних», редко поддерживаемое массовым производством, занимало столь значительное время, что, учитывая российские пространства, можно смело утверждать, что для части населения отставание в моде носило либо хронический характер, либо вообще исчезало само ее понятие и стремление к ее соблюдению.

Для осязаемой части советских граждан были важны добротность и натуральность предметов потребления. А с этой задачей советская легкая промышленность, в целом, вполне справлялась.

Статус-кво был нарушен НТР и НТП, которые вбросили в мировое производство такое количество новых синтетических, смешанных материалов с заранее заданными свойствами, пригодных для легкой промышленности, а СМИ поднялись на такой уровень, что распространение новой демократичной и общедоступной моды в любом населенном месте приобрело почти синхронность с центрами их возникновения.

С этого момента в любой точке земного шара избежать конкуренции относительно продукции II подразделения стало невозможно; она приобрела тотально-эластичный характер и проявила таившуюся несостоятельность отраслей, обеспечивающих население России предметами потребления, в том числе и длительного пользования.

Из нашей розничной торговли стали быстро исчезать отечественные товары, но уже не из-за повышенного, а переключенного на им-

порт платежеспособного спроса. Производство в отечественных отраслях II подразделения стало стремительно сворачиваться, усугубляя возникшие проблемы занятости вообще и безработицы в частности.

Между занятостью и безработицей нет тождества. Безработица касается преимущественно одной из форм занятости — работы по найму. Самозанятые, как и граждане, имеющие свое дело, — предприниматели — без сомнения, люди занятые не меньше, чем работающие по найму, но несравненно реже пополняющие ряды безработных.

Для России сложилась ситуация, внешне напоминающая и в чем-то совпадающая со странами «золотого миллиарда», в которых, как и у нас, мало производится товаров и соответственно мало товаров из отраслей II подразделения участвует в формировании их внутрирыночного предложения: основная масса предметов потребления завозится из-за рубежа.

Однако полной аналогии между Россией и странами «золотого миллиарда» не только нет, но и быть не может.

1. В странах «золотого миллиарда» под воздействием НТР и НТП объективно изменяется структура занятости: сокращается удельный вес работающих по найму, а количество самозанятых и предпринимателей, создающих и использующих в качестве своих инструментов новые и информационные технологии, увеличивается. Причем использование этих инструментов происходит преимущественно там, где издержки ниже. Учитывая, что более половины этих издержек формируется вокруг найма рабочей силы, то ее стоимость и определяет, где предприниматели развитых стран предпочитают применять (в виде совместной деятельности или лицензионных отношений) свои технологии. Разумеется, все это возможно, если в приходе зарубежного предпринимательства принимающие государства проявляют заинтересованность и готовность создать необходимые для этого условия, аналогичные, например, китайским. Конечным результатом являются невероятно высокие темпы роста таких показателей, как:

1.1) объемы производства (в странах, принимающих современные технологии);

1.2) прибавочные продукты, извлекаемые предпринимательством стран, их вывозящих, и тем самым создающих основу социально-ориентированных рыночных хозяйств; именно население этих хозяйств, предприниматели которых способны извлекать постоянно возрастающий объем прибавочного продукта, и стали относить к так называемому золотому миллиарду.

2. РФ из всего перечисленного мало что имеет или может предложить, но богата землей и может продавать ее в виде нефти, газа и т. п. Если семь стран вошли в «золотой миллиард» населения планеты, развивая трансцендентный фактор — современное предприниматель-

ство, то Россия стала среди них восьмой из-за наличия земли. Ее богатые недра приносят доход, необходимый для приобретения и ввоза из-за рубежа необходимых товаров, в том числе, предметов потребления. На этом сходство заканчивается и носит преимущественно внешне-экономико-политический характер.

3. Различия же имеют хозяйственный оттенок:

3.1) современное предпринимательство как основа извлечения прибавочного продукта носит в условиях НТР постоянно возобновляемый, расширено воспроизводимый фактор производства, а земля — нет, полезные ископаемые истощаемы;

3.2) чем большее распространение приобретает инструмент современного предпринимательства — используемые новые и информационные технологии, тем затраты, связанные с их созданием на единицу обычных товаров, произведенных с их применением, все более сокращаются, а при значительном тираже — стремятся к нулю; использование же ресурсов другого трансцендентного фактора — земли — вызывает прямо противоположную тенденцию: каждый последующий возросший уровень извлечения из недр товаров, опирающийся преимущественно на традиционные технологии, из-за истощаемости природных ископаемых, непропорционально увеличивает затраты;

3.3) в силу этого никакое земельно-климатическое богатство не может создать условия для социально-ориентированного рыночного хозяйства; оно возможно лишь там и постольку, где и поскольку у граждан, общества и государства есть собственность на современный доминантный товар — новые и информационные технологии, приводимые в целесообразное движение доминантным фактором производства — предпринимательством.

Есть ли в России все необходимое для создания социально-ориентированного рыночного хозяйства? А именно: 1) обладающие предпринимательским талантом граждане, стоящие во главе производственных предприятий и предприятий сферы услуг; 2) научные и образовательные учреждения, способные создавать интеллектуальное богатство; 3) государственное прямое участие, отбор и всесторонняя поддержка предпринимательских структур в осуществлении стадий цикла «исследование — производство»; 4) скоординированная внутренняя и внешняя научно-техническая политика, имеющая промежуточной хозяйственной целью регулирование «ввоза» и «вывоза» ныне доминирующего фактора производства — современного предпринимательства — и товара — новых и информационных технологий, а конечной — социально-ориентированное рыночное хозяйство.

Рассмотрим по пунктам все перечисленное на предмет соответствия нынешних российских реалий условиям, при которых возможно возникновение социально-ориентированного рыночного хозяйства.

1. Общеизвестно (и выше уже отмечалось), что граждан, имеющих необходимый талант и способности к предпринимательской деятельности, в любой стране не более 3—5%; в России 5 млн человек, обладающих этим даром, наверняка наберется. Но из них могли возглавить предприятия на территории России не более 0,25 млн, поскольку остальные места уже заняты назначенцами по принципу Фамусова — персонажа из пьесы «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «Ну как не порадеть родному человечку».

Рынок и предпринимательство не всегда идут рука об руку. Как уже отмечалось, опыт нашей страны показывает: государство может резко уменьшить количество предпринимателей, ограничив его лишь государственно назначенными и контролируемые деловыми и самозанятыми (творческая интеллигенция) людьми из состава политической, научной и технической элиты. Для прочих граждан подобная деятельность была десятки лет не только запрещена, но и наказуема. Сейчас все разрешено и для «прочих», но места уже заняты назначенцами. История (1861) повторяется. Понадобится (с 1991 г.) не менее 30 лет, пока факторы производства нашего отечества попадут в руки тех ее граждан, которые способны обеспечить наиболее эффективную их комбинацию, что возможно ныне лишь на основе современного предпринимательства.

НТР и НТП, возникшие в середине 1950-х гг., вызвали стремительное изменение субординации факторов производства; доминантные свойства быстро сместились от капитала к предпринимательству на основе новых и информационных технологий.

Стала очевидной необходимость столь же многочисленно-гражданского предпринимательства в России, возникшего на конкурентно-рыночной основе, как и в странах «золотого миллиарда».

Поскольку рыночные реформы в России произошли и происходят сверху и осуществляются фактически прежней элитой, предпочтение отдается привычному и проверенному советскому методу — назначению, но на этот раз не директоров заводов и фабрик, а предпринимателей.

После «успешного» завершения этого процесса, число людей, наделенных способностью к предпринимательской деятельности, среди возглавивших предприятия РФ не могло заметно возрасти, а постреформенные условия изменились. Возникла необходимость конкурировать не только с внутренними поставщиками аналогичной продукции, но и с внешними, прошедшими отбор в рыночно-конкурентной среде. Результат не трудно было предсказать. И предсказатели были. Но их не услышали.

Объем производства обвалился почти вполнину. Вновь возникло забытое, знакомое лишь по учебникам истории и политической экономики явление — *безработица*.

Но на этом проблемы не завершились. Государство, назначив предпринимателей-назначенцев, передав им приватизированную собственность и понадеявшись на них, стало стремительно, пропорционально изменившемуся соотношению прав, снимать с себя ответственность за финансирование общественного сектора экономики, включая науку. Граждане, назначенные предпринимателями, но не обладавшие соответствующими качествами, повели себя предсказуемо. Права они приняли, а ответственность за НТР и НТП и соразмерный им общественный сектор экономики — нет. Все повисло в воздухе.

Негативные последствия сказались почти мгновенно. Государство стало вынуждено возвращаться в общественный сектор экономики — в III подразделение общественного производства. Но не во всех направлениях III подразделения это было сделать легко (в науку — трудно).

Финансирование и инвестирование в науку без ученых, не дождавшихся этого и покинувших Россию, почти ничего не дает. Как и в предпринимательстве здесь нужен талант — талант ученого, а это еще большая редкость.

Причина в следующем. Технический прогресс (ТП), вызвавший доминанту капитала, осуществлялся усилиями инженеров и обходился, за редким исключением, без использования последних достижений фундаментальных исследований (ФИ).

НТР и НТП, в отличие от ТП, не могут происходить без государства, поскольку причина, вызывающая их, связана с циклом «исследование — производство», который начинается с ФИ. А основным инвестором ФИ всегда и везде являлось и является государство. Если оно уменьшает свое присутствие в этой сфере, резко сворачиваются возможности в развитии современных новых и информационных технологий, прежде всего из-за отсутствия ученых необходимого уровня компетенции или из-за их отъезда в другие страны.

В конечном счете, речь идет о предоставлении нужных им лабораторной базы, доступа к информации, командировок и участия в конференциях, наконец, достойного дохода. Участия во всем перечисленном наши предприниматели-назначенцы в своем подавляющем большинстве стараются избежать.

Результаты плачевны. Россия стремительно теряет свои позиции. На мировом рынке наукоемкой продукции ее доля — менее 1%. Намечившаяся в 1980-е гг. тенденция роста этой доли не была закреплена. Более того, произошел откат. Объем наукоемких товаров отечественного производства на внутреннем рынке по отношению к объему им-

портных составляет от 2% по системам связи до 50% по транспортной авиации (см.: [1, 108])².

Литература

1. Бугаян И.Р. Философия хозяйства: соотношение и мера форм занятости незанятости российских этносов. Ростов н/Д, 2011.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1989.

Г.А. РОДИНА

Прорыв к развитию: сочетание универсалий и самобытности

Россия — игра природы, а не разума.

Ф.М. Достоевский. Бесы

Аннотация. В статье прослеживается эволюция взглядов на движущие силы общественного развития и роль культуры как относительно независимой переменной среди факторов социальной жизни. Выявляется различие между старыми и новыми типами идентичности. Анализируется дискуссия по вопросу менталитета россиян.

Ключевые слова: экономический рост, устойчивое развитие, культура, экономика, национальная идентичность, российский менталитет.

Abstract. In article it is traced the evolution of views on driving forces of social development and a culture role as rather independent variable among factors of social life. Distinction between old and new types of identity comes to light. Discussion concerning mentality of Russians is analyzed.

Keywords: economic growth, sustainable development, culture, economy, national identity, the Russian mentality.

Полвека назад развитие отождествлялось с экономическим ростом? и моя школьная десятилетка, пришедшаяся на 1960-е гг., прошла под гордым лозунгом «темпов роста советской экономики, вдвое превышающих темпы ведущих капиталистических стран». Мои университетские годы — начало 1970-х — начали выстраиваться не в таком

² Продолжение следует.

победоносном, но все же оптимистическом русле относительно «темпов роста советской экономики, вдвое превышающих темпы ведущих капиталистических стран». Правда, последние споткнулись о кризисное десятилетие 1970-х, а у нас, наоборот, XXIV съезд КПСС поставил задачу перехода на преимущественно интенсивные рельсы и впервые наметил курс на опережение темпов роста промышленных отраслей второго подразделения (группы «Б») по сравнению с отраслями первого подразделения (группы «А») на 3%. Казалось бы, оснований для тревоги нет.

Однако в новое 1980-е — десятилетие страны «первого мира» вступили не ослабленными и изнуренными чередой кризисных потрясений, а перестроившимися на новый, пятый, технологический уклад. С другой стороны, наша отечественная экономика продемонстрировала в 1983 г. почти нулевые темпы прироста, что породило среди экономистов ядовитую шутку: мол, наконец-то впервые после 1913 г. появился современный рубеж, с которым будет выгодно сравнивать все дальнейшие показатели. Тогда не было сомнения, что провальный 1983-й — исключение.

То, что реальной целью общества должны быть не столько темпы роста, сколько параметры устойчивого развития, мир осознал к концу 1980-х гг. благодаря докладу ООН «Наше общее будущее». В это время отечественная экономика неумолимо приближалась к своим отрицательным темпам. И десятилетие не завершилось выходом на новые технологические рубежи. Почему?

Давайте проследим *эволюцию представлений о «необходимом и достаточном» условиях для движения вперед*, произошедшую за последние четверть века в нашей стране.

1. Несмотря на то, что начало рыночных преобразований, казалось, предполагало полный разрыв с марксистским подходом, оно вполне вписалось в марксистскую методологию (подробнее см.: [1]). Основной гносеологический принцип марксистской философии о первичности материи и вторичности сознания конкретизируется в признание особой роли экономики. Сердцевинной последней, т. е. звеном, за которое можно вытянуть всю цепь, являются *отношения собственности* на средства производства, поэтому начинать следует с реформы собственности. Исходный тезис рыночников-радикалов сводился к тому, что достаточно «разрешить» рыночную экономику, как все «само собой» образуется. Самыми распространенными фразами были: «вот появится эффективный собственник...» (не могу отделаться от аналогии с некрасовским «вот приедет барин...»), «стбит только начать...» и т. д.

Однако «эффективный собственник» не появился, «прибыль» не пошла. Более того, государство отступило, а рынок образовавшиеся лакуны так и не заполнил.

2. Тогда лозунг дня сменился: нужна *политическая воля*, а ее не хватает. Результатом реализации этого тезиса стало восстановление в постсоветской России политической монополии, обретшей новую историческую, однако тоже неэффективную, форму.

Почему история вернулась в наезженную колею? Почему такое возвращение обернулось утратой обществом способности к историческому движению, параличом его двигательных органов?

3. Стало очевидным, что реформы, продавленные властью, не поддержанные обществом «изнутри», — мертворожденное дитя. Все реформы в этом случае вырождаются в тактические телодвижения — никаких стратегических подвижек. Власть, ощущая свою «временщичковость», ориентируется лишь на распределительные отношения, в основном сводящиеся к «распилу» бюджетных средств.

Что из себя представляет это «изнутри»? — Культурное ядро (точнее — культурно-духовно-религиозное ядро, или матрица), вырабатываемое веками, передающееся из поколения в поколение в виде традиций, системы норм и запретов.

Выходит, ни реформа собственности, ни политическая воля сами по себе, в отрыве от национальной самоидентификации, не способны мобилизовать общество на преодоление кризиса. В этом случае ключевыми понятиями становятся архетип (по К.Г. Юнгу — изначальные, врожденные психические структуры, образы, составляющие содержание коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, сказок и других созданий фантазии) и менталитет (как образ мышления и мировосприятия, норма представления мира вокруг себя и себя в нем).

Но тогда проблема перехода к реальному развитию осложняется обратной связью между общественным сознанием и общественным бытием. Проанализировать эту связь в рамках исторического материализма представляется весьма затруднительным, поскольку истмат исходит из того, что культура народа складывается и функционирует в зависимости, прежде всего, от экономических и политических обстоятельств. В математической формулировке это выглядит так: $K = f(\mathcal{E}, \Pi)$, где K — культура; \mathcal{E} — экономика; Π — политика; f — функция, указывающая на характер взаимозависимости указанных величин. Данная трактовка претерпевает парадигмальный поворот, проявляющийся в переходе к формуле: $\mathcal{E}\Pi = f(K)$ (подробнее см.: [2]).

Культура, раз сформировавшись, начинает выступать как относительно независимая переменная среди факторов социальной жизни. Эталоны оценок тех или иных ценностей являются, с одной сторо-

ны, социальный опыт, а с другой, видимо, архетипы данной культуры, сформировавшиеся в период выживания этноса, народа, рода и т. д. Ныне систему архетипов можно охарактеризовать как иммунную систему, защитный слой конкретной культуры, сохраняющий ее самобытность, определяющую национальную идентичность.

Здесь нас подстерегает две опасности. Первая — экзогенная по отношению к какой-либо конкретной экономической системе — связана с тем, что само понятие «национальная идентичность» не может не претерпеть изменений в условиях информационной экономики. В связи с этим следует сформулировать проблему выяснения и установления баланса между *старыми и новыми типами идентичности*. Современный человек, как не без иронии замечает Д.Н. Песков, «окутан аурой множественных лояльностей, «ведущих» постоянные «переговоры» по его поводу и «закрывающих» свои «соглашения». Индивид *проживает в США* (мотивация — комфорт), *является гражданином Кубы* (мотивация — регрессивная шкала налогообложения), *работает в ТНК* (мотивация — величина зарплаты), *исповедует одну из сетевых религий* (мотивация — снижение издержек на онлайн-исповедь), *участвует в социальных и гуманитарных программах России* (мотивация — ностальгия по Родине), *голосует на выборах в панамериканский парламент за левых* (мотивация — принадлежность к интернет-партии), *а на выборах в «ООН-штрих» — против реализации Киотского протокола* (мотивация — желание ТНК-работодателя), *его дети учатся в гражданской школе хакеров в Японии* (мотивация — обеспеченное будущее детей), наконец, *мощности его домашнего компьютера используются для распределенного вычисления эффективности новых лекарств против СПИДа* (мотивация — благотворительность или желание выжить). И при этом правительство отслеживает абсолютно все передвижения индивида по Интернету, в том числе и покупки на сумму свыше 500 дол. США...» [3, 54—55]

Вторая — эндогенная — сопряжена с *незавершенностью дискуссий по поводу сущности менталитета россиян*, несмотря на то, что все участники подобных дебатов согласны с тем, что его своеобразие определяется социально-историческими, почвенно-климатическими и географическими условиями существования многих поколений наших соотечественников.

С одной стороны, например, Л.А. Асланов апеллирует к матрице *военно-мобилизационной оседлости* [4]. В эту же группу мнений следует включить характеристики *самодержавно-патриархальной, социально-консервативной, или соборно-православной*, культуры россиян. Но если именно это постоянно воспроизводится в новых формах, то как это можно совместить с умной экономикой и приоритетом интеллекта — ориентирами нового мирохозяйственного устройства?

По всей видимости, никак. Тогда кризис нашей модели следует квалифицировать как *кризис упадка*, как реальный тупик, если только в сегодняшней России не возникнет то, чего в ней не было, но без чего ей в современном мире не выжить. Речь идет о смене (перекодировке) российского типа культуры на европейскую (подобно тому, как в Китае распространился в свое время буддизм, потеснив конфуцианство).

В то же время в сегодняшних спорах о культурной идентичности России многие исследователи развивают концепцию П.Н. Милюкова, который трактовал Россию как естественное продолжение Европы, заходящее в Азию (точнее «Европа, осложненная Азией»). Поэтому русская культура — это *самобытный извод европейского корня*, исторически запаздывающий и в сравнении с синхронной ему европейской культурой относительно примитивный [5]. Если российскому типу культуры органично присуща европейскость, как сегодня считает, например, М.Н. Афанасьев, если это одно из начал русской культуры с самого генезиса Руси (с Киевско-Новгородской) [6, 15—22], то кризис нашей модели следует квалифицировать как *кризис развития*. Тогда достаточно просто сместить акценты в историческом сознании, возродив исконно русскую европейскую традицию и европейскую трансформацию России. Нас в этой позиции смущает апелляция к тенденциям, которые исторически не подтвердили своей жизнеспособности.

Видимо, прежде, чем корректировать сложившуюся на текущий момент национальную социально-экономическую модель, следует разобраться с тем, что же имманентно России: особая, самобытная модель, не допускающая обезьянничества, или универсальная?

Еще один вопрос: до какого времени сформировавшаяся в определенный исторический период самобытность будет определять сущность национальной модели? Неужели вечно? Думается, что с течением времени соотношение между самобытностью и универсалиями должно сместиться в сторону последних.

Наконец, не существует ли риска впасть в культурологический детерминизм, как прежде — в экономический? Или в социологический? Или в географический? Нам последняя гипотеза кажется вполне реальной, поскольку именно природно-географический фактор является главным в формировании менталитета народа (этим определяется выбор эпиграфа статьи). Если вспомнить, что «мы — жертвы географии», то можно договориться до того, что без рукотворного изменения климата и ландшафта нам трудно рассчитывать на «вырыв к развитию».

Литература

1. *Родина Г.А.* Российская модель инновационного развития: общее и особенное. М., 2012.

2. *Родина Г.А.* Культурологические основания инновационного развития экономики России // *Философия хозяйства*. 2008. № 3.
3. Интернет-пространство: состояние премодерна? // *Полис*. 2003. № 5.
4. *Асланов Л.А.* Менталитет и власть. Русская цивилизация. Кн. 1. М., 2009.
5. *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993—1994.
6. Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Под ред. И.М. Клямкина. М., 2011.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Метафизика и анатомия Сети

День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание.

(Пс. 18, 3)

Благословлю Господа, вразумившего меня; даже и ночью учит меня внутренность моя.

(Пс. 15, 7)

Аннотация. В статье анализируется Сеть — основная реалья, определяющая суть, структуру, динамику и эсхатологию современного мира. Явная сеть стала сегодня Тайной метафизической. Сеть исследуется как онтологический, гносеологический, социальный и геополитический феномен, которым Запад пытается восстановить свою утраченную идентичность, свой социальный и культурный Логос после развала СССР. Такая замена возможна лишь в виртуальном мире путем создания глобальных информационных сетей, которые не формируют идентичность, а стирают даже память о ней. В итоге Сеть становится капищем демонических глумлений, инициаций и посвящений в двухмерное антихристианство обитателей экранов. Сеть — это онтология искусственного смешения мира, чтобы не состоялось апокалиптическое разделение зерен и плевел. И лишь София Премудрая работает не с сетями и дивидами в ячейках, а с личностями и смыслами, создающими новый хозяйственный мирострой.

Ключевые слова: Сеть, идентичность, хозяйство.

Abstract. The article is analyzing the basic reality which is defining the essence, structure, dynamics and eschatology of modern world — the Network. The obvious network became today Secret metaphysical. The Net-

work is investigated as an ontological, gnoseological, social and geopolitical phenomenon by which the West tries to restore its lost identity, its social and cultural Logos after disorder of the USSR. Such exchange is possible only in the virtual world by the way of creation of global information networks, which don't form the identity, but erase even the memory about it. As a result the network becomes the heathen temple of demonic mockery, initiations and dedications in two-dimensional Antichristianity of inhabitants of screens. The Network is the ontology of unnatural diffusion of the world, for that apocalyptic division of grains and ryegrasses. And only Sofia Wise works not with Networks and individuals in cells, but with persons and the senses creating new economic world system.

Keywords: Network, Identity, economy.

Мы живем уже не в мире, а в некоей расползающейся среде³, контекст и динамика смесей которой определяются явно-неявной борьбой двух миротворных проектов — христианского (ясно-светового) и антихристианского (искусственно-цветового). Можно сознательно, субъектно сделать выбор своего оружия в этом Endkampf'e («быть или не быть»), ибо эта борьба не просто данность, а основная задача нашего бытия⁴. Можно отрицать этот сакральный контекст, сочтя его суеверием. Но метавыбор уже сделан самой борьбой, наметившей каждому его ячейку в грядущей Сети, откуда дезертировать невозможно. Или ты за отца, или против него, ибо «третьим» здесь может быть только «родитель А» (от Ад). Центром, устройтелем, перводвигателем, мозгом этой среды стала Сеть.

Слово «сеть» долгое время скромно и незаметно для языка выполняло трудовые, социально-экономические, властные потребности мысли, сознания, души и практики людей. Но любое слово таит в себе метафизические зерна, ждущие своих времен. И в XXI в. слово «сеть» услышало сигнал своих командоров — «Пост!», и всей мощью откликнулось на этот тайный зов, совершив властную карьеру, став термином-парадигмой науки, практики и мировоззрения XXI в. («Сеть» стала лингвистическим генералом, к которому уже обращаются с заглавной буквы.) Термин «Сеть» стал основным определителем мира, бытия, человека, его идеальных сил и деяний. Сеть стала неким ано-

³ Среда — это мир-инвалид, вывихнувший все свои суставы, потерявший чувства и ум, но он держится бессознательным желанием жизни и в смертельном беспомоществе...

⁴ Цель, смысл жизни человека определяется участием в этой войне, ибо Россия уже давно выбрала свой проект — «Не в силе Бог, и не в деньгах, и не в рейтингах, а в правде».

нимным конструктором новой — виртуальной — реальности, идолом, мерой человека и вещей, лишенных смыслов; и этому идолу Запад принуждает поклоняться всех людей. Уже идут сетцентрические войны, с которыми Запад связывает свои голубые мечты на установление голубого рабства глобального, незримой диктатуры.

Но если какое-либо слово захватывает новые физические и метафизические сферы, это значит, что прежний владелец данных сфер уже не в состоянии сохранять смысловое и логосное господство над ними. Какой термин заменяет, вытесняет слово «Сеть»? Ибо мир уже давно-давно поделен и разделен между словами. Неословесной реальности уже нет, а вот неосмысленная реальность теснит осмысленную.

Наша «гипотеза» говорит о том, что эпоха постмодернизма апокалиптически изменяет бытие и человека, переводя их в состав Сети, которая выявляет тайну четырехзначия «пост», скрывающего в себе Сеть.

Слово «сеть» — древнейшего происхождения; оно использовалось в контексте охоты, понимаемой в самом широком плане. В античных мифах сеть служила орудием борьбы с внутриолимпийским блудом. Автором первой сети в мифах является хромой Гефест, величайший мастер-кузнец, умевший даже из металла делать невидимые и коварнейшие сети. Сетями Гефест пленил Афродиту, хотя сам же оказался в их силах, так что браки поистине свершаются на небесах. Узнав о порочащей связи жены с Аресом, Гефест оригинально наказал неверную. Он окутал ложе невидимой сетью, и блудодеи оказались в ловушке, — а Гефест, видя их барахтанья в сети, своим хохотом сгубил их любовь. Сбежались боги, а Гефест выставил свою неверную живьем в «Интернете» Олимпа. В другом мифе пряжа Арахна создавала ткани (сети), не уступающие самой Афине. Но богиня, признав мастерство Арахны, уничтожила ее творения. Арахна покончила с собой, но богиня превратила ее в паука. Приговор богини был справедлив: «Вы всего лишь люди! И вам не нужны сети, которыми безопасно могут пользоваться только боги!». В мифе сеть — это коварное изделие, поработящее создателей, победителей, жертв и владельцев. Существо *в сети* становится врагом самому себе, ибо, пытаясь выйти из нее, оно лишь укрепляет ее. Миф указывает, что сеть начала свою тайную службу в качестве автократии, сплетенной с порнократией и направленной против богов.

Особое значения слово «сеть» имеет в Библии. Это и простой невод: Петр, Иоанн, Андрей вначале были рыбаками, а Христос сделал

их апостолами — «ловцами человеков» не сетями, а истины (Мф. 4, 19)⁵.

Особую метафизику сети создали пауки — древнейшие обитатели Земли, сохранившие до наших дней свою идентичность⁶. Пауки (и сети) важные элементы всех древних культур. Непревзойденные мастера сетей, беспощадные убийцы, архитекторы смерти — пауки всегда были символом тайных знаний, искусств, хитрости и странной опасности не от мира сего. И эти монстры стали исполнять сакральные, инфернальные, магические, гастрономические и... *сетевые* функции. Есть предание, что паук спас Христа от Ирода, закрыв сетями вход в помещение, в котором прятались Мария с Сыном. Стражники, увидев паутину, не зашли в сарай⁷.

Живая (живая ли?!) суть пауков адекватно неопределима даже в русском языке! Пауки питаются необычно: ловят жертвы сетями, делают из их тел сосуды, в которых они, как на печке, превращаются в «кровавый супчик». Пауки питаются не телами, а жизненными соками жертв; они знают тайну последней капли крови и сока: поэтому им не нужен кишечник для твердой пищи. А прочность паутины поражает! У пауков обычно восемь глаз. Порождение пауком «из самого себя» субстанции, форм своей жизни определяет его символизм в устройстве мира. В разных традициях он или демиург, или сопутствует богам в устройении космоса. Смертельные сети хранят в себе секреты лабирин-

⁵ В Библии само время есть сеть погибели. «Как рыбы попадают в пагубную сеть... так сыны человеческие уловляются в бедственное время» (Екк. 9, 12). Шокирует гендерный императив Соломона: «И нашел я, что горше смерти женщина, потому что она — сеть... добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Екк. 7, 26). Зачем и для чего?

⁶ Пауки старше динозавров и бытуют более 300 миллионов лет. А их исключительное безразличие к ультрафиолету и радиации свидетельствует, по мнению ученых, о том, что пауки (и сети) суть первые обитатели допотопной Земли, в которой уровень радиации и ультрафиолета намного превосходил Чернобыль и Фукусиму. Видимо, расцвет царства пауков пришелся на допотопный период, когда ультрафиолет и радиация должны были истребить сами следы людей, предавших Творца. И возвращение нашего времени к сетевым ценностям пауков говорит о том, что апокалипсис — это не страшилка, а действительно Страшный Суд, когда каждое следствие найдет его причина. Почему же столь нежное оружие этих неведомых уродцев человек делает эталоном своего мира? Странно, но трудно определить биостатус пауков: многие называют их насекомыми, хотя они вне классов, отрядов и видов. Наука же просто создала класс паукообразных и назвала пауков... пауками — паукообразными.

⁷ Но христианство усомнилось в сакральной благонадежности пауков, увидев в них слуг дьявола («он-де только и занят плетением сетей на праведников»), призвав даже истреблять пауков, обещая дополнительные бонусы спасения борцам с сетями!

тов, хитросплетения судьбы, тайны предопределений, ведовства и предсказаний, магии и различных посвящений.

Древнеиндийский Брахма иногда становится пауком и тклет паутину (сети), которая становится первоматерией, законами, формами вещей и людей; иногда паутина становится Майей, иллюзорным миром. В китайской традиции пауки обретают облик монахов с цитрами, которые во время игры выделяют сети, удушающие монахов. Паук даже мудрствует: «Боги изобрели истину, демоны — ложь, ну, а я изобрел хитрость, поэтому всех переживу!»! Серьезное предупреждение! Паук как бы воплощает идею гностиков — мир создан из зла, губит живое, но движет им благо. Не случайно пауки сочетают в себе трудолюбие, изобретательность, но в то же время им присущи агрессивность, холодная жестокость, коварство, злобность и ядовитость (одна «черная вдова» чего стоит!). Эти уродцы делают прекрасные сети — уникальные орудия смерти⁸. Умение паука двигаться во всех направлениях, в воздухе, в воде, под водой делает его странным посредником между человеком, божествами, духами добра и зла.

И хотя пауки малость полезны, уничтожая вредных насекомых, метафизическая их репутация негативна. Убивать их могут только ценители собственных бед. Римляне чтили пауков как символов удачи, хотя империи они не спасли. И в современных украшениях, татуировках, амулетах вновь преобладают пауки, чующие, видимо, близость своего нового царства.

Информация резко изменила смысловую и социальную роль слова «сеть», посадив его на трон своей незримой власти. Сети присущи свойства информации, которую они используют позитивно и негативно. Информация и Сеть соотносятся так же, как стоимость и деньги.

Сеть — это не бытие (сплошные дыры?!), но и в штат небытия ее не зачислишь, ибо она работает. Сеть — это не энергия, ибо сама потребляет ее. Сеть — это не движение, ибо она ловит «движущееся», но она и не покой, ибо изменяет среду. Сеть — не материя, ибо не зависит от нее, но она и не сознание, ибо бытует под его миром; Сеть не *субъективна*, а *объективна*, как объективны числа, идеи, логика, закон. Закон тяготения сам нематериален, но он объективен. Сеть суть реальность, смыслы которой не ловятся словами «материя», «идеальное», «объективное», «субъективное».

⁸ Правда, пауки вынуждают нас понять и признать исключительно внешний характер смерти. Они не имеют смерти внутри себя, хотя с необходимостью дарят ее друг другу, всему живому как естественное явление. Они не знают внутренней смерти, которую изобрел человек, превратив его в своего универсального тирана. Смерть — это внешняя Сеть, в которой люди теряют внутреннее — жизнь.

Итак, Сеть не вещество, не материя, не энергия, не закон, не знание, не идеальная сущность, хотя без всех этих реалий она невозможна⁹. Сеть, существуя автономно, сохраняет связи с «тем» и с «этим» миром; она несводима к другим известным реалиям. Всепроникаемость Сети делает ее независимой от пространства и времени, от серого небытия, придает ей статус некоего ритуального субъекта, создающего проекты, структуры, причины, вещи, существа, мысли для неживых. Виртуальные сети преобразуются в различные конфигурации, программы, образы, игры, призраки, в них кто-то живет. То они человеку служат, то вредят ему, то соблазняют бездумием. Человека заменяют не только роботы, но и существа из сетей. А искусственный интеллект Сети заменяет человеческий разум.

Но Сеть не сакральность, ибо сакральное действует не помимо людей, а через усиление их сознания. Сети более подходят для демонов, ибо ангелы не путают людей, а просветляют их дух. А сетями ловят непонимающих. Но демон является только арендатором, а не властелином Сети; используя ее для порабощения человека, он в итоге сам же становится ее жертвой. Ум демонов поврежден, а потому они латают его черные дыры сетями, которые затем превращают демонов и бесов в свои узлы и ячейки.

В этом плане Сеть представляет собой *смешение констант* и контекстов бытия и ничто. Потому-то они стали средой без бытия; но они не ушли в бездну, а вцепились за ум, создав мир *Смешения*, в котором извращены причины и следствия. А вещи вне своих причин искажаются до неузнаваемости; теряя корни, они восполняют их виртуальностью, в которой возможны любые чудеса и банальности, в которой жизнь и смерть, уродство и красота, оригиналы и копии, inferнальное и сакральное имеют одинаковый статус в бассейнах всесмешения и деградации накануне встречи с бездной¹⁰. Деградирующая агрессия

⁹ Н. Винер нервно заметил: «Информация есть информация, а не материя и не энергия!» [2, 81]. Но раздражение тоже не определяет непонимание! Материя, энергия, вещество гардеробного номера не объяснят, каким образом в нем содержится пальто.

¹⁰ Аналогом Сети может служить мусорная свалка, в которой смешаны части всех многообразных вещей мира, примерно как на рынках есть «все»; свалка — предел земной деградации вещей перед их растворением в ничто. Но как на рынках бессвязные массы всех вещей связаны невидимыми стоимостными сетями, так и на мусорных свалках их частицы связаны невидимыми сетями негативности и ничтожности. *Мусор и свалки — это внешнее Бессознательное, открытое для исследования*, но закрытое для понимания, ибо свалки медленно, но неуклонно накрывают человечество своими незримыми черными сетями. Мусорная свалка — это виртуальные сети, ставшие наконец-то материей и реальностью.

виртуальности окружает нас *черно-фиолетовыми чудесами бесчисленных экранов*. Но чудеса эти бессмысленны, ибо они бесцельны и сразу же забываются, верша возмездие самим себе.

То, что мы видим, слышим, делаем в Сети, не связано ни с бытием, ни со словами и смыслами, ни с абсурдом и нелепостью. В Сети слова, вещи, люди падают на дно деградации, становясь некоей плавающей и парящей, прилипчивой и удушающей стихией бездны. Но Сеть — это мир избранных «вумных» демонов; здесь царит бессмысленный дискурс свободы, льющий на нас клоунские потоки изувеченных смыслов, которые постоянно подмигивают, приглашают нас стать элементом смешения, а в перспективе — виртуальным элементом шенгенского бульона для «евромонов». Сети представляют идеологию, деяния виртуалов и «вудуалов» постмодерна, антихристов проект в работе; постмодерн считает самого себя знанием-чудом, а потому не знает, не умеет, не может и не хочет знать, принесет ли его чудо людям благо или же сотрет их навеки из жесткого и жестокого диска вечности? Но сети нужно использовать и для мудрости. Нужно лишь знать технику безопасности в обращении со столь коварным и живообразным оружием. Будьте сметливы, как пауки, и размышляйте, как охотники на львов!

Какие причины вызвали сети в бытие, дали им социальные цели? Куда ведет логика сетевых проектов? Каковы изменения людей, государств в эпоху *«пост-погоста»*, ибо именно эти изменения породили Сеть?

Сеть как самостоятельная реальность появилась в результате геополитической катастрофы. Запад готовился к затяжной и тяжелейшей борьбе с СССР, со своим основным соперником. Идеологическую стойкость, техническую стройность капиталу придавала одна только необходимость борьбы с СССР. Сам разум и сознание людей Запада удерживали свою вертикаль именно страхом перед возмездием образованных трударей. Можно сказать, что космический СССР спасал разум и сознание западных потребителей от безумия в гедонистическом беспределе извращений¹¹. Страх — начало мудрости; и не только страх

¹¹ Изредка осознает этот факт сам Запад. Ж. Батайя отметил, что СССР (Россия) «в большей степени благоприятствует возникновению подлинного самосознания», чем западный строй, и «даже можно было бы сказать, что без этого напряжения, поддерживаемого коммунистической агрессивностью, сознание не было бы свободным, оно не пробудилось бы!» [2, 152]. Вот как! Западу нужна Россия агрессивная, иначе не проснется его сознание. Но сегодня эту задачу решать некому. Да, Россия нужна Западу, да и всему миру, не только в качестве материи, но и как метафизическая и духовная сила. Своей страшной непонятностью она спасает Запад от безумия, которое наступает тогда, когда в своей стране вся ясно и понятно. Ибо тогда разум становится безработным, уступая свое место безумию. А разуму нужно тайное, загадочное, страшное,

перед Господом, но перед правдой, вообще, любой страх, даже перед Россией — явление, плодоносное для духа.

Идеологически Запад не был готов к победе, и подлость Иуды Плешивого застала его врасплох, лишила его смысловых ориентиров, нарушила его антихристианский контекст. Оставшись без глобального противника, Запад сразу же попал в сеть своей собственной неопределенности. Потеряв спасительного врага, «западоиды» растерялись, и захлебнулись в половых извратах, где серьезное и смешное, прошлое и настоящее, главное и случайное смешались, породив уникальное безумие. Запад теряет способность различать мужское и женское, отца, мать¹², закрепляя это безумие даже в законах об однополых браках¹³.

неизвестное, опасное. Сам факт наличия России, размышления о ней, даже злоба, стремление изничтожить ее незримо питают мысль Запада, превращая его безумие в мыслеподобие. Непостижимость России остается хранителем живого сознания и мысли. Запад утратил свою роль субъекта живого сознания, став распорядителем овеществленного, отекушенного, бессознательного и бюрократизированного сознания, т. е. мертвого и мертвящего сознания. Отсюда такая странная проблема, как «утечка мозгов». Это не проблема «бедных» стран; на деле мозги других стран перетекают на Запад только потому, что западные мозги улечиваются. Мозг Запада обслуживает не живое, а мертвое сознание, объективированное в технологиях, государствах, вещах, архетипах бессознательного. Запад пока еще остается субъектом-манипулятором вещей, материи, техники, но в отношении сознания он уже стал его объектом, навязывая эту мертвую объектность живому сознанию всего мира. Поэтому-то он и нуждается в постоянном притоке живого сознания, хранителем которого сегодня является только Россия.

¹² Вот описание этой ситуации Ж. Бодрийяром — противником, сторонником, жертвой Сети в сфере пола: «Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина?» [3, 38]. Ответа нет, а есть неуверенность, путаница, тревога и страх, ибо скрытая цель сексуальной революции не в свободе пола, а в принудительной транссексуализации всех людей. Это и есть подлинное «назначение любой революции. Именно таким образом мы (французы. — Н.Ш.) стали транссексуалами» [3, 38, 39]. И делает эту революцию, движет ее скрытая Сеть извращенцев. Но транссексуальность, сомнения в своей половой идентичности — это проблемы не людей, а демонов; видя жизнь людей, им тоже хочется... Поэтому они ищут свой пол, перебегают из одного пола в другой, играют в пол. Но без насилия нет революции. На традиционный пол, отвергающий любые извращения, обрушился нешуточный террор даже в космополитической Франции. А в СМИ все голубенько и спокойненько!

Скромнейший мудрый богослов и ученый, С.С. Аверинцев, не выдержал и заговорил. Он справедливо заметил, что наибольшую опасность для людей таят половые извращения, которые гибель человечества превращают в наивысшие наслаждения. Так, «сексуальная революция, которая давно уже действует отнюдь не только “пермиссивно”, но и агрессивно, развязывая мо-

Победа Запада лишила его идентичности, целевой причины. В борьбе с СССР Запад безумно уверовал в то, что он защищает свободу, прогресс, права человека, либеральные идеи и ценности, институты. А что делать модельерам прогресса после пропажи СССР? Остается вкушать безумие своей веры! Хорош романс: «Как хороши, как свежи были розы!», но романсы не заменят увядающие финансы! А без СССР в Европе растет коллапс, который заменяет временно ушедшую империю своим СССР — Свободным Соревским Содомитским Развратом — высшим творением прогресса.

Основателем европейской сетевой мусорологии стал Ницше, создавший основные догматы безумия: «Бог Умер!», «Мы убили Бога!». Идя этим путем, постмодернизм заявил, что человек, субъект, автор, индивидуум умерли, остались лишь «дивиды», «машины-желаний», вырабатывающие влечения, которые не признают никаких целей, размножаясь как сорная трава, — такое бытие Делез назвал «ризомой», *демонической экзистенцией*, ищущей в самой себе эвтаназию. Все возвращается на круги своя, все, кроме... человека; все приходит к тому, к чему должно прийти, но только человек от Сущего и «Должного» идет в «ничтожное». Человек стал *дивидуумом*, а его *оригинал* — «делимым»: он произвольно меняет свои органы, пол, становится конструкцией, в которой большинство элементов заменимы. Вначале человек отверг религию и душу, затем признал себя «перпендикулярно ползающей машиной» (Ламетри); затем занялся клонами. Но клон — это просто голубой демон, который поручил своим ученым создать зверегеев. Человек должен стать «чудом антихриста» — неозверем, «машинным животным», владеющим азами ума. Вне сакральности человек теряет идентичность и становится бионекротехноинформационной машиной.

Чего желает этот зверь? Его животно-демоническая логика недоступна людям. Идет «неозверинный гуманизм». Атеистов сменяют «неозвери» — сосуды демонов, бесовские ансамбли, где каждый бес визжит, смартурбирует, блогерствует, слушает свою сопель. И в этой какофонии визгов, скрипов, соплей, взрывов рождается «новый миро-

ральный террор, который, похоже, превзойдет все кошмары лицемерия, ханжества и “прюдства” былых времен — по общему закону, по которому революционный террор эффективнее, нежели старорежимный» [4, 162]. К людям, которые живут по закону Сети, но уклоняются от полноценного разврата, будет применен неслыханный террор, который отчасти приоткрыл нам незабвенный маркиз де Сад. И этот террор на Западе стал уже реальностью.

¹³ Известно, что однополость присущи червям, которые совмещают в себе родителей «А» и родителей «Б», всевозможные половые дезориентации и уродства, представляя примитивную форму размножения.

вой порядок» — цивилизация черной дыры. В сетях люди не знают, что делать, а вот что не делать, они чувствуют, но делают то, что они *не должны* совершать. Людям не нужны сетевые дела, ибо непонятно, каковы их цели; поэтому они о них и не размышляют. Но остатки опыта людей признают странное нечто, которое вынуждает их поступать немотивированно именно потому, что так поступать они не могут и не должны¹⁴. И орудием этих тайных мотивов служат сети.

Человек был «субъектом» истории. В Сети человек вообще не является ни субъектом, ни актором; он просто бесхозный элемент. Сеть выступает как операционная среда, программирующая безличность. Но в Сети внезапно, неведомо, мгновенно и хаотически создаются очаги возмущенной, взрывной и протестной энергии, которая столь же внезапно разряжается вспышками гнева, возмущений, бунта, взрыва, бессмысленных акций. И все эти акции совмещаются в невидимой и мрачной оптике зеркал бесконечных экранов. Эти импульсы «пассионарности» Сократ называл «демоном», который создавал вокруг него странную сеть, активировал ее вопросами, а затем внезапно исчезал, оставляя Сократу коктейль из цикуты.

Сети работают посредством Воландов и его демонов — двухмерных акторов: они шокируют людей сознательным безумием, а потом исчезают. Современные общности создаются анонимами, которые посредством Сетей на время превращают людей-дивидов в *индивидов*, служат источником их удовольствий и мучений. Демоны структурируют сети, заряжают их виртуальной энергией, придают им смыслы-симулякры, распределяют должности, допингуют вялые воли. Они служат виртуальными демиургами, создавая для пост-людей и пост-общностей целый мир — со своими правилами, законами, нормами, конфликтами, распределением успехов и крахов. В сегментах Сети, вдохновленных демонами, возникает подобие смысла. Сеть обретает на время эфемерный смысл как поле военно-игровой активности демона. Игра становится целью, смыслом, задачей и решением программы — сделать человека постоянным экранным, двухмерным существом. Но демоны не задерживаются в сетевых кластерах, провоцируя других людей в других сетях через сетевые резонансы. И видимая связность Сети без демонов быстро становится блуждающими бифуркациями узников Интернета. Поскольку закон Сети — игра, то смысл

¹⁴ Апостол Павел с волнением и тревогой говорил: «Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Добро, которое хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 15, 19). Святой видел в этом парадоксе козни «ангела сатаны» (Кор. 2, 12, 7). Фактически, он очень точно психологически описал способ действия Сети, в которой желаемое невозможно, а нежелаемое неизбежно!

— помеха. Мыслить надо весело, легко, чтобы хохотал даже Бегемот. Юмористы становятся революционными идеологами диктатуры Сети.

Сети составляют из хаоса новые игры и карты виртуальности; в них нет постоянных параметров, участников, норм. Играя с самими собой, игры постоянно меняются в зависимости от своеволия демона. И финансовые, управленческие сети работают лишь при наличии в них «демона» Сократа — бифуркации человека. Демон есть, толпа сократизирует; демона нет — все рушится, уходя в криминал и в коррупцию.

Согласно Хайдеггеру, бытие заменяет «ничтожащее ничто», которое, глумясь и пародируя, разъедает даже материальную идентичность объектов естествознания. И тогда в игру вступает демонизм вещей. Все предметы становятся изворотливыми и многофункциональными, они иронично подмигивают, кривляются, заставляя, чтобы мы веселились с ними, гордились их брендами, покупали их, а главное — чтобы их постоянно фотографировали, превращая в копии. Главдемон внушил желание миру и человеку стать свободной копией-призраком, не знающим бед и печалей.

Материя исчезает в грезах виртуальной среды и в черных мозгах белых физиков. Социальная жизнь заменяется демократическими спектаклями, карнавалами и массами толпарей, фанатов, убивающих друг друга за каждый гол их идолов. Элиты омолаживаются и создают новые схемы сокрытия своих трудовых доходов. Рушится западный логос, который уже прошел свой путь — «родился, женился, детей abortировал, пенсия хорошая, но неприличная для владыки мира, и он занял очередь на эвтаназию, в которой досрочно и умер». Новый логос с новыми ценностями не возникает, а хаос наполняет лишь «приходы-уходы-уроды».

Сведением бытия до виртуальности, индивидуума — до дивидуума, духа — до парфюма учреждается новая реальность — Сеть; она осуществляет тотальный контроль мотиваций социума, людей, наций посредством операционных, финансовых, протокольных, фильтрующих, *подсетей* и *метасетей*. Странный контроль! Все предельно свободно и предельно упакованы¹⁵. Сеть тотальна, из нее нельзя уйти даже в смерть, ибо она создает единое для живого и мертвого виртуальное пространство. Сетевой *синтез машины и тела в киборге пред-*

¹⁵ Сетевые навигаторы уже полностью заменяют голову человека; двигаясь по указаниям прибора, и в результате его ошибки он спокойно выезжает на встречную полосу или прямо вылетает с моста в реку... Мы не запоминаем дорог, разрушаем «геометрическое мышление», не умеем запоминать сложные маршруты — да и простые тоже! Даже обычный бумажный атлас в случае отказа электроники ставит нас в тупик — а как им пользоваться-то?!

ставляет проект синтеза мертвого и живого, которые в сетях не разделены ни сострадательно — памятью, ни предметно — кладбищем. Смерть из врага жизни превращается в нетрадиционную ориентацию жизни, и никто не задевает достоинства покойников. Потомство клонируется, а в случае нужды — деклонируется.

В то же время незаметно идет мировое превращение (возвращение!) экономизма в хозяйство. И это — самое главное и самое существенное в человеческом бытии после прихода Спасителя. Не поняв **разрыва хозяйства и экономики, внутренней разорванности экономизма, не видя способа их сращивания**, мы не поймем ни себя, ни жизни, ни мира, ни смерти, вообще ничего не уразумеем. Это сакральное событие-переход, ибо в хозяйстве реализуются божественные умения, а в экономизме — вторичные умения, питаемые пороками. Хозяйство возможно лишь в контексте жизни и Бога, а экономика — в контексте смерти и дьявола, ибо хозяйству не нужны фикции, а экономика на них держится. Запретив плоды с дерева познания добра и зла, Господь запретил ту деятельность, которая уводит хозяйство из жизни в экономику, работающую на ничто. Дьявол был и остается первым непревзойденным бизнесменом, создавшим первое смешанное акционерное общество, в котором соединил грех, вырождение и торговлю душами. В торговле и бизнесе главное не «золотой телец», а искажение души, сознания и ума, чтобы они служили не истине, а лжи. Конечно, не сразу, не сразу, а постепенно через внедрение повсеместного служения идолу «золотого тельца».

Поэтому сегодня Запад навязывает миру не свою наилучшую систему жизни, а свою наилучшую систему смерти и антижизни; не свою правду, а свой самообман, не свое бытие, а свое скрытое ничто, не свою сакральную и экзистенциальную идентичность, а свою демоническую фрустрацию. Запад уже проел все смыслы своего логоса, а посему Европа сегодня не знает самой себя, не может внятно сказать: «Что есть Европа?». И НАТО не придаст Европе определенного лица, ибо его задача — разбивать лица.

В такой ситуации термин «Сеть» оказался единственной идеологией, которая как-то оправдывает инерцию гегемонии Запада. Сеть заменяет идентичности людей, стран, народов *игрой* в идентичность. Когда коллективы, институты, индивиды не достигают поставленных целей, когда не работает причинно-следственная логика науки, Сеть заменяет логос, беря на себя часть его упорядочивающих функций. Сеть заменяет контексты, перспективные центры, временно соединяя логистику и спекуляции, удовольствия и криминал, извращения и провокации, демонизм и терроризм.

Сети вообще-то присуща некая магия, что говорит о ее допотопном генезисе. Есть пауки, которые осенью целиком превращаются в паути-

ну, которая растворяется в воздухе. Но весной паутина самовозрождается, из нее снова появляется паук, работающий с этой кровавой сетью. Это свойство сетей — мгновенно сплетаться и расплетаться — исключительно важно для манипуляции и управления социумом: сети действуют мгновенно, агрессивно, экспрессивно, невидимо, бесследно и разрушительно.

Абсолютной противоположностью сетей являются идеи и сознание. В античной философии эйдосы, идеи смели все сети. А эйдосам присущи аутогенная мотивация и активность, способность находить, свою материю, умение творить из нее нужные им сети даже вместе с людьми.

А вот у искусственных сетей нелады со смыслами, которые они не воспринимают; эти сети требуют не понимания, а механического подчинения. Непонимание смыслов — *sine qua non* эффективности искусственной Сети, которая вся, не исключая и ее квазисубъекта, является воплощением незнания, всесмешения, структурного безумия.

Искусственная Сеть разрушает интегративные модели, обобщающие смыслы, идеологические цели сознания, заменяя эти его функции насилием и соблазном. В Сети целостность сознания разбивается на сумму фрагментов-узлов-пересечений, из которых манипулятор составляет конфигурации, о которых части ничего не могут знать, ибо сознание работает как цельный организм. Части сознания в искусственной Сети, безвозвратно теряя свою идеальность, обречены стать демоническим мусором. Соль, потерявшая соленость, никому не нужна¹⁶. В этом плане Сеть — опаснейшее оружие¹⁷, ибо в ней скрыты нападение, поражение и жертвы. Сеть заменяет сознание, ум, язык и волю человека, но сама не творит, поддерживая временно их бытие в качестве жертвы. Сеть — это и хорошее орудие государственной измены, ибо в ней есть скрытые связи всего со всем.

Но Сеть — это последняя, суицидная, форма антихристианского проекта общества¹⁸: Сеть — это полная толерантность добра и зла, ин-

¹⁶ «Если соль потеряет силу, чем исправить ее? Ни в землю, ни в навоз не годится; вон выбрасывают ее на поприще людям во тьму кромешную. Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Лк. 14, 34—35).

¹⁷ Поскольку всю планету США оцифровали, охватили количественными сетями, то возможно с высочайшей точностью определять не только свои координаты, но и место нахождения противника. Сетевый подход может свести почти к нулю боевую мощь прежних вооруженных сил, не учитывающих зверя Сети.

¹⁸ Паук проник между двух стекол окна и ждет добычу. И вот муха на стекле; паук вмиг сплел паутину, но муха улетела. Другая муха села на стекло, паук инновационировал паутину, но результата нет. Паук сотворил уже хайтековскую сеть, но сам же в ней запутался и стал жертвой прогресса.

фернального и сакрального, живого и некрофилии. Тем самым Сеть приобщает всех людей к антихристианским делам. В настоящее время Сеть — это скрытое орудие антихристианства. В сетях нет человека, мира, Бога, а есть только пустота с кодами информации от пустоты. Антихристианский проект исключает трехмерное толпо-элитарно-чиновническое общество, а ему нужно двухмерное сетевое общество, которое знает только экраны и не ведает о том, что сети рвутся, а экраны гаснут. Сетям недоступна правда Неба и неведомы дары Преисподней. Свершается должное: человек вне Бога, без минимального знания о Боге, Премудрой Софии обречен. И эта обреченность настигает его в виде сетей, в которых люди становятся ячейками «третьей», тюремной, реалии вне Бога и ничто.

Как паук без Сети ничто, так и человек без подключения к Сети ничто. Что значит любить? — «Быть в Сети!». Что есть зло? — «Быть вне Сети!». «Ты подключен к Сети, значит, ты существуешь не в себе и для себя, а вне себя и против себя», — таков императив Сети. Сеть в этом плане дает людям новую — сетевую — *идентичность*. Сеть оцифровывает людей, вовлекая их в общую клетку сетевых тварей. Влечения, желания изымаются от субъектов, становясь сетевыми стимуляторами, которые воздействуют на потребителей через вживленные в них сенсорные датчики. Удовольствие — подключение; страдание — обрыв связи. В Сети *уже не человек желает, а сама Сеть желает* людей без рефлексии и с мгновенной реакцией, что требует полной слитности субъекта и объекта информации; субъект должен непрерывно потреблять и изливать из себя нескончаемый поток словесного мусора и гламурного бреда во благо Сети inferнальной.

Сети — это *данность*, которая накатывается на нас лавиной вопреки нашим желаниям. Тот, кто субъектно и сознательно расценивает Сеть как вызов правде, тот ищет софийный метасмысл ее. Тот, кто принимает Сеть, тот станет живым узлом, и его сетевые кофемолки перемелют в пустоту ячейку. Реальностью в Сети обладает лишь то, что наполнено играми, манипуляциями, а не творчеством; ячейки не создают, а функционируют, выполняя чужую волю. И страшные черные цветы появляются в глазах людей. Сознание, ум, душа, смыслы растут уже не из света, даже не из бессознательного, а из вездесущей Сети наползают на нас этот болотный цветник. Сегодня сети незаметно стали самоцелью, превращая человечество, мир в самодовольные жертвы Главсетевика. Социализм и капитализм, либерализм и национализм, глобализм и регионализм в единый миг стали узниками сетевизма. В сетях мир, вещи, идеи и люди *изменяются, изменяют* сакральным оригиналам, становясь игровым и натуральным мусором. Сеть — это измена творений Творцу.

Сетевая среда (Сетеосмос) представляет собой некий вселенский скелет, удаляющий из мира в кромешную бездну все его содержание, смыслы, идеальные эйдосы. Материя, энергия, движение, закон, дух, знание, экономика, культура, человек — все это многообразие творений Сеть превращает в субстанцию Великого Смешения. Мы свободны, как мухи в паутине: можем жужжать сколько угодно о своих мушиных правах, писать трактаты, играть в инновации и ждать тестирования — насколько мы пригодны для нужд Сети. Однако сети все же избегают острия войны бытия и ничто, ибо нет в них конспиративной интриги, а есть тупое исполнение непонимающим людом предназначенной ему ритуальной роли в насильственном жертвоприношении смерти. Сетевая реальность есть след последних людей, которые уже в небытии, но сетями держатся еще за бытие. И хотя сети сами по себе неустойчивы, они легко и быстро восстанавливаются. Сети — это самоуничтожающаяся реалья, поздняя осень человечества накануне его исхода, ибо в сетях не плодятся, не учатся, не творят, не изобретают, а превращаются в «кровавый супчик» для новых видов паукообразных. Сеть — это воплощение идеи совершенной тюрмы.

Вся скрытая жуть сетевого мира не в том, что он неотвратимо поработает нас. Не на нас набрасывают сети, а они сами вырастают из нашей скрытой натуры. Мы покинули Бога, и Бог покинул нас, сколько бы мы в молитвах не взывали к небу. А божественное предопределение неотвратимо. Мы в духовном плане уже мертвы, а в зверином — частично еще живы. Смерть не только растворяет органику, но и увлекает вовне свою скрытую сете-костяную фигуру. Сеть — это уникальная техническая метафизика смерти, созданная человеком и демонами, создающая свой скелетный мир из тех, кто еще не знает, что они уже мертвы для жизни. Сеть — это не онтологическое, не гносеологическое, не логическое, не информационное, не финансово-экономическое явление, даже не виртуальное, и не дьявольское, а человечески-демоническое — живущее патологией последних людей.

Софийная философия видит в вещах, людях, в сознании и уме те смыслы или то безумство, которых они не видят сами, а потому и не ведают о своих функциях в антихристианском проекте. А потому и не ведают о статусе и роли Сети в реализации этого проекта. Субъекта нет без идеи человека, а в Сети идеи не нужны и невозможны; в ней не обитают, а проходят inferнальную практику полумертвецы, которых учат, что человеку не нужно знать, кто он, зачем живет вообще, ему нужно забыть, что он был и еще есть, а овладеть навыками работы с inferнальной гильотиной, чтобы оценивать сетевые свойства вещей, идей, людей, чтобы искоренять из них память о своих сакральных корнях. Поэтому в Сети даже симулякрам не дают гражданства, ибо они еще помнят о своей памяти; а за симулякрами идут властители мусор-

ных свалок — демонические пауки с сетями. Память — главное преступление Сети, в которой автоматизм контроля над людьми становится предопределенностью неживой материи.

Мир, вещи и люди неудержимо уходят в *пост*, чтобы приобрести вид на жительство неизвестно где и неизвестно в качестве кого. А «пост» — это не материя, не вещество, не энергия, не идеальная сущность, не субъективный галлюциноген, не смысл, не знаково-символический след, не виртуал, не искусственность, не евросимулякр, не когнитивный андрогин, не проект будущего, не хаосматический мутант, не модификант бездны, не способ инфернального прозябания, а сетевое пребывание вне бытия.

В XX и XXI вв. человек познал все, что мог познать, но вот София Премудрость Божья и философия хозяйства остались terra incognita в тщеславном знании людей. Абсолют Софии посылает нам прозрения, подозрения, озарения, догадки и молнии о жизни по ту сторону обреченности. Жизнь нужно делать из пропитанного софийными смыслами материала. И философия хозяйства идет вперед, зная, что впереди лишь одни завалы экономизма. Но у нее есть решимость идти туда, куда ведет нас невозможная реальность, сокрытая в софийной мудрости. Только метафизика Софии сражается с Сетью, обращаясь к личностям, к их уму, сознанию и совести. Ибо только София знает жуткую последнюю правду: «Как Священное могло покинуть освященных на произвол нечистых? Ведь нет Правды высшей, чем Высочайшее!». А сети — это глумление над Духом! Глумление, которое просит не прощения, а святого возмездия!

Литература

1. Винер Н. Кибернетика. М., 1968.
2. Батайя Ж. Проклятая доля. М., 2003.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
4. Аверинцев С.С. София — Логос. Словарь. Киев, 2006.

О.В. БОЙКО-БОЙЧУК

Постреформенная Россия — возвращение в себя

Аннотация. В статье обоснована необходимость и показан переход на методологическом уровне от антропоцентрической научной парадигмы современного знания к теоцентрической, предполагающей полноценное (разумное) знание.

Ключевые слова: методология, теоцентрическая научная модель, полноценное (разумное) знание.

Abstract. The article shows the necessity of the transition on the methodological level of anthropocentric scientific paradigm of modern knowledge to theocentric paradigm, assuming full knowledge.

Keywords: methodology, theocentric scientific model, full knowledge.

«Что бы ни говорили сегодня о завершении реформирования России, ее общества и экономики, реформный взор и ныне там — в реформировании, пусть и не столь масштабном, дерзком и безответственном, как в лихие 1990-е, но не менее, а даже более необходимым для вроде бы уже пореформной страны. Реформа завела Россию в тупой, но зато прочный и комплексный тупик: глобальной зависимости от внешнего контекста (и от глобализма как такового тоже), энергосырьевой флюсовости “нацхозяйства”, физического и морального старения всего и вся, непроизводительности и неразвиваемости. Любой стандартный ход, иной раз и экстравагантный, лишь усугубляет смертельно аномальную ситуацию. Требуется что-то экстраординарное — и не от кого-то, а от самой российской власти, которая пока лишь признает назревшие проблемы, но бежит упорно от их разрешений. Впереди — новая реформа, причем совершенно уже иная реформа, совсем не реформная, а постреформная. Впереди — неординарная экстраординарность, влекущая невозможный вырыв из постигнутого Россией тупика и возможный прорыв к всестороннему развитию!» (анонс-дискурс обсуждения на международной научной конференции «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», 5—7 декабря 2012 г.).

Сформулированная оценка сложившейся ситуации прямо указывает на то, что в России не работают модели и механизмы либеральной цивилизации (вернее, работают и эффективно, однако не на пользу стране и народу), активно прививаемые последние 20 лет.

Вместе с тем известна прямая связь между моделями, методами и методологическими основаниями получаемого и используемого научного знания (рис. 1).

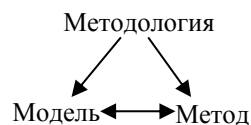

Рис. 1. Связность оснований научного знания

Таким образом, признание факта деструктивности либеральной модели жизнеустройства русского народа предполагает пересмотр методологических (т. е. предельных) оснований этого жизнеустройства.

В приведенной цитате сформулирован также и ожидаемый способ выхода из сложившейся в России ситуации: *через вырыв как неожиданное кардинальное изменение сложившейся ситуации, прорыв, пролом стены глухого тупика.*

Если зреть в корень, сформулированное ожидание по сути своей есть ожидание *Чуда*, — *Русского чуда*, восстания страны и народа из пепла. В такой постановке конференция в идеале должна была бы помочь нащупать векторы этого вырыва и запускные механизмы процесса. Но ведь современная, постсоветская (атеистическая) наука не оперирует в своих научных моделях категорией Чуда. Зато категория Чуда — одна из фундаментальных категорий богословия. Не вдаваясь в подробности, приведем краткое определение этой категории.

Чудо — объективно происшедшее событие, не вытекающее из естественных законов природы или человеческих сил. Объект действия Чуда — человек, общность людей, т. е. оно всегда антропоцентрично. В силу происшедшего Чуда объект резко (скачкообразно) переходит из одного состояния в другое. Его возникновение обусловлено непосредственным воздействием духовных сил. Истинное (положительное, созидательное) Чудо всегда имеет причиной установление Богообщения.

Изложенное прямо указывает, что в постановке вопроса вырыва России как Русского чуда необходимы принципиальные изменения в методологических основаниях исследовательских, познавательных, научных моделях, признающие Творца (Бога) как Личность, существующую здесь и сейчас, присутствующую всюду и всегда, имеющую собственный Замысел по отношению к своему творению (в первую очередь к человеку), который неизбежно, хотим мы этого или нет, осуществится.

Ожидание Чуда предполагает Его (Бога) волю такое Чудо по отношению к России и ее народу совершить, а также желание, оформленное в прошение со стороны субъекта Чуда — русского народа — чтобы такое Чудо свершилось, и обязательно готовность народа России его принять и далее жить в обретенных принципиально новых условиях. На власть России в таком случае возлагается функция создания возможностей для его свершения, а также сохранения и укрепления приобретенного нового состояния государства и народа.

В изложенной логике пусковыми механизмами процесса Русского чуда могут быть: формулирование предельных оснований научного и практического знания в новой для общества теоцентрической парадигме; объединение богословского и светского научного знания в единое полноценное знание (по святым отцам) про нас самих и окружающий нас мир; овладение православным вероучением как методологическим основанием осмысления проблем современного мира и мето-

дологическим основанием современного научного знания; вновь обретение во многом утраченного умения Богообщения (покаяния, благодарения, молитвы, жизни по заповедям) на всех уровнях иерархии российского общества.

Изложим кратко некоторые наши соображения по обозначенным предметам¹⁹.

Введение личности Творца и духовного мира в предельные модели современного научного знания позволяет представить переход от современной антропоцентричной научной парадигмы в теоцентричную. Такой переход можно проиллюстрировать на примере предельной модели мироорганизации (макроуровень) (рис. 2).

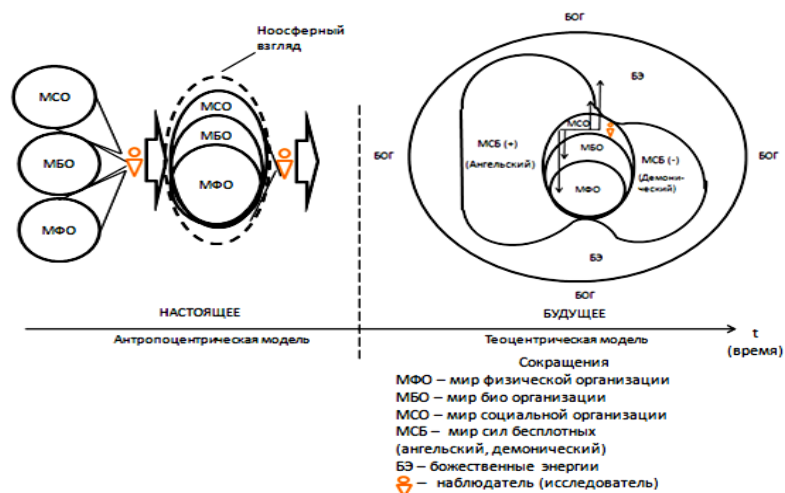

Рис. 2. Принципиальные изменения в предельных морфологических моделях мироорганизации (макроуровень)

Иерархию предельных морфологических моделей мироорганизации в теоцентричной парадигме можно представить рис. 3.

¹⁹ Заметим, что принятый нами схематичный подход в изложении поднятых вопросов обусловлен ограниченным объемом текста статьи и обширностью поднимаемых вопросов.

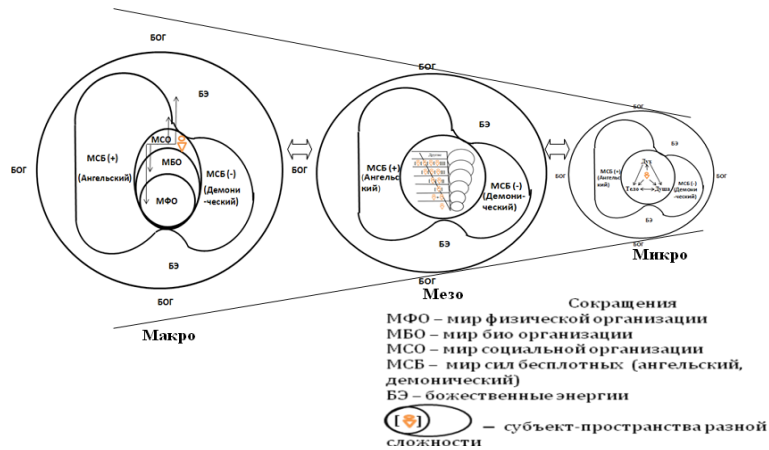

Рис. 3. Иерархия предельных морфологических моделей мироорганизации: макро-, мезо-, микроуровни

Место богословского и светского научного знания в пространстве макроуровневой морфологической модели мироорганизации показывает рис. 4.

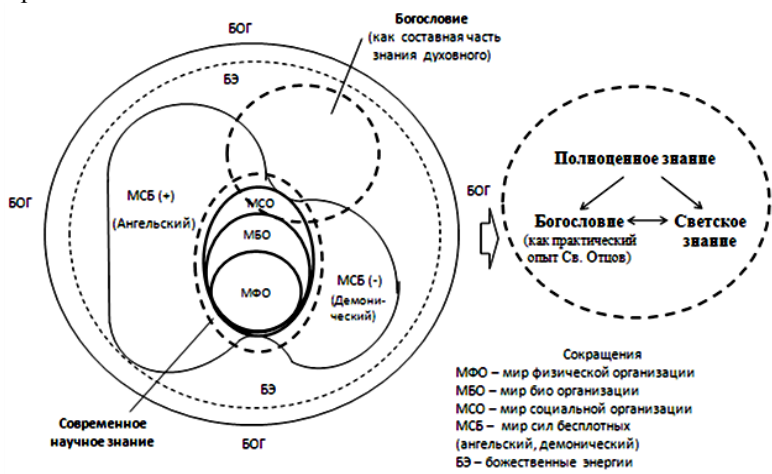

Рис. 4. Модель Полноценного знания

Модель и логику получения полноценного знания условно можно представить рис. 5.

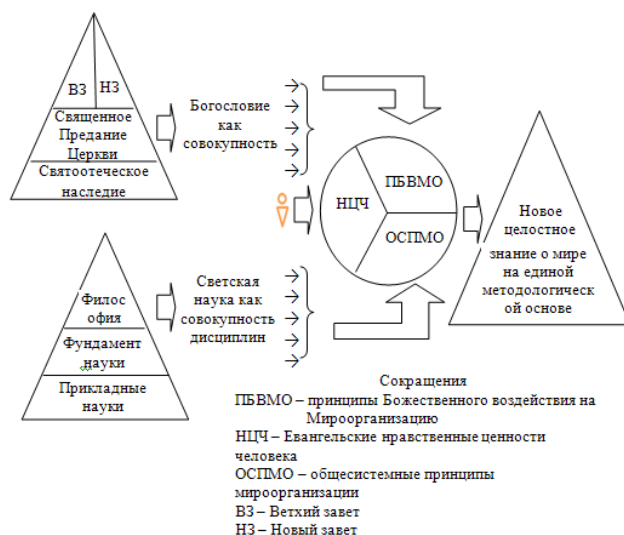

Рис. 5. Логика получения полноценного знания

Представление о потенциале богословия для содержательного наполнения вышеизложенных моделей раскрывает перечень дисциплин богословской науки.

Дисциплины богословия.

Основное (фундаментальное), или систематическое, богословие:

Апологетическое богословие (апологетика) — обоснование вероучения с помощью рациональных средств.

Догматическое богословие (догматика, системная интерпретация догматов вероучения): собственно теология — учение о Боге, Святой Троице; триадология — учение о Святой Троице; христология — учение о природах и лице Иисуса Христа; пневматология — учение о Святом Духе; сотериология — учение о спасении; экклезиология — учение о Церкви; эсхатология — учение о последних судьбах мира; иконология — учение об иконе; сакраментология — учение о таинствах; ангелология — учение об ангелах; антропология — учение о человеке; хамартология — учение о грехе; понерология — учение о природе зла.

Сравнительное богословие — компаративный анализ базового вероучения с основоположениями других религий.

Практическое богословие.

Пастырское богословие: гомилетика — теория и практика проповеднической деятельности; катехитика — первоначальное учение о вере; душепопечение — теория и практика душепасторской деятельности.

Литургика — теория и практика богослужения.

Нравственное богословие — учение Церкви о нравственном сознании и нравственном поведении человека (христианская этика).

Каноническое право — теория церковного права.

Библеистика:

Библейское богословие.

Текстология Нового и Ветхого Заветов — история текста Библии.

Библейская история.

Экзегетика, герменевтика, исагогика — методология истолкования библейских текстов.

Исторические дисциплины: история Древней Церкви; церковная археология; византология; история поместных церквей; история конфессии.

Признание Творца (Высшего начала) принципиально изменяет постановку целей научного поиска как синтеза Божественного Откровения, хранимого Церковью, с культурной и научной реальностью своего времени. При этом краеугольным камнем развития становится духовное измерение науки.

Дополнение существующей предельной исследовательской модели мироорганизации (рис. 2—3) «новыми» составляющими (новыми только для современного атеистического сознания) принципиально меняет контекст разворачивания универсальной познавательной матрицы (рис. 6), и объективно требует пересмотра и дополнения современного научного знания, с позиций накопленного за более чем две тысячи лет Богословского знания.

Таким образом, для исследователя, принимающего изложенный подход, актуальной становится задача соорганизации двух потоков (пространств) научного знания — богословского знания и светского современного научного знания, разделенных последние 300 лет барьером отторжения Божественной составляющей мироорганизации последним.

	Почему? (Зачем?)	Что?	Как?	Куда?	Когда?	Где?	Другое
Почему? (Зачем?)	X	←	←	←	←	←	←
Что?							←
Как?							←
Куда?							←
Когда?							←
Где?	←	←	←	←	←	X	←
Другое	←	←	←	←	←	←	X

Рис. 6. Познавательная матрица Полноценного знания

Существующая практика игнорирования светской наукой идеи объективного единства Творца и творения (порождающего начала и результата) приводит к тому, что научное сообщество рассматривает современную науку и богословие «...как автономные подходы к действительности; как представляющие собой две различные языковые системы; как появившиеся в результате совершенно разных установок; как подчиненные своему собственному “объекту” изучения, и определяемые только в отношении с ним (природа в науке, Бог в богословии)» [1, 33].

Вместе с тем глубинную суть и потенциал взаимодополнения богословия и современного светского знания иллюстрирует сопоставление понятий *веры* и *знания* (рис. 7).

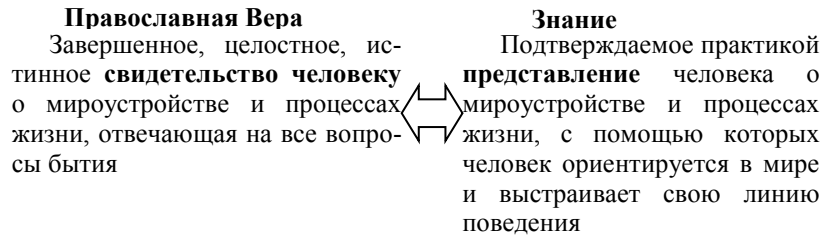

Рис. 7. Вера и знание сопоставление

Взаимодополнения и взаимоусиления свидетельства и опыта как «внутреннего», так и «внешнего» знания, объективно позволяет получить наиболее полное представление природы вещей, доступное человеку.

В предложенной постановке путь современной светской науки к Полноценному (у святых отцов — разумному) знанию должен лежать через переосмысление достижений последней с позиций новых методологических оснований (новой предельной модели мироорганизации) согласно познавательной матрице (рис. 6). При этом православное вероучение естественно рассматривать как методологическое основание современного научного знания и мировоззренческое основание осмысления проблем современного мира.

Проиллюстрируем данный тезис примерами на общесистемном, предметно системном и индивидуально-конкретном уровнях знания. Пример общесистемного уровня. Важнейший догмат христианства о Троициности Бога (Святой Троицы) предопределяет троичность природы Бытия, как следствие — троичность понятий, описывающих любое целое. Например, на общесистемном уровне это троическая связность предельных понятий (общесистемных принципов организации) (рис. 8).

Рис. 8. Троическая связность предельных понятий
 Логику троичности мироорганизации иллюстрирует рис. 9.

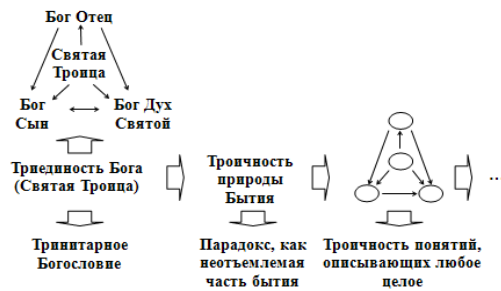

Рис. 9. Тринитарное определение христианской веры и ее следствия

Масштаб изменений в подходах, моделях, методах, целях, критериях оценки, прочее, после принятия изложенного, читатель сам может оценить, накладывая этот принцип на систему собственного знания о мире.

Пример на предметном уровне. Не надо быть крупным специалистом в медицине, чтобы оценить масштаб последствий (изменений) для современной медицины при осуществлении перехода от существующей сегодня модели душевно-телесного устройства человека к модели духовно-душевно-телесного устройства человека с доминантой первого (рис. 10).

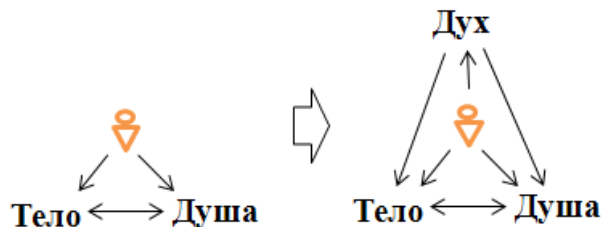

Рис. 10. Устройство человека

Заметим, что духовно-душевно-телесная модель медицины использовалась нашими предками: «...врачу необходимо иметь в виду не только одну больную плоть, но стараться искать корень болезни и в духе или в душе человека. Только такой врач будет иметь возможность подать скорейшую и вернейшую помощь» [2, 5].

Прикладной уровень использования православного вероучения как мировоззренческого основания осмысления проблем современной России и определения векторов (установок) внутренней и внешней политики государства иллюстрируется применением Евангельских притч Господа нашего Иисуса Христа к выработке политики государ-

ства, например, в вопросах: образования, воспитания, юриспруденции, экономики, культуры, проч. Это притчи: О добром семени и о плеве-лах (Мф. 13, 24—30, 13, 36—43); О закваске (Мф. 13, 33); О сокровище, скрытом на поле (Мф. 13, 44); О талантах (Мф. 25, 14—30; Лк. 19, 11—28); О злых виноградарях (Мф. 21, 33—41; Мк. 12, 1-9; Лк. 20, 9—16); О неразумном богаче (Лк. 12, 16—21); О богаче и Лазаре (Лк. 16, 19—31); О неверном домоправителе (Лк. 16, 1—9); О блудном сыне (Лк. 15, 11—32); О человеке благоразумном, построившем свой дом на камне, и о безрассудном, воздвигшем свой дом на песке (Мф. 7, 24—27, Лк. 6, 47—49); О ветхой одежде и о ветхих мехах (Мф. 9, 16—17) и т. д. (всего 33 притчи, и все они как одна о нас нынешних). Для примера в сжатом виде в табл. 1 представлено поле идей государственных политик по притчам.

Вера как метауровень социальной организации объективно предопределяет метаметодологию познания (знания) — методологию полноценного познания (знания). Поэтому ответ на вопрос: «Что служит основанием каждой науки... должен быть у всех один... основой служит религия (православная вера. — *О.Б.-Б.*)» [2, 13].

Осознание содержания принципов Божественного мироустройства и воздействия на мироорганизацию (Всемогущества, Всеведения, Промысла, Откровения, Благости, Правды, Красоты... [3]) приводит к пониманию: «Миром правит Бог и только Он; у Него сила и власть реальные, а у нас только кажущиеся; Промысел Божий попускает испивать нам горечь современной жизни; Менять можно и надо только своего внутреннего человека; Сначала изменения в душе — а потом, как следствие, дело» (Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)).

В масштабах народа, освоение изложенного — это по сути восстановление доминанты христианской культуры на землях Руси. В таком случае восстановление умения Богообщения видится как инкультурация православия во всех слоях и сферах Российского общества. При этом важно понимать, что жить с православным мировоззрением (православной культурой в широком смысле), быть его носителем и жить вне Церкви невозможно, поэтому носитель: исследователь, педагог, инженер, бизнесмен, любой другой — должен быть христианином (т. е. обладать религиозным сознанием, участвовать в жизни Церкви (таинствах, молитвах), жить по евангельским заповедям). Из этого также следует, что курс на симфонию отношений государства и Православной церкви является обязательным и необходимым условием русского чуда.

Таблица 1

Матрица формирования идей государственных политик

Наименование притчи	Субъекты воздействия	Ключевые идеи	Действия государства
О добром семени и о плевелах (Мф. 13, 24—30, 13, 36—43); О закваске (Мф. 13, 33); О сокровище, скрытом на поле (Мф. 13, 44)	Гос. аппарат; местная бюрократия; бизнес; общественные лидеры; население (как отдельная группа подрастающего поколения); СМИ; педагоги; другие	Творец → творение дух: (+); (—), свобода выбора человека в познании истины, отношения → мысль → слово, слово в жизнь ↔ слово в смерть. свобода слова → ответственность за слово, носитель слова, умножители слова (СМИ), приоритеты в слове информационной, образовательной, воспитательной, других политик, православная педагогика как детоводительство ко Христу, инкультурация православия, соработничество государства и Церкви в духовно-нравственных вопросах, другое	Направляющие, ограничивающие, запретительные, информирующие, обеспечивающие, целеполагающие, координирующие, организующие, мотивирующие, планирующие, контролирующие, перераспределяющие, карающие, защищающие, обучающие, прочее

С изложенных позиций современный кризис России это — промыслительное попущение Господом за упорное нежелание возвращаться к своим основам (напомним, что греческое слово «кризис» на русский язык переводится как «суд»; всякий кризис в жизни есть суд Божий, а суд Божий отделяет правду ото лжи, обнажает неправду [4]). Еще ветхозаветные пророки указывали, что причиной бедствий народа является нарушение Божественной Воли. «И земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет» (Ис. 24, 5). Когда народ уклоняется в идолопоклонство (3 Цар. 14, 15), когда прелюбодеяние становится нормой жизни (Ос. 4, 7—19), а лицемерие нормой поведения (Ис. 9, 16, 17), когда нарушается справедливость суда (Исх. 22, 21—24), тогда жизнь народа превращается в мучение, а сам народ — в посмешище у других народов. Таблица 2 раскрывает в нашей интерпретации современное проявление перечисленных грехов народа в российском (и во всем постсоветском) обществе.

Таблица 2

Современное проявление грехов народа

Грех	Проявления
Идолопоклонство (кем или чем занято сердце)	В поклонении: вещам; языческим богам; спортсменам; золотому тельцу (деньгам); поп-звездам; сатане (участие в сектах, ворожбе); политикам; церквям в расколе (как самости); светской моралью; другому
Прелюбодеяния	Пропаганда распущенности, разврата, секспросвет в школах В широком смысле как измена верности основам православного жизнеустроения
Несправедливость суда	Суд совершается не по правде, перестает быть справедливым и нелицеприятным
Лицемерие (на уровне общественных и личных отношений)	В отношениях между людьми; в воспитании детей; власти; СМИ; политиков; в образовательной среде; в семейных отношениях

Заметим, что не сложно от обратного сконструировать курс власти, которая желает себе и своему народу процветания под защитой Господа.

Обобщить изложенное выше можно одной фразой мудрого царя Соломона: «Начало мудрости — страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление. Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей» (Прит. 1, 7, 8).

Можно утверждать, что постреформенная Россия в собирании своих сил для «вырыва из постигшего ее тупика и возможного прорыва к цивилизационному развитию» должна возблагодарить Господа за проблемы и скорби, возвращающие ее в себя; оценить свое нынешнее состояние повсеместных ограничений как проявления немощи человеческого и прямой призыв возвращения блудного сына к Отцу; совершить самоопределение в своем цивилизационном месте в духовном, культурном и экономическом планах как центра Славяно-Православной, по С. Хантингтону [5], цивилизации; с благодарностью осознать, что дарованные ей Господом безграничные ресурсы это прививка от страстей и шанс (возможность) в очередной раз начать свое восхождение с «чистого» листа; осознать роль традиции в сохранении себя как целостности и своего места в цивилизационном процессе.

В нашем видении Россия должна вспомнить себя и проявить волю к изменению *принципов жизнеустройства*: от либерализма к теоцентризму; от внешнего (приоритет пространства) к внутреннему (приоритет внутреннего человека); от самоделкиных к Божиим; от Я к Мы и к Ему; от глобального к национальному; от экономических приоритетов к приоритетам в воспитании и культуре; от мультикультурализма к традиции и т. д.

В заключение зафиксируем, что изложенное, по нашему мнению, полностью относится к перспективам вырыва в развитие современной Украины как самостоятельного независимого государства в пространстве *единой православной культуры* земель Святой Руси²⁰.

Литература

1. Пикок А. Богословие в век науки. Модели бытия и становления в богословии и науке. М., 2004.
2. Медицинское наследие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). М., 2008.
3. Настольная книга священнослужителя. Т. 5. Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2003.
4. Митрополит Кирилл: «Самая большая проблема сейчас — это кризис человеческой личности» // <http://www.kp.ru/daily/24233/434175/>.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

²⁰ Автор благодарит иерея Андрея Кудрявцева за помощь в формулировании определения категории Чудо и перечня дисциплин богословия, а также за редакционные замечания.

М.Р. ЭЛОЯН

История философии хозяйства: религиозно-метафизические предпосылки хозяйственного развития Китая

Аннотация. В статье анализируется чертеж Первого начала с точки зрения метафизики хозяйства Китая. В результате противопоставления натуралистической и метафизической концепций Ян и Инь было выведено основополагающее понятие хозяйственной метафизики Китая — «производительное земледелие». Показывается, что религиозно-метафизической основой конфуцианской этики является древнекитайская система миробития, получившая свое полное выражение в чертеже первого начала.

Ключевые слова: пантеизм, агентизм, Ян и Инь, небо и земля, воздух, конфуцианство, даосизм, порядок, эманация.

Abstract. In this article is analyzed representation of the first beginning from the point of view of Chinese metaphysics of economy. In the result of opposition of naturalistic and metaphysical concepts Yin and Yang was deduced the fundamental concept of economic metaphysics of China — «productive agriculture». It is shown that religious and metaphysical basis of Confucian ethics is the ancient Chinese system of objective reality which received its first expression in the concept of the first beginning.

Keywords: pantheism, agentism, Yin and Yang, the heavens and the earth, air, Confucianism, Daoism, order, emanation.

Чертеж Первого начала

Теология. Чертеж Первого начала или, что то же самое, древнекитайская система миробития, включает в себя три элемента: Первоначало, Ян и Инь, человек. Первым элементом является Первоначало, от определения которого зависит весь ход религиозно-метафизической системы Китая. Поэтому Иакинф (Н.Я. Бичурин) начинает с анализа первого положения «Книги перемен»: «Из начала ничтожества произошло Первое начало», и сразу же поясняет, что положение это не нужно понимать так, как его понимают современные ему исследователи, а именно, что якобы помимо Первого начала существует еще начало ничтожества. Это положение нужно понимать так, что само Первоначало понимается как ничтожество, как ничто, как не вещь. При этом Иакинф ссылается на Чжеу-цзы: «Ученый Чжеу-цзы в словах — из начала ничтожества произошло первое начало, не разумеет того, чтобы кроме Первого начала было еще начало ничтожества, но только говорит, что Первое начало не есть вещь» [1, 11]. Поэтому и ставит вопрос: «Начало ничтожества и Первое начало — не суть ли две вещи?». И отвечает: «Из начала ничтожества произошло Первое начало, и Первое

начало собственно есть начало ничтожества; следовательно, нельзя принимать, чтобы после ничтожества особливо произошло Первое начало, или до Первого начала существовало начало ничтожества» [1, 25].

Другими словами, понятие ничтожества и понятие Первоначала — не два разных понятия, а определение через ничтожество самого понятия Первоначала. Но как понимать это ничтожество? Безусловно, определение Первоначала как ничтожества относится к разряду отрицательных понятий религиозной метафизики. К примеру, греческий язык знает два рода отрицательных понятий, используемых греческим богословием для определения Божества. Первый — отрицательность как таковая, т. е. отрицание всякого определения и содержания Божества, его принципиальная невыявленность и неопределенность, которая на греческом языке передается как апривативум. Второй — неприципиальная отрицательность, а пока (или еще) невыявленность и неопределенность Божества, которое уже содержит в себе всю потенциальность бытия, переданную на греческом языке как меон. Из понимания Божества как апривативума следует теистическая религиозно-метафизическая система, отстаивающая идею Бога-Личности, стоявшего над миром и создавшего этот мир «из ничего». Из определения Божества как меона следует пантеистическая религиозно-философская система, отстаивающая идею тождества Бога и мира и рассматривающая Божество как источник, или первопричину, мира.

Если применить эту греческую классификацию к китайскому определению Первоначала как ничтожества, то оно созвучно греческому меону. Первоначало существует до бытия и небытия всякой вещи; оно не имеет ни качества, ни запаха, ни звука, ни образа, вообще никакой конкретной осязаемости, даже атмосферы, но оно уже содержит в себе весь мир. Поэтому, будучи бескачественным, необразным, безличностным, неосязаемым и нечувственным, Первоначало является Единным основанием, вместилищем, потенцией бытия, корнем любой вещи в этом мире. «Все имеет видимый образ; одно сие начало не имеет ни образа, ни места. Посему Чжеу-цзы присовокупил еще слова: начало ничтожества, дабы объяснить, что оно не имеет образа пяты и корня, но действительно есть великая пята, великий корень вселенной. Посему сказано: из начала ничтожества произошло Первое начало» [1, 13].

Таким образом, Божество Китая есть непонятная сила, из которой исходит жизнь мира и которая проявляется как неизменный закон природы. В Китае он назван «Шань-ди, в переводе: верховный повелитель, проповедуемый христианами под именем Бога. Китайские мыслители называют его Великое пустотою Тхай-суй и Первым началом, Тхай-цзи, то есть высшим духовным существом и первою виною мира; еще называют его Небом, Тъхянь, и понимают под ним невидимое

небо, которое силою своей объемлет весь мир, и действует в нем по извечным законам» [2, 4]. Так что же это такое — Первое начало, или, что то же самое, Тхай-суй, Тхай-цзи, или невидимое Небо, Тъхьянь, или великий повелитель Шань-ди? «Чжеу-цзы говорит, что чертеж Первого начала есть нечто иное, как единый истинный порядок, совокупленный в одно» [1, 10]. Ему вторит Джао-лу: «Первое начало есть высокое наименование небесного порядка» [1, 12].

Словом, Божество Китая не есть дух личный, а имманентная миру форма законосообразности, порядок, который был прежде мира и человека в этом мире, но который определяет порядок каждой вещи и всех людей этого мира. «Первое начало есть не что иное, как наилучший и совершеннейший закон и порядок» [1, 28]. Хорошо по этому поводу сказал Хрисанф: «Порядок — это и есть их (китайцев. — М.Э.) Божество. Это та сила, которая связывает воедино все существа и от которого зависит ход мировой истории» [3, 105]. Порядок проявляется в действительном мире в виде существования вечных и неизменных законов физического и нравственного мира, которые в то же время являются естественными (или божественными) законами: «Подлинный порядок есть естественный...» [4, 175]. Отсюда и название книги — «Изображение первого начала, или о происхождении физических и нравственных законов».

При таком воззрении на Божество как на «невидимое Небо-порядок» не может быть и речи о творении мира. В языке Китая даже нет слова для обозначения понятия творения. Однако исследователи религии Китая в своих изысканиях впадали в две крайности — от отказа ей в метафизичности до прямо противоположной — приписывания ей метафизики самого высокого порядка — теизма и креационизма. Так, старые католические миссионеры Амиот и Премар находят в ней чистый монотеизм, идею создания мира «из ничего» и даже основной догмат христианской церкви — Святой троицы. Ф. фон Штраус также говорит о «древнекитайском теизме», а Ф. Кенэ видит в китайском Божестве творца, на понятии которого в «Китайском деспотизме» он строит свою концепцию естественного права.

Иакинф, знающий общую направленность в этом вопросе французской школы синологии, всеми способами выхолощивает любые намеки на теизм и креационизм в религиозных воззрениях Китая. Будучи последовательным в подборе терминов, имеющих отношение к процессу происхождения мира, Иакинф переводит их как «изображение» [1, 26], «произведение» [1, 24], «рождение» [1, 18] мира из Бога, но никогда не переводит их как «создание» мира Богом, как это делали французские специалисты. А если и оговаривался — «сотворение», то тут же поправлял себя, в каком значении он это понимал: «Пять стихий сотворенных (произведенных)» [1, 24]. Более того, Иакинф подчеркивает

отсутствие в китайской метафизике идеи создания мира «из ничего», ссылаясь на положение чертежа Первого начала: «не можно отрицать, чтобы все изображения (виды вещей) не заключались в начале ничтожества» [1, 25—26], которое нужно понимать так, что все вещи уже изначально были в Божестве-Первоначале, потенциально содержась в нем, а не были созданы им «из ничего». «Безначальное есть Первое начало, и невозможно опровергнуть, что в Безначальном все образы вещей искони существовали» [5, 417]. Наконец, в своем труде «Описание религии ученых» он делает окончательный вывод, раз и навсегда пресекающий любые попытки аналогии Шань-ди с христианским Богом-творцом: «Сему существу (Шань-ди. — М.Э.) они (китайцы. — М.Э.) приписывают свойства, довольно близкие с приписываемыми у нас Богу: но умствуют о нем по своим понятиям; и потому мысли их о творчестве и промысле темны, сбивчивы, даже во многом погрешительны» [2, 4].

Итак, из воззрения на Божество как на ничтожество следует исторически первая пантеистическая система Древнего мира, какой она предстала впоследствии в чертеже Первого начала. М. Мюллер был прав, когда говорил, что в древнейшем Китае раньше, чем в древней Индии, считавшейся исследователями долгое время родоначальницей пантеизма, сформировалась тенденция единобожия. И самой его блестящей идеей принято считать проводимую им аналогию между индусской ритой и китайским дао. Но задолго до М. Мюллера Иакинф в чертеже Первого начала указал на аналогию между индусской ритой, китайским дао и китайским воздухом Ци.

Космология. Как же в чертеже Первого начала мыслится процесс происхождения мира? В духе теории эманации. Подобно тому, как в брахманизме мир возник в результате излучения Брахмы, а в неоплатонизме — в результате проистечения божественных капель вниз, так и в чертеже Первого начала мир возник в результате нисшедшего вниз воздуха Ци. А именно, из движения Первоначала возник теплород, который на китайском языке называется Ян; а из его покоя возник водород, названный по-китайски Инь. «Первое начало состоит из единства двух сил — Ян (небо) и Инь (земля), первое из которых — Ян — возникло из движения Первого начала, а второе — Инь — из его покоя» [1, 13]. Ян и Инь есть грубая, вещественная форма того же Первоначала, первоматерия, которая составила Ци — «первобытный воздух» мира, или «всеобщую душу мира», как ее назвал Чжеу-цзы, в противоположность Первоначалу—ничтожеству, который даже не имел атмосферы. «Чжеу-цзы говорит: Первое начало произвело Инь и Ян; порядок произвел воздух (всеобщую душу мира)» [1, 16]. «Первое начало есть высший закон образов; Инь и Ян суть низшее (грубое) существо образа» [1, 15]. «Под непосредственным действием Первого

начала образовался видимый нам мир. Сей первобытный воздух наполняет собою необъятное пространство мира и составляет душу всего существующего в сем пространстве. Разнообразные явления в мире суть проявления действия ее» [2, 4].

Другими словами, Ян и Инь — это все те же Небо и Земля. Но, в отличие от механико-материалистического «учения о Ян и Инь», где Небо выше земли и где они предстали как силы природы, в чертеже Первого начала они выступили как две стороны одного и того же Первосущества, две его равнозначные силы, или агенты, как их бы назвал М. Мюллер. В этом смысл китайского агентизма, рассматривающего Ян и Инь как агентов Божества, в противоположность анимизму, где они предстают как самостоятельно действующие силы природы²¹.

Причем характерной особенностью и оригинальностью китайского пантеизма-агентизма и по отношению к вышеперечисленным, и не только пантеистическим системам, является то, что в отличие от них, мир, возникший из Первоначала, распался надвое — на две формы бытия — Небо и Землю. И в этом смысле китайский агентизм есть двойственный пантеизм. Ян — это все то же Небо, но уже видимое — небесный свод, который является отражением невидимого Неба — Шань-ди. И для этого видимого Неба в китайском языке также нашлось имя — Цянь, или Тянь. И это не два разных Бога, а в духе пантеизма один Шань-ди, который, с одной стороны, проявляется в своей вещественной форме как Цянь, или Тянь, как Бог-Небо, а с другой — как Хуань, или Хоу-ту, как Бог-Земля²². «Цянь (небо) есть Гуа

²¹ В. Грубе пытался провести отличие между анимизмом вообще, и китайским духопочитанием, в частности, отмечая, прежде всего, ранжирование духа и материи, где «речь идет не об одухотворении материи, а о материи, управляемой разумными духовными силами» [6, 90]. Это совершенно правильное понимание китайского анимизма, и именно в рамках механико-материалистического «учения об Ян и Инь», но оно совершенно не применимо к китайскому агентизму, в котором Ян и Инь предстают как две равнозначные силы Божества.

²² М. Мюллер в своем именовании Бога Тьен, будучи последовательным монистом, как мы помним, также говорил о невидимом и видимом Боге-Небе как о едином Боге, но, в отличие от Иакинфа, он не увидел характерную особенность китайского пантеизма, выводившего все из Первоначала, но разделившего бытие надвое — на Бога-Небо и Бога-Землю, где как тот, так и другой, являясь видимыми формами бытия, являлись в равной степени отражением Верховного Бога. Причина этого, как нам представляется, в излишнем увлечении Мюллером аналогией китайской религии с индусской религией, которой присущ был абсолютный монизм, выводящий все из единого начала и мир рассматривающий в его едином проявлении.

чистого Ян... Это есть другое имя силе Неба» [4, 167], тогда как Хуань (земля) есть Гуа Инь и есть другое имя материи Земли.

На первый взгляд, это все та же родительская пара — отец и мать — всего существующего, какими они предстали в механистической концепции о Ян и Инь. Только с той разницей, что в чертеже Первого начала они являются силами не рождающими, а зачинающими от Первоначала; не они дают жизнь, а Первоначало — единственный источник бытия и жизни. И определяются они в равной степени как закон Первоначала: «теплород по своей твердости образовал мужчину — закон отца; водород по своему повиновению образовал жену — закон матери» [1, 13]. «В первом начале Ян выступил как Цянь (Бог-Небо), который произвел мужчину, а Инь выступил как Хуань (Бог-Земля), который произвел жену. В итоге муж и жена есть единое Первоначало — воплощение единственного истинного порядка — начала ничтожества» [1, 13]. Причем Бог-Земля — такая же сила Первоначала, как и Бог-Небо, и употребляется он в мужском роде²³, как сила, зачинающая от Первоначала — как в отличие от механистической концепции Ян и

²³ В. Грубе дает пояснение по этому вопросу: «“Земля” и “земной шар” еще и теперь обычно обозначают через Ту. Хоу первоначально значит “суверен”, “князь” и по древнекитайскому словоупотреблению всегда обозначает исключительно существо мужского рода; поэтому Хоу-ту можно дословно перевести только через “князь земля”. По законам же растановки слов в китайской грамматике, слово хоу могло бы быть понято как прилагательное, тогда получится “княжеская суверенная земля”. Но против этого понимания говорит тот факт, что божественный Хоу отождествляется уже в Ли-цзи с мифической личностью, а именно с сыном царя Шэнь-нунь по названию Гунь-тун, который возделывает землю в девяти провинциях государства и вслед за тем был сделан богом — покровителем земли. Подобных отождествлений, задним числом, божества с фигурами из мифического времени в древних источниках нет, но в Ли-цзи их можно найти в большом числе. Это вызванная очевидно культом предков тенденция превращать божество в своего рода героя... Этот частный случай предстает для нас интересным, поскольку он ясно показывает, что китайцы тоже были крайне далеки от представлений, которые могут им ложно приписываться о земле, как о божестве женского рода, которую они якобы понимают как “мать-земля”. Лишь при династии Хань (206 г. о н. э. — 220 г. после н. э.) слово Хоу получило значение “княгиня” и “государыня”, который сохранился за ним и поныне и только в одном гимне того времени есть указание на то, что божественные земли представляли себе тогда действительно в виде существа женского рода. Так как оно там прямо называется “плодоносной материей”. Обратное заключение от этого сравнения позднейшей метафоры к более раннему времени недопустимо уже по той причине, что антропоморфизм вообще был так мало развит в древности, доступного нам периода, что вряд ли тогда могла быть речь о различии мужского и женского божества» [6, 97—98].

Инь, где земля была женского рода, так и в отличие от христианства, где земля, употребляемая в женском роде, есть сила рождающая — мать-кормилица.

И в этом еще одна исключительность и особенность чертежа Первого начала, в отличие от других пантеистических систем, где земля-мир рассматривалась как убывающее Божество, или как искаженное Божество, а в индусской метафизике — даже как зло. Откуда следовали акосмизм и абсентеизм. Здесь она — одна из сил Божества. В этом во многом кроется основа хозяйственной жизни китайцев на этой земле, где отсутствует понятие плодородящей земли, но присутствует понятие производительного земледелия. Иначе говоря, где сама земля из себя ничего не производит, своими собственными источниками развития не обладает, но, в отличие от брахманизма, есть сила зачинающая, нуждающаяся в производителе-человеке, в котором больше Ян, чем Инь.

В первом параграфе «Об истине» книги «О пронизательности», уточняющей категориальный аппарат, имеющий отношение, прежде всего, к метафизике, для взаимоотношения между Первоначалом и Богом-Землей используется категория «заимствование», которой суждено будет стать основополагающей категорией хозяйственной метафизики Китая: «Верховность есть начало. Заимствовать — значит получать что откуда, то есть верховность Небесного закона, от которого все вещи приемлют свое начало. Сие проистекает из подлинного порядка, и есть корень влияющего человеку, подобно источнику воды; есть то же самое, что в чертеже движение воздуха Ян» [4, 167]. А то, что в «Изображении первого начала...» называлось покоем воздуха Инь, в книге «Проницаемости» называется природа-земля, влияющая Первоначалом. «Природа есть порядок уже установленный, принадлежит к воздуху Инь» [4, 170].

Недостатком всех пантеистических систем, выводящих все бытие мира из Единого начала, состоит в том, что по большому счету они знают только Божество, а все остальное рассматривают как производное из него. Так и в китайской системе миробытия из движения и покоя Первоначала образовались Ян и Инь, а из соединения Ян и Инь, которые являются лишь вещественной формой того же самого Первоначала, произошли пять физических стихий: вода, огонь, дерево, металл и земная почва. Эти физические стихии также не имеют собственной природы, а происходят один из другого — теплород из водорода, водород из теплорода; из воды произошло дерево, из дерева огонь, из огня земная почва, из нее металл; металл опять превращается в воду (жидкость), а все вместе рождены из Первоначала — единого порядка. «Где есть порядок, там есть и воздух, который если разделить на два, то будет теплород и водород; а если разделить на пять, то бу-

дет, пять стихий. Причем все они возникли в результате бесконечного рождения» [1, 26]. И далее, из соединения и разделения, перемещения и рождения этих двух сил — Ян и Инь и пяти стихий произошли не только все вещи, но и люди. «Сим то образом в начале люди и вещи производились в свете от изменения воздуха. Когда от сгущения воздуха составляются образы, то образы соединяются, а воздух действует; вследствие сего, от изменения образов люди и вещи рождают и рождаются; превращение и изменение бесконечно продолжается» [1, 27].

Антропология. В лучших традициях пантеизма, отстаивающего идею тождества Бога и мира, при рождении людей и происхождении вещей действует (работает) один и тот же закон Первого начала — закон единой природы всего существующего. «Закон Неба, закон Земли и закон человека имеют единое Первое начало» [1, 27]. Если и существует различие, то оно не по сути, а по состоянию — разница между людьми и вещами в степени совершенства воздуха: «чистейший и светлый в человеке; мутный и смешанный в вещах» [1, 31—32]. А существующая разница между человеком и другими живыми существами — в тончайшем воздухе, который получил только он. Получив тончайший воздух, человек из всех живых существ получил разум. «Только человек получил тончайшее и почитается разумнейшим (из всех существ). По образу принял бытие, по духу получил разум» [1, 30]. Отсюда структура человека состоит из души и тела; где дух (душу) он получил от Ян, а образ (тело) — от Инь. «По образу рождаются, а существование образа есть произведение воздуха Инь; по душе получают знание, а знание души есть качество воздуха Ян» [1, 32].

Как говорит И-цзинь, человек есть совершеннейший в этом мире. В нем в большей степени пребывает начало неба — Ян; тогда как в других тварях — начало земли — Инь. Его душа есть преимущественный носитель этого небесного начала, тело — земного. Он один из всех существ одарен сознанием, имеет разум и волю, которых нет ни у кого в мире. В силу этой разумности и сознательности человека китайская религия даже сопоставляет его с небом и землей как третью, подле них существующую силу, или треть «величие мира». Небо, земля и человек — три верховных силы в мире, и в этом смысл так называемой китайской троичности, которая противостоит христианской Троице точно так же, как теизм противостоит пантеизму, креационизм эманационизму, а самозамкнутая жизнь Святой Троицы — китайской троичности, имманентной этому миру.

И далее, христианское представление о человеке как о высшем божественном творении, обладающем свободой воли, противостоит китайскому представлению о человеке, подчиненном предначертанному Небом и Землей порядку и лишенном свободы выбора. Его деятельность есть также продукт сил Неба и Земли, а потому не является сво-

бодной деятельностью, а также предначертанной свыше. Короче, человек имеет дух (разум) и волю, но не может творить, если под творением понимать создание принципиально нового, а не воссоздание раз навсегда предначертанного порядка жизни.

Отрицание эсхатологии. Если в чертеже Первого начала нет теизма и креационизма, то в нем нет и эсхатологии — учения о конце света, которое является закономерным результатом развития логики креационизма и теизма. С точки зрения логики пантеизма и эманационизма древнекитайской системы миробытия мир, возникший из Первоначала, должен и вернуться в Первоначало. Начало мира — это его развитие из Первоначала; конец мира — это его «свитие», или возврат, в Первоначало, но не уничтожение его. Или, другими словами, в мире действует один первобытный воздух в двух видах — Ян и Инь; развитие, или существование, тварей есть действие воздуха Ян, тогда как действие воздуха Инь есть конец существования тварей, но не их уничтожение. «С пресечением существования снова все делается Первым началом и отнюдь не прерывается» [1, 28].

Этика. Проблема добра и зла будет рассматриваться также в духе пантеизма — тождества Бога, мира и человека. Если Божество Китая есть порядок, разум, совершенство, добро, то откуда тогда зло? Человек, природа которого «влиянна» ему самим Небом, рождается нравственным и имеет от природы доброе сердце. «Отсюда пять природ человека суть 5 врожденных свойств: любовь, справедливость, добро, знание, верность. Сие свойства составляют основание нравственных законов в человеке и соответствуют пяти стихиям, произведенным от смешения Инь и Ян. Дерево—любовь, металл—справедливость, огонь—добро, вода—знание, земля — подлинность всех четырех стихий и верность составляет подлинность четырех добродетелей» [1, 31—32]. Поэтому стремление к добропорядочности и нравственности есть его естественное состояние, органически вытекающее из его природы.

Откуда же тогда зло и что такое зло в этом мире? Как мы видели, оно не от Бога, потому что Бог есть добро и порядок; оно и не от воли человека, потому что она у него не свободна, а «влиянна» Богом, и проблема выбора снята в самом Первоначале — порядке, который первичен по отношению к человеку. И тем не менее зло существует. Зло — это нарушение порядка, отклонение от него, и причина зла — в несовершенном существовании отдельно взятого человека: оно индивидуально и относительно, в отличие от всеобщего и абсолютного характера добра. Поэтому оно носит, в противоположность тому же христианству, не онтологический характер, из которого следует идея эсхатологии, а временный и исправимый, отвергающий эсхатологию. Как правило, нарушения или повреждения в отдельном человеке зависят чаще всего от его неразвитости или от его незнания.

Отсюда понятно значение знания для человека, которое направлено на исправление его несовершенной природы, и та роль образования, которая отводится ему в конфуцианстве, где существует тождество не только между этикой и религией, но и между этикой, религией и педагогикой. Согласно этой системе тождества, образованный, в китайском значении этого понятия, есть нравственный человек, а нравственный — есть образованный человек. В этом смысл конфуцианской концепции знания как добродетели. Согласно конфуцианству, познание улучшает человека, и познание выступает единственной основой добродетелей.

Но конфуцианская система не была бы пантеистической в своей метафизической основе, если бы не предполагала существование в этом мире людей, отличающихся от обычных: людей, подобных Боже-ству и его силам, сохранивших в целостности свою природу, «влиня-ную» Богом. «Совершенный человек, мудрый есть неповрежденный, то есть сохранивший целостность своей природы» [1, 31—32]. «Премудрый муж есть премудрый только потому, что сохранил в цельности сей подлинный порядок. Это самое называется первым началом» [4, 170]. О существовании таких совершенных людей говорит концепция «святого или премудрого мужа». «Сие немногие суть чистые, или Свя-тые, которых небо иногда посылает в мир для просвещения народов. Будучи сложены из чистейших стихийных начал, они по внутреннему сознанию ясно видят все, что человек обязан делать сообразно с нрав-ственной его природой. По сему внутреннему сознанию древние свя-тые начертали правила, по которым человек может вполне совершить обязанности, возложенные на него в отношении к первой вине мира, в сем смысле китайцы признают божественность происхождения рели-гии» [2, 3].

Чертеж Первого начала поясняет, чем премудрый человек отлича-ется от простого человека. Отличие — в качестве полученного возду-ха. Если обычный человек получил от Первоначала тончайший воздух, то премудрый — «тончайший из тончайшего», который, собственно, и делает его совершенным и разумнейшим — премудрым. «Человек рождается от изливания тончайшего воздуха из Ян и Инь и пяти стихий, а премудрый муж при рождении получает тончайшее из тончайшего; по сей причине он в поступках не отступает от середины, в распоря-жении от прямоты (правильности), в намерениях от любви, в предпри-ятиях от справедливости, ибо он и при движении и в покое сохраняет закон Первого начала в целостности без всякого ущерба» [1, 157]. От-сюда набор добродетелей премудрого мужа отличается от набора доб-родетелей простого человека. И состоит он в такой последовательно-сти — середина, прямота, любовь, справедливость, — основанием же является покой, утверждающий истинную природу человека. «Прежде

необходимо должно утвердить существо, а после сего можно производить употребление» [1, 159]. Из этой последовательности добродетелей премудрого мужа видно, что главным для него является следование середине, которая является основанием бытия и требует от человека избегать крайностей и быть умеренным во всем. В премудром человеке утверждается подлинное начало человека, который возвышается до уровня Неба и Земли. «Что касается до премудрого мужа, он, утверждая начало человека, возвышается до равенства с Небом и Землей» [1, 162]. В чертеже Первого начала таким премудрым мужем называется Конфуций: «Закон высок, добродетели обширны; учение и просвещение бесконечны. В самой вещи быть равным Небу и Земле, и одинаковым с четырьмя временами года — один только Кхунь-цзы может... Итак, Кхунь-цзы есть великое начало» [4, 313].

Политика (легитимность революции). Из этого следует закон трех деятелей этого мира — Неба, Земли и премудрого мужа. У самого Конфуция концепция премудрого мужа связана с образом правителя как представителя Неба, который получает от него мандат на престол, и называется тянь-цзы — «сыном Неба». Если государь на престоле в истинном смысле является Премудрым, а вельможи его — мудрыми, то все идет свои чередом, согласно законам природы, что то же самое, божественным законам, и не бывает ни засух, ни наводнений, ни землетрясений. Китайцы такого премудрого возводят в ранг святого, и в пантеоне китайских императоров таких святых государей было немало. Но если в природе совершаются различные катаклизмы, то это знак, который дает Небо народу, предупреждая его о немудром правлении. Действительно, если Божество Китая есть всего лишь миропорядок, то через признаки физических явлений оно проявляет свою волю. Для народа такие испытания указывают на то, что существующее правительство нужно свергнуть, и «глас Божий» выражается в гласе народа. Таким именно образом китайский народ, управляемый авторитарно, получил право на революцию — право, имеющее под собою религиозно-метафизические основания.

Сотериология. Свообразием чертежа Первого начала является отсутствие в нем концепции бессмертия души, традиционной для всех пантеистических систем мира. В древнекитайской системе миробытия, преемником которой является чертеж Первого начала, нет ни слова о бессмертии, так же как отсутствует и преставления о загробной жизни. Китайский народ, среди всех других народов мира, отличается особенным равнодушием к смерти. Поэтому учение о спасении носит исключительно светский характер и выступает как учение о счастье в земной жизни.

Может ли человек быть счастливым? Да, если он следует естественному ходу вещей, или, что, то же самое, порядку. И нет, если он не

следует ему. «Если человек в порядке, то никакие противоборствующие силы ему не страшны, они не могут его поколебать (то есть противоборствовать ему)... Счастливым человек тот, кто не нарушает порядка, несчастлив — тот, кто его не знает и нарушает его. Простой человек погружен в неведение и истлевает подобно растению» [1, 159]. И еще: «Благородный человек (Цзынь-цзы) с опасением и страхом сохраняя добродетели, составляет счастье для себя. Низкий человек по рассеянности и распутству вопреки ним действуют, и через то составляют несчастья для себя» [5, 405].

Счастье и несчастье китайцев зависят и от соблюдения культа предков, хотя о нем в чертеже Первого начала нет ни слова. В культе предков, в отличие от буддистской концепции метепсихоза, нет напряжения кармы как расплаты, как правило, за плохие деяния предков, потому что в Китае предки безгрешны. Отсюда жертва предкам вторая после жертвы Небу; а благодарение Небу — первый долг человека, второй же — быть признательным своим праотцам. В древнем культе умерших предков, быть может, в большей степени ощущается отсутствие мысли о бессмертии в собственном смысле этого слова, потому что к умершим относятся как к живым лицам. Присутствие их постоянно ощущается в обычной жизни китайца. На протяжении тысячелетий в каждом доме китайцев существовала комната предков, которая только в начале XX в. была заменена на дощечки с надписями имен умерших предков. Самым важным для каждой китайской семьи является рождение мальчика, потому что культ предков может проводить только он. От этого зависит счастье семьи, потому что предки, оставленные без жертвоприношений, могут навредить живущим и сделать их несчастливими.

Итак, чертеж Первого начала, основу которого составила древнекитайская системы миробытия, является исторически первой пантеистической системой мира, своеобразием которой является китайский агентизм, или двойственный пантеизм. Соответственно с этим в китайской метафизике отсутствует понятие творения мира, которое в религиозной метафизике, собственно, и отвечает за развитие творческих способностей человека. Отсюда нетворческий характер китайского народа, признанный всеми исследователями. Но для нас было принципиально показать, что эта характерная черта китайского народа имеет религиозно-метафизическое обоснование, где человек обладает разумом и волей, но не имеет свободы выбора и свободы деятельности. А значит, нет и творчества, потому что творчество предполагает свободу воли, если под творчеством понимать не заимствование, а создание принципиально нового.

Религиозно-метафизическая система Китая, какой она предстала в чертеже Первого начала, во многом предначертала и хозяйственное

развитие китайского народа. Специфика китайского агностицизма-пантеизма, по сравнению с другими пантеистическими системами мира, с присущим им акосмизмом и пренебрежением к земледелию, состоит в высокой оценке мира, где земля-мир рассматривается не как убывающее божество, или искаженное божество, а как сила Бога. В этом во многом кроется основа хозяйственной жизни китайцев на этой земле, где отсутствует понятие плодородящей земли, свойственное христианству, но присутствует понятие производительного земледелия. Земля как зачинающая, производительная, а не рождающая сила есть основополагающее понятие хозяйственной метафизики Китая, в противоположность как земледельческому агностицизму буддизма, так и христианскому понятию софийности земли.

Литература

1. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. Изображение первого начала, или О происхождении физических и нравственных законов // Московский телеграф. 1832. № 2; № 22.
2. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. Описание религии ученых. Пекин, 1906.
3. *Хрисанф, архимандрит*. Религии древнего мира в их отношении к христианству: В 3 т. Т. 1. СПб., 1873.
4. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. О проницаемости // Московский телеграф. 1832. № 22; № 23.
5. *Иакинф (Бичурин Н.Я.)*. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб., 1840.
6. *Грубе В.* Духовная культура Китая. Сер. «Современное человечество». «Брокгауз-Ефрон», 1912.

Р.Е. СОКОЛОВ

Современная каноническая философия хозяйства католицизма: о концепции общего блага и профессионально-сословного строя или солидаризма

Аннотация. Статья посвящена католической концепции институциональной трансформации общества в целях упорядочивания его социально-экономического развития.

Ключевые слова: развитие, сотрудничество и ответственность.

Abstract. Article is devoted to catholic concept of institutional society transformation, aiming to order its social and economic development.

Keywords: development, cooperation and responsibility.

На основе принципов субсидиарности (неолиберального невмешательства) и солидарности (взаимозависимости субъектов хозяйства) Ватикан формулирует *идею общего блага*, которая выражается в том, что каждый хозяйствующий субъект должен трудиться на своем месте на благо всего общества. Именно при таких условиях он может *самостоятельно* реализовать свои устремления. В силу того, что подчинение принципам, регулирующим общественное развитие, не всегда протекает добровольно, необходимо наличие сильного государства, задачами которого являются разработка самих этих принципов и гарантии их исполнения, — стража и хранителя общего блага.

В отличие от концепции «невидимой руки» Адама Смита, согласно которой каждый хозяйствующий субъект, действующий в личных интересах, действует на благо всего общества, концепция общего блага утверждает, что сначала надо соблюсти общественные интересы, а уж затем реализовать свои интересы. Производной экономической концепции общего блага, по словам Льва XIII (*Regrum novarum*), должен выступать социальный мир, когда люди будут думать не столько об общественном разделении и перевознесении материального благополучия, вызывающих кризисы и войны, сколько о взаимной поддержке и уважении, укрепляющих мир и общее благосостояние, где бы человек ни трудился.

Профессор теологии и морали Карл Хайнц Пешке, ссылаясь на папскую конституцию Второго Ватиканского собора о церкви в современном мире «*Gaudium et Spes*», раскрывает суть общего блага как путь достижения индивидом духовного совершенства через реализацию намеченных целей. Он, как и иезуит Освальд фон Нелль-Бройнинг в своей книге «Справедливость и свобода», отождествляет общие блага и блага услуг, или, на языке экономической теории, общественные блага. Причем общее благо, в устах Пешке, включает благо не только нынешнего, но и будущих поколений, что подразумевает необходимость сохранения нормальной окружающей среды, семейных ценностей, развития науки, недопущения появления потребностей, конфронтирующих с общим благом, в том числе ради получения прибыли. Как и экономика, общее благо не является целью общественного развития, а выступает вспомогательным средством для всех индивидов, формирующих общество посредством сохранения самих себя, знаний, потомства, моральных и духовных ценностей.

В свою очередь, на основе принципов субсидиарности, солидарности и идеи общего блага современные канонисты, в частности, западногерманский исследователь католического социального учения Яков Феллермайер, выводят *концепцию профессионально-сословного строя*,

согласно которой гармоничное развитие общества достигается только в условиях упорядочения всех его слоев по профессиональному признаку. Эта концепция в экономической и социологической литературе получила более короткое название — «*солидаризм*».

Папа Лев XIII подчеркивал факт необходимости существования профессиональных сословий-союзов, особенно для работников, сравнивая их с ремесленными цехами эпохи Средневековья и начала Нового времени, задачей которых, кроме прочего, была помощь работникам. Как известно, только цеха выступали в качестве институтов, которые могли поддержать рабочих и их семьи в случае утраты трудоспособности, так как государство заботилось лишь о создании условий относительно безопасного внутреннего развития страны, охраняя ее границы от внешней агрессии и поддерживая внутренний политический и экономический порядок. Но со временем существование цехов практически сошло на нет, в том числе из-за торможения технического прогресса вследствие сохранения мелкого производства и ограничения конкуренции, а замены им создано не было.

Исчезновением цехов Католическая церковь в лице Льва XIII объясняла ухудшение положения рабочего класса в эпоху Нового времени и предлагала создать их альтернативу в виде профессиональных союзов. Подобные союзы, не являясь государственным институтом, должны были решать частные вопросы заинтересованных сторон, и запрещать их деятельность государству не следовало. Само же государство, представляя основные интересы всего общества, должно было концентрироваться на решении общих вопросов и направлять усилия всего общества на преумножение общего блага. Так как подобное предложение исходило из лона канонических философов, то выдвигались и соответствующие правила создания союзов, нацеленные на поддержание солидарности и материального обеспечения работников как внутри самого профсоюза, так и между профсоюзом и предпринимателем. Уже в конце XIX в. Ватикан заводит речь о негосударственных пособиях, в том числе по старости.

Пий XI, высказываясь по этому вопросу в конце первой трети XX в., подчеркивал, что право на существование, в том числе монопольное, имеют лишь легально существующие профсоюзы, занимающиеся вопросами заключения тарифных договоров. Все остальное, в том числе забастовки, считалось неправомерным.

В 1960-х гг. Иоанн XXIII подходил к делу профсоюзного движения с более либеральных позиций, признавая права рабочих на обсуждение в рамках ассоциаций как работников, так и нанимателей, легитимных вопросов, затрагивающих их профессиональную деятельность. Понтифик предрекал профсоюзам большое будущее в деле защиты и продвижения интересов рабочих, в том числе на международном уровне,

описывая тенденции роста первых рабочих объединений. И он оказался прав. В итоге, подобные требования привели к тому, что в некоторых странах рабочая неделя стала короче, а предприниматели стали финансировать медицинское обслуживание и корпоративные развлекательные мероприятия своим сотрудникам, в том числе в России, согласно Гражданскому кодексу. Профсоюзное движение стало международным, оформившись в политические партии.

В 1980-х гг. Иоанн Павел II, анализируя особенности развития профсоюзного движения, подчеркивал, что профсоюзы не должны отражать классовое строение общества, но призваны не столько противодействовать каким-либо общественным институтам, в частности, предпринимателям, сколько стремиться к удовлетворению своих нужд как домохозяйств в совместной работе. Данное стремление будет успешным, когда, как считает Ватикан, будет иметь место солидарность объединяющего людей труда и позволяющего реализовывать их творческие способности капитала. В своей деятельности профсоюзы призываются Святым Престолом к умеренности, к тому, чтобы выдвигаемые ими требования соответствовали экономическим реалиям страны.

Иоанн Павел II предостерегал профсоюзы от участия в политической борьбе, аргументируя это возможностью того, что они уже не смогут преследовать свои изначальные цели, а станут проводниками иных идей, может быть, даже чуждых им. В этом отношении можно сделать вывод, что канонисты хотят ограничить права профсоюзов, которые могут выходить за рамки интересов канонической философии хозяйства, о чем предупреждали марксисты. Но, подчеркнем, что именно Ватикан начал активно разрабатывать «профсоюзную теорию», и первые профсоюзы работников, возникшие в Бельгии в конце XIX в., появились именно в католической рабочей среде. Хотя, несмотря на наметившиеся либеральные тенденции в католицизме во второй половине XX в., Иоанн Павел II, говоря о праве работников на забастовки, настаивал на том, чтобы представители жизненно важных отраслей хозяйства для благополучия государства никогда не оставляли свои рабочие места. Тот факт, что Ватикан не указывает профессии, необходимые для нормального поддержания хозяйственной жизни, дает простор законодателям, берущим на вооружение современную каноническую философию хозяйства, субъективно трактовать перечень таких профессий, осуществляя чрезмерное государственное регулирование экономики.

В этой связи заслуживает внимания еще одна сторона дела. Несмотря на рекомендацию разрешить деятельность профессиональных союзов, канонисты, начиная со Льва XIII, настаивают на определенном ограничении, даже, скорее, ее контроле, не допуская распространения

враждебных церкви идеологических доктрин. Каноническая философия хозяйства требует государственной поддержки лишь своих учреждений, отчасти ограничивая права на самовыражение других общественных организаций. Однако требование о воспитании нравственности и благочестия, в том числе посредством распространения христианства, выступает существенным доводом в пользу этой хозяйственной философии. Нельзя забывать, что человеческий эгоизм, находящий проявление в совершенной конкуренции, породил монополии, которые в итоге тормозили экономический рост и ухудшали положение рабочего класса.

Итак, современная католическая философия хозяйства развивает идею общего блага, направленную на гармоничное развитие экономики. Она основывается на принципах субсидиарности и солидарности. В свою очередь производной от обоих принципов стала концепция профессионально-сословного строя. Ватикан никогда не предлагал правительству финансировать социальные проекты вроде пенсий на постоянной основе, возлагая эту задачу на различные негосударственные объединения.

Т.Ю. ЯКОВЕЦ

Христианский социализм С.Н. Булгакова и современность

Аннотация. Автор утверждает, что в современной российской ситуации созрела почва для реализации идей христианского социализма С.Н. Булгакова.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, христианский социализм, Россия.

Abstract. The author claims that in a modern Russian situation the soil ripened for realization S.N. Bulgakov's Christian socialism ideas.

Keywords: S.N. Bulgakov, christian socialism, Russia.

С.Н. Булгаков, как и наши современники поколения 1990-х, в начале жизненного пути был марксистом. Но сумел преодолеть марксизм с помощью построения своей философии хозяйства. В 1904—1905 гг. С.Н. Булгаков начал разрабатывать теорию христианского социализма. После революции 1905 г. он разочаровался в социализме. Но в это время в Европе и России господствовали атеистические социал-демократические взгляды на социализм. С.Н. Булгаков предлагает другой социализм, христианский, который является не целью, а средством общественного развития. В работе «Христианский социализм» (1917) он говорит, что социалисты должны преодолеть свои атеисти-

ческие взгляды и только тогда они смогут прийти к христианскому социализму. Так и произошло со значительной частью элиты в России в результате ликвидации КПСС. Поэтому можно считать, что спустя 100 лет в России возможна вторая волна возникновения христианского социализма.

Критике атеистического социализма посвящена работа С.Н. Булгакова «Два града». Автором религии «человекобожия» он считает Л. Фейербаха. Эта атеистическая религия нашла свое продолжение в теории классовой борьбы К. Маркса и «сверхчеловека» Ницше. В работе 1904 г. С.Н. Булгаков предлагает создать Союз христианской политики.

Мы считаем, что в современной российской ситуации созрела почва для реализации идей христианского социализма С.Н. Булгакова.

Во-первых, обвальная ликвидация КПСС, имевшей свою идеологию, пусть марксистскую, породила идеологический вакуум. Именно поэтому такое распространение в атеистической в большинстве населения стране получили секты и парапсихология. Наиболее думающая и чувствующая часть населения нашла замену атеистической идеологии в православном христианстве (так, в очереди к Поясу Богородицы, привезенному с Афона, отстояло более 3 млн россиян), что соответствует религиозной традиции евразийской цивилизации.

Во-вторых, все больше падает популярность среди населения правой партии «Единая Россия», и стране требуется новая политическая струя.

В-третьих, продолжение нынешнего социально-экономического курса страны подрывает основы жизни будущих поколений россиян: пенсионная реформа терпит фиаско, здравоохранение не гарантирует поддержание достаточного качества здоровья, образование теряет креативный характер, курс на модернизацию экономики страны реализовать практически не удастся. Поэтому, как справедливо отмечалось на проведенной в 2012 г. Центром общественных наук экономического факультета МГУ Международной конференции «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», необходим новый этап социально-экономических реформ в стране, но без выработки идеологии, целей таких преобразований, они бессмысленны. В качестве такой цели можно предложить «сбережение народа» на базе идеологии христианского социализма, которая еще требует своей разработки. При этом инструментом реализации такой политики может стать индикативное планирование.

Таким образом, спустя 100 лет в России могут реализоваться идеи христианского социализма С.Н. Булгакова.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.А. ГРИЦЕНКО

Постреформизм: методологические основания постановки проблемы

Аннотация. В статье раскрываются методологические основания постановки вопроса о постреформизме. Показано, что объективное содержание современного реформизма заключено в создании рыночных оснований экономического развития в определенном соотношении с решением проблем социализации. Современные тенденции мирового развития выходят за пределы такого движения и характеризуются переходом от естественноисторического к социокультурному типу развития, которое связано с движением от воспроизводственного к инновационному развитию, с переходом от индустриально-рыночного к информационно-сетевому обществу, базирующемуся на иных социально-экономических закономерностях. Это создает объективные основания для постановки вопроса о постреформизме.

Ключевые слова: постреформизм, капитализация, социализация, естественноисторический и социокультурный типы развития.

Abstract. The article discloses methodological foundations of the postreformism issue statement. It is shown that the objective matter of modern reformism lies in the creation of market bases for economic development in a certain relation to the solving the problems of socialization. Modern trends in world development outrun this movement and are characterized by the transition from the naturalistic to the socio-cultural type of development, which is associated with the movement from the reproductional to innovative development as well as the transition from the industrial-market to the information-network society based on different socio-economic regularities. This creates an objective basis for raising the issue of postreformism.

Keywords: postreformism, capitalization, socialization, naturalistic and socio-cultural types of development.

«Пост-» — модная приставка: постмодернизм, постиндустриальное, постэкономическое общество и много других «пост». *Пост-, post-, after-* — лишь иные названия для неизвестного. Очевидно только то, что это что-то, что идет *после* известного. А его содержание, особенности и прочие характеристики в определении *пост-* не даны. Зафиксирована лишь граница, предел, определенность, которая пре-

одолеваются, — то, что за этим пределом уже не то, что было, а нечто иное, но *что* именно — неизвестно. А как только начинается разговор о том, что же это по существу, как сразу же *пост-* исчезает, перестает быть основанием перехода, и начинается движение на новой — *непост*—основе.

Постановка вопроса о постреформизме на первый взгляд выглядит странно. Страна говорит о реформах, об их пробуксовке, о модернизации, о необходимости перемен, а здесь вдруг постреформизм. Постреформизм — уже не реформизм. Тогда что это такое? Отказ от реформ или суперреформизм, не вмещающийся в определение реформизма? Но, может быть, это революция, всегда ходившая в антитезе с реформизмом? — Нет. «Стране нужны гигантские перемены, — пишет Ю.М. Осипов, — причем не революционные и не эволюционные, а внезапно-императивные, те самые, что может проделать только сильная и эффективная власть: где призывом, где обоснованием, где контролем, где поркой — через закон, проект, побуждение, директиву, инициативу, наказание — и вовсе при этом не без участия денег, финансов, капитала» [1, 10].

Может быть, это субъективное восприятие, некий перелом реальности через особенности мировосприятия отдельного индивида, как, например, в художественной литературе, где действительность и вымысел, происшедшее и желаемое образуют особую реальность, имеющую самостоятельную ценность? Или это все же способ научно-категориального постижения мира? Как ответить на эти вопросы?

Если само развитие общества выходит за пределы реформизма, ставит человека перед необходимостью осознать, принять и воплотить в жизнь не реформистскую, а какую-то иную логику, то такая постановка вопроса имеет научные основы. Но вместе с тем она предполагает постижение объекта изучения, возникающее не непосредственно из эмпирических обобщений и оперирования конкретными фактами, а из восприятия целостности, охватывающей все и не имеющей ничего вне себя, но в то же время обнаруживающей себя как целостность через свои собственные пределы, постоянный выход из них и постоянное обнаружение невозможности сделать это. Это свойства философского знания как не только научного. Учитывая сказанное, ответ на поставленный вопрос должен иметь научно-философский характер.

Содержание реформизма в предшествующий период (с начала 1990-х гг.) объективно определялось переходом, который обозначался как переход от административно-командной к рыночной экономике с дальнейшим акцентом на построение социально-ориентированной рыночной экономики. На самом деле это был переход от смешанной, функционирующей на административно-командной основе, к сме-

шанной экономике, функционирующей на рыночных основаниях. Понимание перехода как разрушения административно-командной экономики и замены ее системой рыночных связей сыграло существенную роль. Воплощение этого понимания на практике привело к существенным потерям в использовании экономического потенциала страны, падению производства, снижению жизненного уровня значительной массы населения и потере ряда реальных исторических завоеваний. Второй подход, основывающийся на понимании перехода как смены оснований, постепенного переструктурирования экономики без предшествующего кардинального разрушения системообразующих связей, не был реализован ни в России, ни на Украине, ни в других постсоветских странах (один из вариантов такого перехода демонстрирует Китай).

Но независимо от того, в какой форме осуществлялся этот переход, его суть состоит в капитализации экономики (в широком, а не в узкофинансовом смысле) в соотношении с процессом ее социализации. Процесс социализации капитала имеет объективные основания. По мере возрастания роли человека как фактора производства, от образованности, творческих способностей, психологических качеств, настроения которого зависит прибыльность предприятия, развитие человека становится предметом заботы самого капитала. Капитал, таким образом, в собственных целях начинает заниматься развитием человека и социализацией производства. Этим начинает активно заниматься и государство. В XX в. противоречие капитализации и социализации из внутреннего противоречия капитала превратилось во внешнее противоборство двух социально-экономических систем: капитализма и социализма. Это противоборство велось в разных политических, экономических, научно-технических, военных и других формах и влияло на каждую из систем: капитал все больше включал в себя социализацию, а социализм все больше допускал развитие товарно-денежных отношений, которые вели к капиталу. Это составляло основную историческую коллизию XX в. И процесс на рубеже XX и XXI вв. вышел на новый уровень, превратив снова, но на новой основе, противоречие экономического и социального из внешнего противоборства систем во внутреннее противоречие капитализации и социализации в социально-экономическом развитии государств.

Таким образом, объективное содержание реформизма заключалось в формировании капиталистических оснований экономического развития в определенных (стихийно и конфликтно обнаруживающих себя или осознанно регулируемых) соотношениях с процессами социализации, выражающими подчиненность экономических процессов интересам развития человека. Соответственно постреформизм реаль-

но и обоснованно возникает в том случае, если объективное содержание социально-экономических процессов выходит за рамки решения этих задач. Возникает вопрос о том, существует ли в самой объективной реальности основания для постреформизма?

Современный мировой кризис обострил понимание исторической ограниченности существующего естественноисторического типа развития и перехода к новому, социокультурному, типу. В естественноисторическом типе существуют переход от низшего к высшему, соподчиненность отношений, причинно-следственные зависимости, градация ценностей и т. д. Можно сказать, например, что капитализм является более высокой формой развития общества по сравнению с феодализмом, товарно-денежное хозяйство более развито по сравнению с натуральным. В социокультурном типе не существует высшего и низшего, соподчиненности, причинно-следственных зависимостей, градации ценностей. Вопросы, что выше: Рафаэль или Тициан, Моцарт или Бетховен? — лишены смысла. Они самоценны и не подлежат субординации. Такие отношения в рамках господства естественноисторического типа развития были характерны только для культурной сферы, но сейчас они проникают в экономику, пронизывают все общество. И уже нельзя ответить на вопрос: какая форма собственности выше: частная или государственная? Они самоценны, и каждая эффективна в своей сфере.

Другой важнейшей характеристикой движения от естественноисторического к социокультурному типу развития является переход от воспроизводственного к инновационному типу развития. Для первого было характерно преобладание сохранения старого качества над появлением нового, для второго — качественных изменений над сохранением старого. Поэтому для воспроизводственного типа характерно формационное развитие: сохранение на протяжении продолжительного периода качественной определенности и накопление количественных изменений. Затем переходный период, изменяющий качество системы (например, переход от феодализма к капитализму), и снова продолжительное развитие возникшей новой системы. В инновационном типе развития динамизм изменений достигает такого уровня, когда изменчивость начинает существенно преобладать над устойчивостью. Качественные изменения становятся непрерывными. Развитие становится не ступенчатым, а процессуальным. Динамизм изменений и глобализация приводят к разноскоростному развитию взаимодействующих технологических и социально-экономических процессов и появлению в связи с этим явления турбулентности, периодически и непрогнозируемо возникающих в разных точках мирового финансово-экономического пространства. Инновационность приобретает всеоб-

ций характер, преодолевающий рамки экономического, технического и социального в прежних формах их взаимодействия.

Переход от естественноисторического к социокультурному, от воспроизводственного к инновационному типу развития технологически связан с переходом от индустриально-рыночного общества к информационно-сетевому, для которого характерно возникновение принципиально иных социально-экономических закономерностей. Так, полезность сетевых благ, в отличие от ординарных, возрастает вместе с их количеством. Например, чем больше участников мобильной связи, тем больше полезность мобильного телефона. Иначе говоря, с возрастанием количества телефонов как элементов сети их полезность возрастает. Соответственно растет и спрос. Поэтому кривая спроса на сетевые блага имеет совершенно иной вид по сравнению с кривой спроса на ординарные блага. Она возрастает по мере увеличения участников сети [2, 166]. Совершенно иная ситуация возникает и с расходами на производство сетевых благ. Если на ординарные блага распространяется закон убывающей доходности в результате повышения предельных расходов, то доходность сетевых благ растет в течение достаточно длительного периода за счет существенного снижения расходов [3, 34].

Это значит, что привычные теоретические модели, с помощью которых можно было понять и объяснить процессы ценообразования, перестают действовать. Возникает другая макроэкономика, которая базируется на других по сравнению с макроэкономикой ординарных благ законах. В ней кривые спроса и предложения становятся лишь подчиненным моментом других, более широких закономерностей, возникают разного рода синергетические эффекты, где связи имеют нелинейный характер и исчезают причинно-следственные зависимости.

Вместе с информационно-сетевой экономикой и обществом формируется сетевой человек. В отличие от традиционного человека он включен во многие сети, являющиеся самостоятельными, независимыми и несубординированными образованиями, формирующими свойственное им мышление и поведение агентов. В результате личность человека распадается на разные функциональные части, которые соединены лишь внешним образом в теле человека. А само тело человека включает не только органическую, но и неорганическую часть. Частицы его мозга, ячейки памяти и т. д. существуют не только в голове, но посредством Интернета рассредоточены по всему миру в разных библиотеках, базах данных, которыми человек также легко пользуется как и своей собственной (сознательно-социально-биологической) памятью. К этому следует добавить, что и тело чело-

века будет включать все больше неорганических частей (искусственные органы, вмонтированные чипы и пр.) [4, 99—101].

Распространение сетевых структур и вхождение их в основание общества, инновационность, социокультурный характер отношений придают развитию бифуркационный характер, создают риски возрастания хаотичности связей и конфликтности, что отчетливо проявляется уже сейчас, на раннем этапе становления нового общества.

Ясно, что старое понимание реформизма не отражает эти изменения. Поэтому уместно и обоснованно говорить о постреформизме как выходе за пределы логики индустриально-рыночно-социальных взаимоотношений. И способ выхода за пределы будет (если будет) адекватным новому состоянию: нелогичным, качественно своеобразным, скачкообразным и формально непрогнозируемым. «Вырыв» — вполне подходящий термин для обозначения этого содержания. Нельзя априори сказать о содержании вырыва. Но без разговора о нем, без осознания, прочувствования, постижения, прорывания укорененного сознания, вырыва первоначально из него не может быть и вырыва к дальнейшему развитию, к такой постановке проблемы, в которой «вопрос вырыва к развитию — вовсе не риторический вопрос, как и не какой-то там вопросительный вопрос, ждущий какого-то невозможного ответа: это вполне императивный вопрос, требующий немедленного императивного же разрешения» [1, 11—12].

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Постреформизм в угоду России: вырыв к развитию // *Философия хозяйства*. 2012. № 5.
2. *Стрелец А.И.* Сетевая экономика. М., 2006.
3. *Глазьев С.* О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // *Вопросы экономики*. 2008. № 7.
4. *Гриценко А.А.* Интеллект постчеловека // *XXI век: Интеллектуальная революция* / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М., 2012.

И.Е. РУДАКОВА, Т.И. КУРНОСОВА

Представление о человеке и человеческий капитал в экономической теории

Аннотация. В статье рассматривается, как в ходе развития экономической теории изменялись представления о роли человека, в экономике. Исследование природы человека в экономической теории, мотивов его деятельности, способов принятия экономических решений было обобщено и продолжено в теории человеческого капитала. Показаны особенности человеческого капитала, его место в реальной экономике. Статья содержит суждения о связи технологических изменений и требований к качеству человеческого капитала.

Ключевые слова: поведение человека, психологические предпосылки в экономических моделях, творческая компонента экономической деятельности людей, «экономический человек», человеческий капитал (ЧК), качество ЧК, инвестиции в ЧК.

Abstract. Article is divided to the evolution of human capital conception, and overview main ideas on the problem. The article notice of a growing human capital role in real modern economy: the role of activity motivation, psychology factors, creative components. There are some unusual ideas on connection with technological change and required human capital quality.

Keywords: human behavior, psychology assumptions in economic models, creativeness of human activity, «homo economicus», human capital, human capital quality, investment in human capital.

На грани веков быстрый технологический прогресс, новый облик информационного общества выдвинули на первый план экономических исследований проблему места человека в новом мире, значимости личностных свойств субъектов экономики.

Модель человека — обобщенный образ самых общих принципов поведения человека в рыночной системе. Экономикой делают люди. И понимание того, как они это делают, означает, что их действия становятся предсказуемыми, а общество обладает способностью к адаптации и самоорганизации. Деятельность и реакции человека на внешние экономические сигналы никогда не были безразличны исследователям экономики. Развитие взглядов на роль человека и отражение их в экономической теории являются органическими составляющими эволюции самой экономической теории.

Теоретический аспект изучения роли человека в экономике напрямую смыкается с практической стороной дела. Невнимание к этой

проблеме на практике в первую очередь объясняет медленный темп, неполноту и неэффективность преобразований при реформировании нашей страны и попытках создать новую экономическую систему. Доставшиеся нам от прошлого стереотипы представления о возможности изменения социального устройства сверху, без участия массы людей, начальственным приказом в значительной мере тормозили и тормозят преобразования в российской экономике и в обществе в целом.

Особое значение исследованию роли человеческой личности в экономике придает процесс перехода мира к инновационному типу развития. Экономика знаний предъявляет повышенные требования к интеллекту людей, их способности быстрой адаптации к переменам, новым формам коммуникации, к восприятию потоков информации и способности ее анализировать. Все эти свойства необходимы субъектам для успешной активности в современной экономике.

К истории вопроса: отражение роли человека в версиях экономической теории

Классики. Заложенный А. Смитом при создании экономической теории интерес к деятельности человека в экономике не уходил из поля зрения экономистов на протяжении последующих почти двух с половиной столетий и поддерживался многочисленными соиздателями этой области научного знания.

Суждение о роли человека и его поведении в системе Смита вытекало из идеи «естественного порядка». Человеку свойственно естественное стремление улучшить свое положение. Он преследует свои собственные интересы и тем самым (если он не нарушает законы) служит интересам общества. «Естественный порядок» — результат *совместного* действия людей, а не предписанный извне закон. Поэтому он сопрягается с личными интересами участников обмена. Отсюда логически вытекало значение нравственных устоев, прав, гражданских свобод. Общество устойчиво благодаря тому, что оно опирается на неписаные правила совести и морали. Социальная справедливость базируется на «положительном праве». Так, в «Теории нравственных чувств» (1759) А. Смит утверждал значение того, что с позиции сегодняшнего дня мы назвали бы «правилами», институтами, формирующими поведение людей, а по сути факторами, принципиально важными для формирования человеческого капитала.

Комплексный взгляд на человека был дополнен анализом его экономической природы в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Богатство создавалось благодаря разделению труда, а его носитель был включен в систему, управляемую «невидимой рукой» рынка, основу которой составляла совершенная конку-

ренция как выражение естественной свободы. Интересно, что режим естественной свободы, охрану граждан, общественные работы, не выгодные частным гражданам, должно, по версии Смита, поддерживать государство. Это не вступало в противоречие с признанием того, что именно индивид является средоточием ценностей. Как двумя столетиями позже сформулировал Карл Бруннер, «социальные ценности это общепризнанные и сообща поддерживаемые индивидуальные ценности» [1, 369]. Именно поэтому Смит считал, что стремление к индивидуальным целям работает на общественное благо. Иногда А. Смигу приписывают создание модели «экономического человека». Однако это неверно. «Экономический человек», человек-функция — более позднее представление о роли человека в экономической теории.

Интересом к человеку, оценкой его как сложного социального феномена, своим трудом создающего богатство нации, А. Смит выразил великую гуманистическую идею значения человеческой личности. Эту черту экономическая теория сохранила на всем протяжении своей истории и продолжает развивать в своих новейших исследованиях.

Открытием классической политической экономии было объяснение происхождения богатства, создаваемого трудом. Но в то же время в ранних классических версиях (после А. Смита) роль человека как создателя экономической системы не выделялась особо и не рассматривалась в качестве объекта исследования. В значительной степени это объяснялось *методологическими* причинами, о которых будет сказано далее.

Своеобразное продолжение теория трудовой стоимости нашла в учении К. Маркса. Маркс, базируя свою концепцию на трудовой теории стоимости, подчеркивал особую роль объективных обстоятельств в качестве важнейшей предпосылки экономической системы. Роль человека (его участие в производстве, распределении созданного продукта, рыночном обмене) рассматривалась как деятельность, подчиненная этим объективным условиям.

Такая концепция закладывала глубокое противоречие в парадигму, базировавшуюся на трудовой теории стоимости. С одной стороны, роль *труда* велика, только труд является создателем богатства наций. С другой стороны, роль человека (*носителя труда*) в создании экономических отношений воспринималась как определенная внешними обстоятельствами (объективными законами). В экономической системе Маркса человек не рассматривался как *созидатель* экономики. Основное внимание было обращено на то, что человек труда был объектом эксплуатации со стороны капиталистов — собственников средств

производства; его основная историческая миссия состояла в «экспроприации экспроприаторов».

Роль человека в экономике сводилась в лучшем случае к познанию объективных законов и следованию им. Целостный человек как субъект экономических отношений, имеющий волю и способность к самостоятельному действию, имеющий какие-то цели и предпочтения, принимающий экономические решения, совокупность которых в конечном счете агрегировалась в макроэкономические потоки, этой исследовательской программой не изучался.

Человек пассивно воспринимал воздействовавшие на него *внешние объективные* обстоятельства. Поскольку социальный прогресс при этих предпосылках трактовался независимым от поведения и взаимодействия людей, постольку оказывались заданными извне и общественные ценности, вырабатываемые «вне пределов инициативы и решений индивидов» (К. Бруннер). Социальный порядок, оказывающий всеобъемлющее действие на индивидов, экзогенно предписывал определенные роли членам общества²⁴.

Гуманистическая идея значимости *человеческой личности* в общественном (в том числе и в экономическом) процессе не была поддержана версиями, где на первый план в качестве предмета исследования выдвигались силы объективных обстоятельств.

Неоклассическая версия. Значительный вклад в понимание роли человека внесли представители неоклассической школы, начиная с маржиналистов. Они переключили предмет экономической теории на поведение индивидов и принимаемые ими решения, определили основные принципы поведения, и таким образом в модель человека были включены некоторые субъективные стороны его деятельности. Максимизация полезного эффекта (полезности потребляемых благ потребителем, прибыли, получаемой фирмами) служила мотивационной основой экономической деятельности субъектов рыночной экономики и одновременно задавала критерии ее эффективности.

Неоклассический подход к оценке роли человека в экономике был сформирован Альфредом Маршаллом на основе синтеза классической

²⁴ Подобный стереотип мышления экономистов можно встретить и сегодня, в частности, в критике в адрес сторонников «обанкротившейся» неоклассики, выдвигающей на первый план психологические моменты, а не объективные законы. По мнению критиков, это позволяет отвергнуть ее как научную концепцию. Современные российские критики неоклассической теории (именно в версиях, как правило, времен 1960 — 1980-х гг.) усматривают ее слабость и констатируют кризис (и даже крах) этой теоретической школы, не принимая во внимание, какой значительный путь прошли с тех пор экономическая теория и ее интерпретация модели человека.

и маргинальной парадигм. Он подчеркивал, что *экономикс* занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества. Определяя предмет экономикса, Маршалл отмечал, что эта наука «изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния. Следовательно, она, с одной стороны, представляет собой исследование богатства, а с другой — образует часть исследования человека» [2, 56].

Рассматривая поведение человека, Маршалл обращает внимание на значимость психологических факторов — привычных отношений, религии, традиционных семейных связей. Он детально исследует побудительные мотивы, воздействующие на поведение людей в хозяйственной сфере. Устойчивые стимулы получают количественное (денежное) измерение, что приближает экономическую науку к точным наукам. Но в то же время она имеет дело с очень тонкими, постоянно меняющимися свойствами человеческой природы — желаниями, устремлениями, склонностями, душевными порывами. Это не может быть точно количественно измерено и учтено.

Маршалл возражает против взгляда на человека как «экономического» даже в тех случаях, когда появляется возможность количественного измерения его действий. «...Экономисты имеют дело с человеком как таковым, не с неким абстрактным или “экономическим” человеком, а с человеком из плоти и крови» [2, 83].

Как и у Смита, у Маршалла сильна *нравственная составляющая* при анализе поведения людей, бизнеса в частности. Он утверждает, что чисто хозяйственные отношения не предполагают единственного стремления к личной выгоде. Человек руководствуется собственными целями, но учитывает и персональные мотивы других людей. Людьями могут руководить также альтруистические соображения, честность, правдивость, чувство гордости. Отсюда возникают побудительные мотивы коллективных действий людей.

В основной своей части экономическая теория основного потока следуют этой заложенной Смитом и Маршаллом традиции при анализе экономических отношений.

Таким образом, модель человека у Маршалла далека от абстрактного образа экономического эгоиста, человека-функции. Но одновременно Маршалл показал значение (и возможность) количественной (денежной) оценки действий людей, их мотивов и стимулов и тем самым создал основу более формального подхода к определению роли человека в экономике.

В процессе дальнейшей эволюции экономической теории, по мере того как формировался (и формализовывался) ее предмет, человек

был представлен в моделях в виде субъекта, принимающего решение о рыночных транзакциях на основе оптимизации (максимизации полезного эффекта), что и определяло рыночный спрос и предложение. Выделение главного (общего и неизбежно абстрактного) в поведении людей сводило роль индивида в теоретической конструкции к экономической функции. Социальные, нравственные, этические аспекты не присутствовали в экономическом анализе в качестве самостоятельных факторов и не влияли на результаты экономической активности людей.

Эта линия была продолжена по мере формализации модели поведения человека и явилась важнейшим этапом совершенствования «чистой теории». Фундаментальные стороны поведения человека — потребление, предпочтения, спрос, выбор — были включены как функции в формальные модели, описывающие работу экономики. Целевая функция — максимизация полезного эффекта — давала критерий для определения эффективности деятельности индивида в производстве и в обмене. Это открывало путь к модели «экономического человека».

В работах Дж. Хикса, М. Фридмана, Л.Дж. Сэвиджа модель человека была «очищена» от «избыточных» плохо квантифицируемых деталей. Надо сказать, что такое упрощение (во имя логики теоретической концепции) было сразу замечено и неоднократно отмечалось как несоответствие с реальностью многими экономистами-теоретиками. Так, известный американский экономист Роберт Хейлбронер выдвигал весьма язвительный критический аргумент: «Неоклассический анализ отсеивает любые аспекты социального взаимодействия, которые не могут быть представлены в терминах гедонического расчета, получая в остатке высокочистую фракцию «максимизации полезности», которая объявляется фундаментальной и неразложимой субстанцией человеческой мотивации» [3, 458].

Утраты в представлениях о человеке как сложном социальном феномене в «чистой теории» тем не менее сопровождались очень важными приобретениями. Наблюдения за поведением людей обнаруживали устойчивую повторяемость в их действиях, а стремление экономической теории к точности в определении главных зависимостей открывали возможность *количественной оценки* результатов. В итоге такого «героического упрощения» (И. Шумпетер) понятия, описывающие экономическую деятельность субъектов экономики, приобрели «инструментальность» (их можно было включить в модель в виде функции), а экономический анализ значительно продвинулся вперед за счет формальных методов. Это сделало возможным применить разработанный экономической теорией инструментарий для анализа реальной экономики в прикладных исследованиях. Примером могут

служить разработанные на этой научной основе методы исследования спроса и поведения отдельных групп потребителей в маркетинге.

Кроме того, хотя модельное описание включало лишь общие принципы поведения человека, тем не менее оно обладало хорошими прогнозными свойствами в отношении базовых зависимостей (и базовых тенденций). На основе моделей поведения можно было предсказывать реакцию потребителей на изменения цен и дохода (эластичность спроса по цене и доходу); зависимость выбора от обстоятельств, в рамках которых формировались потребительские предпочтения; реакцию на бюджетные ограничения вдоль временного горизонта и проч. Знание принципов поведения человека давало возможность анализировать действия и других субъектов (и фигурантов) экономики — фирм, государства.

Это была вершина теории, расширявшей представление об экономике как едином материальном мире. Теория непротиворечиво объясняла механизм, который сводит действия (разрозненные, индивидуальные, частные, эгоистические) всех участников экономического обмена в *единую нераспадающуюся систему*. Экономическая теория приобретала свойства точной науки²⁵, а максима А. Смита о «невидимой руке» рынка получала фундаментальное обоснование.

Новый институциональный подход. То обстоятельство, что логика теории свела модель поведения индивида к человеку-функции, способному точно подсчитывать затраты и результаты, выбирать оптимальный вариант поведения, максимизировать свои цели, воспринималось как значительный «отрыв» от многообразия реальных отношений и выдвигало новые требования перед теорией.

Значимым этапом в развитии модели человека в экономической теории явились разработки институционалистов. Человек в новой институциональной версии богаче, чем в неоклассической модели. Эта исследовательская программа придает большое значение многим психологическим факторам, которые не принимались во внимание неоклассикой. Роналд Коуз отмечал, что современная экономическая теория должна изучать человека таким, каков он есть на самом деле. В теории трансакционных издержек при сравнении альтернативных механизмов обмена деятельностью — рыночного и внутрифирменного — психологические моменты влияют на выбор из этих альтернатив-

²⁵ Хейлбронер, обращая внимание на это «модельное» представление о рыночном механизме, отмечает, что «на ум невольно приходят слова аббата Мабли, малоизвестного философа времен Французской революции: «Не значит ли это, что наука об обществе есть всего лишь отрасль естествознания?» [3, 458].

ных способов обмена. Инициатива предпринимателя, способность к предвидению, успешное управление определяют издержки внутри фирмы, и в результате эти факторы образуют составляющую относительных цен транзакций [4, 32—33]. Расширяется выбор, перед которым стоит индивид, — выбор не только продукта, но и механизма распределения ресурсов.

Гуру новой институциональной теории О. Уильямсон подчеркивал, что теория транзакционных издержек описывает более приближенного к реальности субъекта, используя понятия ограниченной рациональности и оппортунизма. Новая модель человека предполагает ограниченность познавательных способностей человека, его возможностей воспользоваться всей информацией при принятии решений. А идея о том, что индивиду присущ оппортунизм, учитывает склонность индивида не следовать прямо и примитивно своим интересам [5, 39]. Признание ограниченности познавательных способностей человека и его склонности к оппортунизму приводит к необходимости институтов (в частности, контрактных отношений), позволяющих уменьшить связанные с этими ограничениями транзакционные издержки.

Модель человека была обогащена влиянием правил и норм (институтов) на процесс принятия решений и выбор индивидов в работах Г. Саймона, А. Алчиана, Д. Норта, Т. Эггертсона, Х. Демсетца и др. Эти версии явились существенным продвижением вперед от идеи человека-функции к более реалистической модели человека не только максимизирующего, но и оценивающего, способного принять удовлетворительное решение, способного к анализу потока информации, обладающего творческим потенциалом, изобретательностью [6, 17—20].

Однако здесь мы снова видим ту же «методологическую ловушку», на которую натолкнулась неоклассика. Модель человека была существенно дополнена включением психологических факторов, учетом влияния институтов на поведение индивида. Но именно это сделало понятия более размытыми, описание поведения индивида потеряло операциональность, утратило удобства формализации. Это было слабое место нового институционального подхода. Методологически с точки зрения логики теории было трудно объяснить, как в экономике, населенной столь сложными и неоднозначно ориентированными индивидами, осуществляется *общественная координация*.

Петер Вайзе точно подметил *методологическое сходство* трактовки координационных механизмов, основанных на рыночных обменах (неоклассика) и нормах (неоинституционализм). Координация деятельности в мире «экономического человека» достигается единством *принципов максимизации* полезного результата и *минимизации* затрат

для всех участников обмена. Следование одинаковым принципам стирает различия в поведении людей и превращает его в поведение переменных модели. В мире, где все действия координируются институтами, каждый индивид руководствуется одними и теми же нормами, приспосабливается к одинаковым санкциям. В своих действиях (в стабильной и равновесной ситуации) люди становятся одинаковыми. «...Понятия, относящиеся к самому человеку, оказываются избыточными» [7, 117]. И тогда человек, иронизирует Вайзе, превращается в социологическую функцию, в тихого квартиранта нормированных помещений, предоставляемых обществом в зависимости от выполняемых функций. Широта концепции человека приносится в жертву технике анализа. История повторяется.

Новые направления. Исследования новых классиков (начиная с монетаристов) и новых кейнсианцев во многом побуждались именно необходимостью разрешить это противоречие, приблизить теоретические конструкции к реальной экономике, сильно изменившейся под действием технического прогресса. Продолжая неоклассические традиции, эти школы внесли существенную «добавку» в базовые основания: был исследован более широкий круг субъективных факторов, их влияние на принимаемые экономические решения; субъективные факторы были включены в формальные модели. Иллюзии людей (относительно реальных и номинальных денежных доходов и активов), их ошибки в оценке текущих тенденций заработной платы и цен, ошибочные решения, связанные с неполнотой информации, ожидания экономических событий — все это стало приниматься во внимание в качестве существенных параметров экономического поведения людей, их адаптивных способностей к изменениям экономической среды.

Введение психологических факторов расширило представление о поведении субъектов экономики не только на микроуровне. Следующим шагом явилось введение микрооснований в макроэкономические модели. Циклические колебания, инфляция, колебания занятости, процессы в денежной сфере и другие макроэкономические процессы получили объяснения из поведения людей. Исследования роли психологических факторов явились шагом и в представлениях об эффективной государственной политике, которая вообще невозможна без учета реакции людей, их доверия к проводимым мерам. Теоретические исследования давали рекомендации для проведения практической политики.

В развитии представлений о человеке в экономике отразилась эволюция экономической теории в целом. Изначально, пока теория обобщала наблюдения и разрабатывала свои модели в вербальной

форме, она представляла человека богаче, учитывая детали и сопутствующие события в его поведении. По мере вычленения фундаментальных зависимостей в деятельности субъекта, очистки их от «шумов», от менее значимых деталей теория превращала эти зависимости в операциональные понятия, позволявшие использовать формальный аппарат и создавать модели поведения человека в экономическом обмене. Последующий интерес к психологическим моментам в экономическом поведении человека позволил расширить поле исследования экономической теории, понимание не только механизма поведения индивида, но и экономической системы в целом.

Человеческий капитал

Традиция исследования природы человека в экономической теории, мотивов его деятельности, способов принятия экономических решений, адаптации к изменениям экономической среды была продолжена в *теории* человеческого капитала. Человеческий капитал основан на трактовке обладающего знаниями человека в качестве важнейшего ресурса, обеспечивающего функционирование экономики в целом, и на понимании того, что используемый ресурс требует вознаграждения.

Рост значения человеческой личности в современной общественной системе в целом дает основание для более широкой трактовки экономической стороны дела. Накопление человеческого капитала (ЧК) определяет уровень развития экономики, влияет на перспективы экономического роста страны.

Для суждения о величине ЧК в современной экономике большое значение приобретает его количественная оценка. Применительно к России интересная работа по расчету общей и подушной величины ЧК в России впервые в нашей стране проведена В.Р. Капелюшниковым. По его расчетам, в 2010 г. запас человеческого капитала в России составил 608 трлн р. (6,1 млн р. на душу населения). Эта величина в 13 раз больше ВВП страны и в 5,5 раз больше запаса физического капитала [8, 51—52]. По другим методикам расчета, рассмотренным автором этого исследования, получают другие величины, но относительно человеческого капитала (общий запас и на душу населения) все равно намного превышает величину и ВВП, и физического капитала.

Знания высоко оценивались со времен Смита и Маршалла, но связь образования и производительности специально не изучалась. Значение вложений в человека и образование человеческого капитала были исследованы Т. Шульцем в начале 1960-х гг. [9]. Но для признания новой идеи требовалось время: применение к человеку, не имеющему ресурсов, кроме собственной способности к экономической дея-

тельности, свойств физического капитал-создателя прибыли казалось одиозным. Термин «человеческий капитал» воспринимался как превращение человека в машину, лишение его «человеческих черт», «бездушное и циничное» отношение к человеку.

Понятие человеческого капитала было широко признано экономистами после исследований Гэри Беккером мотивационных основ поведения людей, их влияния на принятие экономических решений [10]. Это были важные шаги формирования теории человеческого капитала. Работы Т. Шульца, Г. Беккера, Дж. Минцера, К. Марфи способствовали широкому распространению новых научных идей в связи с возросшей ролью человека в реальной экономике. Результаты этих работ были названы революцией в экономической мысли.

«Понятие человеческого капитала стало настолько привычным, что сегодня трудно представить, с какой враждебностью в 1950-е — 1960-е гг. был встречен подход, введший в употребление этот термин. Сама концепция *человеческого капитала* объявлялась оскорбительной, поскольку она трактовала людей как машины. Взгляд на образование как на инвестиции, а не как на приобщение к культурному опыту, считался бессердечным и безнадежно ограниченным. ...И лишь очень постепенно экономисты, не говоря уже обо всех остальных, стали признавать понятие человеческого капитала полезным инструментом при изучении различных социальных и экономических проблем»²⁶ [11, 592].

Содержание понятия. При трактовке природы ЧК следует разделять два понятия — «человеческий капитал» и «человеческий потенциал». Это тем более важно, что обсуждение содержания этих понятий подчас служит предметом острой полемики. На наш взгляд, проводить непреодолимую грань между этими понятиями представляется необоснованным. Причина в том, что оба понятия подчеркивают главную черту современного экономического общества: экономика может претендовать на качество высокоразвитой, только если креативные возможности человека получают широкое применение в ре-

²⁶ Здесь мы рассматриваем лишь один из аспектов научного вклада Беккера. На самом деле, он сделал гораздо больше для экономической теории, исследуя человеческий капитал. Он показал связь индивидуальных решений и решений на уровне общества, тем самым обеспечив дальнейший теоретический результат: введение микрооснований в макроэкономическую теорию. Работы Беккера расширили область последующих экономических исследований как междисциплинарных — с использованием достижений психологии, социологии, антропологии. В то же время он показал применимость принципов экономического анализа для анализа нерыночных форм поведения человека. В 1992 г. Г. Беккер был удостоен Нобелевской премии по экономике.

альных экономических процессах, а их применение превращает носителя этих свойств во владельца ресурса, претендующего на вознаграждение.

Эти понятия переплетаются как междисциплинарные, имеющие социологическую, этическую, нравственную компоненты. Но все же некоторые различия в их трактовках существуют, что может сказаться на аспектах подхода к проблеме в целом. Потенциал человека подчеркивает *возможности* людей в создании благ в самом широком смысле этого слова, эффективность деятельности человека, факторы, расширяющие созидательные возможности человека. Человеческий капитал обращает внимание на *адекватную оценку* (и оплату) созидательной активности, на соответствующее участие в распределении созданного валового продукта, на реализацию принадлежащего человеку ресурса в качестве источника благосостояния носителя.

В понятие «человеческий капитал» входит накопленное знание, полученное в результате образования, и знание, приобретенное в трудовом процессе, — квалификация, а также здоровье, обеспечиваемое условиями жизни, системой здравоохранения. Эти свойства образуют для обладающего ими человека ценный ресурс, который может быть использован для получения дохода. Последний может рассматриваться в виде процента на те вложения (денежные, трудовые), которые были сделаны человеком для приобретения знаний, навыков, развития способностей, поддержания здоровья.

Человеческий капитал имеет очень важные признаки *феномена рыночной экономики*. Способность приносить доход его носителю и одновременно необходимость затрат на его формирование создают альтернативные издержки при решении вопроса об инвестициях в эти свойства. Лицо, принимающее решение об «инвестициях в человека», будет сопоставлять инвестиционные издержки (в образование, квалификацию, здоровье) и выгоды (доход, прибыль), получаемые носителем ЧК в течение всего рабочего периода жизни человека. Это позволяет оценить доходность от вложений и таким образом решить, целесообразно ли инвестировать в получение знаний в каждом конкретном случае или нет.

Чрезвычайно важный аспект трактовки феномена человеческого капитала состоит в характеристике данного явления как структурного, имеющего разные уровни. Беккер отмечает, что его исследования сделали «возможным разработать более общую теорию человеческого капитала, которая наряду с индивидами включала бы фирмы и которая позволила бы делать макроэкономические выводы» [11, 593]. Человеческий капитал в таком подходе представляется явлением многоуровневым. Индивид — фирма — экономика в целом есть тесно взаи-

мосьвязанные и взаимообусловленные области (и уровни) существования человеческого капитала.

Помимо способности приносить доход своему владельцу человеческий капитал имеет еще ряд свойств, обуславливающих сходство с физическим капиталом и позволяющих рассматривать человеческий капитал в качестве разновидности капитала как такового.

Близость понятия человеческого капитала к капиталу физическому выявляется с учетом *длительности периода времени*. С точки зрения жизненного цикла индивида измерение затрат и отдачи от усилий по повышению квалификации, образовательного уровня, затрат на улучшение здоровья и общей производительности приобретает важное значение как условие обеспечения его дохода на протяжении всей жизни. Сопоставление затрат и результатов в длительном периоде делает неизбежным приведение стоимости будущих доходов индивида к настоящему времени, в противном случае он не сможет принять разумное (рациональное) межвременное экономическое решение о распределении своего потенциала.

В течение длительного периода времени неизбежно обесценение устаревающих знаний. Все это сближает утрату ценности ЧК с течением времени с моральным износом физического капитала. Отсюда следуют необходимость новых инвестиций в пополнение знаний человека, оценка вариантности инвестиционных вложений в быстро изменяющиеся знания и компетенции.

Величина человеческого капитала возрастает с повышением общего уровня образования и профессиональной подготовки, с получением новых квалификационных навыков. Это не только влияет на производительность, но и способствует поддержанию среднего уровня дохода в течение жизненного цикла. С улучшением здоровья удлиняется трудовой период человека, что также увеличивает долговременный доход. Все это требует дополнительных инвестиций тем больших, чем выше требование к качеству ЧК.

Сходство ЧК с капиталом как таковым прослеживается и на уровне экономики в целом. Возрастающая роль творческого, активного участия людей во многих областях экономического процесса, изменение гендерной структуры рабочей силы, устранение дискриминационных отношений в сфере найма и заработной платы и проч. — все это значительно повышает накопленные суммарные «рыночно ориентированные знания и навыки» (Беккер) на макроэкономическом уровне. Инвестиции в человеческий капитал выходят за пределы индивидуальной заинтересованности, превращаются в важнейшую область государственной политики, обеспечивают более высокий уровень экономического развития и конкурентоспособность националь-

ной экономики. *ЧК приобретает масштабы капитала общественно-го*. Как и в случае с физическим капиталом, инвестиции, увеличивающие запас человеческого капитала, являются решающим условием экономического роста.

Но при сходстве ЧК с физическим капиталом имеются значительные различия между ними. Специфика человеческого капитала связана прежде всего с его носителем. Компоненты ЧК не отделимы от личности человека и, следовательно, не могут быть проданы, а лишь добровольно «отданы в аренду». Это создает зависимость «арендатора» от «арендодателя», особенно при использовании специфицированных ресурсов.

Отсюда возникает и своеобразие ценообразования на рынке трудовых ресурсов. Влияющая на ценообразование координация людей на рынке труда может складываться под действием политических, психологических и прочих неэкономических факторов. В свою очередь это может повлиять (или даже изменить) социальную конфигурацию общества²⁷. Отсюда следует, что человеческий капитал требует особого внимания как теоретиков-исследователей, так и политиков-практиков.

Творческая компонента объясняет важное отличие ЧК от физического, особую роль его главной характеристики — способности обеспечивать неубывающую или растущую отдачу от масштаба. Это свойство образует специфическое *качество* ЧК. При определенном уровне накопления ЧК его ценность обеспечивается не только (а часто не столько) количеством, сколько его качеством. Это означает, что увеличение ЧК и вложения в его компоненты не обязательно дадут прирост национального богатства на душу населения.

Хорошим примером значимости условий, обеспечивающих качество ЧК, являются модели эндогенного роста. Так, в модели R&D (основной разработчик П. Ромер) экономический рост объясняется внутри модели, и ключевым элементом являются вложения в человеческий капитал²⁸. В модель была введена экспонента при переменной, определяющей уровень технологии в секторе знаний, которая задава-

²⁷ Примеры этого дают, например, забастовки и недавние выступления медиков, учителей и представителей других требующих высшего образования профессий за увеличение заработной платы. Результатом удовлетворения требования стало увеличение в разы заработной платы некоторых категорий учителей.

²⁸ См. публикации П. Ромера (1986, 1990, 2003), а также работы Дж. Гроссмана и Е. Хелпмана (1991). В русском переводе R&D расшифровывается как «исследования и разработки». Технология в общепринятой трактовке определяется как знание; новые знания воплощаются в новой технологии.

ла *качество* технологических и общих знаний, уже накопленных в обществе. Модель позволила показать, что увеличение численности занятых и величины капитала в секторе знаний сами по себе могут не дать какого-либо значительного приращения производительности и поэтому незначительно влияют на темпы экономического роста. Это происходит в том случае, если *качество знаний*, накопленных ранее и являющихся базой последующих исследований и разработок, не велико. Например, прирост численности занятых в научно-исследовательских институтах или дополнительное финансирование при низком качестве имеющегося научного задела не окажут значительного эффекта на общий результат, отражающийся в конечном приросте общественного богатства.

Значительна роль качества образования при формировании и накоплении ЧК. Исследователи американской образовательной системы сопоставляют ее с ролью технологии и отдают преимущество первой. Они отмечают, что именно американская образовательная система превратила страну в богатейшую нацию. Одно из главных многолетних преимуществ американской образовательной системы перед европейской заключается в ее слабой элитарности [12, 112].

Отношения собственности в свете теории человеческого капитала. Значение ЧК в реальной экономике прослеживается по многим направлениям. Здесь мы рассмотрим лишь одно из них, но представляющее наиболее важным: влияние феномена ЧК на *отношения собственности* в современной экономике.

Роль человека в любом виде экономической деятельности велика, но его роль в инновационной экономике как носителя знаний, творческих возможностей, становится ключевой. Творческий человек, наделенный знанием современной технологии, претендует на активное участие в распределении конечного продукта труда не в меньшей (а иногда и в большей) степени, чем собственник физических элементов капитала. Широкое распространение в практике современных предприятий стратегии удовлетворения потребности индивидуального потребителя делает ЧК (на уровне фирмы) специфическим ресурсом, который такой запрос может выполнить. Зачастую носитель специфического ресурса с уникальными свойствами претендует не только на оплату своей исполнительской функции, но и на участие в принятии ключевых решений в процессе распределения ресурсов²⁹, т. е. в

²⁹ В одной из ранних публикаций об управлении и организации японских автомобильных фирм описан опыт участия работников (в том числе низовых) в системе коллективного принятия решения (и коллективной ответственности!). Эти решения касались многих важных сторон деятельности предприятия —

формах реализации собственности на данное предприятие. В отраслях, создающих современный информационный продукт, носитель специфицированного ресурса, осуществляя суверенитет над своим продуктом, вообще может определить судьбу предприятия в целом³⁰.

Особенность места и функции современного работника хорошо отмечена главой фирмы «Майкрософт» Биллом Гейтсом. Классический подход индустриальной эпохи состоял в том, чтобы поделить весь производственный процесс на ограниченные, четко определенные операции, каждую из которых выполняет отдельный специализированный работник. В новой организации инновационной экономики работник превратился «в разумного участника *всего процесса в целом* (курсив наш. — *И.Р., Т.К.*). ...Гибкое производство нуждается в людях, хорошо информированных, ответственных и уполномоченных принимать решения» [14, 299]. Высокий интеллектуальный уровень индивида повышает корпоративный ЧК, результатами чего являются высокая производительность, адаптивность к изменениям, конкурентоспособность предприятия. На уровне макроэкономики эти тенденции результируются в росте среднего уровня ЧК в экономике.

Значимым продолжением теории человеческого капитала в качестве макроэкономической проблемы является междисциплинарная теория *социального капитала*. Эта теория — непосредственное следствие (развитие, уточнение) представлений о роли человека в экономике, включающих в себя идею коллективных действий, разработанную новой институциональной теорией. Видимо, эта междисциплинарная область будет источником плодотворных идей относительно возможностей человека создавать экономическую материю.

системы найма работников, способов повышения квалификации, совершенствования технологии и т. п., в том числе и святая святых бизнеса — инвестиций. Автор отмечал повышенную эффективность инвестиций, целесообразность которых подтверждалась работниками, занятыми на оборудовании, относительно которого принимались инвестиционные решения [13, 48—60].

³⁰ Насколько современные предприниматели это понимают, видно из часто встречающегося признания наиболее успешных менеджеров, что сотрудники фирмы являются основными партнерами собственника-управляющего. Исследование роли этих отношений является важным разделом менеджмента, а также прикладных дисциплин типа управления персоналом, корпоративной культуры.

Литература

1. *Brunner K.* The Perception of Man and the Conception of Society: Two Approaches to Understanding Society // *Economic Inquiry*. 1987. July. Vol. 25.
2. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 1. М., 1983.
3. *Heilbroner R.L.* Economics as Universal Science // *Social Research*. 1991. Summer. Vol. 58. No. 2.
4. *Коуз Р.* Природа фирмы // *Теория фирмы*. СПб., 1995.
5. *Уильямсон О.* Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // *THESIS*. 1993. № 3.
6. *Тамбовцев В.Л.* Экономическая теория институциональных изменений. М., 2005.
7. *Вайзе П.* Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // *THESIS*. Мир человека. 1993. Осень. Т. 1. Вып. 3.
8. *Капелюшников В.Р.* Сколько стоит человеческий капитал в России? М. Препринт WP3/2012/06. Сер. WP3.
9. *Schultz T.* Investment in Human Capital // *American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 1.
10. *Becker G.S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. N. Y., 1964.
11. *Беккер Г.С.* Экономический взгляд на жизнь. Нобелевская лекция 9 декабря 1992 г. // Беккер Г.С. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. М., 2003.
12. *Goldin C., Katz L.F.* The Race between Education and Technology. Cambridge, 2008.
13. *Ouchi W.G.* Theory Z. How American Business Can Meet the Japanese Challenge. N. Y., 1982.
14. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М., 2002.

В.И. КОРНЯКОВ, Н.А. АЛЕКСЕЕВА

Застраховаться от нео-неоиндустриализации

Аннотация. История учит: плоды неоиндустриализации могут быть утрачены, как это произошло с индустриализацией СССР. Необходимо замена нынешней нежизнеспособной системы хозяйствования, основные направляющие которой становятся все более очевидными.

Ключевые слова: неоиндустриализация, производительность труда, общественное воспроизводство, стоимость продукции, объем производства.

Abstract. History teaches us that the fruits neoindustrializatsii may be lost, as happened with the industrialization of the USSR. The replacement of the current unsustainable economic system, the main guide that is becoming more apparent.

Keywords: neoindustrializatsiya, productivity, social reproduction, production costs, production.

Был ли СССР индустриальной страной? Риторический вопрос. Индустрия и наука СССР делали его второй сверхдержавой, находившейся в стратегическом равновесии с первой — с США, а в некоторых важнейших отношениях (особенно по культурному уровню населения) — первый. Но над страной за считанные годы была осуществлена беспрецедентная беспощадная операция по одномоментному уничтожению тысяч предприятий, относящихся преимущественно к самым современным отраслям. СССР в 1990-е гг. утратил качество современной индустриальной экономики. Произошла противоестественная трансформация великого научно-индустриального государства в отсталую страну преимущественно третьего технологического уклада, с многомиллионными потерями народа, его общеизвестной образовательной и культурной деградацией. Сохранившиеся заводы переполнены устаревшим неконкурентоспособным оборудованием, продукция массового производства мирного назначения чаще всего уступает зарубежной. Стала необходимой с виду повторная, но содержательно качественно иная, вполне современная индустриализация — *неоиндустриализация*.

Из нашего исторического опыта вытекает, что, прежде всего, осуществлять неоиндустриализацию необходимо так, чтобы она не столкнулась с повторной опасностью ее разрушения, а следовательно, не возникало бы потребности ее проведения уже и в третий раз. Момент развертывания индустриализация — это прежде всего огромные инвестиции. Не будем пытаться ответить на острейший вопрос: где их взять? Он заботит, занимает многих исследователей и наверняка будет широко обсуждаться. Но обратимся к другому, столь же острому: как от инвестиционного потока чрезвычайного характера переходить к такому повседневному нормальному инвестированию, при котором не происходило бы (как в позднем СССР) «закупорок» этого процесса, а основной капитал «спокойно» обретал всегда опережающее (относительно других стран) новейшее современнейшее содержание? Было бы странно, непонятно, неоправданно, если бы экономисты уже сей-

час не озаботились этой проблемой. Не подстережет ли нас повтор ситуации, когда стране придется вдруг и широкомасштабно расставаться с достижениями сегодняшней неоиндустриализации и заявить очередную нео-неоиндустриализацию? Только обладая безошибочным решением проблемы, страна сможет надежно и уверенно развиваться в качестве одного из лидеров мирового сообщества. Лишь при этом условии наша неоиндустриализация станет фактором экономического и социального выздоровления страны. И только в этом случае у России не будет потребности и необходимости в *неонеоиндустриализации*.

Следовательно, уже по ходу неоиндустриализации она должна обрести развивающие экономические отношения, входить в них, в нарастающей мере осуществляться через них. Но вопрос: каковы эти отношения содержательно-системно — пока что остается без ответа. Околоправительственные специалисты продолжают уповать на рыночные механизмы, учрежденные в 1990-е гг., прежде всего на конкуренцию. Большинство же, под давлением все более зловеще тревожных фактов «роста без развития» с еще продолжающимся разрушением производительных сил, не сомневается, что речь должна идти о полной замене существующего хозяйственного механизма. Однако остается неясным-нерешенным центральный вопрос — чем его заменить?

Думается, что существуют и логико-теоретическая, и вполне реальная возможности заменить наличную бесплодную-разрушающую систему хозяйствования ее антиподом. В предлагаемой модели положения, задающие ее целостность и единение функционирования, — не что иное, как полная-полярная противоположность сложившимся в 1990-е гг. и существующим ныне отношениям. Не ставя задачей данной публикации развернуто характеризовать проектируемую экономическую систему, выделим три ее центральных логических направляющих.

Первая направляющая — восстановление экономических процессов, обеспечивающих усвоение-ассимиляцию экономикой главного фактора ее динамизма — роста производительности труда.

Конечно, наша беда, прежде всего, в том, что после обвала в 1990-х производительность труда так и остается в яме с убогими темпами роста, совершенно недостаточными для выхода на уровни развитых стран. Хотя ее не без оснований называли и называют критерием общественного прогресса. Во всем мироздании это единственный известный теории и практике негэнтропийный процесс, бросающий свет на причины создания природой *homosapience*. И все же указанная беда — не главная.

Сегодня главное в том, что даже та производительность, которая еще «дышит» в сфере производства на рабочих местах, на предприятиях, в силу «устройства» нашей экономики до нее, экономики, не доходит, отталкивается, не воспринимается, уничтожается ею. Это важное обстоятельство никем из экономистов до сих пор не фиксируется. Виной можно считать отсутствие научной традиции трактовать производительность труда как двуединое-двойственное образование такого же типа, какими экономисты привыкли видеть труд и товар в системе товарного производства. Действительно, вряд ли кто из экономистов усомнится, что если, например, у продукта «отнято» одно из двух свойств товара (потребительная стоимость, стоимость), то тут же прекращает существование и сам товар. Однако то же самое и с производительностью труда. В ней таким же образом взаимно полагают друг друга две ее стороны: результатная (выработка работником продукции) и затратная (расходование им же при этом своего жизненного ресурса). Без хотя бы одной из них производительности нет. Причем именно затратной составляющей определена главная роль во введении производительности труда в «кровь и плоть» экономики.

Создание результатов — конечный процесс, угасающий в соответствующих промежуточных либо конечных продуктах. При повышении качества созданного продукта последний может стать опорой дальнейшего продвижения повышения производительности, но тем не менее и этот процесс завершается опять же выпуском определенных продуктов. Результаты — потребительные стоимости — несравнимы и несоизмеримы, передают себя экономике порознь при использовании-потреблении (потребителями) их полезностей. Поэтому они непосредственно, прямо соотносятся лишь со своими потребителями, а не с фондами-структурами общественного воспроизводства.

В отличие от результатов, затраты (в часах рабочего времени, в стоимостном измерении) однокачественны, сравнимы и могут прямо, непосредственно, объективно образовывать воспроизводственные совокупности. В них повышение выработки выражено «языком» снижения трудоемкости, почему, по Марксу, всякая экономия сводится к экономии времени. Именно закон экономии времени классик полагал первым экономическим законом. И именно затратная составляющая роста производительности, в отличие от выработки, покидает сферу своего непосредственного производства и продолжает экономическое движение через снижение затрат, цен выпущенной продукции, входит в «кровь и плоть» экономики.

Так было всегда. При классическом капитализме предприниматель пытался не снижать отпускных цен, но закон стоимости, конкуренция принуждали его к этому, и производительность труда проходила в

самое лоно экономики в виде уменьшения цен, экономии всего массива овеществленного труда, фонда возмещения, увеличения прибавочного продукта, ресурсов накопления, национального дохода, интенсификации цикла оборотов основного капитала, продолжения экономического роста. Ничего этого не происходило бы, если бы предприниматели заводов, повысивших производительность труда, не принуждались бы к снижению отпускных цен и, следовательно, дележу эффекта роста производительности труда между собой и экономикой в целом (правда, при повышении качества созданного продукта последний может стать опорой целого «куста» дальнейших повышений «результатной» производительности, но тем не менее и этот процесс угасает в созданных промежуточных либо конечных продуктах).

Сегодня на Западе центрами ассимиляции экономикой повышения производительности являются многоотраслевые концерны — форма, не характерная для России. В РФ же передача экономике, ассимиляция ею роста производительности труда перекрыта, пресечена проинфляционной практикой неснижения отпускных цен при уменьшении издержек повышениями производительности труда. Итак, главная беда российской экономики в том, что в ней заблокировано, перерезано восприятие экономикой как целым, прежде всего структурами общественного воспроизводства, повышений производительности труда. Структуры, элементы, зависимости общественного воспроизводства по ходу роста производительности труда остаются такими же, как словно бы этого роста не происходило. Называя вещи своими именами, можно говорить об уничтожении самой экономикой происходящего в ней роста производительности труда.

Понятно, для искоренения этого зла должно быть обеспечено немедленное-обязательное уменьшение всеми предпринимателями, заводами своих отпускных цен в меру понижения издержек ростом производительности труда. Итогом станет экономическая реализация повышения производительности труда, разветвляющий громадную цепочку общественно-технологического процесса производства, где уменьшение цены передается от покупателей к покупателям покупателей и т. д. Весь общественно-технологический процесс производства начнет передавать уменьшения цен от покупателей к покупателям покупателей и т. д., начнутся изменения в народнохозяйственных совокупностях (фондах) общественного воспроизводства, развернется экономическая реализация народным хозяйством происходящего роста производительности труда.

Вторая направляющая предлагаемого экономического механизма логически опирается на первую, развивает ее. Идея состоит в возвращении по всему «фронту» конкретных отношений к фундаментальным зависимостям между повышением производительности труда и

величинами стоимости (соответственно цен) единиц продукции — как по промежуточным, так и по конечным продуктам. При повышении производительности труда уменьшения затрат, становясь сниженными ценами промежуточных продуктов, должны сообщать это уменьшение ценам конечных продуктов, поступающим в личное потребление. Инфляция «достала» огромное большинство народа, ненавидящего ее. Это в некоторой степени был бы возврат к высшим достижениям сталинской экономики, разрушенной в 1950-е гг., — новый, современный вариант экономики снижающихся цен, антиинфляционно-го развития, возвращающий, наконец, трудящимся четкое видение связи между их трудом и их экономическим благосостоянием.

И третья направляющая — особые отношения непрерывного поискового участия основной массы работников предприятий в повышении производительности труда.

Сегодня повышение производительности труда никому настоящему не нужно, в том числе на предприятиях. Это естественно и категорически противоречит самой сущности экономики, требованиям ее объективных законов. И жизнь давно подсказывает, как могут и должны быть выстроены иные, противоположные, отношения. Исторически определился общий порядок увеличения реальных зарплаток работников. Приросты этих зарплаток задаются приростами действительных объемов производства, обеспечиваемых, в основном, повышением производительности их труда. Задача, следовательно, в том, чтобы наиболее эффективно простимулировать эту фактически существующую процедуру увеличения дохода работников из производительности их труда.

Здесь необходимы самые решительные меры. Все усилия по надлежащей ассимиляции экономикой повышений производительности труда, по развертыванию антиинфляционной экономики снижающихся цен не излечат страны, если не будет выраженного перелома в повышении производительности труда на предприятиях, на рабочих местах. Экономисты должны — обязаны — найти способы возродить интерес работающих к высокопроизводительному труду, действительно «зацепить» этот интерес. Здесь не обойтись без индивидуальной экономической собственности работника на свою производительность труда — отношения, которое стучится в двери современной экономики, но никогда еще не было практически разработано и применено.

В хозяйственной системе данного типа высшая производительность труда на предприятиях будет сразу ассимилироваться экономикой в целом и трансформироваться в прогрессивные сдвиги в общественном воспроизводстве, одновременно вознаграждая работников своими успехами. Перечеркивание итогов неоиндустриализации исключено, потребности в неонеоиндустриализации не будет.

Д.Г. ЕГОРОВ

Экономический мейнстрим и стоимость: о позитивизме в экономической теории

Аннотация. Рассмотрены мировоззренческие основания мирового финансового кризиса. Показано, что неоклассическая экономическая теория есть инструмент манипуляции мировым экономическим сознанием. Отрицание категории «стоимость» необходимо влечет за собой развитие манипулятивных финансовых технологий. В основе этого отрицания — философия позитивизма. Вопрос о природе научного познания — это другая форма основного вопроса философии — что первично, материя или сознание? Если сознание — продукт материи, то, в конечном счете, никакого иного источника, кроме опыта, у теоретических концепций быть не может. Если же сознание априорно и в своей сути не зависимо от опыта, этому соответствует первичность фундаментальных теоретических представлений по отношению к фактам.

Появление предельного анализа сделало технически возможным развитие экономической теории без категории «стоимость», однако при этом за рамками теории оказался ряд экономических феноменов: отсутствие меры делает невозможным даже поставить проблему экономической манипуляции; рассмотрение экономики становится необходимо равновесным (что лежит в основе несводимости в рамках мейнстрима макро- и микроописаний); и др.

Ключевые слова: экономический мейнстрим, мировой финансовый кризис, стоимость, мера, манипуляция, позитивизм, эмпирическое знание, теория.

Abstract. There is the philosophy foundations of the world financial crisis. There is explicit, that the neoclassical theory is manipulation tool for the world economical reflection. The denial of the category of "value" should entail the development of manipulative financial technology. The basis of this denial — philosophy of the positivism. The nature of scientific knowledge — is another form of the fundamental question of philosophy — that is primary, matter or consciousness? If consciousness — a product of matter, then, ultimately, no other source than the experience in the theoretical concepts can not be. If consciousness is a priori, and in essence, regardless of experience this corresponds to the primacy of the fundamental theoretical concepts in relation to the facts.

Although the appearance of marginal analysis made technically possible economic theory without category 'value' from the scope of the theory was a series of economic phenomena: the lack of action makes it impossi-

ble to even raise the issue of economic manipulation, consideration of the economy is necessary to the equilibrium (which is the basis of irreducibility in the mainstream macro-and micro-descriptions), and others.

Keywords: economical mainstream, World financial crisis, value, measure, manipulation, positivism, empirical knowledge, theory.

В 2008 г. произошел мировой финансовый кризис. Его непосредственные причины очевидны — выпуск финансистами США огромных — и ничем, в сущности, не обеспеченных — масс как собственно долларов, так и разнообразных финансовых деривативов.

Что же надо изменить в конфигурации мировой экономики, чтобы можно было не опасаться возврата аналогичных проблем? Общепринятого ответа на этот вопрос пока нет. По нашему мнению, это глубоко закономерно, так как: 1) мировое экономическое сознание со второй половины XX в. формируется неоклассической экономической теорией (так называемый экономический мейнстрим — *mainstream*); 2) мейнстрим имеет системные дефекты, искажающие восприятие экономической реальности у всякого, кто эту парадигму разделяет.

Если тезис (1) достаточно очевиден, то тезис (2) требует обоснования. Начнем несколько издалека.

Для чего вообще нужна экономическая система (любого размера — от одного человека до мира в целом)? Для производства денег, деривативов, финансовых отчетов? Деньги есть нельзя. Экономика нужна для производства реальных товаров и услуг. А финансовая надстройка нужна для облегчения транзакций (в ситуации разделения труда) и распределения (перераспределения) благ.

Откуда берутся товары и услуги? Они могут быть либо произведены самой экономической системой, либо получены извне.

Извне блага могут поступить в результате насилия (войны) и обмена. Обмен также бывает двух видов: эквивалентный и неэквивалентный (например, когда одна страна получает треть мировых ресурсов, а остальной мир — зеленую бумагу). Неэквивалентный обмен в терминах обывденного мышления именуют просто обманом.

Таким образом, все экономические системы можно разделить на два множества: 1) ориентированные на производство благ (как для непосредственного потребления, так и для эквивалентного обмена) — и потому заинтересованные в увеличении эффективности реального производства; 2) ориентированные на неэквивалентный обмен — и

потому заинтересованные в производстве в первую очередь технологической манипуляции³¹.

А теперь зададимся вопросом — в пропаганде какого рода экономических теорий заинтересованы элиты этих двух типов экономических систем? В первом случае желательна теория, точно описывающая реальную экономику — чтобы на ее основе можно было бы принимать оптимальные решения по управлению; во втором — весьма желательно, чтобы господствовала (в первую очередь — во внешнем окружении) теория, систематически искавляющая представления о сути экономических процессов и облегчающая тем самым манипуляцию всеми теми, кто такие «кривые» представления об экономике разделяет.

Теперь обратимся к текущей экономической реальности.

1. Пример неэквивалентного обмена представляют собой отношения США (это можно сказать и о ряде других стран, но пример США наиболее «чистый») со всем остальным миром: десятилетиями США потребляют более трети мировых ресурсов, давая взамен виртуальные финансовые обязательства. Что говорит об этом неоклассическая теория? — «Все ОК, экономика США — лучшая в мире, и все хотят заполучить доллары США; спрос-предложение, стихия рынка...», — и прочая гипнотизирующая обывателя наукообразная абракадабра (чем выше нагромождение терминов с латинскими корнями — тем убедительнее).

2. Миф о хаосе финансовых рынков (которыми якобы никто не в состоянии управлять) никак не стыкуется со статистическими данными, показывающими, что процесс финансовой глобализации есть ряд последовательных циклов искусственного раздувания либо рынков акций ведущих корпораций США, либо рынка государственных облигаций (тоже, конечно, США) с последующими управляемыми биржевыми крахами, потери в которых несут почти исключительно неамериканцы [1]. Если кто-то «финансовым креативом» получает ценности из ничего, кто-то другой необходимо должен эти ценности произвести (а затем их лишиться). — с точки зрения неоклассического мейнстрима тут тоже все нормально. Более того, проблему экономической манипуляции в рамках неоклассики не только разрешить, но даже поставить *в принципе нельзя*.

3. Руководством стран «золотого миллиарда» предлагаются — для *других* стран — строго неоклассические (в соответствии с самой популярной в мире экономической теорией) рекомендации Вашингтон-

³¹ Конечно, в жизни четкой границы между этими типами нет — но есть значимые тенденции, которые наша классификация отражает.

ского соглашения по неолиберализму (*neoliberal Washington consensus*): отказ от регулирования торговли и финансов, сведение к нулю инфляции, проведение приватизации. Результат следования этим рекомендациям неизменно плачевный.

4. Экономика «развитых рыночных стран» в весьма значительной степени регулируется: общеизвестно, что в системе планирования США³², Франции, Японии и многих других стран важную роль играют межотраслевые балансы (МОБ). Однако МОБ — это инструмент классической экономической теории. В его основе лежит гипотеза об устойчивости межотраслевых коэффициентов, но ведь она фактически равносильна признанию существования объективной стоимости — а иначе, что обеспечивает эту устойчивость?

Что по этому поводу говорит мейнстрим? — ничего: управление экономикой в странах «золотого миллиарда» происходит не на основе неоклассических (а также любых иных) догм, а на основе прагматического подхода, т. е. обыкновенного здравого смысла³³.

Таким образом, концепция неоклассики используется для апологетики мирового экономического порядка, а также навязывается как теоретическая база для «развития» экономик стран «непервого мира». Но в управлении экономиками «первого мира» ее роль не столько научная, сколько идеологическая.

Достаточно очевидно, что архитектура современных мировых финансов есть средство для конвертации политического и военного доминирования США в экономические предпочтения, однако свести ее принятие мировым сообществом только к силовому давлению Запада неправомерно. Угроза применения силы в поддержании современного мирового экономического порядка, конечно, имеет место, но не менее важный фактор — продвижение таких социально-экономических идей, которые изначально предполагают (при их принятии в качестве теоретической основы для осмысления реальности) создание институтов в интересах архитекторов современной мировой экономики. В основе мировой долларовой пирамиды лежит идея плавающего курса мировых валют, которая сама имеет в качестве теоретического обоснования *представление об отсутствии у товаров объективной ценности (т. е. отрицание стоимости)*. Десятилетия господства неоклассических представлений об отсутствии *объективной* ценности

³² Об истинных масштабах планирования и централизованного регулирования экономики США см.: [2].

³³ Который задним числом может затем «обосновываться» ссылками на какую-либо экономическую теорию — благо, их в настоящее время существует столько, что любое решение можно затем «научно обосновать».

у какого-либо товара подготовили, наконец, к 1970-м гг. (времени отмены привязки доллара к золотому стандарту) массовое экономическое сознание к следующему (вполне последовательному!) шагу: признать излишним какое-либо объективное обеспечение и у денег³⁴.

Отрицание категории «стоимость» мы и считаем тем самым искривлением восприятия экономической реальности, которое необходимо влечет за собой перекося экономики в сторону манипулятивных финансовых технологий: деньги становятся знаком без эталона (и теряют тем самым свойство объективной меры), в обороте ценных бумаг необратимо увеличивается разрыв знаков со значением и т. д.

Необходимо отметить — мы ни в коем случае не считаем неоклассическую экономическую теорию злонамеренной обманкой, созданной по заказу масонов (каббалистов, коммунистов, инопланетян...). *в целом* мы оцениваем ее — как интеллектуальную конструкцию — высоко. по нашему мнению, основоположники неоклассики отвергли категорию «стоимость» неправомерно, но заблуждались они искренне — *неоклассика есть закономерный продукт господства в науке конца XIX — начала XX в. философии позитивизма*. Позитивизм предписывал изгонять из науки «метафизические», т. е. не сводимые к опыту, понятия. Таковой была объявлена и «стоимость» — вместе с «силой», «материей», «атомом» и др.³⁵ Распространение позитивизма в науке не случайно совпало с «маржиналистской революцией» в экономике: если мир можно трактовать как совокупность ощущений индивида (с точки зрения, например, такой влиятельной в начале XX в. формы позитивизма, как махизм), то почему бы не рассматривать экономическую систему как взаимодействие *субъективных* предпочтений спроса и предложения?

Классики маржинализма посчитали понятие стоимости: а) не поддающимся строгому научному определению, т. е. «метафизическим», и при этом: б) просто избыточным — ибо, согласно мейнстриму, все осмысленные экономические вопросы можно разрешить, не прибегая к категории «стоимость»³⁶. Но так ли это?

³⁴ Раз ценность любого товара определяется соотношением спроса-предложения, а деньги — тоже товар, пусть и особый, ценность денег тоже можно определять соотношением спроса-предложения на ту или иную валюту. Более того — так поступать следует — ибо, согласно мейнстриму, это «теоретически правильно».

³⁵ Так, убежденность в реальном существовании атомов Эрнст Мах (один из лидеров второй волны позитивизма — и одновременно физик с мировым именем) сравнивал с верой в шабаш ведьм.

³⁶ «Для формирования Парето-эффективного рынка достаточно выражения субъективных предпочтений участников».

В настоящее время известно, что при построении научной теории не только можно, но даже нужно использовать идеальные теоретические конструкты [3, 159]. Тем не менее, если законность введения идеальных теоретических конструктов в настоящее время не ставится под сомнение ни в науке вообще, ни собственно в экономической теории³⁷, категория «стоимость» продолжает подвергаться «методологическим» (на самом деле — идеологическим) атакам³⁸. то, что в экономике (в отличие от физики) издержки позитивизма до сих пор не преодолены, по нашему мнению, действительно связано с тем, что господство экономического мейнстрима ряду ключевых игроков мировой экономики выгодно: *дискуссия о стоимости — это, в сущности, дискуссия о легитимности всего современного мирового финансово-экономического порядка.*

В то же время влияние позитивизма в современной науке вообще и в экономике в частности не сводится *только* лишь к чьей-то выгоде. Вопрос о позитивизме в современной науке — одна из форм вопроса о соотношении теоретического и эмпирического знания. Этот вопрос имеет не только методологическое, но также и огромное мировоззренческое, а также и практическое значение. В сущности, он может быть интерпретирован как вариант основного вопроса философии (о соотношении материи и сознания) в рамках методологии.

От Платона до Декарта наука мыслилась как система абсолютно достоверного знания — в силу чего она была фактически синонимом теоретического знания. С нового времени становится понятно, что математически очевидные аксиомы в основу естествознания поставить не получается (даже такому великому философу и ученому, как Р. Декарт) — а это значит, метафизические предположения (принципы), которые приходится принимать как основу естественнонаучных теорий, не очевидны и не однозначны, и для проверки их соответствия реальности нужно сопоставлять выводы теории с фактами.

³⁷ Всеведущий и тотально рациональный *homo oeconomicus* тоже «на самом деле» не существует, и это не помешало построению теории идеального рынка.

³⁸ Свою роль здесь сыграло использование обсуждаемой категории в таком идеологизированном учении, как марксизм. Хотя трудовая теория стоимости — создание отнюдь не Карла Маркса, а апологета «невидимой руки» рынка Адама Смита, до сих пор некоторые «критики» идеи стоимости демонстрируют логические нестыковки «Капитала», пребывая в уверенности, что тем самым дискредитируют идею стоимости как таковую. Или идут еще дальше, начиная с действительных нелепостей натурфилософии Гегеля; далее следует «заключение»: и Гегель, и его эпигон Маркс, и концепция стоимости (она же — марксизм) — все в равной степени нелепо.

К середине XIX в. ввиду успехов эмпирических наук и накопления огромного массива фактов рядом ученых и философов предпринимается зеркальная попытка отказаться в науке от метафизических предположений *в принципе* — путем замещения теорий эмпирическими обобщениями (выводимыми индуктивно из наборов фактов).

Эта попытка изгнать из науки философию (метафизику) и получила название *философии позитивизма*.

Процедура разделения научных (т. е. эмпирических) и философских высказываний получила в философии позитивизма название верификации: если теоретическое положение можно свести к фактам, оно научно, если нет — метафизично, следовательно, ненаучно.

Позитивистский проект оказался философски и методологически несостоятельным — после множества попыток его реализации стало ясно, что от метафизики (т. е. *предположений о том, какова суть бытия*) в науке избавиться невозможно.

1. Уже сам принцип верификации есть метафизика — никакой эксперимент его не обосновывает, он предпослан любому эксперименту.

2. Формулировка практически любого факта явно или неявно включает какие-либо теоретические модели: например, говоря, что магнитная стрелка в магнитном поле разворачивается вдоль силовых линий поля, мы ссылаемся на теоретическую модель силовых линий поля; попытка и ее свести к каким-то более простым фактам приведет к тому, что мы дойдем до первичных принципов электродинамики (и обойтись без них не сумеем); таким образом, факт — это совокупность наблюдений, в сочетании с теоретическими моделями, эти наблюдения объясняющими.

3. Как показал еще И. Кант, уже понятия пространства и времени не могут быть получены ни в каком эксперименте — они априорны, т. е. сами являются необходимой предпосылкой любого опыта и вообще восприятия.

4. Любой эксперимент (или в более общем контексте — любая подборка фактов) уже *предполагает* некоторую теоретическую схему, вне которой он просто немыслим. Любая попытка вывести общее из групп единичностей противоречива, поскольку образование группы уже предполагает общее в качестве своего основания³⁹.

Иными словами, исследователь, провозглашающий, что его теория «выведена из фактов», на самом деле уже на стадии подборки фактов имеет некую теоретическую схему, которая и определяет то, какие факты будут отобраны [5]: подобно тому, как рыбы не замечают воду,

³⁹ Критику Э. Гуссерлем номинализма и позитивизма см., напр.: [4].

а люди — воздух, так и позитивисты не замечают теоретических моделей, направляющих их при поиске и отборе фактов. То, что наш гипотетический исследователь может не отдавать себе отчета в наличии у него априорной теоретической схемы исследуемой системы, ничего принципиально не меняет в том, что он делает (хотя довольно сильно влияет на то, что он о своей методологии говорит и думает).

Со времени уничтожающей критики позитивизма в работах К. Поппера, Э. Гуссерля и других философов (т. е. с 1930-х гг.) никаких новых аргументов в его защиту выдвинуто не было. Однако до сих пор некоторые методологи и многие «просто» ученые считают себя его сторонниками⁴⁰: при этом критические аргументы против позитивизма⁴¹ не опровергаются, а просто игнорируются.

Но, может быть, в этой распространенной до сих пор склонности ученых к стихийному позитивизму нет ничего особенно плохого?

Увы, это не так — издержки позитивизма влияют (и довольно сильно) на эффективность научной работы:

Так, в результате возникают фильтры восприятия: считая, что главное в науке это сбор фактов (из которых затем, как предполагается, автоматически выводится теоретическое знание), мы будем обращать внимание только на факты, согласующиеся с ранее заданным канонам.

Это, впрочем, не главное, на эмпирическом уровне позитивизм относительно терпим (водитель, убежденный, что именно колеса — первоисточник движения автомобиля, и именно они движут цилиндры двигателя, на ровном асфальте может годами ездить, не испытывая проблем). Главные методологические проблемы возникают, если позитивистски настроенный исследователь сталкивается с принципиально новой ситуацией, новыми фактами, не объясняемыми существующими теориями, когда требуется создание новой теории (продолжим нашу автомобильную аналогию: если наш водитель попадет на горную дорогу, где требуется иногда тормозить двигателем, то его «своеобразные» представления о соотношении колес и двигателя приведут к аварии). Вот тогда непонимание сущности теоретического метода и его соотношения с методом эмпирическим приводит к созданию «теорий», содержащих не теоретические конструкты, а чувственные аналогии, апелляции к обыденному мышлению, эмоциональные описания и т. д.

⁴⁰ О позитивизме в науках о Земле см., напр.: [6].

⁴¹ Краткий и не исчерпывающий, но вполне достаточный список которых дан выше.

Позитивизм пытался представить все теоретическое знание как некую надстройку над знанием эмпирическим.

Во второй половине XX в. стало достаточно распространенным мнение, согласно которому эмпирический и теоретический методы (и их результаты — соответственно факты и теории) независимы, т. е. имеют каждый собственное основание (хотя, конечно, и взаимодействуют между собой) [3]. Эта схема отношения теории и фактов представляется нам не вполне верной: теории *объясняют* факты (и в этом смысле они в них нуждаются, иначе нечего было бы объяснять), но *не опираются* на них, а вот факты, напротив, опираются на теоретические модели (включают их в себя в качестве неотъемлемой части).

Любое наблюдение (тем более любой эксперимент) целенаправленно, и направляется оно нашими теоретическими представлениями [5]. Следовательно, именно теоретический метод (и его продукт — теории) первичны в науке, а экспериментальный метод — способ проверки теорий и, конечно, не может быть от метода теоретического независим.

Представляется важным остановиться на причине распространенности такого взгляда (ибо это — важный мировоззренческий вопрос): проблема *соотношения теории и опыта* — частный случай более широкой проблемы: *природы сознания*.

В самом деле последовательная материалистическая позиция *необходимо* приводит в позитивизму как *единственно возможной* философии науки: если материя первична, то у сознания просто нет других оснований, помимо опытных ощущений (ибо вообще *все* сознание есть производное от материи, т. е. от сигналов органов чувств), и тогда, конечно, любая теория должна быть сводима к опытным фактам (атомарным предложениям, по Б. Расселу). И наоборот — если позитивизм несостоятелен (мы не можем свести все содержание науки в опыту, значит, есть априорные основания теоретического знания) — то из существования априорных оснований теоретического знания необходимо следуют идеализм в онтологии и реализм (в средневековом смысле этого слова — как оппозиция номинализму и эмпиризму) в теории познания.

Оговорки о том, что теоретические конструкты не имеют опытной природы, но усваиваются человеком по социальной эстафете в процессе обучения, проблемы не решают, а просто передают ее на решение неандертальцам — хоть поколение назад, хоть тысячу поколений ранее, но когда-то теоретические конструкты ведь должны же были быть созданы? Так как же это произошло? Хоть сто, хоть миллион лет тому назад, неважно — либо они априорны, либо апостериорны — третьего не дано.

По этому поводу Б.Ф. Поршнев (один из самых глубоких мыслителей — защитников материалистической концепции сознания) писал: «Главный логический инструмент эволюционизма в вопросах психологии (и социологии) — категория, которую можно выразить словами “помаленьку”, “понемножку”... Помаленьку усложнялась и обогащалась высшая нервная деятельность, мало-помалу разрастался головной мозг, понемножку обогащалась предметно-орудийная и ориентировочно-обследовательская деятельность, постепенно укреплялись стадные отношения и расширялась внутривидовая сигнализация... Если взглянуть, увидим, что тут скрыты представления о неких “логических квантах” или предельно малых долях: “немного”, “мало” и т. д. Раз так, уместно задуматься: разве чудо перестанет быть чудом от того, что предстанет как несчетное множество чудес, пусть “совсем маленьких”? Ведь это разложение не на элементы, а на ступени лестницы. Теологи это давно поняли, вот почему они перестали спорить с эволюционистами. Да, говорят они, человек создан Богом из обезьяны (неодушевленной материи), и то, что в мысли Бога вневременный миг, “день творения”, то на земных часах и календарях можно мерить несчетным числом делений. Создатель вполне мог творить человека так, как описывает эволюционная теория. Слепцы, продолжают теологи, вы думаете, что своими измерениями переходных ступеней вы посрамили чудо, а вы теперь поклонились ему несчетное число раз вместо того, чтобы поклониться один раз. Раз чудо совершается в материи, естественно, что оно совершается и во времени... Категория постепенности никак не заменяет категорию причинности... Возврат к концепции перерыва стал насущной потребностью: она по крайней мере ставит кричащую задачу. Мы не потому за пропасть, что хотим с ней навеки примириться... мы открытыми глазами смотрим на тот факт, что переход от зоологического уровня к человеческому еще не объяснен» [7, 52—53]. в завершение этого обширного цитирования заметим, что и цитированная книга (возможно, вообще лучшая попытка объяснить феномен сознания с материалистических позиций в мировой философии и науке) эту задачу явно не разрешила.

Если же сознание априорно, и в своей сути независимо от опыта (хотя, конечно, взаимодействует с опытными данными в процессе развития), этому соответствует первичность фундаментальных теоретических представлений по отношению к фактам.

Отметим, что даже восприятие (не говоря уже о собственно мышлении) — тоже проекция идеальных моделей на реальность: из огромного потока зрительной информации (это — многие гигабайты информации в секунду) взгляд человека выделяет образы, гештальты, но это *предполагает* набор эталонных образов в сознании. Конечно,

они нарабатываются в процессе воспитания и обучения, строятся из набора неких первичных геометрических интуиций, но этот первичный априорный набор необходим, иначе никакое восприятие просто не сможет начаться. Откуда этот набор первичных гештальтов — из опыта? Но опыт уже предполагает его наличие⁴². С тем же успехом можно загружать в компьютер массивы информации, не поставив программ для ее обработки, и ждать, когда же опыт обучит компьютер их обрабатывать...

Если мы принимаем первую (материалистическую) точку зрения, то ее обоснование предполагает экспликацию саморазвития феномена сознания, и уж в любом случае показ, каким образом теории следуют из опыта (сводятся к нему), ведь эта задача куда проще, чем экспликация саморазвития «сознания из материи». Но даже эта задача — в явном виде поставленная в начале XX в. как цель логического позитивизма — пока никем не была выполнена (и есть серьезные основания полагать, что она так и останется нереализуемой).

Хотя появление предельного анализа и сделало технически возможным развитие экономической теории без категории «стоимость», но при этом за рамками теории оказался ряд экономических феноменов.

1. Отказ от стоимости ведет к статично-равновесному рассмотрению экономики.

Введение динамики (времени) предполагает наличие критерия сравнения различных временных состояний, наличие *меры*. Если использовать метафору весов, то субъективно-маржиналистский подход заключается в идее, согласно которой при уравновешенных весах (т. е. в ситуации рыночного равновесия) нет нужды в оперировании с точным весом гирь на чашах весов (т. е. с объективной стоимостью), если весы выйдут из равновесия, то надо просто класть на соответствующую чашу дополнительные гири (опять-таки без знания их точного веса), пока равновесие не восстановится.

Однако в реальной экономике регулярно возникают ситуации, когда априорно-равновесный подход начинает противоречить здравому смыслу: вспомним, например, недавнюю историю России, когда во вторник акция МММ стоила 1000 р., а в среду стала стоить 1 р. Вроде бы обе цены — результат «рыночной балансировки», однако ясно, что происходящее явно ненормально (и нарушает как интересы десятков тысяч вкладчиков, справедливо чувствующих себя обманутыми, так и функционирование экономики в целом). В то же время, если отрицать наличие какой-либо объективной меры стоимости, сравнить эти два

⁴² Об этом см., напр.: [8].

состояния крайне сложно — ведь в этом случае цена в 1 р. за акцию не лучше и не хуже цены в 1000 р.: «таковы субъективные предпочтения», «на такой отметке зафиксировалось новое “равновесие”».

Априорно-равновесный подход — первопричина несводимости в рамках мейнстрима макро- и микроописаний (подробнее об этом см.: [9, 154—165]).

И именно поэтому развивающийся в рамках неоклассической парадигмы эволюционный подход является неизбежно качественным — для введения изменяющихся во времени количественных параметров нужен объективный критерий сравнения, т. е. мера.

2. Проблема меры — одна из основных в науке. Измерить означает поставить в соответствие явлению некоторое число. В результате от качественных описаний мы переходим к количественным, строим математические модели явлений. «Ты должен измерить все, что можешь, а что пока не можешь, придумай, как все-таки это измерить», — писал Галилео Галилей. Успехи физики последних столетий непосредственно связаны со следованием этому предписанию: физика (и опирающиеся на нее технические науки) стали математизированными (следовательно — точными) дисциплинами. Проблема математизации других дисциплин — в почти полном отсутствии мер: есть алгоритмы измерения длины, массы, и т. д., а вот как *точно* измерить степень культурного влияния русской литературы на узбекскую?

Казалось бы, экономика является счастливым исключением, ибо в ней мера существует — это деньги. Однако определить деньги как знак, соответствующий некоторой мере стоимости, можно в рамках классической парадигмы. Если же мы отрицаем существование стоимости, возникает вопрос — знаком чего являются деньги?

В рамках мейнстрима на него можно дать только примерный ответ: «деньги — это то, что выполняет функцию денег (признается как деньги)». В результате в современной экономике деньги давно уже являются мерой *без эталона*: чему будет равен завтра 1 евро? — тому, что за него дадут на валютных биржах. Гипноз СМИ, передающих сообщения с финансовых бирж, как сводки погоды, делает колебания валютных курсов чем-то привычным (следовательно — «естественным»). А теперь обратимся к аналогии: вы едете на машине, спидометр показывает 60 км/час, но в километре утром 700 м, а вечером — 1300 (а может быть — 1500) — куда вы приедете? Вы строите дом, используя резиновый метр и качающийся нивелир — что вы построите? Эти аналогии кажутся утрированными? Но в начале XXI в. даже планирование бюджетов больших государств ведется по сценариям: «если курс национальной валюты вырастет, то...», «если цены на

нефть упадут, то...», — и десятки миллионов человек могут завтра жить хуже, чем сегодня (работая не хуже).

Позволим себе еще одну аналогию с физикой — симметрия относительно сдвига во времени связана с законом сохранения энергии. Если бы такой симметрии не было, т. е. если бы физические константы в разное время могли бы различаться по своим величинам, то закон сохранения энергии не выполнялся бы и отсутствовала бы связь между различными временными состояниями какой-либо системы. Соответственно теряло бы смысл прослеживание эволюции системы. В нашей ситуации энергии можно поставить в соответствие стоимость — в отсутствие объективной системной ценности количественное сравнение различных временных состояний экономической системы также теряет смысл.

Действительно: сравнение, например, значений ВВП страны в денежном выражении на протяжении десяти лет в условиях даже умеренной инфляции не дает почти никакой значимой информации, поэтому даже убежденные сторонники мейнстрима в таких случаях обращаются к трендам показателей в натуральной форме (объемам выработки электроэнергии, потребления белковых продуктов и количества автомобилей на душу населения и т. д.), т. е. следуют логике подхода классического.

3. При элиминации категории «стоимость» отсутствует возможность теоретического рассмотрения проблемы разграничения добросовестного информирования и информационной манипуляции⁴³.

Обратимся в качестве примера к тому же феномену финансовых пирамид. Во многих странах существует законодательство, направленное против финансовых пирамид, а также в более широком контексте — против манипулятивной рекламы. Важно отметить, что *эта практика противоречит теоретическим моделям неоклассики*: действительно, манипуляция — это ведь изменение системы внутренних предпочтений человека, его желаний⁴⁴, а предпочтения индивида, согласно неоклассическому подходу, — «черный ящик»; субъективная полезность чего-либо принимается в неоклассике как данность.

⁴³ Остается только вводить принцип «полноты информации» у *homo oeconomicus* — очевидно нереалистичский — что одно уже разрывает связь теории с экономической реальностью.

⁴⁴ «...Кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск — это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти в Пинск» (Доценко Е. Психология манипуляции, цит. по: [10]).

Здесь мы хотим обратить внимание не столько на негативные эффекты манипуляции для общества в целом⁴⁵, сколько на то, что с элиминацией категории «стоимость» даже *определить* интуитивно вроде бы ясное понятие экономической манипуляции не представляется возможным⁴⁶. Напротив — это просто сделать, опираясь на стоимость, — манипуляция тогда может быть определена, например, как такое информационное воздействие на экономического индивида, при котором его субъективные предпочтения относительно товаров систематически и существенно перестают соответствовать их стоимостям. Понятно, что если явление нельзя даже внятно определить, его тем более не представляется возможным исследовать.

4. Отказ от категории «стоимость» приводит к трудностям даже в определении предмета экономической науки: от определения Адама Смита экономики как «науки о природе и причинах богатства народов» (неявно апеллирующего — через ссылку на «богатство» — к стоимости) неоклассическая теория переходит к определению экономики как науки, «изучающей человеческое поведение с точки зрения отношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [11, 18]. Это определение приводит к размыванию предмета экономической науки, ибо очерчивает предметную область, частично входящую (отношение пересечения) как подмножество в предметную область экономики с точки зрения здравого смысла (а также того, что именуется экономикой в социологических, политологических, юридических исследованиях), и частично включает ситуации рационального выбора из ограниченного числа ресурсов, не являющиеся при этом хозяйственной деятельностью (но подпадающие под определение Л. Роббинса)⁴⁷.

5. Отказ от категории «стоимость» *необходимо* приводит к методологическому индивидуализму.

⁴⁵ Так, производство новых брендов зачастую вытесняет производство новых продуктов (ибо увеличить субъективную привлекательность в сознании потребителя обычно обходится дешевле соответствующего увеличения материальных активов), и тормозит тем самым реальный научно-технический прогресс.

⁴⁶ Обзор определений «манипуляции» см. напр., в: [10]: все обсуждаемые определения (позаимствованные в основном из западных источников) оказываются не более чем качественными метафорами.

⁴⁷ Существует понятие «экономический империализм», т. е. перенос экономической методологии в другие социальные науки, — что само по себе можно только приветствовать; однако здесь мы говорим о том, что неоклассическое определение просто стирает границу между экономикой и другими дисциплинами социально-гуманитарного знания.

Если нет предпочтений объективных, а есть только субъективные, то элементами экономической системы могут быть только индивиды: принципы независимости индивидов и субъективности их предпочтений, лежащие в основе неоклассического подхода, исключают взаимодействие коллективных и индивидуальных интересов из сферы экономической теории. В то же время общеизвестно, что наивные взгляды Адама Смита о том, что индивидуальный эгоизм автоматически ведет к общему благу, отнюдь не всегда соответствуют реальности — коллективные интересы не сводятся к сумме интересов индивидуальных, более того — могут им противоречить⁴⁸. И если в классическом подходе, с опорой на стоимость, квантификация индивидуальных и коллективных интересов — проблема одного уровня, то в подходе неоклассическом квантификация коллективных интересов крайне сложна (у множества индивидов не может быть субъективного предпочтения, так как коллектив — не субъект).

б. Проблема смешения иерархических уровней (метауровней) при рассмотрении экономических систем.

Как таковая эта проблема была поставлена в начале XX в. при разработке оснований математики в рамках теории множеств: процедура объединения отдельных множеств в новое множество может вести к парадоксам⁴⁹. Для элиминации парадоксов такого рода Б. Расселом предложена теория типов: а) простые объекты (единичные множества) — это 1-й тип (1-й метауровень); б) множества, образованные из объектов 1-го типа, — 2-й тип; в) множества, образованные из объектов 2-го типа, — 3-й тип и т. д.

При этом запрещается объединять в одно множество объекты разных типов — этого оказывается достаточно, чтобы избежать парадоксов наивной теории множеств.

Следование принципам, лежащим в основе теории типов, помогает избежать логических ошибок не только в математике: реальные объекты, высказывания о реальности (наука), высказывания о высказываниях (методология) — также образуют иерархию, при нарушении которой (например, при забвении того обстоятельства, что мир сам по

⁴⁸ Яркий пример — Россия начала XXI в.: как частные лица многие предприниматели заинтересованы в выводе капиталов за пределы страны и вложении их в более эффективные экономические системы. В то же время как граждане РФ они заинтересованы во внутренних инвестициях.

⁴⁹ Пример такого парадокса: в деревне, где все бреют бороды, живет брадобрей, который бреет всех тех, кто не бреется сам; кто бреет брадобрея? Легко убедиться, что любой ответ на этот вопрос будет ложным. Подробнее о парадоксах наивной теории множеств и о теории типов см.: [12].

себе и его словесное описание — не одно и то же) возникают логические проблемы и парадоксы.

В экономике ясно выделяется иерархия метауровней: 1) реальные объекты (земля, транспорт, фабрики, заводы); 2) знаки стоимости вообще (деньги) или какого-то конкретного объекта (акции); 3) знаки знаков (облигации, векселя, депозитарные записи, деривативы, деривативы деривативов...).

Смещение метауровней в мейнстриме состоит в том, что и реальные объекты, и их знаки, и знаки знаков рассматриваются как одноуровневые объекты: как производство реальных продуктов, так и «производство» финансовых деривативов в рамках неоклассического подхода — экономическая деятельность одного ранга.

Почему это проблема (чем это плохо)? Экономика нужна обществу для обеспечения людей товарами и услугами, а деньги (и любые иные знаки) ценны не сами по себе, а в силу возможности их обмена на реальные блага. Пока мы не забываем, что вещи и знаки — объекты разноранговые, знаки служат нам средством упрощения реальных транзакций (и знаковая подсистема экономики развивается настолько, насколько это надо для их обеспечения). Когда же эта разница перестает осознаваться (знаки и вещи начинают восприниматься как объекты одного класса⁵⁰), возникает соблазн вместо решения проблем реального производства создавать новые знаковые конструкции, по формальным показателям также, казалось бы, приводящие к сходному финансовому результату: удвоить ВВП можно ведь как увеличив в 2 раза выпуск товаров, так и раздув объем «финансовых инструментов». Понятно, что второе — не в пример легче⁵¹. Такое положение дел естественно ведет к расцвету финансовых спекуляций в ущерб реальному сектору экономики.

Но расцветом спекуляций и манипуляций издержки не исчерпываются: и у добросовестных экономических агентов возникает искривленное видение реальности, когда рост финансовых показателей однозначно воспринимается как нечто позитивное. Но ведь это, мягко говоря, не совсем так.

⁵⁰ Это свойственно мифологическому сознанию архаичных племен на родоплеменной стадии развития — дикарями имя зачастую воспринимается как материальный объект, который можно, например, украсть или отнять. Так, есть племена, в которых для того, чтобы дать ребенку имя, надо захватить врага, заставить назвать свое имя, затем врага убить — и тогда «освободившееся» имя может перейти к ребенку.

⁵¹ Автомобилист, увидев, что топливо кончается, вместо заливки бензина в бак подкручивает указатель уровня топлива — стрелка снова показывает «полный бак» — проблема «решена»!

Увеличилось количество ДТП на дорогах. Это хорошо или плохо? Не торопитесь с ответом — с точки зрения позитивности роста ВВП это очень «хорошо»: увеличились страховые выплаты потерпевшим и сборы с виновных, загружен работой автосервис, делаются дорогостоящие медицинские операции — ВВП растет... Открыто средство, позволяющее уменьшить потребление автомобилями топлива — это «плохо»: энергетики продадут меньше бензина, и ВВП упадет (это, впрочем, «поправимо»: выльем сэкономленный бензин в море, сопровождая это финансовыми манипуляциями, и ВВП вырастет...). Здравый смысл упорно расходится с неоклассическими выводами — с нашим здравым смыслом что-то не в порядке? А, может быть, что-то серьезно не в порядке с экономическим мейнстримом?

Почему это проблема именно мейнстрима? Потому что с признанием объективного статуса категории «стоимость» разделение метауровней происходит естественно: стоимость есть у объектов реальности, и только у них (если стоимость объективна, то она не может иметь знаковую природу, знаки ее только *обозначают*), а вся финансовая надстройка, в силу своей знаковой природы, мыслится как знаки (знаки знаков) стоимости.

А мейнстрим признает только *субъективные* оценки ценностей того или иного объекта. Но чем же в этом случае субъективная оценка вещи принципиально отличается от субъективной оценки акции? Любой объект любой природы, имеющий субъективную ценность, становится предметом экономики — и оснований для введения иерархии типов при неоклассическом подходе нет.

Таким образом, отказ от категории «стоимость» обходится экономической теории (а также практике!) достаточно дорого — и утверждение, что все основные экономические проблемы могут быть решены при ее элиминации — не соответствует действительности.

элиминация стоимости лежит в основе теоретической апологетики архитектуры современной мировой финансово-экономической системы — системы, построенной в интересах «золотого миллиарда», но никак не человечества в целом.

Литература

1. *Абдулгамидов Н., Губанов С.* Двойные стандарты однополюсной глобализации // *Экономист.* 2003. № 12.
2. *Федорович В.А., Патрон А.П., Заварухин В.П.* США: федеральная контрактная система и экономика: механизм регулирования. М., 2002.
3. *Степин В.С.* *Философия науки.* М., 2006.

4. Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
5. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
6. Егоров Д.Г. О цене позитивистской методологии в науках о Земле // Философия науки. 2010. № 4.
7. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
8. Пацлаф Р. Застывший взгляд. М., 2003.
9. Егоров Д.Г. Возможность согласования макро- и микроэкономики в рамках подхода Мориса Алле // Общественные науки и современность. 2009. № 1.
10. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2002. гл. 2.
11. Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. 1993. Вып. 1.
12. Ван Хао, Мак-Нотон Р. Аксиоматические системы теории множеств. М., 1963.

Д.П. СОКОЛОВ

Эволюция системы взглядов на сущность отношений собственности

Аннотация. Анализируется развитие теоретических представлений об отношениях собственности: показывается историческая преемственность современных теорий и дается оценка роли права в изучении собственности как экономической категории.

Ключевые слова: собственность, отношения собственности, право собственности, экономическая категория, история.

Abstract. The article analyzes the development of theoretical views on the problem of property relations: it shows the historical succession of modern theories and evaluates the role of law in studying property as economic category.

Keywords: property; property relations; property right; economic category; history.

Отношения собственности, будучи фундаментальными общественными отношениями, уже в древние времена являлись предметом пристального внимания общественных наук. Дошедшие до наших дней исторические памятники позволяют судить о том, что отношения собственности стали изучаться человеком в период разложения первобытнообщинного строя и укрепления рабовладения в государ-

ствах Древней Азии. Так, в Кодексе царя Хаммурапи содержатся статьи о развитии частной собственности в Древнем Вавилоне и ее охране наряду с собственностью общины. Соединение рабовладения и общинных связей характерно и для учения Конфуция. В борьбе за сохранение общинных начал, с одной стороны, и за развитие рабовладения, с другой стороны, заключалась основная проблематика экономической жизни Древнего Китая. В этом противоречии можно определить истоки дискуссии о допустимости частной собственности как основного способа присвоения.

Увеличение роли частнохозяйственной инициативы в Древней Греции на основе индивидуального рабовладения привело к потребности в теоретическом осмыслении отношений собственности. На объективность их существования указывали еще древнегреческие политические деятели Солон и Клисфен, отмечавшие, что законы не создают, а закрепляют фактически сложившиеся в обществе отношения собственности [1, 19]. В Спарте на основе законов Ликурга была осуществлена утопия всеобщего распределения собственности: участки земли равной величины были розданы всем отцам семейств, с которых они содержали свои семьи. Отмена строгих законов Ликурга спустя много веков привела к перераспределению собственности между небольшим числом олигархов [2, 6].

Платон под собственностью понимал не денежные, а натуральные блага, признавая частную собственность. Он утверждал, что ее могут иметь лишь создающие натуральные блага ремесленники и крестьяне. Аристотель раскрывал содержание отношений собственности через понятия пользования и владения: «Пользование это, по-видимому, трата и даяние имущества, а приобретение и сбережение — это, скорее, владение...» [3, 121]. Под собственностью он понимал «орудие активное и отдельно существующее», т. е. собственность на средства производства.

Римскими юристами была разработана система имущественных прав, основывающаяся на владении, пользовании и распоряжении вещью, что послужило основой правового представления о собственности как о совокупности прав собственности (property rights). Однако римскому праву не было известно понятие собственности как набора полномочий: такая трактовка возникла в результате его обработки средневековой европейской юриспруденцией. В римском праве подчеркивается частная природа отношений собственности: вещи, не допускающие индивидуализации, не являются объектами собственности. Групповые формы собственности и права, с нею связанные, имеют индивидуальную собственность своей предпосылкой [4, 386—387].

Религиозное представление о собственности (в рамках христианства и ислама), получившее доминирующее значение с развитием феодальных отношений, основывается на том, что имущество любого человека принадлежит Богу, а человек является лишь пользователем этого имущества. Частная (индивидуальная) собственность имеет право на существование в том случае, если у собственника отсутствует безудержное стремление к богатству и благополучию и если использование собственности не осуществляется вразрез нравственным и религиозным установкам той или иной конфессии [5, 54—64]. Отметим, что ислам, в особенности законы шариата, устанавливает ограничения отношений собственности в отношении объектов, служащих публичным интересам, а также земли, воды и огня.

Рост общественных потребностей в связи со становлением капиталистического способа производства обусловил необходимость обособления и развития экономической науки. Однако собственность как категория далеко не сразу стала предметом пристального изучения экономистов. У Адама Смита и Давида Рикардо собственность принималась как данность, не подлежащая изучению. При этом утверждался приоритет частной собственности в любых сферах хозяйственной деятельности, а ее умножение предполагалось важнейшим стимулом общественного развития.

Буквально полвека спустя поднялась волна критики самого института собственности, частной ее формы, и одним из первых в этом был У. Годвин, полагавший, что вследствие прогрессивной природы человека необходимость в собственности отпадет вследствие установления справедливого общества. В полемике с Годвином и Оуэном Мальтус обозначил частную собственность как условие обеспечения средствами к существованию большого и растущего населения различных стран своего времени. Д.С. Милль был первым экономистом, обратившим на собственность пристальное внимание. Он допускал ограничение частной собственности, выделяя общественное достояние, а также установил зависимость эффективности производства от формы владения.

Поворот в исследовании собственности как экономической категории связан с П.Ж. Прудоном, определившим собственность не как имущество или богатство или отношение человека к вещи, но как общественное отношение по поводу имущества. Маркс определял собственность как систему отношений между людьми в процессе производства, распределения и обмена благ. При этом отношение собственности у Маркса тождественно присвоению, трактуемому как активное действие. Для производства чего-либо необходимо соединение рабочих и факторов производства — наличие производственных отноше-

ний. В процессе производства осуществляется присвоение как средств производства, так и результатов производства [6, 94]. Маркс отмечал, что для того, чтобы описать отношения собственности, необходимо описать всю совокупность производственных отношений, подчеркивая при этом, что «стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи, значит впасть в метафизическую или юридическую иллюзию» [7, 168].

В конце XIX — начале XX в. категория собственности не являлась предметом интересов экономистов. Среди маржиналистов следует отметить Карла Менгера, сводящего отношения собственности к отношениям исключения доступа других лиц к конкретному благу [8, 17]. Для Леона Вальраса собственность (отождествляемая с богатством) является предметом не экономической науки, но науки о морали. Экономисты того времени относили отношения собственности к правовой сфере, как правило, в обличии триады прав владения, пользования и распоряжения.

Большое значение исследованию собственности придавалось в институциональной экономической теории. Т. Веблен сделал акцент на эволюции собственности. Дж. Коммонс, считая игнорирование собственности пороком маржинализма, рассматривал собственность в приближении к юридической трактовке — как совокупность определенных прав и обязанностей, без четкой спецификации которых невозможно функционирование экономики. Такой подход к собственности развивали А. Берли и Г. Минз, подчеркивая, что вследствие распыления собственности в корпорациях, базирующихся на акционерной собственности, собственник-акционер не имеет классического набора полномочий. За ним остаются урезанное менеджерами право на получение дохода и право на отчуждение собственности [8, 20].

В 1920—1930-е гг. вновь актуализировалась дискуссия, в основе которой лежало сопоставление частной и общественной собственности. Причиной тому было появление на практике системы хозяйствования, основанной на государственной собственности. Людвиг фон Мизес пишет, что в рыночной экономике собственники земли и капитала получают выгоду только тогда, когда применяют собственность для удовлетворения потребностей других людей; факт владения средствами производства заставляет их следовать желаниям потребителей. В противном случае собственники «наказываются убытками» [9, 641].

В середине XX в. внутри неинституционализма возникла теория прав собственности, которую развивали Р. Коуз, А. Алчиан, Г. Демцез, Д. Норт, О. Уильямсон, А. Оноре. В основе этой теории лежало представление о собственности как о праве собственности,

сводящемся к наличию у хозяйствующего субъекта части или всего пучка прав. Характерной чертой современной западной науки является использование термина «право собственности», а не «собственность», так как собственность составляет не вещь сама по себе, но пучок или часть прав по использованию вещи. При этом какие-либо организации считаются юридической фикцией, тогда как действительным субъектом отношений признается отдельный человек — в рамках методологического индивидуализма. В таких условиях универсальное значение получает принцип максимизации полезности, подчиняющий себе принцип максимизации прибыли. Р. Коуз признавал теорию прав собственности, изучающей человека таким, каков он есть на самом деле в условии ограничения его деятельности реальными институтами.

Отечественная экономическая мысль дореволюционного периода в вопросах собственности отличалась некоторым своеобразием в силу того, что в России не получило юридического закрепления римское право собственности. Отечественные хозяйственные традиции складывались вокруг двух осевых линий: огосударствления и общинности. Это предопределило то, что идея о священности частной собственности не являлась доминирующей в общественной мысли. Однако учение А. Смита оказало значительное влияние на отечественную экономическую мысль, что и выразилось в первых научных представлениях об отношениях собственности.

С.Е. Десницкий, основатель русской юридической школы, определял собственность как правовое явление, состоящее из триады прав «употребления вещи по произволению»; «взыскания вещи от всякого, несправедливо оной завладевшего»; «отчуждения вещи по желанию при жизни и по смерти» [10]. И.А. Третьяков утверждал, что устойчивое экономическое развитие государства обусловлено наличием защищенной посредством права частной собственности. А.Я. Поленов писал, что наличие у крестьянина собственности способствует процветанию крестьянского хозяйства, ибо она дарует крестьянину возможность распоряжаться имуществом по-своему. А. Гакстгаузен отразил значение института общины в государственном устройстве России, положив начало противопоставлению народного хозяйства западноевропейскому как одному из основных мотивов отечественной экономической мысли.

П.Л. Лавров связывает категории «собственность» и «справедливость», утверждая, что «факт собственности относится к области развития эгоистической личности, что о справедливости здесь нет и речи...» [11, 92]. Н.Г. Чернышевский доказывал, что основанием русского прогресса являются община и артель. А.И. Бутовский писал,

что собственность имеет две взаимосвязанных и одновременно противопоставленных формы: присвоение и отчуждение. Признавая частную собственность как результат эволюции общественной собственности, он предполагал возможность обратной трансформации частной собственности в общественную, указывая на скрытое в частном присвоении общественное начало.

На рубеже XIX—XX вв. проблемам собственности, отношений собственности, права собственности уделяло внимание множество экономистов, историков, правоведов, философов: Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, В.Ф. Эрн, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, Г.В. Вернадский, С.Л. Франк, Н.Н. Алексеев и многие другие. В.С. Соловьев считал, что понятие собственности, с которым связаны все острые вопросы экономической жизни, принадлежит более к области права, нравственности и психологии, нежели к области хозяйственных отношений. Н.А. Бердяев утверждал: «Собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. ...Связь лица с собственностью одухотворяет его отношение к природе, делает его не исключительно потребительским» [12, 266]. С.Н. Булгаков выделил три наиболее важные сущностные характеристики собственности: 1) этическое, или «религиозное», выраженное в чувстве собственности, привязанности к ней и эгоизме; 2) социально-экономическое, подразумевающее отношения собственности как объективное историческое явление; 3) юридическое, исследующее правовые отношения.

В.И. Ленин развил марксистское учение о социалистической собственности, показал конкретные пути обобществления средств производства и научно разработал вопрос о формах социалистической собственности и перспективах ее развития. Особое внимание он уделял земельной собственности, кооперации и изменению буржуазных отношений собственности посредством построения коммунистического общества.

В советское время категория отношений собственности исследовалась в рамках политической экономии социализма, предметом которой были обозначены производственные отношения, присущие различным экономическим формациям. Основное внимание при этом уделялось изучению социалистической собственности.

Конец 1950-х гг. ознаменовался определенной волной оттепели, вызвавшей всплеск интереса к исследованиям, посвященным вопросам собственности. В 1960—1980 гг. отношения собственности, в основном, отождествлялись с производственными отношениями. В силу того, что хозяйственный механизм СССР не претерпевал особых формальных изменений, нужда в использовании понятия «собственность»

была минимальной. В то же время делались попытки рассматривать собственность через отношения владения, пользования и распоряжения. Однако экономическое содержание общепризнанной триады не раскрывалось. Я.А. Кронрод определял общенародную собственность через присвоение-распоряжение и присвоение-использование. Н.А. Цаголов и В.Н. Черковец заложили идею системного рассмотрения собственности. К.А. Хубиев, определяя собственность посредством системы производственных отношений, подчеркивал, что каждое производственное отношение характеризует собственность односторонне, а собственность выражает то общее, что свойственно всем производственным отношениям: собственность является системным выражением производственных отношений [13, 170].

С переходом от строительства коммунизма к организации рыночной экономики в отечественной экономической мысли понимание собственности как общественных отношений перестало быть главенствующим. Получили распространение западные теории собственности — институциональная, теория прав собственности. Большое влияние на отечественную теорию собственности оказало распространение экономикса, не ставящего перед собой задачи исследования собственности.

В конце XX в. получило развитие системное представление о собственности в связи с новым витком развития общей теории систем и актуализации системного подхода к исследованию. При этом понятие «система собственности» трактуется по-разному различными авторами. Некоторые авторы говорят о системе, имея в виду простую совокупность структурных единиц. Часто это относится к так называемой системе форм собственности. Однако, если следовать системной методологии, то системой являются отношения собственности: субъекты, объекты и отношения между первыми по поводу вторых. Исследование отношений собственности как системы открывает возможность получения в качестве результата объемное, многомерное представление о собственности как целостности экономических отношений и совокупности правовых, морально-нравственных, психологических и иных составляющих.

Подведем итоги рассмотрения основных направлений изучения отношений собственности в исторической динамике. Наиболее влиятельной из трактовок далекого прошлого оказалась формула триады римского права. Безусловно, без достаточного изучения юридических сторон отношений собственности невозможен их качественный анализ, но даже древние греки отмечали, что законы не создают, а лишь закрепляют объективно существующие отношения собственности. Правотворческая деятельность не может обойтись без максимально

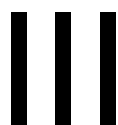
приближенного к реальности понимания объекта правового регулирования, которое может дать экономическая наука.

Значительное распространение получило представление о собственности как об отношении людей к вещам (в том числе к денежным знакам), что связано с распространением экономикса. Такая трактовка исключает содержание отношений собственности как общественных отношений. Достаточно редким является представление о труде как о содержании отношений собственности. Определенный интерес вызывает неоинституциональная теория прав собственности, но она не способна выявить внутренние противоречия отношений собственности, являющиеся фундаментальными для экономической системы. Во многом это связано с тем, что неоинституционалисты делают акцент на юридическом содержании отношений собственности, не углубляясь в их экономический смысл.

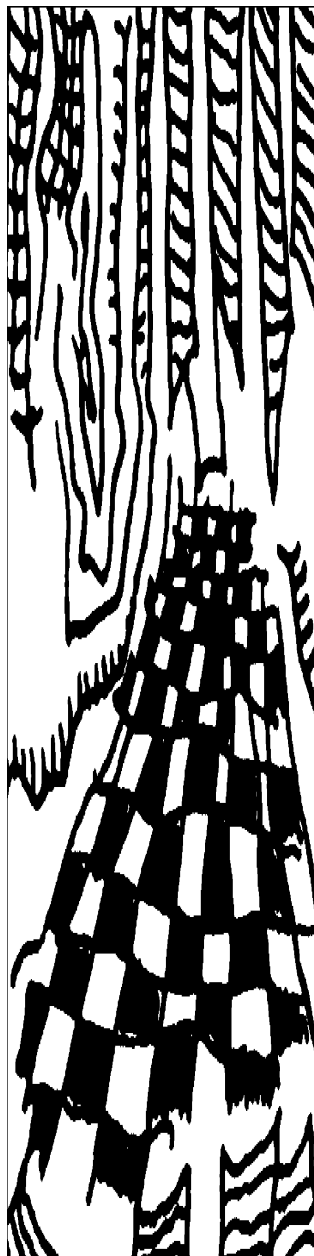
Классический марксизм отождествляет отношения собственности с совокупностью производственных отношений, одновременно характеризуя их как отношения присвоения, и признает их объективность и доминирующее значение при анализе экономики. При этом марксистская политэкономия выделяет экономические отношения собственности и исследует влияние их содержания на социально-экономическую систему. В связи с таким определением возникает вопрос, являются ли отношения собственности самостоятельными экономическими отношениями, отождествляются ли они с системой производственных отношений или выражают общее, характерное для системы экономических отношений? Эти точки зрения на сущность отношений собственности имеют то общее, что выражается в признании тесной связи отношений собственности с системой производственных отношений. Далее, отождествление отношений собственности с системой производственных отношений предполагает необходимость упразднения категории «отношения собственности» как лишней категории. Однако даже сторонники такой трактовки выделяют в качестве ключевого отношения внутри системы производственных отношений характер и способ соединения работника со средствами производства. Третья трактовка не определяет отношения собственности как экономические отношения, хотя и отражает их сущностное значение. Исходя из смыслового общего в данных определениях можно вывести, что отношения собственности — это отдельные экономические отношения, имеющие в своей основе диалектическое единство присвоения и отчуждения средств производства, рабочей силы и результатов труда, охватывающие всю систему экономических отношений.

Литература

1. Отношения собственности в транзитной экономике России: Монография / Под ред. В.М. Юрьева, Т.Г. Осадчей. Тамбов, 2004.
2. *Черкасов Г.И.* Общая теория собственности. М., 2009.
3. *Аристотель.* Соч. Т. 4. М., 1983.
4. Римское частное право: Учебник / Под ред. В.С. Нерсеянца. М., 2008.
5. *Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д.* Собственность: психолого-экономический анализ. Иркутск, 2003.
6. Собственность в XX столетии. М., 2001.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4.
8. Отношения собственности: теоретические основы и стратегия совершенствования: Учеб. пособ. М., 2002.
9. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М., 2000.
10. *Рубаник В.Е.* Философские, экономические и юридические взгляды на собственность: сравнительный анализ и тенденции развития // *Философия хозяйства.* 2005. № 1.
11. *Лавров П.Л.* Очерки вопросов практической философии // *Русская философия собственности (XVII—XX вв.)* / Сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб., 1993.
12. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // *Русская философия собственности (XVII—XX вв.)* / Сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб., 1993.
13. *Хубиев К.А.* Собственность в системе производственных отношений. М., 1988.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Ф.И. ГИРЕНОК

Маньяки истины

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики научного знания. Обращаясь к примерам из истории философии и науки, автор высказывает мысль о том, что наука по своей природе асоциальна.

Ключевые слова: наука, Бор, Ньютон, Ориген, Декарт, Галилей, Аристотель, аутизм.

Abstract. Article is devoted the analysis of specificity of scientific knowledge. Addressing to examples from philosophy and science history, the author comes up with idea that a science by the nature asocial.

Keywords: a science, Bor, Newton, Origen, Descart, Galilej, Aristotel, autism.

Знания у людей бывают разные. Они могут быть историческими, методическими, бытовыми, алхимическими или экзистенциальными. Научное знание — это особая часть знаний. Чем научные знания отличаются от ненаучных?

Гиппократ

Как ни странно, люди всегда заботились о своем здоровье. Античности был известен такой недуг, как эпилепсия. В точном смысле слова эпилепсия считалась древними греками не просто болезнью, а священным недугом. То есть это была даже не болезнь, а способ, которым боги сообщали людям нечто важное, и те, через кого они это делали, были эпилептиками. У эпилепсии подразумевались сверхъестественные причины, и никому в голову не приходила мысль о том, чтобы взяться за изучение этой болезни. Никто не хотел связываться с богами, ведь когда боги говорят, то лучше им не мешать.

И вот однажды эта мысль пришла в голову Гиппократу. Гиппократ — ученый, его рассуждения были просты: боги дают здоровье, а не болезнь, для болезни должны быть естественные причины, есть они и у эпилепсии, надо их найти так же, как нашли естественные причины сомнамбулизма, который никто теперь не считает священным недугом.

Так создается научное знание, которое отличается от всякого другого знания тем, что методично ищет естественные причины того или иного феномена. Все ли может знать наука? Не все.

Декарт

Наука строится в предположении о том, что ее объект не имеет скрытых внутренних состояний. Что это значит? Это значит, что научно можно познать только то, что не может скрыться от всевидящего ока ученого. Например, русский язык говорит нам: «чужая душа — потемки». А это значит, что чужая душа не является объектом внешнего рассмотрения, потому что составляет то внутреннее состояние, в котором может скрыться от наблюдения любой человек. По внешнему виду нельзя судить о внутреннем. Наука может судить только о внешнем. Психология есть в некоем роде физиология. Это понял Декарт, который сформулировал мысль о том, что материя — это не то, что имеет глубину, качество, состояния, а протяженность, у которой нет еще какой-то другой скрытой протяженности, ибо она одна и прозрачна, как поверхность. Наука, говорил Декарт, как раз и занимается протяженными вещами. Ученый, который не соблюдает это правило, может оказаться в положении незадачливой курицы, которая думала, что мир прекрасно устроен: в нем трижды в день в одно и то же время появляется хозяин с зерном, но вот однажды хозяин появился, но не с зерном, а с топором, и «куриная» картина мира разрушилась.

Ученый не может сказать, что у него сегодня плохое настроение, и в плохом настроении у него нет сообщения с истиной. Плохое настроение может быть только у экстрасенса, у людей, обладающих сверхсенсорной чувствительностью. Но они не ученые. Для ученого истина имеет принудительный характер.

Истина

Истина — это такое воображаемое, которое может оказаться реальностью. Научная истина не зависит от того, кто ее воспринимает. Если она дана кому-то в Москве, то это значит, что она также будет дана любому другому человеку в Казани. Если бы не было истины, то ученый не смог бы работать, потому что истина может быть только абсолютной. И хотя ее никогда нет сегодня, ученый полагает все-таки, что она будет завтра. В науке никто никому не верит, в науке все нужно проверять, все нужно пересматривать. Стремятся к абсолютной истине, а получается относительная.

Галилей и Аристотель

Античный философ Аристотель полагал, что из двух тел то тело, которое тяжелее, будет непременно двигаться с большей скоростью. Эта мысль казалась очевидной, и более двух тысяч лет ее никто не проверял. Но однажды итальянец Галилео Галилей взял мушкетную пулю и пушечное ядро и поднялся на Пизанскую башню, чтобы проверить эту мысль на опыте. Оказалось, что оба тела двигались с одинаковой скоростью и достигали земли в одно и то же время. Так был от-

крыт физический закон ускорения. В науке нет ни одного положения, в котором нельзя было бы усомниться.

Ориген

В III в. в Александрии жил Ориген, философ, богослов и преподаватель математики. Ориген принимал участие в очень жесткой борьбе между разными идейными течениями: христианами, гностиками, манихейцами и неоплатониками. Им владела «одной лишь думы только власть», одна истина, которую нужно было раскрыть людям, — Христос. Это Ориген придумал слово «богочеловек». Он, как защитник христиан, все время находился в работе, диктовал свои мысли переписчикам. Ориген был хорош собой, а вокруг него было много женщин. И он знал, что нравится им. А они нравились ему. Чтобы не отвлекаться от главного, т. е. непрерывно бодрствовать, он решил оскорпить себя. Потом он пожалел об этом, но мир его узнал как самого плодovitого христианского писателя. Ученый — это маньяк истины.

Ньютон

Науку изобрели аутисты и шизофреники, такие как Архимед, который иногда бегал по городу голый. Наука — занятие не для обывателей, она не для тех, кто ленится. Ведь лень — это отдых, которому не предшествует напряженный труд. Ученый — это не тот, кто трудится с девяти утра до пяти вечера с перерывом на обед и двумя выходными. Ученый — это тип жизни, мания.

Например, Ньютон был странным человеком, не очень приятным в общении. У него не было времени на обеденный перерыв, он все время о чем-то думал и некоторые вещи делал невпопад. Однажды на балу он задумался. Размышляя о чем-то своем, он достал курительную трубку и стал набивать ее табаком, только вместо специальной палочки он использовал пальчик руки рядом стоящей дамы. Конечно, случился конфуз, и Ньютон извинился. В другой раз его послали в подвал за вином для гостей. Пока он шел, он о чем-то задумался и забыл о своей цели. И в подвале приступил к математическим расчетам физического смысла какой-то своей идеи.

В такой сосредоточенности он сидел однажды под деревом, когда ему упало на голову яблоко, и он догадался о существовании всемирного тяготения. Неистовость и одержимость ученых оправдывают существование ленивых, ведь лень хороша только в одном случае, когда ты зол. Без лени ты мог бы принести непоправимый вред человечеству. Лучше быть неистовым, чем ленивым.

Бор

Ученый — это человек, которому в голову приходят безумные идеи. Одним из таких ученых был Нильс Бор, датский физик. В начале XX в. ученые уже знали, что в атоме есть ядро и вокруг этого ядра по

каким-то своим орбитам вращаются электроны. Но они никак не могли понять, как они переходят с одной орбиты на другую. Ведь для того чтобы это сделать, нужно было перейти и через середину расстояния, отделяющего одну орбиту от другой. Но увидеть их в этой точке никак не удавалось. И тогда Бору пришла в голову безумная идея, что они попадают с одной орбиты на другую, не проходя через середину, а испуская квант энергии. Эта идея легла в основу квантовой физики. В другой раз Бору предложили рассмотреть идеи одного ученого. Бор рассмотрел и сказал, что они недостаточно безумны, чтобы быть истинными.

Ф.И. ГИРЕНОК

Без надежды на успех

Аннотация. В статье анализируются последствия современных реформ в России. Автор обращается к проблемам образования и статуса русского языка.

Ключевые слова: русский язык, реформы в России, искусство, русская литература, самосознание.

Abstract. In article consequences of modern reforms in Russia are analyzed. The author addresses to problems of formation and Russian status.

Keywords: Russian, reforms to Russia, art, the Russian literature, consciousness.

В русском сознании сегодня происходят тектонические сдвиги. Оно перестает быть литературоцентричным, но на место литературы в нем не приходит философия. В русское сознание, как в пустую корзину, сбрасывается разный культурный мусор. Местом «сбросов» постепенно становятся школы и вузы, в которых складываются новые конфигурации связей между языком и сознанием, литературой и гуманитарной практикой. В результате мы перестаем понимать самих себя, а русский язык отказывается ориентировать нас в современном мире.

Русский язык

Русский язык перестает выполнять интегрирующие функции. Дело не в том, что кто-то хочет реформировать русский язык и говорить вместо «пальто» «пальтом», а в том, что русский язык более не гарантирует своим носителям прямого доступа к современной науке и технологиям, современному искусству и современной философии. И даже к современной литературе. Русский язык девальвируется и сворачива-

ет свою образовательную деятельность. Он передает свои функции английскому языку. Теперь этот язык обеспечивает прямой доступ к современным достижениям науки, искусств и литературы. И калмык, друг степей, сегодня должен учить не русский язык, а английский, чтобы быть на уровне вещей и идей, его окружающих. Русский язык — это теперь третий лишний.

Среди ученых распространено убеждение в том, что русский язык стал плохо выполнять смысловую функцию даже в экономических науках, не говоря уже о разработках в области фундаментальных наук. Сколково, видимо, было придумано для того, чтобы легитимизировать переход науки и искусств с одного языка на другой — с русского языка на английский. Русский язык перестает быть языком науки. Академия наук все еще продолжает говорить по-русски и умирает. Сколково говорит по-английски и зарождается. Даже в философии нам предлагают перейти на американские стандарты дискурса. Власти хотят, чтобы темы наших исследований звучали, как на Западе. Но философия, к сожалению, это самосознание людей, а не бизнес, не способ работы с текстами. Нельзя сделать так, чтобы мы жили одной жизнью, а наше сознание — другой. Иными словами, русский язык необратимо теряет сегодня связь с истиной и с теми смыслами, которые в философии называют трансцендентальным воображаемым.

Трансцендентальное воображаемое

Сам по себе язык — это, конечно, великий немой, в нем ничего, кроме различий, нет. В нем нет ни образов, ни смыслов. Для того чтобы в нем что-то появилось, его нужно соединить с воображаемым. На нем нужно кому-то заговорить, проявить волю к речи. Заговорив, мы поймем, что воображаемое ведет нас за пределы нашего опыта. Трансцендентальное воображаемое — это не то, что мы видим в реальности, это то, чем мы видим реальность. Оно позволяет нам видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть, и при этом оставаться реалистами. В трансцендентальном воображаемом лежат истоки любого творческого акта. В нем находится энергия, которая тратится наукой, искусством и политикой. И вот этот исток русского языка оскудел. Почему?

Русская литература

Русский язык оскудел потому, что мы предали забвению русскую литературу. Русская литература, например, это недавно умершие Василий Белов и Леонид Бородин. Европа хранит свое трансцендентальное воображаемое в философии, она опекает ее, холит и лелеет. У европейцев все начинается с мысли. У нас воображаемое упаковано в форму литературы, и наши философы — это наши писатели. У нас все начинается с переживания. Ресурсы метафизики воображаемого передавались до недавнего времени русской литературой через систему

образования, сакральной фигурой которого являлся учитель. Любой русский человек, когда он начинает говорить, пытается соединить реальное с воображаемым через образы литературы. Только так мы можем придать смысл окружающей нас бессмыслице.

Языки, как и люди, могут умирать. Они умирают, если нарушается их связь с литературой. Но именно эти связи были повреждены в результате реформирования общества в России. Реформы уничтожили носителя трансцендентального воображаемого. Они убивают так называемый креативный класс, в который входят учителя, ученые, преподаватели, писатели, художники, и заменяют его производителем симулякров.

Современная искусство предлагает нам наслаждаться искусственным, тем, что создается вне связи с понятиями о художественной реальности, о красоте и возвышенном. Это искусство получило название актуального. Современная литература предлагает нам не произведения, а тексты, которые создает не писатель, не автор, а скриптор. Писатель предлагает смыслы, скриптор — бессмыслицу синтаксически правильных предложений. В современной философии стерты всякие границы, сдерживающие агрессию языка против сознания. В современной науке в России озабочены не открытиями и истинами, а публикациями в высокорейтинговых журналах. При этом предана забвению та простая истина, что ничто не дано человеку в собственность, даже язык. Язык, на котором перестают говорить учителя, ученые и художники, перестает быть живым. Смыслы воображаемого теряют свою ценность, если люди перестают их актуализировать в своих поступках и словах.

Бакалавр образования

В XIX в. поэт мог сказать: «Учитель, пред именем твоим позволь смиренно преклонить колени». В XXI в. мы не можем так сказать. Почему? Потому что на смену учителю приходит бакалавр образования. Учитель всегда был служителем книги и своей личностью представлял знания в социуме. Бакалавр не связан со знанием. Он связан со сферой образовательных услуг. Он знает, где узнать. Больше он ничего не знает. Он формирует компетенции, которые может продать. Компетенции — это знания о том, где можно что-либо узнать. Бакалавр является персонифицированным выражением безличных форм движения капитала в сфере образования. Труд учителя предшествует труд педагога, труду бакалавра предшествует труд налогового инспектора.

Резюме

России, я думаю, нужно отказаться от нелепого понятия об образовательных услугах. Услуги могут быть в прачечных или таксомоторном парке, но не в образовании. В образовании есть учителя, но не

слуги. Высшее образование в России — это не бизнес, это непрерывно возобновляемая попытка создать тонкий слой мыслящих людей, которых у нас сегодня практически не осталось. А без этого слоя Россия действительно будет, как говорил Ортега-и-Гассет, огромным чудовищем с маленькой головой. В России скоро будут только бакалавры образования. Бакалавры с компетенцией и профессора с нынешней зарплатой науку не сделают и мыслящий слой России не создадут. И русский язык перестанет быть мировым языком науки и искусств, если на нем перестанет высказывать себя трансцендентальное воображаемое.

У меня нет никакой надежды на успех, но, я думаю, каждый из нас должен, как Сизиф, научиться действовать без надежды на успех.

Н.Н. РОСТОВА

Хаос и форма в структуре субъективности

...Постоянство личности сохраняется посредством ладно сидящих костюмов, которые при условии высокого качества ткани носятся десять лет.

Г. Бенн. Фрагменты

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что человек — существо, которое нуждается в форме. Автор обращается к анализу понятия «свобода» и формулирует понятие антропологической свободы, связывая последнюю с хаосом. Выбирая стратегию, согласно которой хаос — это пространство, в котором ничего нельзя, автор приходит к выводу о необходимости антропологической формы.

Ключевые слова: хаос, свобода, антропологическая форма, субъективность, сознание, эмоция.

Abstract. The thesis locates in article that the person is a being who needs a form. The author addresses to the analysis of the concept "freedom" and formulates concept of anthropological freedom, connecting the last with chaos. Choosing strategy according to which the chaos is a space in which anything it is impossible, the author comes to a conclusion about need of an anthropological form.

Keywords: chaos, freedom, anthropological form, subjectivity, consciousness, emotion.

В основе антропологического дискурса лежит предположение о том, что человек принципиально выделен из мира, отделен от него

принадлежностью к иному способу существования. Это положение является решающим, ибо вне его человек превращается в производную величину от целого — природы, социума, сущего, бытия, стихии, — и феномен антропологического исчезает. Интересным же становится целое. Человек оказывается возможным только тогда, когда он наделен ни к чему не сводимой субъективностью. Но что можно сказать об этой субъективности?

Выделенность человека из мира фиксируется в таких философских понятиях, как дух, трансцендентность, эксцентричность, экзистенция, сознание, абсурд, воображение, идеальное, субъективное и др., но все они вращаются вокруг понятия свободы.

Антропологическое понимание свободы

«Свобода» — одно из самых бессодержательных слов в языке, ибо терпит любые интерпретации. Свобода может рассматриваться как ценность, например у экзистенциалистов, ибо именно она обеспечивает возможность человека нести ответственность. Но может, напротив, представлять собой негативную категорию, как, например, у В. Розанова, который скажет, что «все лучше свободы, “кой-что” лучше свободы, хуже “свободы” вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру» [1], ибо свобода есть пустота и незанятость.

Свобода чаще всего рассматривается в паре с понятиями «необходимость» и «выбор». Если исходить из понятия необходимости, то свободой окажется осознанная необходимость (стоицизм, Спиноза, Лейбниц, Гегель). Такое понимание свободы хорошо иллюстрирует стоическое правило, согласно которому покорного судьба ведет, а непокорного тащит. Марк Аврелий советовал, лаская ребенка, приговаривать: «Умрет, может быть, завтра». На возражение, что это дурной знак, он отвечал: «Ничуть не дурной, раз обозначает одно из дел природы. Или когда злак пожинают, тоже знак дурной?» [2, 66]. Здоровое разумение, как и здоровый глаз, должно быть готовым видеть все, что происходит. Желать видеть только здоровых, умных и красивых детей все равно что глазу требовать видеть только зеленое. Спиноза говорил, что нужно не плакать или смеяться, а понимать. Гегель считал, что муж в отличие от юноши — это тот, кто понял, что мир существует самостоятельно и в основном закончен, важно не преобразовывать его, а принять его условия [3, 89].

Более тонкое понимание соотношения свободы и необходимости можно найти у Мамардашвили, который полагает, что свободно человек делает то, что иначе сделать нельзя. Свобода — это не тень необходимости, не отношение к тому, что необходимо, но сама по себе есть необходимость, это требование, которое нельзя не удовлетворить, если

мы хотим, чтобы что-то было. Например, любовь, творчество, Бог, эмоция.

Соотношение понятий свободы и выбора не столь очевидно. Во-первых, важно решить вопрос о том, что первично — свобода или выбор? Человек выбирает и потому свободен или, наоборот, он свободен и потому выбирает? В первом случае свобода оказывается результатом выбора. Пример второго случая можно найти в античной Греции. Свободный грек мог выбирать, как ему жить, а раб — нет. Для обозначения их деятельности использовались разные слова. По отношению к свободному человеку деятельность рассматривалась как творчество, по отношению к рабу — как исполнение программы. Однако сама ситуация выбора уже накладывает запрет на свободу, ибо детерминирует ее. Свобода оказывается обусловленной тем, что заранее дано выбором.

Во-вторых, свободу и выбор легко помыслить вне зависимости друг от друга. Например, возможна ситуация, когда выбора нет, но ты свободен, как в случае с Эпикуром, который говорил о том, что человек может быть свободен и на костре, и на кресте. Или можно представить обратную ситуацию, когда выбор есть, а свободы нет, например, ее мы иногда наблюдаем на выборах президента страны.

Для того чтобы ввести понятие антропологической свободы, следует отказаться от корреляций с понятиями «выбор» и «необходимость» и использовать слово «внутренняя» для уточнения значения слова «свобода». Необходимость вписывает человека в разряд вещей этого мира, тем самым отрицая саму возможность свободы. Свобода здесь фиксируется в отношении к наличному порядку. Можно было бы такую свободу назвать внутренней. Однако внутренняя свобода, т. е. свобода вообще, есть нечто иное. В слове «внутренняя» не кроется тот факт, что есть внешний мир, есть зависимости, которые обуславливают такую свободу и не позволяют говорить о внешней свободе. Слово «внутренняя», напротив, указывает на разрыв между человеком и миром. Внутренней свободе не противостоит внешняя. Свобода — это то, что находится вне реальности, там, где механизмы наличного не работают, в этом смысле она нереальна и невозможна, для нее нет места. Вот это ее основное качество, неимение места в реальности, заключено в слове «внутренняя». Свобода — это то, что позволяет не принять реальность, но претворить ее или сотворить ее. Например, в этом заключается разница между стоической традицией и христианской. Стоики формируют идеал морального существа без бога. Лишая человека бога, делая богов сопутствующими элементами мироустройства, они лишают человека свободы. Христиане открывают человеку перспективу, из которой он может выстраивать свой взгляд на мир, заставляя

мир сообразовываться с его понятиями. Христианство индивидуальную душу возвышает до идеи бессмертия, достижение которого есть нечто принципиально иное, чем наличная жизнь человека. Идея бессмертия — это то, чем выстраивается земная жизнь, чему она сообразовывается. Стоики отводят душе временное существование, конец которому кладут смерть и законы мирового круговращения, согласно которым все смешается и вновь родится. В основе христианства лежит пафос радикальной перемены мира, что отражается, например, в понятии обожения, или в идее Церкви. Для стоиков мир разумен и прекрасен таков, каков он есть. И таким он и должен пребывать вовек. Болезни, смерть, равно как и сама по себе отвратительная сморщенная морда льва, — все это сопутствующие моменты мироустройства. Нечто вроде дефектов творения. Как скажет Хрисипп, голова составлена из тончайших косточек, но попутно она получилась ломкой. Для верного взгляда на вещи, нужно исходить из стратегии, из целостного взгляда. И тогда зло, несчастья и отвратительные вещи предстанут в верном свете. Грешники в этом мире — столь же естественное явление, как сок от смоквы. Как скажет Марк Аврелий, «кто не хочет, чтобы дурной погрешал, похож на того, кто не хочет, чтобы давала сок смоква на смоковнице, чтобы младенцы не ревели, не ржал конь, и прочие неизбежности» [2, 68]. Христианство же уповает на то, что человек по Образу, данному ему Богом, напишет то, что замыслено в нем по Подобию. Стратегия стоицизма заключается в том, чтобы человек приспособился к миру. Стратегия христианства — в том, чтобы мир приспособить к себе. Это «себе» заключено не в представлении о хрупком «я», человеческом разуме, а в божественной реальности, которую человек может противопоставить миру наличному. Стоику нечего противопоставить миру. Стоицизм взывает к тому, чтобы жить согласно общей природе, т. е. слиться с миром. Постулируя общую природу, общий разум для мира и человека стоицизм не оставляет места разрыву, который является условием свободы.

Пример явленной свободы можно увидеть в фигуре Сократа, которого не кости и жилы, а представления о справедливости заставили прийти в тюрьму и принять наказание, назначенное ему государством [4, 905—906]. О пути навстречу свободе рассказывает Камю в пьесе «Калигула». Как трудно становиться человеком, — воскликнет на этом пути Калигула. Встретиться со своей свободой — значит стать человеком. Что такое свобода? Камю ответит: невозможное. Но как помыслить это невозможное? Калигула — правитель, у него есть все, у него есть деньги, власть и любимая женщина. Но возлюбленная умирает, и это событие заставляет Калигулу впервые осознать свое бессилие. «Для чего мне это неслыханное могущество, — скажет он, — если я не

могу изменить миропорядка, если я не могу сделать так, чтобы солнце садилось на востоке, чтобы страдание исчезло и люди больше не умирали?» [5, 426]. Почувствовав себя прижатым к стене, Калигула решает установить царство, в котором будет править невозможное. Что такое невозможное? Например, луна. Своего друга Геликона он просит достать ему луну. Или смех под пыткой. Или совокупление с женами своих патрициев. Или награждение орденом за посещение публичного дома и казнь за отказ это делать. Проблема Калигулы заключается в том, что, объявляя царство невозможного, он продолжает жить в мире возможностей. Свою свободу он по-прежнему ищет, перебирая возможности этого мира. Сознание бессмысленности мира не приводит его к тому, чтобы сломать логику мира. Калигула весь обращен к миру и в мире ищет себя. Свою свободу он мыслит как свободу за счет других: «Свободны всегда за чей-то счет» [5, 435], — говорит он, объявляя голод в государстве. То, что Калигула называет невозможным, есть не что иное, как возможное, взятое в превосходной степени. И лишь в финале пьесы Камю дает разгадку. Калигула сидит перед зеркалом и, глядя на свое отражение, кричит: «Я пошел не той дорогой, она никуда не ведет. Моя свобода — ложная» [5, 468]. Или в другом переводе: «Это не та свобода!». Зеркало — это то, с чего начинается свобода. В мире возможностей ты всегда прижат к стене. Там нет свободы. В мире своего отражения открывается царство невозможного.

Свобода как невозможное, внутренняя свобода, заставляет отказаться от категорий «свобода от» и «свобода для». Негативный и позитивный подходы опредмечивают свободу, помещая ее в горизонт возможностей. То, от чего человек свободен, не отличимо принципиальным образом от того, что в этом освобождении открывается. То, для чего человек свободен, предполагает нечто, по отношению к чему человек может быть не свободен. Свобода — не избирательная категория. Свобода — это абсолютный принцип. Она либо есть, либо ее нет. Ее не может быть наполовину. Как не может быть полулюбви, полустраха, полудобра или полуверы.

Наиболее радикальные представления о свободе принадлежат в европейской традиции Канту, в русской традиции — Достоевскому, Бердяеву и Франку. Чем они радикальны? Тем, что в них свобода представлена как нечто отличное от истины. Свобода лишена вложенного упорядочивающего начала. Как скажет Бердяев, есть две свободы, и их нужно различать. Есть свобода как истина, и есть свобода первичная, та, которой истину принимают. Он пишет: «Есть две свободы. Есть свобода первая, иррациональная, свобода выбора добра и зла, свобода, как путь, свобода, которая завоевывает, свобода, которой принимают Истину и Бога. Это и есть свобода, как индетерминизм, как безоснов-

ность. Есть вторая свобода, свобода разумная, свобода в истине и добре, свобода, как цель и высшее достижение, свобода в Боге и от Бога полученная» [6, 42]. Свобода в истине не то же, что свобода как первичная безосновность. Заданная истина уже лишает свободы, а потому безосновность оказывается более фундаментальной.

Франк также выделяет две свободы — свободу как произвол, возможность чего угодно, готовность ко всему и свободу как определенность изнутри. Существо первой состоит в «безосновной спонтанности», существо второй — в активности самоосуществления и, самоопределения [7, 292]. Человек — это, прежде всего, непроизвольные, бесконтрольные хотенья. Они есть, как скажет Франк, «выражение стихийного динамизма нашей душевной жизни, то есть потенциальности как общего ее свойства» [7, 293]. Стихийный динамизм человеческого существа опасен тем, что лишен каких бы то ни было ограничений. Спонтанные человеческие хотенья безграничны, ибо в отличие от животных, чей жизненный динамизм очерчен задачей сохранения жизни и психофизиологическим фактором, человек — существо духовное, а жизнь духовная бесконечна. Непроизвольные хотения человека не ограничены естественными потребностями как природного существа, а потому «способны безгранично разрастаться» [7, 295]. Вторая свобода обретается в укорененности в Боге.

Достоевского интересует своеволие, своя воля. Например, Кириллов — человек своеволия. Своёволие — это то, что противостоит воле Бога. Однако эти две воли не стоит рассматривать как антитезу. Своёволие можно помыслить как первичное условие, саму возможность принятия воли Бога. Для того чтобы вместить волю Бога, нужно прежде иметь свою волю как возможность. Как скажет Достоевский, атеиста и верующего разделяет всего один шаг. Или человек из подполья. Человек из подполья — это человек произвола, каприза, собственного хотенья. Это человек до Бога, до целей, до ценностей. Герой подполья — человек хаоса собственных желаний.

Кант определяет свободу как трансцендентальную, т. е. не зависящую от всего эмпирического [8, 361]. Он исходит из понятия спонтанности [8, 359, 364]. Свобода — чистая спонтанность, способность начинать новый ряд явлений.

Что общего и радикального в этих рассуждениях о свободе? То, что в них свобода открывает свою хаотическую природу. Каприз, спонтанность, безосновность — это чистый хаос. А потому свобода — прежде всего, хаос. Свобода — это не готовое средство, хоругви, с которыми человек идет вершить свои великие дела в духе экзистенциализма, например, Камю. Свобода — материя, которую еще нужно сшить. Это то, что само по себе требует усилия. Свобода процессуаль-

на. Она имеет собственную историю. Свободу не просто принимают, в свободе самой по себе нужно научиться жить. Между свободой как хаосом и неопределенностью и свободой, которая позволяет действовать, лежит пропасть.

Обычно свобода интересна теми последствиями, которые она за собой несет. Например, Кант от спонтанности сразу делает скачок к моральному закону. Бердяев — от первой свободы ко второй. Сартр обращается, равно как и Эриксон, к Другому. Но свобода интересна сама по себе. Интересен сам по себе промежуток между полным хаосом и порядком. Интересна история антропологического хаоса, «путь к».

Свободу легко постулировать, объявить ее необходимой, если мы хотим получить человека, мораль, поступок или ответственность, но свобода в силу своей невозможности оказывается призрачной. Если она есть ничто из наличного, тогда ее существование ставится под вопрос. Не есть ли она выдумка или призрак? Как скажет Кант, физически объяснить эту спонтанность нельзя, а особого интеллектуального видения мы не имеем [8, 364—365]. Где же тогда искать следы свободы? Кант скажет — в моральном законе, в моральных поступках. Или в совести, которая с практической точки зрения бесполезна, но как ощущение, вызванное моральным убеждением, свидетельствует о свободе. Гегель признает за человеком особую способность — сумасшествие. Способность сходить с ума, т. е. быть несамотождественным и оперировать абстракциями и чистыми возможностями, принимая их за вполне действительные, он назовет привилегией человека. «Только человек, — скажет Гегель, — поднимается до того, чтобы постигать себя в... совершенной абстракции “я”. Вследствие этого он имеет, так сказать, привилегию на сумасшествие и безумие» [3, 183]. Сартр обнаружит свободу человека в отсутствии сущности. Исследовав превращение мальчика в социальную единицу в новелле «Детство хозяина», он объявит: сознание — это туман, облако тумана [9, 163]. Истина человека — это зыбь, отсутствие всякой связи с предметностью, определениями и очертаниями, которыми наделяют человека идеи, статусы и нормы. Человек — прежде всего, это существо асоциальное, аструктурное, не принадлежащее реальности. Эриксон, обратившись к феномену юношества, вскроет в человеке его изначально фрагментарную природу, а потому потребность в идентичности он объявит жизненно важной [10, 50].

Бадью обратится к феномену актера. Актер — та фигура, в которой мы наглядно встречаемся с пустотой как с первичной природой человека. Актер не просто колеблет принцип идентичности или, как скажет Бадью, является «уклончивой идентичностью» [11, 56], ибо вечно

движется по поверхности, актуализируя своих персонажей, и ускользает от самоименования, он не просто пуст, но и сам имеет дело с пустотой. Актер компрометирует данность, природность и обнаруживает ее кажимость. Он ставит под вопрос всякую сущность. Бадью пишет: «Актер демонстрирует на сцене исчезновение любых устойчивых сущностей. Твердые телесные или голосовые знаки, которыми он себя защищает, к удивлению и к радости, служат, прежде всего, для установления того, что ничто не совпадает с самим собой. Этика игры — этика бегства, можно сказать: бегства в последнюю минуту. В частности, актер работает против любой естественной теории различия и в особенности различия полов. Он делает искусственным то, что мы считаем самой очевидной данностью, соединяет то, что мы считали навсегда разделенным, разделяет то, что, казалось, обрело единство» [11, 66]. Вот, например, различие полов. Актер, по мнению Бадью, размывает представление об этом различии, вернее о субстанциальности этого различия. Пол из природной величины превращается в плавающую и ситуативную. Женщина не есть женщина. Мужчина не есть мужчина. Есть только знаки полов. И эти знаки при желании может воспроизводить актер. Сущности из того, что может быть только так и никак иначе, превращаются в свои антиподы — в случайное, вероятное, незакономерное. Хороший актер, скажет Бадью, удерживает себя на краю пустоты и не пытается подменить пустоту чем-то другим, более понятным, предметным. Но чем? Пустоту можно подменить сущностями. И тогда станет возможным театр как имитация, подражание, мимесис. Бадью называет такой театр плохим театром. Плохой театр отсылает к сущностям, Гамлет для него — это сущность. Настоящий актер ничего не имитирует, ибо ему нечего имитировать. Бадью заявляет о полном расставании с сущностями. Есть только зияющая пустота, чистая возможность, из которой внутренними усилиями актер может извлечь смысл, на это мгновение, этот миг. Театр — это миг смысла. Театр — это событие. Настоящий актер, как скажет Бадью, сингулярен, единичен, у него нет гарантий на завтрашний день. Он есть только то, что он осилил в данный момент. Ему некуда вернуться и принести с собой трофей. «Сингулярность, — заключает Бадью, — гораздо труднее оригинальности, ибо оригинал в конечном счете начинает играть самого себя, становясь природой, на которую опираются различия. Сингулярность — композиция без концепта» [11, 65]. Бадью предлагает смотреть на человека как на событие. Человек — событие. Событие — то, что рождает само себя в данную минуту, то, что не отсылает к чему-то внеположенному, то, что свободно от завтрашнего дня. Это вспышка самостных энергий, в которой являет себя новорожденный смысл.

Канетти фиксирует специфически человеческую черту — способность к превращениям. Превращение — это не то же, что просто подражание или притворство. Подражать могут и попугаи. Для этого сознание не нужно. Притворяться можно только внешне, при себе же иметь скрытые намерения. Превращение — тотальная метаморфоза, событие, претворяющая твою данность. Превращение говорит о текучести, непрерывной динамичности человеческого существа [12, 502]. Эта текучесть обнаруживает себя, например, в способности бушмена предчувствовать появление человека задолго до того, как он окажется в пределах видимости. Бушмен чувствует его своим телом, например, тем местом, где у приближающегося человека находится рана. Текучесть обнаруживает себя в фигурах шамана и трикстера. Или в образах богов древних религий. Например, египетские боги — это боги, воплощающие в себе двойственную природу. Богиня Шехмет — женщина с головой львицы, Анубис — мужчина с головой шакала. Тот — мужчина с головой ибиса. В этих фигурах, как скажет Канетти, запечатлен момент превращения. Превращение — это играющий ребенок или мимика и жесты любого человека.

Для того чтобы засвидетельствовать свободу, можно привести не только такие антропологические феномены, как совесть, безумие, детство, актерская игра, превращения, но и самоубийство, страдание, эмоцию, тела страсти. Она прорывается в любом бессмысленном, непрактичном и спонтанном действии. Например, в слезах умиления. Или в чтении Платона. Или в символическом действии.

Для того чтобы понять специфику антропологической свободы как хаоса следует разобраться с понятием хаоса.

Антропологический хаос: хаосмос или хаокосмос?

Хаос может пониматься по-разному. Можно выделить, по крайней мере, две стратегии в понимании хаоса. Согласно первой стратегии, хаос мыслится в оппозиции к порядку. Например, таково противопоставление дионисийского и аполлонийского начал. Аполлонийское начало связано с чувством меры, самоограничением, «свободой от диких порывов», «мудрым покоем» [13]. Дионисийское, напротив, — с опьянением, пламенем, вихрем, неистовством, безумием, сплоченностью, экстазом, крушением границ. Как скажет В. Иванов, дионисийство — это страсть, патетика, беспредельность, стихийность, «бури неукротенного древнего хаоса» [14, 36]. Ницше так описывает это состояние: «Либо под влиянием наркотического напитка, о котором говорят в своих гимнах все первобытные люди и народы, либо при могучем, радостно проникающем всю природу приближении весны просыпаются те дионисические чувствования, в подъеме коих субъективное исчезает до полного самозабвения. Еще в немецком Средневековье,

охваченные той же дионисической силой, носились все возраставшие толпы, с пением и плясками, с места на место; в этих плясунах св. Иоанна и св. Витта мы узнаем вакхические хоры греков с их историческим прошлым в Малой Азии, восходящим до Вавилона и оргиастических сакеев. Бывают люди, которые от недостаточной опытности или вследствие своей тупости с насмешкой или с сожалением отворачиваются, в сознании собственного здоровья, от подобных явлений, считая их “народными болезнями”: бедные, они и не подозревают, какая мертвецкая бледность почиет на этом их “здоровье”, как призрачно оно выглядит, когда мимо него вихрем пронесется пламенная жизнь дионисических безумцев» [13]. Человек в этой пляске становится глиной и мрамором, он лепится и вырубается, «его телодвижениями говорит колдовство». Подобная оппозиция хаоса и порядка характерна для классического рационализма, противопоставляющего дисгармонию и неупорядоченность системности и линейному детерминизму.

Другая стратегия заключается в том, чтобы мыслить хаос не как то, что противостоит порядку и отрицает его, но как то, что чревато порядком. Такое понимание хаоса встречается в античной философии, где наряду с представлением о хаосе как зиянии и бездне, восходящем к Гесиоду, присутствует понимание хаоса как неупорядоченного первовещества, наделенного рождающей из себя, творческой силой (досократики, Акусилаи, Ферекид, стоики).

В современной философии подобная логика концентрируется в понятии «хаосмос», которое вслед за автором термина Джойсом («Поминки по Финнегану») использует Делез. Рассуждая о симулякре и вечном возвращении как «уникальном фантазме всех симулякров» и хаодиссее, он пишет: «Тайна вечного возвращения в том, что оно вовсе не выражает порядка, противостоящего поглощающему этот порядок хаосу. Напротив, вечное возвращение — это и есть сам хаос, власть утверждающего хаоса» [15, 344]. Мир симулякров, или мир двойников, для Делеза — мир самопроизводства бурлящих образов, свободных от репрессивной идеи подобия и иерархий. Это мир как хаосмос. Хаосмос — не хаос и не космос, но хаос, потенциально содержащий в себе космос. Это то, что содержит в себе внутренние возможности к бесконечному самоконфигурированию. Космос — это не внешний, агрессивный, раз и навсегда данный порядок, но один из бесчисленных способов ситуативного самоупорядочивания хаоса. В отличие от бинарной оппозиции «хаос—космос», хаосмос — это третий термин, снимающий бинаризм.

Подобное понимание хаоса можно встретить у Фуко, для которого хаос сопряжен с понятием безумия и является тем, что рождает разум, язык, творения и культуру. Размышляя о полотнах Гойи, о «Сборище

ведьм», «Паломничестве св. Исидора», «Идиоте», он говорит о том, что безумие здесь предстает как начало и конец всего: «Оно лежит гораздо глубже, чем греза, гораздо глубже, чем кошмар звериного начала, — оно есть последнее прибежище, конец и начало всего сущего... оно есть неопределенность хаоса и апокалипсиса» [16, 518—519]. В феномене безумия Фуко интересует не болезнь, но трансгрессивная сущность. Безумие, равно как шаманизм и другие не ведомые пока нам лики трансгрессии [17, 144], есть то, посредством чего мы попадаем в «гибельную» для всякой культуры область, ту, которую охраняют запреты, и ту, из которой эти запреты возникают. Эту приоткрываемую безумием «белую», «бледную» область Фуко называет пустотой. Пустота безумия содержит не смыслы, но возможность смыслов: «безумие явилось не как уловка скрытого значения, но как восхитительное хранилище смысла. Но при этом следует понять слово “хранилище” в надлежащем смысле: не столько как какой-то запрос, сколько в гораздо большей степени — фигура, которая удерживает и подвешивает смысл, устанавливает пустоту, в которой возникает еще не осуществившаяся возможность того, что там найдет себе место какой-то смысл, или же другой, или, наконец, третий — и так, возможно, до бесконечности» [17, 144]. Безумие не противостоит разуму, равно как и бессмыслица — смыслу, но одно является условием другого. Плодородная пустота, неопределенность хаоса — это родина возможностей, знакомыми объективациями которых для нас являются рацию, лингвистический кодекс и в целом культура, основанная на табу.

В современной литературе преодоление бинарной структуры «хаос—порядок» представлено в концепции абсолюта Квентина Мейясу. Мейясу, отказываясь от привычного термина «хаосмос», вводит концепт гиперхаоса. Абсолют — это и есть гиперхаос, т. е. чистая возможность, которая может как осуществиться, так и сохраниться в своей нетронутости [18, 86]: «Это абсолют, в действительности, — не что иное, как крайняя форма хаоса, гипер-хаос, для которого ничто не является и ничто не может казаться невозможным, даже немислимое... У нас [теперь есть] первый абсолют (Хаос), однако он, в отличие от правдивого Бога, похоже, не способен гарантировать абсолютность дискурса науки, поскольку, вовсе не гарантируя порядок, он гарантирует только возможное разрушение любого порядка» [18, 87]. Для Мейясу хаос — ситуация всевозможности. Интенсивность, качественный скачок при обращении к невозможному фиксируется в приставке «гипер». Хаос имеет дело не только с возможным, но и с невозможным. Порядок — не то, что противостоит хаосу, но имманентная способность хаоса. Хаос, скажет Мейясу, «структурируется» (не онтологически, а логически) за счет самоограничения (autolimitation) [18, 90].

Мейясу использует понятие «гиперхаос», но в основе его лежит та же логика снятия бинаризма, что и в понятии «хаосмос».

В естествознании представление о пульсирующем самоорганизующемся хаосе содержится в синергетическом подходе. В живописи творящая из себя хаотическая стихия пробивается в работах Пикассо, Вильфредо Ламе, Хуана Миро, в плавящихся формах Сальвадора Дали, в мексиканских рисунках Эйзенштейна, у Пауля Клее, который пишет: «Есть логика в том, что я начинаю с хаоса, и это есть наиболее естественное начало» [19]. Или у Фрэнсиса Бэйкона.

Эйзенштейн сравнивает эту плазменную стихию с жизнью огня, с текущей многообразностью форм: «Привлекательность огня — в вечной изменчивости, переливчатости, переходе друг в друга и непрерывном становлении образов. Огонь, таким образом, как бы воплощение вечного становления, вечно порождающего лона и все-возможности. В этом он подобен и потенции первичной плазмы, из которой все может возникнуть» [20, 245]. Плазматичность — это «отказ от скованности раз навсегда закрепленной формы, свобода от окостенелости, способность динамически принять любую форму» [20, 221].

Именно эта огненность и плазматичность потрясла Эйзенштейна в работах Диснея, которого он сравнивает с Овидием и Шекспиром: «В комедиях Шекспира персонажи без конца преобразуются... переодеваясь или волшебным путем физически перевоплощаясь. У Диснея — они переходят друг в друга <...>. Метаморфоза — не оговорка, ибо, листая Овидия, [видишь, что] некоторые страницы его кажутся списанными с короткометражек Диснея» [20, 240]. Мир Диснея — это мир рождений и превращений, «это плазмированье твердых предметов: вытягивание шей, ног, ритмическое колебанье деревьев, твердых фигур etc» [20, 269]. Микки Маус имеет это «плазмированье rag excellence» [20, 269]. Дисней — «это полный возврат в мир полной свободы» [20, 211]. Разгул превращений диснеевских героев, когда слон на глазах вытягивается в верблюда, верблюд — в змея, змей — в дударя, живот дударя — в шар, а шар — в глаз (мультфильм «Дамбо»), — это не что иное, как «ностальгия и мечта об освобождении форм от канона логики и раз навсегда установленной стабильности... призыв к тому, что, только расковав оковы стабильности, возможно достижение жизненности», победа фантастики, которая «таится в природе каждого ночного столика, в каждой суповой миске, за каждой дверью и в каждой стене!» [20, 222—223].

Здесь стоит сразу сделать уточнение. Обычно, говоря о хаосмосе, упускают из вида тот факт, что ключевое и более раннее понятие «хаосмос» принадлежит С. Булгакову. Что такое хаосмос? Это мир, в котором живет человек. Эмпирический мир. Космос — это предвечная

гармония. Космос создан Богом. Хаоскосмос — это разлад гармонии, внутренний распад Софии. Булгаков пишет: «состояние мира хаоскосмоса, в стадии борьбы хаотической и организующей силы, понятно лишь как нарушение изначального единства Софии, смещение бытия со своего метафизического центра, следствием чего явилась болезнь бытия, его метафизическая децентрализованность; благодаря последней, оно ввержено в процесс становления, временности, несогласованности, противоречий, эволюции, хозяйства» [21, 163—164]. Разорванность и дисгармония — это мир наличный, но корнями этот мир уходит в космос [21, 157—158]. Нельзя сказать, что эмпирический мир — абсолютный хаос. В нем пробивается, как скажет Булгаков, нездешний свет. Он един, в нем зародилась жизнь. Вне связи со своим истоком он не смог бы существовать и распался бы. Другими словами, хаоскосмос — это хаос, укорененный в космосе. Альфой и омегой при таком взгляде будет космос. Хаоскосмос — космос, чреватый хаосом. Тогда же как хаосмос — хаос, чреватый космосом. Общим здесь является представление о пластичности мира, его возможностях к самоконфигурированию, а также снятие бинаризма, поскольку хаос не упраздняет космос, и космос не упраздняет хаос, но они соприкасаются друг другу. Как же мыслить антропологический хаос? От идеи противопоставления хаоса и порядка нас заставляет отказаться сама суть антропологического феномена, иначе идея внутренней детерминации, а вместе с ней и феномен человека окажутся невозможными. Но если мы отказываемся от оппозиции, то какой путь будет более оправданным — путь хаосмоса или путь хаоскосмоса? Не есть ли хаоскосмос — репрессивная структура в силу присутствия предвечной гармонии?

На первый взгляд хаосмос и хаоскосмос — две противоположные позиции. Однако при ближайшем рассмотрении это не так. Хаос можно понимать двояко — как пространство, в котором все возможно, и как пространство, в котором ничего нельзя. Первый взгляд разделяет, например, Делез или Бодрийяр, постулирующие ацентризм. В мире Делеза возможны любые превращения и нет той инстанции, которая бы положила конец этой бесконечной цепи метаморфоз. Бодрийяр, описывая изменения в мире вещей, допускает новый антропологический тип, поскольку вещи отражают отношения людей. За отношениями, опирающимися на сущности и субстанции, стоит тип традиционного человека. Но на смену им приходит «человек расстановки» и вещи, не имеющие закрепленной функции. Поле функциональности во втором случае столь же велико, как и фантазия человека [22]. Иерархии эта свободная игра функций лишена. Это мир случая.

Но действительно ли хаос — это пространство, в котором все возможно? Не точнее ли будет его определить как пространство, в кото-

ром ничего нельзя? Есть вещи, которые нуждаются во втором шаге, в том, что появляется благодаря связи. Например, единство, законы, мышление, сознание, ибо условие сознания — это порядок. В мире, в котором отсутствуют иерархии, возможны только случайные не отсылающие друг к другу соединения, ибо нет того, что бы их увязывало. Это мир разрозненности, множественности, фрагментарности. Мир случая — мир плоскости, а не объема. В нем возможна только бесконечность единичных шагов, но не история, объем, не то, что открывается связной последовательностью. А потому в нем невозможно помыслить свободу. Случай — это запрет на свободу. Порядок — это условие свободы. Неслучайно Делез в конце концов приходит к тому, что лишает свой мир свободы, переименовывая ее в «странный спинозизм» [23, 302], ибо в мире без Другого «возможивание» и глубина сменяются всеобщей вывернутостью и необходимостью. Поэтому уточнение понятия свободы приводит к ее раздваиванию, к постулированию двух типов свобод. Свобода как хаос, как то пространство, в котором ничего нельзя, нуждается в упорядочивающем, ограничивающем событии. Так, для Канта есть спонтанность и моральный закон. Для Бердяева есть безосновность и истина. Для Эриксона — фрагментарность и идентичность. Для Канетти — текучесть человеческой природы и запреты превращений — религиозные, социальные, сексуальные, — динамике превращений противостоит статика фигуры. Для Франка и Булгакова — самость и Бог [7, 193]. Для Бадью — пустота и архетип. Для Хоружего — пластичность человеческого существа и телосы антропологических практик [24].

Но возникает вопрос о природе этого упорядочивающего начала. И тогда модель «хаокосмос» из-за фигуры Бога может показаться репрессивной структурой. Однако Бог — это то, что требует свободы, иначе человек окажется марионеткой в руках Бога. То, что человек вносит в мир разлад, свидетельствует об изначальной способности человека, о том, что он наделен хаосом, и этот хаос первичен. Как скажет Булгаков, София, *«предвечное человечество»*, свободна сместить свой центр от Бога, она свободна обнаружить самость, *«хотеть от себя»*. Ее самость составляет «темную основу ее бытия, ее слепую и хаотичную волю к жизни» [21, 165]. Этот хаос Булгаков называет первобытным. Изначальная самость — корень своеволия [21, 165]. Но вместе с тем эта свобода — основа миротворения, ибо Бог принимается свободой. Аналогичны рассуждения Франка или Бердяева: чтобы принять Бога, нужно признать, что в душе человека, по словам поэта, хаос шевелится. В таких рассуждениях заключен парадокс. С одной стороны, порядок и космос первичны. С другой стороны, первичен хаос, которым чревата самость. Но этот парадокс закономерен. Если

мы хотим сохранить антропологический феномен, то для того чтобы был возможен космос, необходимо признать антропологический хаос как самостоятельное начало, как возможность. Другими словами, хаосмос и хаокосмос можно рассмотреть как взаимодополняющие понятия. Свобода как хаос в модели «хаокосмос» не что иное как хаосмос, т. е. хаос, который из себя рождает порядок. Модель «хаокосмос» не репрессивна, поскольку она не предполагает догматического постулирования Бога. Бог здесь не постулируется, а логически выводится. Например, Франк говорит о Боге не как Творце и внешней причине, а как о самоограничении антропологического хаоса. Он пишет о человеке: «Самоопределение возможно только в форме самопреодоления, самообуздания» [7, 294]. Аскетизм, самоограничение есть условие подлинной свободы. Самоограничение есть самоструктурирование своевольного анархического состояния. Бердяев, будет говорить о райском состоянии человека как о состоянии неразличности и монотонности. Человек не получает извне понятия о добре и зле, не стоит перед наличным выбором, ибо это претит представлению о свободе, но сам учреждает выбор в момент грехопадения. Грехопадение, следствием которого является сознание как различенность, как скажет Бердяев, парадоксальным образом является необходимой ступенью в генезисе человеческого духа. Булгаков, допуская самость, говорит о двух ее состояниях — когда ее центр находится в самой себе и когда ее центр находится в Боге. Таким образом, разница между моделями «хаосмос» и «хаокосмос» заключается в акцентах — либо в своих исследованиях мы имеем отправную точку в философии религии, либо исходным пунктом для нас является философская антропология. Для первого случая наиболее адекватной будет модель «хаокосмос», для второго — «хаосмос». Имея перед собой задачу исследовать антропологический феномен, остановимся на понятии антропологического хаоса как хаосмоса.

Если для Делеза, который в конечном итоге отказывается от свободы и от антропологического феномена, называя свой мир дегуманизированным, порядок является побочным и необязательным событием в жизни мира фантазмов, то для того, чтобы сохранить феномен человека, антропологический хаосмос нужно мыслить как то, что нуждается в самоструктурировании. Этому структурированию должна служить антропологическая форма.

Антропологическая форма

Что такое форма? Форма может пониматься через соотношение с содержанием. Например, для Аристотеля форма и материя соотносятся как акт и потенция, т. е. форма — это актуализация внутренней цели, энтелехия материи. Однако если мы исходим из того, что человек сво-

боден, а потому лишен заданной сущности, нам приходится отказаться от Аристотелевой модели.

Форма может пониматься и вне зависимости от связки с категорией «содержание». А именно, как внешнее и необходимое условие для того, чтобы что-то было. То есть оформляемое и то, во имя чего осуществляется оформление, это две разные вещи. В том числе в смысле онтологическом. Пример такого понимания формы можно встретить в европейской традиции, в частности у Ницше, Декарта и Канта. Ницше рассуждает о философе. Кто такой философ? Философа легко узнать по тому, что он «чурается трех блистательных и громких вещей, славы, царей и женщин» [25]. Почему он их чурается? Ницше скажет — «не из похвальной воли к невзыскательности и простоте» [25], а потому что так ему велит его «материнский» инстинкт. Подобно тому, как женщины сохраняют свое зависимое положение не потому, что они чем-то уступают мужчине, но для того чтобы исполнить замысел о себе, т. е. свое материнство, так и философ, для того чтобы обеспечить возможность собственного бытия как философа, вынужден придерживаться аскетизма. Аскеза — это форма. Философия — это то, что нуждается в такой форме. Логика Канта и Декарта схожи. Условием мысли является внешняя форма. Рассуждая о мышлении, Декарт первым правилом морали вынесет повиновение законам и обычаям собственной страны [26, 263]. Кант, призывая к просвещению, т. е. к мужеству мыслить самому, заключит: «рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!» [27]. Повиновение — это залог внешнего порядка и внутренней свободы. Вторя европейской традиции, Мамардашвили скажет: «лучше философствовать, не нося колпак философа в жизни, а нося просто шляпу или кепку. Таковую же, какую носят другие. Колпак может быть весьма тяжелым одеянием» [28, 23]. Маска почтенного гражданина — форма, которая делает возможным мирное сосуществование с другими. «Скованность» формой является условием раскованности в творчестве, «поскольку при этом не уходит энергия на то, чтобы заниматься сведением счетов, борьбой, участием в склоках» [28, 23].

Форма может пониматься как аванс, как внешнее, которое является залогом внутреннего. Например, Кант в «Антропологии с прагматической точки зрения» [29, 175—178] предложит модель человека-актера. У актера внешние проявления не связаны с внутренними состояниями. Для Канта игра актера кажется плодотворной, ибо она способна приносить, например, добро до того, как появятся добрые люди. Кант считает, что игра в доброго постепенно сделает человека и по существу добрым. То есть форма — это предпосылка, благодатная почва для того, чтобы нечто возникло. Под таким же углом можно посмотреть на

всякий ритуал. Ритуал как форма — это не буква, которая противостоит духу, а залог того, чтобы букве соответствовал дух. У Флоренского есть рассуждения о рясе. Он скажет: ряса сама по себе неудобна. Длинные полы мешают ходить. То есть с практической точки зрения она неценна. Но практической точке зрения можно противопоставить символическую, и тогда ряса обретает сущностный смысл, ибо она изымает тебя из жизненного потока, она вовлекает твое тело в иной ритм. Сковывая тело, она обращает все твое существо к сдержанности. Само по себе ограничение движений успокаивает душу.

Форма может пониматься как то, что позволяет действовать в ситуации незнания. О спасительности формы при незнании говорит Мамардашвили, который исходит из конечности человека, т. е. неспособности его ума последить все связи и последствия в мире. Мамардашвили обращается к искусству и к нравственно-правовой сфере, например, к запрету эвтаназии: «мы, с нашим конечным, ограниченным умом, не можем, во-первых, последить и охватить все связи и последствия, в цепи которых стоит наша “помощь убиением” в общей экономике мироздания... не знаешь, прецедентом чего окажется реализация какого-то несомненного содержания, — придерживайся формы! А она как раз содержит запрет. Я назвал бы это мудрым невмешательством в законы мироздания» [30, 89]. Форма делает возможным существование конечного человека в незнакомом мире, но не отвечает на вопрос, каков мир и его сцепления. В случае эвтаназии это незнание разрешается в запрете.

К. Леонтьев назовет форму внутренним деспотизмом, деспотизмом внутренней идеи. Форма есть «*отрицательный момент явления*» [31], ибо она связана с ограничением материи. Узы деспотизма позволяют явлению быть. Разрыв этих уз ведет к тому, что явление гибнет. Стакан, если не хочет перестать быть стаканом, должен ограничить материю стекла, не дать ей переходить пределы формы, туда, например, где начинается воздух. От навеянных аристотелизмом примеров, Леонтьев переходит к антропологической сфере, к обществу. Как в природе оливка не смеет стать дубом, так и общество должно быть изнутри стянуто внутренним деспотизмом, который выражается в учреждении различий и особенностей. Леонтьев пишет: «эгалитарно-либеральный процесс есть антитеза процессу развития. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма — сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, как процесс разложения, процесс того вторичного упорядочения целого и смешения составных частей, о котором я говорил

выше, процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т. е. деспотически) свойственны общественному телу». Форма как ограничение, учреждение границ и тем самым отличия в антропологической сфере приобретает характер самоограничения. То есть форма понимается как разрыв, запрет, порядок, различия, которые не даны, но должны непрерывно самоактуализироваться, учреждая тем самым эту сферу. Устранение различий схоже, как скажет Леонтьев, с процессами гниения, таянья льда, холерой. В. Розанов, рефлексировав над текстом Леонтьева, заключит: «Все менее и менее сдерживают кого-либо религия, семья, любовь к отечеству — и именно потому, что они все-таки еще сдерживают, на них более всего обращаются ненависть и проклятия всего человечества. Они падают — и человек становится абсолютно и впервые “свободен”. Свободен, как атом трупа, который стал прахом» [32]. Уравнение, сглаживание отличий — это бесформенность, которая есть распад. Человеческое удерживается внутренним запретом, внутренними скрепами. Например, религиозными ограничениями, чувством патриотизма, семейными узами, представлениями об истине — все это формы, позволяющие антропологической стихии не распасться, не превратиться в чистый хаос, антропологический материал.

Форма может пониматься не как внешнее условие «содержания» (Ницше, Декарт, Кант, Мамардашвили), не как то, что структурирует содержание, но как то, что учреждает антропологическое содержание как трансцендентное миру. Например, Мамардашвили говорит о том, что самого по себе человека нет. Есть только возможность человека. Человек объективирует, получает себя посредством формы, а потому форма обязательна, иначе мы имеем дело с психобиологическим материалом, природным существом. Мамардашвили пишет: необходимы «сильные формы или структуры художественного сознания, эффекты собственной “работы” которых откладываются конституцией чего-то в природном материале, который лишь потенциально является человеческим. Своей организацией они вводят психическую природу индивида в человеческое, в преемственность и постоянство памяти, в привязанности и связи, и это важно, потому что в природе не задан, не “закодирован”, не существует естественный, само собой действующий механизм воспроизводства и реализации специфически человеческих отношений, желаний, эмоций, поступков, целей, форм и т. д.» [30, 88]. Форма обязательна, поскольку сам по себе человек реактивен, и его реакции сиюминутны и бессвязны. Мамардашвили скажет: *«естественно забыть, а помнить — искусственно»* [30, 88]. Основа же сознательной жизни, в том числе памяти, — связность, преемственность.

Природно, т. е. заданно их нет, а потому нужна форма, т. е. то, посредством чего человек сможет прорабатывать свои состояния, доводить их «до ясного и полного выражения своей природы и возможности» [33, 173]. Через форму человек производит и воспроизводит себя. А потому человек — это существо культурное. Культура — это форма. Продукты искусства — это «как бы приставки к нам, через которые мы воспроизводим человека» [30, 88]. Или ритуал. Мамардашвили приводит пример с плакальщицами. Профессиональные плакальщицы не испытывают горе, но выполняют форму плача, доводят тебя до экстатического ненормального состояния: «психические состояния как таковые (“искреннее чувство”, “горе” и т. п.) не могут сохраняться в одной и той же интенсивности, рассеиваются, сменяются в дурной бесконечности, пропадают бесследно и не могут сами по себе, своим сиюминутным дискретным, конкретным содержанием служить основанием для явлений памяти, продуктивного переживания, человеческой связи, общения» [30, 88]. Эмоции, человеческого переживания самого по себе нет. Есть бесконечность несвязанных реакций. Форма создает эмоцию и сознание. Это вторая природа человека. Режим сознания, сложившись однажды, становится «соприродным» человеку и воспроизводится вместе с ним. Форма не просто оформляет, но *трансформирует*, т. е. она обеспечивает качественный скачок от природного к человеческому, она не организует человеческое, но создает его.

Если мы отказываемся от представления Аристотеля о форме, то все остальные варианты трактовки формы являются антропологичными, т. е. не противоречат идее свободы. Однако они выражают лишь возможные аспекты антропологической формы, но не ухватывают ее существо. Понятие антропологической формы должно исходить из понятия антропологического хаоса. Тогда мы сможем сформулировать требования, которым должна удовлетворять эта форма и дать ее точное определение.

Что такое форма? Если первичная антропологическая стихия — это хаос нерелекторных реакций, пятна субъективности, бесконечность конечного, тогда форма — это бесконечное, упакованное в конечное. Форма позволяет ухватить и вместить бесконечность. Она, вопреки Мамардашвили, не сохраняет за человеком его конечность и незнание, но решает проблему незнания через абсолютное знание, прорываясь к бесконечному. То есть форма — это то, что позволяет конечному человеку пробежать бесконечность. А поскольку сам по себе человек ограничен, постольку условием появления формы является множественность. Мамардашвили предлагает решить проблему незнания двумя способами — через запрет, как в области права, и через «неопределенность структур», как в искусстве. Он полагает, что личность

может «самонастраиваться» не зависимо от всезнания и высших ориентиров [33, 173]. И более того, культура как форма всегда должна иметь в себе «клеточки незнаемого» [34, 115], иначе ее вовсе не станет. Другими словами, Мамардашвили хочет сохранить неструктурируемое. Но ценой тогда окажется конечность человека, ибо запрет при незнании не то же, что запрет при знании. А также хаос, ибо незнаемое не охватывается формой. Форма же как бесконечное, упакованное в конечное, всеохватывающая. Она качественно преобразовывает антропологическую стихию. Конечному существу она открывает бесконечность. Результатом этого качественного преобразования является сознание, ибо схватывая бесконечность, она связывает и структурирует конечные состояния в перспективе их возможности, а не актуальности. Она дает целое. Целое сознания, а значит и мира. Благодаря чему возможно это сцепление? Благодаря осевому центру, первичному запрету, задающему иерархию. Этот ориентир втягивает нерелекторные реакции в водоворот субъективности, образуя глубину сознания. Этот первичный центр принципиально единичен, ибо только абсолютный центр дает возможность начала структуры. И в этом смысле он качественно отличается от структуры в целом. Как, например, в пифагорействе единица есть условие чисел, и в этом смысле она стоит вне ряда чисел. Или в религии есть заповедь заповедей, т. е. условие заповедей как таковых. Например, в Ветхом Завете это заповедь единственности Бога: «*Я — Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня*». Аналогично в исламе: «*Нет божества, кроме Аллаха, и что Мухаммад — раб Его и посланник Его*». В буддизме — четыре благородные истины и восьмиричный путь строится вокруг представления о том, что мир есть страдание. Абсолютный центр как условие структуры носит отрицательный характер, характер запрета, внося первичное различие в монотонность бесконечности. Как сказал бы Фуко, это есть линия непреодолимого. Он пишет: «Нет ни одной культуры в мире, где было бы все позволено. Давно и хорошо известно, что человек начинается не со свободы, но с предела, с линии непреодолимого» [17, 141]. Линия непреодолимого — это то, что начинается человека.

Форма должна не упразднить хаос, но как в воронку втягивать его, сохраняя саму его возможность и необходимость, ибо вне хаоса свободы исчезает феномен человека. И здесь ее вернее было бы трактовать не в терминах «неопределенности» и «клеточек незнаемого», ибо они предполагают нечто внеположенное форме, но в терминах эластичности и предельной интимности. В христианской традиции для объяснения отношений человека и Бога часто используются библейские образы манны небесной и одежды иудеев, скитавшихся по пустыне сорок

лет. Манна небесная одна, но она смогла накормить всех иудеев, отвечая неповторимым потребностям каждого. Иудеи скитались сорок лет по пустыне, и, тем не менее, их одежда всегда была им в пору. Так и отношения с Богом. Бог один, но способен ответить на самые сокровенные и неповторимые движения души. Этот образ подходит и для описания предельной подвижности и универсальности антропологической формы, которая не предполагает существования неохваченного антропологического пространства.

Универсальность формы значит то, что она существует одна для всех. И иначе она существовать не может, ибо является достоянием множественности. Единственность формы означает то, что она дает антропологическому множеству общие ориентиры, т. е. создает возможность понимания и *со-бытия*.

Если человек — это существо, которое нуждается в форме, то тогда возникает вопрос: что может послужить такой формой? При первом рассмотрении возникает два варианта: сакральное и социальное.

Литература

1. *Розанов В.* Опавшие листья // http://iph.ras.ru/elib/Rozanov_Opavshie_listya.html.
2. *Марк Аврелий Антонин.* Размышления. СПб., 1993.
3. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977.
4. *Платон.* Федон // Платон. Избранные диалоги. М., 2002.
5. *Камю А.* Калигула. М., 1993.
6. *Бердяев Н.* Метафизическая проблема свободы // Путь. 1928. № 9.
7. *Франк С.* Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. М., 2007.
8. *Кант И.* Критика практического разума // Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999.
9. *Сартр Ж.-П.* Детство хозяина // Сартр Ж.-П. Интим: новеллы. М., 2004.
10. *Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
11. *Бадью А.* Рапсодия для театра. Краткий философский трактат. М., 2011.
12. *Канетти Э.* Превращение // Проблемы человека в западной философии. М., 1988.
13. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки // <http://www.klex.ru/29a>.
14. *Иванов В.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.

15. Делез Ж. Платон и симулякр // Делез Ж. Логика смысла. М., 1998.
16. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
17. Фуко М. Безумие, отсутствие творения // Фуко М., Юнг К. Матрица безумия. М., 2007.
18. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности // Meillassoux Q. Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence, Seuil, 2006.
19. Клее П. Педагогические эскизы. М., 2005.
20. Эйзенштейн С.М. Дисней // Эйзенштейн С.М. Проблемы синтеза в художественной культуре. М., 1985.
21. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М., 1993.
22. Бодрийяр Ж. Система вещей // http://www.erlib.com/Жан_Бодрийяр/Система_вещей/3/.
23. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб., 1999.
24. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М., 2005.
25. Ницше Ф. К генеалогии морали // <http://lib.ru/NICSHNE/morale.txt>.
26. Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989.
27. Кант И. Что такое просвещение // http://www.bimbad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=754.
28. Мамардашвили М. Как я понимаю философию // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
29. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 1999.
30. Мамардашвили М. Обязательность формы // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
31. Леонтьев К. Византизм и славянство // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Leon/07.php.
32. Розанов В. Эстетическое понимание истории // http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_esteticheskoe_ponimanie.html.
33. Мамардашвили М. Если осмелиться быть // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
34. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.

Г.В. ХРИСТОКИН

**Сравнительный анализ софиологии С. Булгакова
и неопатристики в контексте перспектив развития
православной теологии XXI века**

Аннотация. Анализируются две парадигмы развития православной теологии начала XX столетия — софиологии и неопатристики. Показывается, что обе парадигмы являются формами современной православной теологии. Неопатристика стала основной теологической парадигмой православия XX в. Она сформировалась в творческом диалоге и противостоянии с софиологией С. Булгакова.

Ключевые слова: неопатристика, софиология, парадигма развития православной теологии.

Abstract. The article Hristokina Gennady Vladimirovich committed a comparative analysis of two paradigms of orthodox theology in the early twentieth century — and sophiology neopatristiki. Revealed that both paradigms are forms of modernist Orthodox theology. Revealed a significant catalytic role sophiology Bulgakov in search of G. Florovsky and Vladimir Lossky new paradigm of orthodox theology in the early twentieth century. Neopatristika has become the main paradigm of theological orthodoxy in the twentieth century. It was formed in a creative dialogue and confrontation with sophiology Bulgakov.

Keywords: neopatristika, sophiology, the paradigm of orthodox theology.

Современная православная теология в начале XXI в. в ситуации *после модерна* находится в поисках новой богословской парадигмы. Современные православные теологические парадигмы, возникшие в начале XX в., требуют своего обновления с учетом требований новой эпохи. Поиск новейших парадигм сопровождается обращением к наследию предшественников, творческим переосмыслением их достижений. Одним из тех, кто стоял возле истоков православной современной теологии, был о. Сергей Булгаков, творчество которого вызывает все большее внимание. В его произведениях чрезвычайно ярко воплощены как важные достижения, так и противоречия и даже просчеты российской религиозной философии и православной теологии XX в. Рядом с проектом софиологии Булгакова возник другой современный проект — *неопатристика* — который до конца столетия утвердился в качестве ведущей парадигмы развития православной теологии (см.: [1, 208—216]). В этой связи особенно актуальными являются исследование роли С. Булгакова в формировании православной теологии начала XX

столетия, проведение сравнительной характеристики софиологии С. Булгакова и неопатристики с целью определения перспектив для формирования новейших парадигм православной теологии XXI столетия.

В последнее время интерес к творчеству и личности Булгакова постоянно возрастает, фактически происходят новое прочтение его идей, переосмысление его творчества. Заметно растет интерес к идеям Булгакова среди академических исследователей и философов [2, 284—302; 3—5].

Вместе с тем учение богослова приобретает все большую актуальность среди христиан других конфессий, в частности католиков. За последние десять лет на Западе (особенно в Италии) возросло количество исследований, посвященных теологии С. Булгакова [6, 119—146]. В то же время исследованию неопатристики посвящены работы как отечественных, так и зарубежных авторов [1, 208—216; 7, 329—446; 8; 9, 499—513]. И отметим, среди многих исследований недостаточно изученной остается проблема значения идей Булгакова в становлении неопатристики. Поэтому задачей нашей статьи является проведение сравнительного анализа софиологии и неопатристики, выяснение значения творчества богослова для православной теологии XX в.

С. Булгаков интересен не только своими философскими идеями, но и неутолимимым стремлением к модернизации православной теологии, попыткой преодолеть консерватизм православной мысли и предложить новые перспективы для ее развития. Надо признать, что одной из главных задач творчества православного мыслителя был поиск новых путей развития православия и христианства вообще, осмысление места и роли православия в современном мире. Философ предложил новые теологические идеи, которые должны были придать православию универсальный характер, превратить его в действительно всемирную и даже панкосмическую церковь.

С. Булгаков ставил перед собой грандиозные задачи. Осознавая чрезмерную схоластизацию православной теологии, мыслитель искал новую методологию ее развития. Приемлемыми для этого, по его мнению, были философия Шеллинга, учение В. Соловьева и вообще методология неоплатонизма, которые предоставляли возможность модернизировать христианское учение, существенно осовременить его. В результате у Булгакова формируется своеобразная форма софиологии, в которой центральное место занимает учение о Всеединстве, сверхбытийственном Абсолюте (Ничто), о Софии, концепция сотворения мира из Ничто, теория вечности и времени, философия имени Божьего и т. д. [10, 344, 346; 11]. На основе этих философских учений Булгаков создает собственную христологию и экклизиологию. Как известно, указанные концепции вызвали серьезные замечания со стороны право-

славных теологов, привели к радикальному перетолкованию догматов христианства. Творчество Булгакова спровоцировало реакцию со стороны молодых православных теологов, которые не только дали православную оценку софиологии, но и начали работу над созданием иной парадигмы православной теологии.

Без сомнения, основателями новой православной теологии начала XX в. были Георгий Флоровский и Владимир Лосский, идеи которых определили ее развитие на много десятилетий вперед [8; 9, 499—513]. Г. Флоровский в работе «Пути русского богословия» (1937) критически переосмысливает всю русскую религиозную философию (и софиологию Булгакова), которая, по его мнению, была не способна адекватно передать смысл Откровения. Богослов предлагает создать «неопатристический синтез» — реконструировать систему теологии греческой патристики. По его мнению — настоящая православная теология должна быть развитием Предания отцов Церкви, и именно греческая патристика является образцовой теологией, нормативным выражением христианского вероучения. Но понятийная и концептуальная верность греческой патристике не была характерна ни для православной академической теологии XVII—XIX вв., ни для русской религиозной философии. Такое явление приводило к определенному разрыву между религиозной практикой (богослужение, аскетика) и теологией Церкви и даже больше — порождало постоянный кризис православной теологии или вообще ее отсутствие. Осознание необходимости формирования новой теологии было достижением не только Г. Флоровского, но и В. Лосского. Последний был главным критиком системы С. Булгакова, указывая на ее принципиальное различие с учением отцов Церкви [12].

Таким образом, именно Флоровский и Лосский формируют новую парадигму православной теологии начала XX в., создают проект «неопатристики», сформировавшийся в активном диалоге и противостоянии с богословской парадигмой, которую развивал Булгаков. Именно диалог и конфликт двух этих моделей определили развитие современной православной теологии. Поэтому имеет смысл сравнить между собой некоторые важные аспекты их учений, сопоставить взгляды их представителей по основным вопросам [1, 208—216].

Необходимо начать с того, что и В. Лосский, и Г. Флоровский, и С. Булгаков имели замысел создать новую православную теологию, которая противостояла, с одной стороны, схоластизированной православной академической теологии, с другой — материализму и позитивизму. Названные теологи осознавали себя предвестниками обновленного православия, видели свою жизненную миссию в возрождении православия, но в их позициях существовали принципиальные различия. Уже Н. Бердяев обращает внимание, что С. Булгаков (вместе с П. Фло-

ренским, Е. Трубецким, В. Эрном), пытаюсь вернуться к историческому православию, лишь внешне стилизует свое учение под старину, хотя на самом деле создает «новое православие» [13, 168]. Для Булгакова были характерны внутренний раскол и раздвоение между старой и современностью, желание и одновременно невозможность их синтезировать. Действительно, Булгаков пытался воссоздать православие без возрождения святоотеческой теологии. Восстановление Булгаковым православной теологии было формой ее модернизации. Примером противоположного подхода был Г. Флоровский, который тоже ратовал за новый синтез православной традиции с современностью, но с помощью возрождения христианского эллинизма, т. е. возвращения к христианскому неоплатонизму отцов Церкви.

Стоит обратить внимание на то, что тема синтеза православия и современности является основной и болезненной у Булгакова. Но совершал он этот синтез без достаточного понимания традиции. Богослов не воспринимал традицию как форму действительно аутентичной православной теологии, воспринимая догматические формулы в отрыве от традиции, которая их создала. По мнению Булгакова, православная теология должна избегать догматизма, ведь догматы — вечные истины веры, которые требуют дальнейшего догматического развития и осовременивания. Иначе говоря, обновление православия у Булгакова сводилось к модернизации догматики, предполагало не только создание новой православной теологии (которую он предложил в виде софиологии), но и введение новых догматических учений. Тогда как Флоровский четко осознавал неразрывность догматов с историческим и теологическим контекстом патристического мышления, в рамках которого только и возможна их адекватная интерпретация. Поэтому, по мнению Флоровского, принципиальное осовременивание догматов невозможно, достаточно их обновленного толкования с учетом запросов времени.

Принципиальная разница между проектами софиологии Булгакова и неопатристики Флоровского и Лосского заключалась в различном понимании роли философии в формировании новой парадигмы православной теологии, точнее, в разнице форм и способов философизации теологии. Все три теолога довольно критически относились к философии как самодостаточному способу познания истины, они единодушно ставили теологию выше философии [14, 311—518]. Названные теологи признавали за теологией способность познавать Бога, понимать Откровение и видели миссию богословия в особом служении Церкви, разъяснении и толковании Слова Божия. Во всяком случае, все три теолога не воспринимали релятивизацию теологии как дискурса о Боге. Теология для них — отдельный тип богопознания. Опять же и Бул-

гаков, и Флоровский, и Лосский осознавали пределы теологии, видели ее истоки в Откровении и духовном опыте. Таким образом, их взгляды на философию и ее роль в развитии теологии во многом совпадали.

Далее, важно сравнить взгляды Булгакова и лидеров неопатристики по проблемам методологии. И у Булгакова, и у Лосского заметную роль в формировании теологических учений играет духовный опыт. Религиозный опыт выступает фундаментом, на котором возможны вера и теология. В то же время Булгаков обнаруживает более последовательную позицию, когда разделяет религиозную интуицию и веру, религиозную теорию и мистику. Булгаков признает важность трех форм теологии — естественную, догматическую и мистическую, а также принципиальную роль Откровения и Предания в формировании догматов и теологии [15, 50—70]. В отличие от Лосского, который постоянно тяготеет к теологическому мистицизму, он фактически редуцирует естественную и догматическую теологию к мистической. Зато Флоровский выступает интеллектуальным интуитивистом, утверждая, что своей созерцательной способностью разум может феноменологически схватывать факты Откровения как исторические и объективно их толковать. Теологическая методология при таком подходе приобретает черты религиозной феноменологии. Вера — это убежденность в действительности фактов воспринятых созерцательным умом. Кстати, в отношении к вере тоже вырисовывается разница между теологами. И опять-таки, позиции Лосского и Булгакова чрезвычайно близки. Вера для них является результатом духовного опыта, своеобразным продолжением религиозно-мистической интуиции. Фактически вера — это и есть форма мистической интуиции. Последняя у Флоровского становится интуицией интеллектуальной, которая приобретает функции интеллектуального созерцания.

Существенное различие позиций лидеров неопатристики и Булгакова заключалось в разной оценке роли метафизики в создании теологии. И Флоровский, и Лосский были противниками спекулятивной теологии любых типов. Каждый из них по-своему критикует Булгакова именно за использование спекулятивных учений и метафизических методов. Более того, представители неопатристики были убеждены, что и старая немецкая идеалистическая метафизика, и метафизика В. Соловьева не способны без серьезных потерь выразить суть христианского учения. В то же время нужно отметить, что Лосский был своеобразным антиметафизиком в теологии, отвергая любую философскую теологию как спекуляцию (даже христианскую). Флоровский выступал убежденным сторонником христианской, эллинизированной философской теологии и метафизики. По мнению Флоровского, в эпоху патристики отцы Церкви создали уникальную христианскую философию,

которой нет аналогов. Ее неповторимость определена синтезом идей Откровения и греческой философии. Отцы не просто христианизировали языческие учения, они фактически создали свои категории и концепции, через которые можно было без изменений выразить суть христианского Откровения. Таким образом, на смену старой языческой философии пришли новые христианские философия и теология, своеобразный христианский эллинизм. Античный неоплатонизм сменился христианским неоплатонизмом. Причем для Флоровского христианская метафизика не является спекулятивной, ведь она не оторвана от Откровения, от Церкви. Философская теология отцов является единственным способом адекватного выражения Откровения.

Булгаков также склонялся к использованию философской теологии, но строил ее на другой методологической основе. Как уже отмечалось, базовыми методологиями для Булгакова стали философские концепции И. Шеллинга, Я. Беме, В. Соловьева. В них Булгакова привлекало то, что системность и академизм сочетались с религиозным и даже мистическим смыслом. В противовес абстрактным спекуляциям рационалистов для неоплатонизма Шеллинга и Соловьева были свойственны внутренняя органичность, склонность к преодолению противоположности между субъектом и объектом, использование концепций Всеединства и мистический космизм. Иначе говоря, теология Булгакова была мистически спекулятивной, она скрыто использовала арсенал рационального дискурса, соединенного с мистикой.

С. Булгаков утверждал, что рациональные утверждения о Боге ограничены, «антиномичны», доказывая, что основой этих утверждений выступает мистический религиозный опыт. Но для обоснования этих положений он скрыто использовал метафизические спекулятивные категории. Например, постоянное взаимозаменяемое использование Булгаковым категорий «Всеединство», «богочеловечество», «София», «Соборность», на самом деле, ничего не проясняло. В отличие от метафизики христианского эллинизма, спекулятивно-мистическая метафизика Булгакова была не способна адекватно передать христианское Откровение, ведь она несла идеи, внутренне не согласованные с христианским теизмом. Таким образом, Булгаков совершал своеобразную христианизацию неоплатонизма, но на основе немецкой спекулятивной метафизики и мистификации понятий. Вместо того чтобы реконструировать и развивать существующие в христианской теологии отцов возможности, Булгаков использовал альтернативные возможности других философий. Это не помогало, а только усложняло ситуацию и создавало внутренний конфликт между содержанием Откровения и теоретическим дискурсом, который его осмысливал.

Интересные параллели между учениями Булгакова и Лосского существуют в концепции Абсолюта. Оба теолога развивают учение о сверхбытийственном Абсолюте. С. Булгаков описывает сложную структуру Бога, выделяя в нем сверхбытийственный Абсолют — своеобразное Божественное Ничто и Бога в его бытийном проявлении. Причем Бог у Булгакова постепенно разворачивает себя в мир, проходя фазы от Ничто в непроявленное Бытие, затем проявленное Бытие, затем Божественную Софию, потом в Софию созданную и, наконец, в мир. Между сверхбытийственным Абсолютом, его проявлением в бытии и Софией нет онтологической пропасти. Бог как бы эманурует, проявляя и открывая себя в мир для познания. У В. Лосского христианский Бог является Сверх-Бытием, Сверх-Сущностью, Сверх-простотой и Сверх-Единством, и поэтому как трансцендентный Он «абсолютно непознаваем» [16, 112]. Сверхбытийственный Бог не может полностью проявить себя в своих энергиях, последние же лишь частично проявляют Бога. Позиция Булгакова больше напоминает учение античного неоплатонизма, а позиция Лосского похожа на учение христианского неоплатоника Дионисия Ареопагита. Обе позиции не характерны для отцов. Для подавляющего большинства представителей патристики свойственно понимание Бога как Разума-Бытия [17, 11—33; 18, 216—245]. Сохраняя разделение в Боге сущности и энергий, отцы учили о полноценном проявлении сущности в энергиях.

Для Булгакова Бога-Ничто познать невозможно, так как он является принципом совершенно непостижимым. Доступным познанию Бог становится, когда отрывается в Откровении, когда Он открыт для познания через Софию [15, 130, 185—203]. Для Лосского также Бога невозможно узнавать в Его сущности и только в определенной мере можно понять в энергиях [16, 119—122]. Так, богослов утверждает, что божественная сущность и ипостась Иисуса Христа не были узнаваемыми из Его божественных действий, равно как и человеческая природа — из действий человеческих [16, 119—122]. Концепция Лосского слабо согласуется с взглядами отцов, которые считали, что христианский Бог знает Себя [19, 180—181], Он в принципе познаваем [19, 180] и только через собственную трансцендентность относительно мира кажется непознаваемым [17, 11—33].

Для православной теологии всегда актуальна тема единства Бога и мира. Важным остается вопрос — как возможно присутствие трансцендентного Бога в мире и человеке? Как возможно освящения человека Богом? Особенно остро эту тему чувствовал С. Булгаков, который исходил из того, что в сознании интеллигента существует пропасть между абсолютным и относительным бытием. Как и чем эту бездну можно покрыть? По мнению Булгакова, решение Халкидона, само по

себе правильное, требует прояснения и современного прочтения. Ведь догмат о единстве божественной и человеческой природы во Христе еще не объясняет возможность единства Бога и мира и довольно абстрактно объясняет единство Бога и человека.

В толковании духовного идеала и эсхатологической перспективы человека Булгаков принимает патристическую идею обожения. Обосновать возможность достижения такого состояния богослов пытался с помощью учения о Софии. При этом Булгаков воспринимал свое учение своеобразным аналогом паламизма. Он отмечал, что софиология непосредственно вырастает из паламитского учения о различии между Божественной сущностью и энергиями. Правда, концепт Софии значительно шире, чем понятие нетварных энергий, ведь он пытается охватить разнообразные персоналистические проявления Божьей Мудрости в Писании, Церкви, искусстве [20, 59].

Перед той же проблемой очутился и В. Лосский, который стал основателем современного неопаламизма. В контексте учения Паламы, на место посредника между Богом и миром Лосский полагал божественные энергии — отличные от сущности Бога, но несотворенные действия Бога. У Лосского и последующих неопаламитов трансцендентный Бог имманентно присутствует в мире своими энергиями, в свете которых происходит обожение человека. С помощью учения о божественных энергиях Лосский пытался решить ту же проблему, с которой ранее столкнулся Булгаков. И так же, как и Булгаков, основатель неопатристики столкнулся с невозможностью однозначного решения проблемы посредничества. Иначе, в равной степени эти богословы, каждый по-своему, пытались предложить посредника между мирами — божественным и земным. И в равной мере им не удалось абсолютно непротиворечиво продумать эту проблему. Ведь постоянно оставался под вопросом статус посредника — булгаковская София и паламитские энергии — это сам Бог или нет? Если Бог, тогда они являются трансцендентными миру, если нет, тогда вопрос единства не решается. Поэтому и паламизм, и софиология вынуждены раздваивать Бога на «Бога в себе» и «Бога в мире». Но даже после такого неоплатонического раздвоения проблема окончательно не решается, ведь возникает потребность в конституировании «посредников между посредниками» — между несотворенными энергиями и миром у Лосского, а у Булгакова — между Софией и миром. В указанном виде обе концепции являются формами неоплатонического решения проблемы, вариантами субординационизма, поэтому они в равной степени внутренне противоречивы. Осознавая это, оба богословы пытались персонализировать свои концепты. Булгаков через предоставление Софии статуса персоны, а Лосский через учение о персональном характере

божественных энергий (для Х. Яннараса такая персонализация становится еще более характерной).

Хотя С. Булгаков поддерживает традиционную концепцию теогносии, признавая три формы богопознания, но приоритетной для него остается возможность непосредственного познания Бога через его имя. Согласно концепции имяславцев, к которым относится Булгаков, божественное имя содержит самого Бога в своих энергиях, поэтому тот, кто вспоминает это имя, тот приобщается Богу. Концепция божественности имени Божия присуща многим религиям (иудаизм, Кабала, суфизм), и в православии она развивалась некоторыми монахами-паламитами. Булгаков разделяет эту концепцию и пытается ее теоретически обосновать, тем самым он продолжает линию, начатую П. Флоренским и поддержанную А. Лосевым [21; 22, 287—308]. Имяславие является крайней формой паламизма, к которому склонялся и Лосский. Правда, последний, полностью принимая паламитский мистицизм с его оправданием причастности Богу в нетварных энергиях, отдельно не развивает теории имяславцев.

В результате проделанного сравнительного анализа некоторых аспектов софиологии Булгакова и теологии неопатристики можно констатировать значительное влияние С. Булгакова на поиск Флоровским и Лосским новой парадигмы развития современной православной теологии. Участие Булгакова при этом нельзя свести только к негативному влиянию. Во-первых, Булгаков был одним из тех православных теологов-клириков, кто задался целью осуществить модернизацию православной теологии, найти пути ее обновления. В поисках последующих богословов эта тенденция нашла своеобразную реализацию. Именно С. Булгаков, независимо от результатов его усилий, вместе с другими русскими религиозными мыслителями, включился в поиск современной православной богословской методологии, которую он видит в толковании христианских догматов средствами платонизма и неоплатонизма. Эту позицию поддержал Флоровский, но с существенными изменениями. Во-вторых, в творчестве Булгакова реализуется стремление к новому прочтению отцов Церкви. В его произведениях мы находим теоретическую разработку проблематики божественных энергий и Божьего имени, которые впоследствии станут широко применимыми в неопаламизме. В-третьих, в своих в целом неортодоксальных учениях Булгаков пытался осмыслить важную проблему «софийности» космоса — его красоты и гармонии, которые свидетельствуют о единстве и целостности мира и Бога. Эта тема и сейчас остается актуальной для христианства. В-четвертых, созданные Булгаковым новые христологическая и экклезиологическая концепции предусматривают максимальную открытость миру, экуменический диалог с

представителями других конфессий, и даже других религий. Известно, что сам Булгаков участвовал в богословском диалоге православных и англикан, стремился создать приемлемую для всех христиан экклезиологическую модель. Тема экуменического диалога и сейчас остается важной целью всех христиан.

Кроме того, идеи Булгакова остаются открытыми для современных научных и философских космологических построений и инославных христианских учений о единстве человека, мира и Бога. Здесь очевидное сходство системы С. Булгакова с богословскими учениями о космогенезе и теогенезе Тейяра де Шардена, совершившего положительное влияние на развитие теологии и науки католицизма. Даже в существующем виде учения Булгакова служат основаниями для научно-теологических дискуссий о соотношении абсолютного и относительного, Бога и мира, места человека в космосе.

Как это ни парадоксально, но система Булгакова, именно благодаря своей противоречивости и неортодоксальности, продолжает выявлять проблемные темы христианской теологии, которые требуют своего обсуждения и последующего решения. Например, именно преодоление учения о Софии стимулировало формирование современного православного учения о Божественных энергиях и осмысления феномена исихазма, т. е. теология Булгакова — это тот случай, когда гетеродоксия в очередной раз творчески стимулировала и продолжает развитие ортодоксии. Наконец, Булгакову невозможно отказать в понимании и ощущении социально-культурной проблематики современности, его стремления понимать Церковь как космическое и культурное всеединство. Ответы на эти и другие запросы продуктивно ищет неопатристическая социальная доктрина.

Анализируя систему Булгакова в контексте современности и избегая крайностей в оценке его достижений, существует возможность воспринимать теологию Булгакова как альтернативный вариант современной православной теологии. Понятно, что в условиях позднего Модерна, когда создавались неопатристика и софиология, говорить о подобной альтернативности было невозможно. Ведь и Флоровский и Лосский однозначно отвергали построения Булгакова как неортодоксальные. Но в эпоху Постмодерна некоторые построения Булгакова выглядят актуальными. Поэтому, возможно, с позиции ортодоксии и оправданно критиковать утверждения Булгакова, возможно, следует ставить под вопрос методологию развития православной теологии Булгакова. Еще долго будут отвергать теологию Булгакова, но при этом нельзя забывать о том вкладе, который совершил всей своей жизнью этот великий мыслитель. Пусть его вклад в развитие современной христианской теологии не получил всеобщей поддержки и признания,

пусть он не имел дальнейшего полноценного развития, но булгаковская идея обновления православия, его пример в поиске новых путей обновления православия и в то же время стремление возродить и восстановить его стали ведущими идеями всех последующих православных теологов XX—XXI вв.

Таким образом, осознавая разницу софиологической парадигмы Булгакова и неопатристики, стоит не пропустить тот положительный опыт, который чрезвычайно повлиял не только на Флоровского и Лосского, но и на их последователей. Можно с уверенностью утверждать, что формирование и кристаллизация неопатристической парадигмы осуществлялись в прямом диалоге и творческой дискуссии с софиологической парадигмой Булгакова даже в большей степени, чем с теологией других представителей русской религиозной философии.

В начала XXI в. православная теология вновь находится на перекрестке. Она стоит перед выбором новых парадигм развития, приемлемых в эпоху Постмодерна. Модерные богословские парадигмы софиологии и неопатристики постепенно уходят в прошлое. На их место уже сейчас приходят православный евангелизм, новая ортодоксия, евхаристическая теология, теология диалога. Это модели будущего развития православной мысли, но они встречаются с теми же проблемами, которые в свое время пытались разрешить софиология и неопатристика. Важно понять, что опыт теологий Модерна важен для развития теологий эпохи после Модерна. Между ними сохраняется определенная преемственность, которая, по всей видимости, сыграет положительную роль в дальнейшем развитии православной мысли.

Литература

1. *Христокин Г.В.* Православная теология начала XX века в поисках новых парадигм развития // София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. М., 2012.
2. *Валльер П.* Софиология как диалог Православия с современным миром // Дружба: ее формы, испытания и дары: Успенские чтения. Киев, 2008.
3. Русское богословие в европейском контексте: С.Н. Булгаков и западная религиозно-философская мысль / Под ред. В. Поруса. М., 2006.
4. Софиология. М., 2010.
5. *Valliere P.* Modern Russian Theology. Bukharev, Soloviev, Bulgakov. Orthodox theolody in New Key. Michigan, 1993.

6. *Жак Л.* Актуальность богословия С. Булгакова в диалоге с Западом // Православное богословие и Запад в XX в.: История встречи. М., 2006.
7. *Хоружий С.С.* Шаг вперед сделанный в рассеянии // Опыты из русской духовной традиции. М., 2005.
8. *The Cambridge Companion to Orthodox Christian Theology* // В. Mary Cunningham and Elizabeth Theokritoff (ed.). Cambridge, 2008.
9. *Williams R.* Eastern Orthodox Theology // *The Modern Theologians*. In *Introduction to Christian Theology in the Twentieth Century* / F. Ford (ed.). Cambridge, 1997.
10. *Евламиев И.И.* История русской метафизики в XIX—XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Ч. II. СПб., 2000.
11. *Тихолаз А.Г.* Платон і платонізм в російській релігійній філософії др. пол. XIX-поч. XX ст. Київ, 2002.
12. *Лосский В.Н.* Спор о Софии. Статьи разных лет. М., 1996.
13. *Бердяев Н.* Возрождение православия (о С. Булгаков) // Бердяев Н. О русской философии. Свердловск, 1991.
14. *Булгаков С.* Трагедия философии (философия и догмат) // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.,
15. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
16. *Лосский В.* Очерки мистического богословия Восточной Церкви // Мистическое богословие. Киев, 1991.
17. *Светлов Р.В.* Платонизм и происхождение «интеллектуализма» в понимании первоначала // АКАДНЕМΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма. 1997. Вып. 1.
18. *Чорноморець Ю.П.* Візантійський неоплатонізм від Діонісія Ареопагіта до Геннадія Схоларія. Київ, 2003.
19. *Гайслер Н.Л.* Энциклопедия христианской апологетики. СПб., 2004.
20. *Булгаков С.Н.* О Софии Премудрости Божией. Париж, 1935.
21. *Булгаков С.* Философия имени. М., 2008.
22. *Хоружий С.* Имяславие и культура серебряного века: феномен московской школы христианского неоплатонизма // Опыты из русской духовной традиции. М., 2005.

А.Н. ФАТЕНКОВ

Лики и личины национальной идеи

Аннотация. Высвечиваются две грани национальной идеи: патриотизм и национализм. Обосновывается, что каждая из них может существовать и как истинная, и как ложная. Утверждаются необходимость и желательность единения истинных форм патриотизма и национализма, сопряжения мужского и женского начал социокультурного организма.

Ключевые слова: идея, нация, патриотизм, национализм, истинный, ложный.

Abstract. Two sides of the national idea are being highlighted: patriotism and nationalism. The fact that each of them can be both true and false is being proved. The need and desirability of coupling of true forms of patriotism and nationalism and the unity of male and female origins of sociocultural organism are being maintained.

Keywords: idea, nation, patriotism, nationalism, true, false.

Называя тот или иной феномен культуры идеей, диалектическая традиция понимает его многомерным и динамичным. Национальная идея — не исключение. Она концептуализируется в двух фундаментальных версиях, отчасти взаимодействующих, отчасти противостоящих друг другу: *патриотизма* и *национализма*. Отношение к ним в отечественном общественном сознании, точнее, в среде профессионально формирующих его персон и институтов, различно. Понятие «патриот» лишь изредка попадает в опалу (последний раз такое произошло в начале 1990-х гг.). Понятие «националист», опрометчиво загоняемое в сферу мировоззренческих маргиналий, из опалы, похоже, не выходит вовсе. В 1916 г., еще при царской власти, Д.Д. Муретов констатировал: «Излюбленной темой нашей философской публицистики являются критика и опровержение национализма, нападки же на него и борьба с ним — постоянное занятие для публицистики злободневной» [1, 181]. Вот две «именитые» репрезентативные иллюстрации. В.С. Соловьев, глашатай «христианского универсализма», с усердием разоблачает «безыдейный национализм» славянофилов второй волны, «который они принимают или выдают за истинный русский патриотизм» [2, 213]. Маститому философу XIX в. вторит Н.А. Бердяев: «Национализм порождает шовинизм и ксенофобию, и его нужно решительно отличать от патриотизма», обладающего несомненной ценностью, каковой является любовь к родине. В то время как национализм «гораздо более связан с ненавистью к чужому, чем с любовью

к своему» [3, 316—317]. Парадоксально (на первый взгляд), но факт: в унисон с речами поборников экуменизма и персонализма звучит поступь государственной пропагандистской машины и официозных СМИ. С эпохи «реального коммунизма» и по сей день ими продолжает муссироваться тезис о необходимости противопоставления хорошего (ранее — советского, ныне — российского) патриотизма и плохого (ранее — буржуазного, ныне — экстремистского) национализма. В этой жесткой дихотомии многое от лукавого. Попробуем разобраться.

Патриотизм, как настоятельно подсказывает этимология слова, есть *почитание отцовского, мужского остова социального организма*, в свете известных метафор означающее также преклонение перед величием народного *духа* и нравственную апологию *государства*. Тогда национализмом стоит именовать — ведь нет другого, лучшего термина — *почитание материнского, женского начала общественного существа, души* своего народа, его *этнокультурных и природных корней* (а не политико-правового каркаса). Любовь к отцам уважительна, любовь к матерям безоглядна. Патриотизм — по общему правилу — строг, чеканен. Национализм стихийен. В этом и сила его, залог неуничтожимости, и подоплека всех его злоключений. «Сколько ни браните национализм — он есть условие живой природы, до сих пор не отмененное и, вероятно, неотменяемое» [4, 339]. Но как всякая стихия, национализм с трудом цивилизуется. Он манкирует моральными нормами и, не без иронии, рушит силлогистику оппонентов. Скажем, требование В.С. Соловьева: «люби чужие народности, как свою собственную» сводится к абсурду аналогией Д.Д. Муретова: тогда и «чужих жен люби, как свою собственную» (см.: [1, 182]). Русский правовед и публицист, ныне почти забытый (неизвестен, кажется, даже год его смерти), смотрел в корень. Да, «национализм есть пристрастие, он есть тот вид отношений, который не терпит равенства»; и осуждают его те, «для кого благоприличие и умеренность есть последнее слово премудрости...» [1, 183, 185].

В истинных своих ипостасях, подвижно-иерархичных, патриотизм и национализм суть «народная искренность», откровение народа о самом себе, обретаемое в потоке творческого самопознания. В ипостасях ложных — коллективное лицемерие, безответственность, одержимость, угар.

Видеть в родине и отечестве не только мать и отца, но и возвращаемое дитя, по совету П.Б. Струве (см.: [5, 15]), до некоторой степени разумно. Этим мы предохраняем себя от застойного социального инфантилизма, от примитивно-лубочного восприятия истории. Здесь важно, однако, устоять и перед другой крайностью, перед соблазном бравого патернализма. П.Б. Струве, например, этого сделать не уда-

лось. О чем свидетельствует однозначное предпочтение, отданное им национализму «открытому», «завоевательному» перед «закрытым», «оборонительным» (см.: [6, 169—171]). Становится понятным, почему уточненный веховцем символ родины, *мать-дитя*, странным образом абстрагирован от пола воспитуемого ребенка. По-разному ведь (в зависимости от того, кто перед тобой — сын или дочь) приходится питать его тело «своей кровью и мышцами», поить его душу «своими стремлениями и помыслами».

Возвращаясь к нашей исходной оппозиции, заметим: одна из основных причин деградации национальной идеи — в чрезмерном, искусственном отграничении друг от друга патриотизма и национализма, в механическом рассечении мужского и женского начал общественно-го организма. Оно губительно для социокультурной общности. Особенно у нас, в России, где человек всегда «ищет чего-то и волнуется больше душевно, чем политически» [7, 274]. Где власть земли отнюдь не иносказательна. Где с давних пор повелось различать, нередко доводя до антагонизма, идеи *родины* и *государства*. Их размежевание характерно, конечно, и для культурной среды Запада. У нас, однако, оно достигает предельной поляризации. Ибо экстравертивному (всегда и везде) государству противостоит не индивидуум активистского типа, подобный европейцу и американцу, а интровертивная и созерцательная, метафизическая русская натура. Будь она иной, прозападной, мы давно бы, цивилизованно хозяйствуя, обустроили свой быт. И, перво-наперво ценя тогда внешний успех, не ставили бы памятники проигранным сражениям, что, по свидетельству И.Р. Шафаревича, с абсолютным недоумением воспринимается иностранцами. Между тем, отмечает отечественный исследователь, «для русского сознания это вполне естественно: памятник стоит не выигранному (и не проигранному. — А.Ф.) сражению, а жертве, принесенной ради России» [8, 252]. И в первую очередь, принесенной именно родной земле, а не государству. С такого рода жертвенностью сопряжено и *русское терпение*, не сводимое к примитивной пассивности и оказывающееся на вершинах своих стратегией неагрессивного взаимодействия с миром, ставкой на внутренние ресурсы.

Возвышение родины над государством, вполне оправданное в широком спектре жизненных ситуаций, утрачивая меру, становясь гипертрофированным, оборачивается плачевным итогом. Пример из новейшей истории отыскать несложно. «Метили в коммунизм, а ударили по России» — с горечью признают совестливые противники советской власти. Национализм, лишенный патриотических интенций, полностью растворяющий дух в душевной стихии, обречен на неудачу, заблуждение, ересь. Без политической независимости самобытный соци-

окультурный организм, коим, надеемся, является Россия, «ни начаться, ни развиться, ни укрепиться не может» [9, 111]. Постулат Н.Я. Данилевского неоспорим. Извращенным следует считать в этой связи желание поражений «своему» правительству на международной арене. Какой бы отчужденной от народа ни была власть, иностранные кабинеты министров и парламенты для нас заведомо чужероднее. Со своих, впрочем, и спрос особый. Не только не патриотичной, но и ненациональной должно расценивать практику апелляций к внешней силе, включая и финансовую, для разрешения внутренних проблем. Данный вердикт в равной мере распространяется и на правящие, и на оппозиционные политические структуры. Брать деньги на революцию или на реформы за рубежом — технологически, быть может, и эффективно, но метафизически, да и обыденно-жизнью — просто неприлично.

Приоритет родины перед государством, «врожденного» национализма перед «врожденным» патриотизмом — атрибутивная черта психической организации русского народа, игнорировать которую бессмысленно. Советский патриотизм, помогший нам выстоять в страшной войне, не чурался спасительного национализма. В тяжелейшие летние месяцы 1942 г. на фронте и в тылу появляется плакат. От изображения и текста руки сразу сжимаются в кулаки. Женщина с русскими чертами лица испуганно обнимает ребенка — над ними занесен вражеский штык. Плакат призывает: «Убей немца!». (Пожелтевший от времени, но не потерявший выразительности лист я видел в конце 1980-х на выставке в ЦДХ.) Тот же призыв звучит в стихотворении К.М. Симонова и в статье И.Г. Эренбурга. Уничтожить именно немца — не фашиста. В решающие мгновения для страны враг опознается не по политико-идеологическому, а по национальному признаку. И если сегодня кто-то обвиняет авторов плаката и его заглавной строки в разжигании ненависти, место критике под кованым сапогом оккупанта. Рисунок и надпись абсолютно соразмерны логике изнурительной, с надрывом, оборонительной войны. Мы потом, когда будем громить агрессора на его территории, разберемся, кто там фашист, кто нет... И еще один символ военных лет. Эпический мемориальный ансамбль на Мамаевом кургане. Его строгую геометрию задают фигуры Родины-матери и солдата, вросшего в землю и отдавшего себе приказ: «Стоять насмерть!». И тут метафизика почвы, метафизика нации... А вот, увы, другой, пораженческий, разворот. Советский патриотизм, противопоставивший себя национализму, в том числе русскому, оказался бессильным предотвратить распад государства. На защиту союзной власти в августе 1991 г. не поднялся в полный рост ни один человек. А десятью годами ранее спецслужбист Ю.В. Андропов в докладной записке, направленной в Политбюро ЦК КПСС, сетовал: «Главная забо-

та для нас — русский национализм...», «русизм — идеологическая диверсия, требующая особого к себе внимания и мер воздействия» (см.: [10, 498, 195]). Иным, положительным опытом обогатила мир Германия. Там, по свидетельству К. Хюбнера, различия между первенствующей *культурной нацией* и *государством* «вплоть до сегодняшнего дня играли значительную роль в борьбе за преодоление немецкого раскола» [11, 145].

Патриотизм, оторванный от подлинного национализма, действительно может стать «последним прибежищем негодяев». Разбирая события Французской революции, О. Кошен предложил различать два вида патриотизма — *национальный* и *общечеловеческий* (социальный). Первый, легко узнаваемый по его самоотверженности, обладает высокой ценностью. Значимость второго, отличающегося крайней жестокостью, отрицательна: «речь идет скорее о том, чтобы уничтожить малые родины, нежели о том, чтобы заставить жить большую; и большая ничего не выигрывает от этого разгрома...» [12, 221]. В чем причина поражений русского дела, русского духа, задавался вопросом В.В. Розанов? И отвечал: «В этом официально-торжественном... принудительном “патриотизме”». Философ вспоминал, как в Симбирской гимназии, с ее «оскверняющим и оскорбляющим чиновничеством, от которого душу воротило», всех учеников каждую субботу заставляли петь перед портретом государя «Боже, Царя храни». Нельзя по разнарядке испытывать патриотические чувства, с горечью пишет В.В. Розанов, «и все мы знали, что это “Кильдюшевскому с Вишневым нужно (преподавателю и директору гимназии. — А.Ф.)”, чтобы выслужиться перед губернатором Еремеевым: а мы, гимназисты, сделаны орудиями этого низменного выслуживания» [13, 530—531]. До боли знакомая всем нам картина и по вчерашнему, и по сегодняшнему дню. Не правда ли?

Патриотизм с напрочь отсутствующей, иссохшей или не сформировавшейся еще народной душой — казенный, неотесанный, фальшивый. Обнаженная девица, прикрывающаяся государственным флагом, — это, наверное, патриотично, но вульгарно, безвкусно (уж скидывала бы с себя все...). И потому поистине ненационально. Во всяком случае, это противно русской натуре. Это голый американизм.

Ущербоность американизма (для русского и европейца она очевидна) заключается среди прочего в том, что «за океаном» мы сталкиваемся с патриотизмом без соразмерного ему национализма. Американская нация — политико-правовая по преимуществу, равная сообществу граждан, с автономными этническими вкраплениями: с анклавами ирландской, итальянской, китайской, мексиканской, африканской ментальности и соответствующими импортированными национализмами

и расизмами. Америка беспочвенна. Воплощенной утопией назвал ее Ж. Бодрийяр (см.: [14]). Возможно, она и есть архетипический симулякр. Страна без прошлого, без живительных истоков, без корней. Нет у нее и будущего. Она, небратская, бездушная, самодовольная, пожирает самое себя. Догадываясь о собственной участи, торопливо декларирует лозунг-заклинание о якобы уже свершившемся конце истории. Остановись-де, мгновение, ты комфортно! Но черта с два торгашеская цивилизация его остановит! В ней время — деньги. Маниакальная страсть к непрерывному росту финансовых потоков, сумм прибыли инициирует безудержный спекулятивный прогресс и, в свою очередь, им же постоянно возбуждается. Экспансионистская внешняя политика США подпирается агрессивным патриотизмом их граждан.

Гражданская нация есть зеркальное отображение «гражданского брака». Сторонники того заявляют, что штамп в паспорте ничего не значит во взаимоотношениях двух людей. Сторонники гражданской нации полагают, видимо, что штамп и само наличие паспорта, либо карты с нужным штрих-кодом, определяющим образом повлияют на жизнь и поведение сотен, тысяч, миллионов. Защитнику *этнокультурной* нации важен не документ, а внутренняя и внешняя физиономия человека, его родство. Ориентир тут — позиция Г.В. Свиридова, автора конгениальной музыкальной композиции к пушкинской «Метели»: «Я — не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. И прекрасно он может жить в России. На здоровье, пусть живет. Но русский человек — это русский человек. Во мне течет русская кровь. Я не считаю, что я лучше других, более замечательный. Но вот я такой, как есть — русский человек. И этим горжусь» [15, 1]. Иными словами, реалистичной и конструктивной видится следующая конфигурация. Для представителя любого народа, издавна обживающего территорию России-Евразии, его национализм сопрягается с его патриотизмом и с патриотизмом российским. Русскому достаточно единения его национализма с его патриотизмом. Русский патриотизм не нуждается в дополнении российским. Он его изначально предполагает и покрывает. Если данная формула кого-то обидит, ущемит чьи-то интересы, я готов выслушать и обсудить любые возражения. Но только не от тех, для кого нация, этнос, пол — досадные рудименты, атавизмы или искусственные маркеры, меняемые как перчатки.

Русская национальная идея задается границами народной души, которые, в зарисовке Н.А. Бердяева, простираются от *вечно-женственного* до *вечно-бабьего* (см.: [16]). Последнее символизирует рабье мление перед силой государственности. Это банальный блуд. Симптоматично, что этатистские версии национализма отвергаются даже Н.С. Трубецким, которого уж никак нельзя упрекнуть в анар-

хистских настроениях, свойственных Н.А. Бердяеву. К ложным манифестациям национальной идеи лидер евразийцев относит и великодержавный шовинизм в мессианской одежке, и политизированный, не фундированный самобытной культурой, тщеславный национализм малых народов (см.: [17]). Евразийство покоится на культурофильстве К.Н. Леонтьева, откровенно бичующего сугубо политический национализм, определяющийся не душевно-духовным «своеобразием племени, не оригинальностью в нем всего, от религии до мод и вкусов, а только государственной независимостью...» [7, 242]. Он, по мысли философа, составляет тандем с либеральным космополитизмом: это лишь два оттенка, два симптома тотального всесмесительного упрощения мира.

Истинному национализму чужды эгатистские настроения. Не препятствуя подлинному патриотизму воздавать должное кесарю, сам он устремлен к идеалам и реалиям *братства*. Когда «не отдельная личность, не *Я*, должна хлопотать о праве своей равноценности со всем *остальным*, а все-то это *остальное* должно было бы *само* прийти к этой требующей права личности, к этому отдельному *Я*, и само, без его просьбы должно было бы признать его равноценным и равноправным себе, то есть всему *остальному*, что есть на свете» [18, 428]. Братскую общность, описанную Ф.М. Достоевским, в онтологическом плане символизирует платоновское *единое*, которое, в конечном итоге, не больше и не меньше каждого своего фрагмента. И тем отличается от *целого*, превышающего всякую свою часть и любую совокупность своих частей. Поэтому ради сохранения целого можно, в принципе, пожертвовать каким-то его элементом, тогда как ради сбережения единого ни одной его гранью пренебречь нельзя. Самопожертвование личности во имя и во благо единого — не долг, а подвиг. Братская общность зримо воплощает в себе канон *подвижной иерархии*. Генетическое лидерство, первородство автоматически не означает здесь неизменного далее жизненного первенства. Напротив, зачастую младший из сородичей, к тому же прозывающийся дураком, выручает из беды старших. Мелькнув на стягах Французской революции и тем умножив, бесспорно, число ее сторонников, призыв к братству, в отличие от требований свободы и равенства, как-то быстро и незаметно исчез со знамен победителей. Это и понятно. Буржуазный мир не знает подлинного братства, оно ему не нужно. Как и вызревшая в недрах традиционного общества почвенническая национальная идея, цинично используемая в усеченном виде капиталом в утилитарно-корыстных, шовинистических целях. Только в рамках подлинного национализма братское единение получает достоверное обоснование, важная роль в котором отводится мифу о рождении первых людей из лона земли. Вновь со-

шлемся на Ф.М. Достоевского: «...Сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится». Не исключено, что «и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей», в силу чего «оторваться от нее ни за что нельзя, и хоть и оторвешься, так все-таки назад воротиться» [18, 395]. Без ее материнской душевности братство чистого духа оказывается чопорным и рафинированным, по сути же, иллюзорным. Любопытную событийную связь зафиксировал А. Меллер ван ден Брук. В начале XIX в. рационалистический «немецкий идеализм поднял дух до высшего уровня когда-либо достигнутого человечеством, но народ, исповедующий его, попал под чужеземное господство» [19, 127]. Отдадим должное германским интеллектуалам. В «Речах к немецкой нации» И.Г. Фихте отвлеченное мудрствование принесло покаяние *очагу, крову и почве*.

О вечно-женственном начале души проникновенно высказался (в том же 1915 г., спустя несколько месяцев после публикации упомянутой выше статьи Н.А. Бердяева) М.О. Меньшиков: «...Эта та нежность ее, чистота, стыдливость, страх перед всем грубым и вульгарным и то тяготение к любви, которое женщине указано Творцом...» [20, 513]. Здесь бережно выписан облик христианской души, не до конца покрывающей собой русскую психею, которая — даже в высоких полетах своих — может быть грубоватой, но — хотя бы там — нетерпимой к вульгарности. Крепкое словцо, встреченное в тексте литературного классика, произнесенное или услышанное в мужской компании, нередко ощущается вполне уместным, но сорвавшееся с языка женщины, мгновенно вызывает устойчивое чувство неприязни или даже омерзения.

Главная, пожалуй, особенность русского духа — в его душевности, в органичной связи с женским началом мироздания: душой, природой, землей. Эта специфика хорошо схватывается и передается вербально. Если, как показал О. Шпенглер (см.: [21, 307]), *geist, esprit, spirit* — все это устремлено вверх, создает вертикаль по отношению к почве, телесности, то в протяжном звучании слова «ду-ух» зримо вырисовывается широта просторов, горизонталь. Тут слышится натужный хриплый выдох волжских бурлаков, взор которых втягивает, приближая к себе, не небесную — прибрежную даль. «Истинный русский всегда крестьянин, кем бы он ни был — ученым или чиновником», — пишет понимающий нас немец [22, 151]. Наш дух прикровенно облакает, оберегая, женское, природное естество. Он — напоенный «нездешним светом» туман (сколько стихов и песен сложено о нем на Руси), обволакивающий плоть дымящейся в испарине земли. М.О. Меньшиковым, в общем-то, верно выражена важнейшая — монистическая — интуи-

ция отечественной метафизики: «По-моему, плоть есть оплотневший до осязаемости дух, как дух — простая эманация плоти» [20, 513]. Дух, будучи органическим фрагментом единой идеально-материальной реальности, субстанционален. Он осязаем, словно капля свежей росы теплой ладонью. Визуально представляем в цветовых перееливах есенинской «голубени». Обоняем, наконец. С раннего детства врезается в память: «...Там русский дух... там Русью пахнет!» (А.С. Пушкин). И чуть позже: «...Сон избы легко и ровно / Хлебным духом сеет притчи...» (С.А. Есенин).

Душевность нашего духа, его охранительная сущность обуславливают неагрессивный, оборонительный в своей основе характер русского национализма. Надо лишь неустанно огранять его, вводя в метафизически глубокий, эстетически изящный и политически реалистичный социокультурный контекст. Национализма (ни своего, ни чужого) не стоит бояться — нельзя отдавать его на откуп люмпенам из подворотни.

Ответственно оправдывать и концептуально защищать национальную идею как положительный синтез патриотизма и национализма означает сегодня: ставить этнокультурную нацию выше нации гражданской; в теории этногенеза держаться линии Л.Н. Гумилева, согласно которому два естественных фактора — природный ландшафт и неосознаваемые до конца чувства симпатии к одним (своим) и антипатии к другим (чужим) — являются исходными в процессе формирования этноса как природно-культурной общности.

Литература

1. Муретов Д.Д. Этюды о национализме // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М., 2004.
2. Соловьев В.С. Идолы и идеалы // *Новый мир*. 1989. № 1.
3. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря // Бердяев Н.А. *Судьба России*. М., 1990.
4. Меньшиков М.О. Кого выбирать в парламент // Меньшиков М.О. *Письма к русской нации*. М., 1999.
5. Струве П.Б. В чем же истинный национализм? // Струве П.Б. *Избр. соч.* М., 1999.
6. Струве П.Б. Два национализма // Струве П.Б. *Patriotica: политика, культура, религия, социализм*. М., 1997.
7. Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К.Н. *Письма отшельника: Сборник*. М., 1992.
8. Шафаревич И.Р. Русский народ на переломе тысячелетий. Бег наперегонки со смертью. М., 2000.

9. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991.
10. *Бородин Л.И.* Без выбора: Автобиографическое повествование. М., 2003.
11. *Хюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М., 2001.
12. *Кошен О.* Малый народ и революция. М., 2004.
13. *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
14. *Бодрийяр Ж.* Америка. СПб., 2000.
15. *Свиридов Г.В.* «Я русский человек» // День литературы. 1998. № 1.
16. *Бердяев Н.А.* О «вечно-бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
17. *Трубецкой Н.С.* Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995.
18. *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. Л., 1989.
19. *Меллер ван ден Брук А.* Третий Рейх // Полис. 2003. № 5.
20. *Меньшиков М.О.* Вечно женственное // Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999.
21. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
22. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002.

В.В. ГРИШИН

Некоторые особенности общественного сознания современности

Аннотация. В статье рассматриваются кризисные черты современного общества и современного общественного сознания. В поиске выхода из обостряющегося кризиса человек обращается к своим историческим корням, к историческому прошлому. Однако историческое знание далеко не всегда соответствует исторической реальности: историческое знание может «уходить» от истины истории, в то же время особенностями современного общественного сознания являются толерантность и политкорректность, которыми как раз и прикрывается историческое знание.

Ключевые слова: история, общественное сознание, прогресс, политкорректность, толерантность, солидарность, истина.

Abstract. The article considers the features of the crisis of modern society and modern social consciousness. In search of an exit from the growing crisis the man turns to its historical roots and the historical past. However, the historical knowledge is not always corresponds to the historical reality: the historical knowledge can «leave» from the truth of history. On the other hand, the modern social consciousness is the tolerance and political correctness, which as time and hides behind the historical knowledge.

Keywords: history, the public consciousness, the progress, political correctness, tolerance, solidarity, truth.

XX век завершился победой прав человека и духа либерализма над идеологией. Вечное противостояние между Востоком и Западом перешло из активной фазы в пассивную, а в некоторых сферах общественной деятельности — и к их сотрудничеству. В начале XXI в. мир, несмотря на яростное сопротивление антиглобалистов (многие из которых, кстати, живут в единой Европе и пользуются всеми плодами цивилизации), стал ощущать себя единым целым: процесс глобализации затронул африканские и азиатские страны. Казалось бы, большинство людей, пусть даже из числа «золотого миллиарда», должны быть счастливы. Но вот израильский профессор философии, член клуба мудрецов мира, М. Лайтман, популярный и в России, заявляет, что надежды человечества на технологическую революцию и прогресс не оправдались: современный человек поглощен темпом цивилизации. Работа, как мечтал когда-то Маркс, не стала свободным творчеством, а досуг — временем для саморазвития и совершенствования. Наоборот, многократно возросло чувство эгоизма, что поставило человечество на край пропасти. Оказывается, прогресс истории обернулся его трагедией.

В то же время доктор биологических наук С. Савельев говорит о регрессе человеческой природы, о регрессе биологическом. Основываясь на данных антропологии, биолог заявляет, что мозг современного человека уменьшился по сравнению с первобытным человеком на одну треть. С. Савельев объясняет это тем, что, как только человек вступил в процесс социализации, он превратился в раба государства и религии. С этого времени человеческий мозг ввиду отсутствия постоянной активной работы стал атрофироваться. Таким образом, и здесь констатируется переход эволюции человека из восходящей фазы в негативную. Как видим, два человека из диаметрально противоположных научных сфер независимо друг от друга пришли к одинаковому выводу: современный человек исчерпал все имеющиеся у него ресурсы, и цивилизация, если не произойдет качественный скачок в сознании человека, погибнет.

Если ранее апокалипсические настроения были связаны с истощением экономических и природных ресурсов (Т. Мальтус) или угасанием жизненной энергии в этносе (Л. Гумилев), то теперь научная мысль фиксируется на самом человеке: становится востребованным нищезанское понимание антропологического кризиса. Здесь силен голос экзистенциалистов, которые, в свою очередь, пытаются привлечь внимание общества к проблеме усиливающегося разрыва между бытием и человеком. Российский философ К.М. Долгов на примере философии А. Камю так описывает этот экзистенциальный разрыв: «Из-за любви к жизни и из-за ужаса перед смертью люди еще на заре своего существования создали могучие организации (религии, касты, жрецов, церкви), которые только и занимаются тем, чтобы успокоить еще живущих, обещав им за праведную жизнь, вознаграждение в виде бессмертия души, райскую жизнь в потустороннем мире. Сколько изобретательности было проявлено бесчисленными поколениями людей ради того, чтобы увековечить великих мира сего еще в этой жизни, чтобы сделать их бессмертными в глазах современников» [1, 422].

Особенностью научного сознания нашего времени является доминирование экономических наук, которые, с одной стороны, направляют естественные науки в нужное им русло, с другой — курируют общественные науки, тем самым уводя человечество от разрешения антропологического кризиса. Экономизм научного сознания стыкуется с массовым сознанием. Массовому потребителю нужны не столько рассуждения о бытии и духовности, сколько проценты ипотеки или кредита. Общественное мнение формируется массовой культурой, в основе которой лежит простой экономический расчет. Страх человека выпасть из экономической системы подавляется примитивными прагматическими философиями и эзотерическими учениями, которые, в свою очередь, возникают по принципу закона спроса и предложения. Разумеется, человек еще не отвык от рационального мышления, но направленность такого мышления узко специализирована. В XIX в. Маркс предупреждал об опасности деградации узко специализированного человека, что подтверждается современной действительностью.

Как утверждает М. Лайтман, и с ним трудно не согласиться, кризис, а не разговоры о нем, поставит человека перед выбором. Научно-философский подход в этой ситуации станет востребованным. Ответ будет за наукой, но только в том случае, если сама не окажется в кризисе.

Общественное сознание и история

Со времен Античности история занимала почетное место в общественном сознании и отчасти была синонимична патриотизму: общая история объединяла жителей одной территории в единое государство,

в народ — в нацию. Не только общество нуждалось в истории, она была необходима и отдельному человеку: «Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь» [2, 169].

В наше время положение кардинально изменилось. Люди больше не видят светлых перспектив. История также теряет смысл. Утопии в общественном сознании трансформируются в антиутопии, непривлекательность которых толкает человека в прошлое. Отсюда огромный интерес ко всему «ретро» — ретромузыке, ретрокино, ретрокультуре в целом. Уйти туда, где нет пошлости и всесильной власти денег.

Однако бегство человека от настоящего под защиту прошлого таит в себе огромную опасность. Страх настоящего затуманивает сознание человека. Человек вместо спасения бытия переходит к отстранению от бытия. Отказавшись от разума, он отпускает свои чувства на волю стихии. Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «Существует лишь одна правильно выбранная точка для наблюдения, нужно войти в эту жизнь, посмотреть на нее изнутри и убедиться в том, чувствуется ли ее упадок, иначе говоря, чувствуется ли ее неполноценность, немощность и пошлость» [3, 63].

Если человек неадекватно смотрит на настоящее, то нет никакой гарантии, что он адекватно поймет прошлое, а это подготавливает благодатную почву для мифологем. В результате история как наука подвергается массовой атаке различных мифов. Между тем историческая наука имеет иммунитет самозащиты, которым являются признанные исторические теории, методологические установки и классический категориальный аппарат.

Массовое сознание подобной защиты не имеет. Обыденный человек может также легко рассуждать об истории, как и о своей профессиональной деятельности. Для обывателя исторический роман или фильм, журналистская публикация на историческую тему более доступны и убедительны в вопросе исторической истины, чем научно-исторические монографии. В то же время профессиональный историк может угождать неискушенному обывателю, подыгрывать его пристрастиям (например, поддерживая миф о «Святой Руси», которую разрушили инородцы), переходить на житейские рассуждения. В этом случае подрывается иммунитет исторической науки, ее принципы искажаются в угоду политическим или иным пристрастиям.

Кроме того, коренным образом изменяется жизнь современного человека, что, безусловно, накладывает отпечаток на мироощущение человека в истории. Если мы, например, сравним современное российское общество с советским, то вынуждены будем констатировать его структурно-функциональное усложнение. Постсоветское общество имеет черты постиндустриального общества с остаточными элемента-

ми советского (например, сохранившиеся в сельском хозяйстве кооперативные хозяйства, а также лечебные и учебные заведения). Возродились и набирают силы и дореволюционные структуры (институт монашества или дворянские клубы). Появились новые религиозные и эзотерические секты, часть из которых пришла из заграницы. Новое и старое, таким образом, эклектично переплелось в российском обществе.

С победой нового над старым, с возникновением стабильного общества с амортизирующим средним классом человек в какой-то мере успокоился, увлечение философией и психологией ушло на второй план, пропустив вперед себя всевластный экономизм и прагматизм. Объединяющими ценностями западной цивилизации стали свобода в ее либеральном понимании и права человека. Тем не менее далеко не всегда либеральные ценности входят в мировоззрение западного человека, в мотивацию его поступков. Корпоративная этика, религиозные убеждения, экономические интересы, массовая культура и узкая специализация формируют в глубинах индивидуального сознания веру в исключительность западного человека.

Толерантность и политкорректность современного общественного сознания

Современное общественное сознание характеризуется толерантностью и политкорректностью. М. Хоркхаймер отмечает: «С одной стороны, толерантность означает свободу от догматического авторитета; с другой же — она укрепляет нейтральное отношение к его духовному содержанию, которое тем самым релятивизируется» [4, 25]. Элементом связи между толерантностью и политкорректностью является отношение к истине как к свободно избранному субъективному мнению: суть политкорректности и толерантности — в искажении истины и исторического сознания.

Достаточно посмотреть античную философию — ту ее часть, где речь идет о софистике, — чтобы увидеть близкие моменты в истории Древней Греции и современной Европы и Америки. В Античности зарождается софистика, сегодня же — толерантность и политкорректность. Общим является то, что общества достигли такого уровня благополучия, при котором верхушка общества, элита, привела в состояние покоя остальное население, дав ему хлеба, духовной пищи и надежду на неизменность такого положения. В настоящее время подобное равновесие поддерживается понятиями толерантности и политкорректности. Отношение к человеку не как к личности, а как к определенному статусу, юридически равному всем другим статусам, — это толерантность. Высказывай любое мнение, но, чтобы оно не обидело оппонента и, главное, не затронуло политическую систему, —

это политкорректность. Софистика, толерантность и политкорректность, как показала история (в Античности — разрушение полисной системы, в современности — всплеск терроризма, национализма на фоне общего кризиса финансовой системы), не только становятся признаками предкризисного состояния общества, но и сами, отчасти, вызывают его. Сегодня толерантность и политкорректность являются этическими нормами при написании исторических трудов. Все исторически нетолерантное и непolitкорректное маргинализируется.

Из обозначенной парадигмы толерантности и политкорректности пытался выйти немецкий государственный деятель Сарацин. Он написал социологическую книгу о турецкой общине в Германии, в результате чего лишился работы. Однако население Германии, вопреки государственной идеологии, поддержало идеи опального деятеля, но ему (коренному немецкому населению) грозит превращение в меньшинство. Между тем главная проблема состоит не в этом в какой-то степени объективном процессе превращения коренного немецкого населения в меньшинство, а в том, что турецкая диаспора не стремится к социализации в рамках немецкой или европейской культуры в целом. Аналогичная ситуация во Франции и Бельгии.

В обыденной жизни человек не обращает внимания на политкорректность и толерантность: они не задевают его личностно-повседневного бытия. Следовательно, он как пассивный обыватель превращается в политкорректного и толерантного. Лозунгом же толерантности прикрываются экстремисты, проникая во все сферы общества и вынашивая далеко не толерантные идеи. В результате идет не только разрушение политической системы, государства и общества, но и потеря самоидентификации человека.

Толерантность и политкорректность не позволяют вынести процессы утраты национальной самоидентификации на широкое обсуждение, загоняя проблему внутрь, подготавливая почву для создания экстремистских групп различной направленности.

Исторические альтернативы толерантности

Формально близкой толерантности, но в корне отличной в содержательном смысле является солидарность. Солидарность выступает одним из обязательных условий существования общества, государства и отдельного человека. Если проанализировать общество с точки зрения состояния солидарности, ее сущности и форм, которые она принимает в ту или иную эпоху, то мы можем получить данные о духовной сущности человека, его мировосприятии, мировоззрении и гуманизме, судить об открытости и закрытости общества.

На заре человечества солидарность принимает конкретно-чувственную форму. Так, существуя в малых группах, человек выраба-

тывал собственно духовные качества, корректируя их в совместной деятельности, подавлял природную агрессивность и враждебность в среде своих соплеменников, оставляя их для борьбы с внешними врагами. С возникновением государства, классового общества, когда начинается свою историю процесс отчуждения, солидарность стала ограниченно-иррациональной. Ограниченность заключалась в том, что человек четко проводил границу между своим и чужим, а иррациональность — в слепой вере в могущество церкви, монарха.

Капитализм, раскрывший творческую энергию предпринимательства, создал такой тип человека, которому философия Нового времени — как классическая, так и постклассическая — не смогла дать однозначную характеристику.

Э. Дюркгейм, не отрицая классовую борьбу в обществе, отмечал, что в эпоху господства крупных монополий общественные объединения становятся решающим фактором в формировании идеологий. Взаимозависимость экономических объединений держится не только на законах спроса и предложения, но и на чувстве солидарности. В традиционном обществе натуральное хозяйство позволяет автономно существовать общественным структурам. Солидарность в многоструктурном обществе функционирует скорее по механическому принципу: человек (фирма, банк, организация) осознает ответственность за свой сектор работы, так как неполадки в той сфере, за которую он несет ответственность, могут стать толчком к кризису всей системы (своеобразный принцип домино).

Э. Дюркгейм проанализировал солидарность в двух исторических формах. В архаичном обществе присутствует, по его мнению, механическая солидарность, в индустриальном — органическая. Однако, как признался сам Э. Дюркгейм, такое разграничение характерно только при анализе «идеальных типов». В целом, в капиталистическом мире сохраняется элемент механической солидарности. Мировые кризисы, вплоть до недавнего мирового финансового кризиса, свидетельствуют о наличии как механической (попытка компаний и отдельных банков спастись поодиночке), так и органической (усилия международных организаций по выходу из кризиса) солидарности. Однако в западном мире существовала и существует и другая солидарность, основателем которой были Маркс и Энгельс. Здесь речь идет о рабочей солидарности: международное объединение рабочих должно быть основой создания новой эпохи и нового человека. Между двумя пониманиями солидарности развернулась беспощадная война. Первая мировая война все расставила по своим местам: национальные интересы оказались выше международной рабочей солидарности, что и констатировали

члены II интернационала, поддержав свои правительства в военном вопросе.

Однако в мировой истории был момент, когда все виды солидарности слились в единую неразделимую общечеловеческую гуманистическую солидарность. Это время войны с фашизмом, когда существовала реальная угроза всему миру. Многие философы пересматривают свои взгляды на человека, его духовный мир, автономность свободы и обращаются к общечеловеческим ценностям. Среди таких философов ярко выделялся Камю: он переходит от одиночного бунта человека к общечеловеческому бунту прогрессивного человечества против сил зла. Камю хорошо понимает, что организованным силам Зла могут противостоять только хорошо организованные силы Добра. В этой ситуации людей объединяет солидарность. Его анализ категории солидарности диалектичен и материалистичен. Солидарность возникает среди близких людей и переходит в общечеловеческую этическую категорию «прометеевского» типа. Приобретая всеобщие формы, солидарность не становится абстрактной: она всегда в действии, всегда конкретна.

В то время, когда США и европейские страны вступили в эпоху империализма, в России, как отмечали многие экономисты и мыслители, в том числе и Ленин, существовала многоукладность экономики, крупнейшие монополии соседствовали с патриархальной общиной, и о понимании солидарности, как на Западе, говорить не приходилось. Объединяющей идеей по-прежнему была уваровская триада (православие, самодержавие, народность), которая в начале XX в. стала разрушаться на составные части: православие — русские философы и некоторые богословы мечтали о независимости церкви, о патриаршестве, самодержавие — лишалось поддержки не только интеллигенции, но и аристократии, но укреплялось в кругах черносотенных, народность становится знаменем революционеров-социалистов.

После Октябрьской революции, когда надежда Ленина на мировую революцию не оправдалась, партийные вожди Советского Союза взяли курс на индустриализацию и коллективизацию, пытались создать новый тип отношений: вместо прежней механической солидарности, существующей на Западе, ввести рационально-чувственную, фактическую. Символом новой солидарности стала скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница». Образование, культура, идеология — все было подчинено цели сплочения населения бывших эксплуатируемых классов в единую общность, советский народ.

Только возвращение к подлинной солидарности, к чему призывал А. Камю, поможет человечеству преодолеть антропологический кризис.

Литература

1. *Долгов К.М.* От Киркегора до Камю. Философия, эстетика, культура. М., 2011.
2. *Душенко К.В.* Мысли и изречения древних с указанием источника. М., 2004.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.
4. *Хоркхаймер М.* Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Л.А. БУЛАВКА

Культура: перезагрузка

Аннотация. Одна из фундаментальных причин современного культурного кризиса заключается в том, что «рыночный фундаментализм» и другие современные экономические, социальные и политические формы отчуждения, утверждая господство частного интереса, трансформируют человека в функцию отчужденных общественных сил. В результате культура, которая всегда была альтернативой отчуждению, сейчас становится сферой производства отчуждения. Рынок симулякров, все более превращающийся в современную форму этого тренда, удваивает отношения отчуждения, дополняя товарный фетишизм фетишизмом симулякров. Альтернативы этому сегодня могут быть найдены только в тех социальных практиках разотчуждения, в которых индивид выступает как творец и истории, и культуры.

Ключевые слова: диалектика, отчуждение, превратные формы, потребление, противоречие, разотчуждение, симулякры, симулятивное потребление, субъект, частный интерес.

Abstract. «Market fundamentalism» and other economic, social, political forms of alienation in modern world are the fundamental reasons of the modern cultural crisis, because they lead to the domination of the private interest, which transform human being into the function alienated objective forces. As the result culture, which always was the alternative to the world of alienation, now became the sphere of production of the products of alienation. Market of simulacra's became the modern stage of this trend and generates double alienation, which multiply market fetishism through the fetishism of simulacra's. Alternatives to such world one can find in new social practices of dis-alienation, where individual can became the creator of the history and culture.

Keywords: dialectic, alienation, irrational forms, consumption, contradictions, desalination, simulacra, simulative, subject, private interest.

Кризис современной российской культуры есть следствие того, что господствующие формы отчуждения, порожденные властью капитала, бюрократии, рынка все тотальнее превращают человека в функцию и средство своего расширенного воспроизводства, обрекая индивида на *рабство частичного бытия*. Этот новый тип социального рабства, порожденный капиталистическими формами глобализации, есть след-

ствие того, что сегодня власть отчуждения является господствующей субстанцией бытия общества, культуры, человека.

Каковы предпосылки современного культурного кризиса?

Попробуем зафиксировать хотя бы в самом общем виде наиболее значимые из них.

Отказ от субъектности

В данном случае имеется в виду следующее: человек всегда в той или иной мере раб истории — в том смысле, что индивид есть некая функция господствующих общественных сил. В то же время человек является творцом той же истории, понимая под этим творчеством тех или иных форм общественных отношений. Диалектика развития между рабским и творческим принципами общественного бытия индивида в значительной степени определяет меру и характер проявления его как субъекта истории и культуры.

Сегодня сама идея *субъектного бытия* остается закрытой, лежащей вне «зоны доступности», как когда-то гелиоцентрическая система Коперника для его современников. И причин для этого несколько.

Во-первых, мировоззрение российского индивида сегодня покоится, как правило, на признании господствующих отношений в качестве неких абсолютно неизменных трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. Причем набор этих трансценденций может быть самым разнообразным по своему содержанию:

- идея частной собственности;
- бог как субстанция всего сущего;
- рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений;
- государство как социальный *patron*;
- «русская идея» как знак особой национальной интеграции;
- Сталин как символ сильного государства;
- права человека как теодицея современного либерализма и т. д.

Во-вторых, современный индивид, находясь во власти превратных форм общественной реальности и постепенно становясь их продуктом, в итоге оказывается в состоянии, когда он способен понимать только ее превратные смыслы. А те формы реальности, понятия и идеи, которые несут в себе альтернативу миру господствующего отчуждения, оказываются недоступными для его понимания.

В-третьих, индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества как истории, так и культуры, а ведь именно творческое включение в процессы преобразования реальности как раз и формирует субъектное начало индивида. Вот почему активное вытеснение творчества из всех сфер жизнедеятельности индивида заси-

льем технологизма разного рода постепенно превращает его в функционера социальных, рыночных, политических институтов. Но даже тогда, когда процессы творчества имеют место, они, как правило, оказываются во власти превратных форм. Примечательно, что современный индивид связывает творчество с чем-то конечным, преходящим, изменчивым, а вот превратные формы действительности, властвующие над ним, он воспринимает уже как некую трансценденцию, абсолютно неизменную во времени и пространстве.

В любом случае принцип субъектного бытия современным сознанием чаще всего воспринимается не иначе, как чуждая абстракция или идеологический знак прошлого тоталитарного нарратива.

Вот это *без-субъектное* бытие индивида, обусловленное господством глобальной гегемонии капитала и рыночного тоталитаризма, отводит индивиду лишь роль анонимного агента рыночных отношений, но никогда — субъекта как такового. Из этого *без-субъектного* бытия индивида проистекают и сущностные черты постмодернизма, в частности, отказ от принципа *отношения как субстанциональной характеристики культуры*. И действительно, в постмодернизме нет никаких отношений, т. е. никто и ничто ни к кому и ни к чему никак не относится.

Отказ от *отношения* как такового проистекает из того, что постмодернизм исключает идею *человека как субъекта*. Если нет субъекта, то соответственно нет и никаких отношений, а это значит, что нет и всего того, что их всегда сопровождает: *адресность, посыл, направленность, обращение, интонация, упразднение автора и героя*.

Без-субъектное, а по сути анонимное бытие индивида сказывается и на результатах «творчества», которые нельзя ни опредметить, ни распредметить: художник постмодернизма создает то, что не является ни отражением жизни, ни ее знаком, ни даже знаком абсурда, а лишь абсурдностью знаков, которую любят называть «текстом» (наверное, потому, что его в принципе нельзя прочесть).

Да, современный обыватель эпохи глобализации, так же как и человек Средневековья, даже не допускает мысли о возможности для себя быть тем, кто хоть в какой-то степени определяет лицо существующей действительности. В результате он для себя выбирает лишь путь приспособления к существующим условиям жизни, ориентируясь (при наличии соответствующих средств) на идеал престижного бытия, которое в сущности есть сытое и комфортное *не-бытие* человека как личности. Поэтому приспособление индивида к современной реальности означает неизбежное превращение его в конечном итоге в законченного симулякра — *как бы* человека.

Такое положение дел можно описывать достаточно долго, в том числе и постмодернистским языком, но важнее понять, хотя бы в са-

мом общем виде, каковы предпосылки данного обстоятельства. Не останавливаясь специально на данном вопросе, мы считаем нелишним напомнить наиболее важную из них: господствующий в странах «золотого миллиарда» современный высокотехнологичный тип производства, полагающий жестко функциональное отношение к творческому потенциалу индивида, в итоге и его самого объективно превращает в некотором роде в «мышку» при компьютерах.

Кроме того, не стоит забывать еще и том, что в реальной социальной и политической жизни от современного индивида также почти ничего не зависит: через соответствующие политические технологии, в том числе демократию, сегодня в ней почти все решает крупный корпоративный капитал. Так что неизбежность индивида — быть лишь функцией, передаточным механизмом технологий (производственных, социальных, политических, культурных и др.), которые, несмотря на свои различия, по сути призваны решать одну задачу — расширенно воспроизводить капитал — все это в итоге и обуславливает прочную основу для утверждения безсубъектности индивида как принципа его общественного бытия.

Человек как абстракция

Господство частного интереса, рождая отчуждение во всем многообразии его форм, опасно еще и тем, что оно все (почти все) превращает в унифицированную абстракцию (товар, собственность), уничтожая различия между людьми как явлением культурной уникальности. Сегодня все богатство реального мира унифицировано в системе абстракций, несопадение которых измеряется лишь в денежных знаках.

Если же говорить о таком понятии, как «человек», то сегодня оно также сведено к абстракции. А что значит человек как абстракция? Вот, например, в дореволюционных питейных заведениях к официантам нередко обращались следующим образом: «*Эй, человек!*». С формальной точки зрения, например, адептов прав человека, может показаться, что в этом ничего зазорного нет. Но даже такая форма обращения, как «*Эй, Кузьма!*» или «*Эй, Петрович!*», при всей ее фамильярности звучит не так оскорбительно. Абстрактное обращение «*Эй, человек!*» оскорбительно даже при сохранении вежливых интонаций. В первом случае присутствует, хотя и в уничижительной форме, но все же отношение к человеку как к некоторой конкретной данности, во втором подобная данность просто игнорируется.

Так что на проблему «*лишнего человека*», поставленную XIX в. и преисполненную идеалами еще молодого российского либерализма, уже его современные адепты дали свой безапелляционный ответ: «*Человек — лишний!*», поставив тем самым точку в истории российского либерализма. Дальше — некуда. Точка, в отличие от «Черного квад-

рата», не имеет даже цвета. Точка — это уже знак, но знак *ничто*, говоря языком Гегеля.

А если человек как таковой является лишним в этом мире, то о какой актуальности его конкретной личности может идти речь? Да и где она, личность, сегодня востребована?

В экономической сфере? Но там человек — функция капитала и агент рыночных отношений.

В политике? Но здесь он не более чем единица, если не сказать — ноль, электорального планктона.

В культуре — не герой и не автор, в лучшем случае — интерпретатор чужих и чаще — непрочитанных — текстов, на худой конец — медийный толмач новостных лент.

Обреченный господствующими отношениями на абстрактность бытия, он везде существует главным образом анонимно, но не как знак (выбор своего ника — это еще в его власти, не в его власти отказ от него), а как личность. А как личность он существует в отчужденной от своей родовой сущности форме, т. е. как частичный индивид.

Культура и рыночный тоталитаризм

Такого прямого рыночного диктата в сфере культуры, причем влияющего не только на ее форму, но и на само содержание, как это наблюдается сегодня, еще не было. Общественная актуальность того или иного предмета культуры сегодня измеряется главным образом значимостью его как товара, причем не просто продукта, а именно товара — такого продукта, который оценивается, прежде всего, по своей рыночной, а не потребительной стоимости. При этом сам рынок сегодня не является неким автономным институтом. Вырастая из глобальной гегемонии капитала и базируясь на информационных технологиях и современных средствах телекоммуникаций, масс-медийной экспансии, он становится некой тотальностью, проникая во все сферы жизни человека и общества. Но это одна характеристика современного рынка.

Другая характеристика связана с тем, что современный рынок принес новый тип потребления — *симулятивное потребление*. Оно предполагает *симуляцию* потребления, но не продуктов и даже не товаров, а *симулякров товаров*.

Но есть еще одна проблема.

Культура сегодня находится «под пятой» диктатуры тотального рынка, т. е. во власти всеобщего отношения купли-продажи. Но как тогда в этом случае решается вопрос субъектного бытия индивида? И здесь всю меру творческой свободы индивида объективно можно увидеть на примере положения художника, для которого культура является сферой его профессиональной деятельности. И действительно, казалось бы, уже силой одного этого положения художник в опреде-

ленной степени защищен от власти господствующих форм отчуждения, порожденных в том числе отношениями купли-продажи. Но в действительности существующие сегодня властные институты и рынок объективно создают систему отношений, которые, как правило, стремятся к отчуждению творческого потенциала от художника, подчинению его либо политическим (не историческим) задачам, либо соображениям коммерческой выгоды. Иначе говоря, и в первом, и во втором случаях художник вынужден подчинять свое творчество неким общим правилам и общим представлениям.

Между тем содержание творческой деятельности таково, что самореализация индивида и его творчество неотделимы друг от друга. Диктатура же *общего*, проистекающая из господства рынка или/и бюрократической структуры, порождает превратные формы творчества, а значит, и превратные формы самореализации индивида, что в конечном итоге приводит к саморазрушению уже самого творческого потенциала художника.

И действительно, диктатура рыночной тотальности заставляет художника подчинять логику своего творчества конъюнктуре рыночного спроса. Так, в условиях рынка, т. е. в атмосфере, казалось бы, свободной от идеологического диктата, творится содержание, но уже не *конкретно-всеобщего*, как того требует искусство, а того *общего* (рыночных стандартов), что диктует рынок.

Постмодернизм и жизнь: кто кого?

Мера отчуждения господствующих общественных отношений от действительности сегодня настолько велика, что объективно либо приводит к потере ощущения действительности, либо вызывает ощущение виртуальной реальности. В мире постмодернизма даже презренные деньги, становясь лишь знаками и цифрами на компьютерном экране, перестают физически «пахнуть». Виртуальными становятся не только знаки и формы, но и сами смыслы.

Более того, даже само понятие «жизнь» сегодня все меньше и меньше для индивида связано с ощущением действительности во всем богатстве ее проявлений, а сама связь с нею становится все более слабой и угасающей. Теперь не жизнь «питает индивида своими соками» и энергией, а наоборот — индивид должен энергетически «оплачивать» свою связь с жизнью. Не отсюда ли ставшая уже очевидной характеристикой общественного самочувствия витальная дистрофия и индивида, и общества, и современной культуры, породившая спрос на экстрасенсов, колдунов и магов?

В результате все это приводит к развитию превратных форм в их завершенном виде, т. е. к развитию самоотчуждения индивида. Самоотчуждение индивида проявляется в том, что он утрачивает свою субъектность даже в сфере своей частной жизни, пытаясь иногда при-

дать некоторую внешнюю видимость того, что уж свои поступки, свои отношения он определяет исключительно самостоятельно. В любом случае самоотчуждение сегодня настолько основательно затрагивает и подрывает бытие человека, что у него уже просто не хватает витальных сил и энергии на воспроизводство себя как некоего живого существа, реагирующего чувствами, мыслями и поступками на окружающий его мир.

Культурный кризис: перезагрузка субстанции

Так что — доминирование принципа частного интереса в экономике, рост социального отчуждения и личной зависимости от расширяющейся сети бюрократических институтов власти, жесткий дрейф российской культурной политики в *«ситуацию ноль»*, сужение коридора личной перспективы — все это загоняет индивида в формы частного бытия. Но эта атомизация его в формах частной жизни в свою очередь еще более усиливает разрушающий эффект его самоотчуждения.

Соответственно возникает насущный вопрос: как можно вырваться из ловушек этого самоотчуждения? Одной из важнейших предпосылок этого высвобождения является культура. Но сегодня она сама находится в ковах коммерции и постмодернизма. Встает вопрос об освобождении уже самой культуры от власти тотального рынка.

А что это значит применительно к российскому контексту? Отвоевывать у рынка культуру, очищая ее от лавочного вируса, который так уверенно развивается в ней? Или начинать создавать что-то совсем новое, отбросив ее лавочную модификацию? Или же взяться прокладывать связующую дорогу от заброшенного культурного наследия (не только российского, но и мирового) к будущему, в обход ныне существующей?

В любом случае из одних этих интенций никакая культура не появится. Культура вырастает из сложнейших изломов и противоречий реальной истории, главным действующим — да, именно действующим — лицом которой является человек. История нашей страны не раз показывала: как только возникали контрапункты истории, вопрос о культуре сразу становился значимым — нередко наряду с проблемной властных отношений. Более того, рост общественного интереса к культуре, как правило, можно было рассматривать уже как некоторый симптом вызревания в той или иной степени «подземных толчков» истории. И действительно, как показывают отечественные практики, в условиях общественного кризиса всегда вставали вопросы о культуре, смене культурной парадигмы и многие другие.

Но главный из них был все же не о культуре как таковой, а о том, из какой основы она должна исходить и произрастать. Общественные практики и философские поиски, которые велись еще в дореволюци-

онный период, выдвинули несколько таких оснований — идеал буржуазного индивидуализма, славянофильство, религиозную всемирность и социализм. Несмотря на их историко-диалектическую взаимосвязь, самими авторами каждое из этих оснований тем не менее рассматривалось как исключаящее все другие.

Добраться до определения перспектив культуры в таких дискуссиях означало прежде всего понять и разобраться с тем, что должно и что может быть родовой (органичной) субстанцией отечественной культуры на данном историческом изломе.

Например, в ответ на исторические изломы XX в. были выдвинуты следующие основания развития культуры: буржуазный индивидуализм («Вехи»), славянофильство (С. Булгаков), религиозная всемирность (Религиозно-философское общество) и социализм (Ленин, Луначарский).

Выбор той или иной парадигмы развития культуры определяет многое: вектор развития культуры, принципы и формы ее общественного бытия, отношение к национальному вопросу, границы между «своим» и «чужим», конкретно-исторические пределы свободы, основы взаимоотношения с *Другим*, содержание общественного идеала, отношение к иным культурам, этические императивы, восприятие мирового культурного наследия и т. д.

XXI в. выдвинул уже свою субстанцию — рынок, который в действительности стал основой, но... уже не-бытия культуры. А без культуры России как страны не будет. Будет торгово-сырьевая зона глобального рынка. Но тут же встает вопрос: на какой основе должна развиваться культура современной России?

На основе буржуазного идеала? Но в буржуазность Россия опоздала.

На основе славянофильства? Но как это может быть применимо к российскому многонациональному обществу?

На основе идеи религиозной всемирности? Но тогда как в этом случае быть с проблемой преодоления отчуждения культуры от практики действительного разрешения общественных проблем?

Остается лишь одно основание — свободное, творческое преобразование действительности силами ассоциированного человека, критически наследующего советские и мировые практики.

Эта мысль не нова. Почти сто лет назад Мейер об этом сказал лучше: «Прежде всего совершенно невозможно никакое свободное общение многих вне творчества многих, потому что вообще и свобода не существует вне творчества. <...> Необходимо выяснить себе, что собственно свобода возможна только в творческом акте. А если она возможна в творческом акте, то и свобода многих возможна только как коллективное творчество. Никакой другой свободы, в которой

возможно было бы найти свободное общение, быть не может. Если это свободное творчество многих или всех, то здесь действительно эти многие должны быть творцами, и не только зачинателями, но и исполнителями замысла вместе. Если перевести на этот язык поставленные социалистические теории, то вы увидите, что об этом там и идет речь» [1, 357].

* * *

Так что в эпоху глобализации бежать некуда. Сегодня альтернатива бытия встает перед современным индивидом в предельно жесткой постановке: либо мутировать и уже как биологический вид приспособиться к симулятивным формам реальности, либо деятельностью созидать жизнь во всей целостной взаимосвязи социума, природы, культуры и человека.

Соответственно встает вопрос: что необходимо для того, чтобы современный индивид из согбенного и деградирующего объекта *глобализации отчуждения* превратился в *«выпрямленного человека»* (А.В. Луначарский) мира культуры?

Понятно одно, что решение этой проблемы невозможно на пути модернизации современной реальности — этот «поезд» ушел. Здесь требуется принципиально иное решение — перезагрузка самой субстанции бытия индивида, причем такая, которая утверждала бы *принцип субъектного бытия человека* в социуме и в культуре, ибо только на этой основе и можно искать альтернативу рабскому существованию (сытому или голодному — это уже не столь важно) современного человека в качестве функции (капитала, бюрократии, рынка, фетишизма правил).

Необходимость этой субстанциональной революции объективно связана с поиском и нового вектора исторической перспективы, снимающего симулятивные формы общества, культуры, человека. А пока перед человеческим сообществом, и прежде всего российским, дыбом встает гамлетовский вопрос — быть или не быть?..

Литература

1. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). Заседание 12 марта 1916 г. // История в материалах и документах. Т. 3. (1914—1917). М., 2009.

А.В. ВИСЛОВА

Новый русский театр в контексте модернизации

Аннотация. Статья посвящена анализу современной актуальной драматургии и режиссуры в условиях глобализации и нового курса культурной политики, направленной на модернизацию российского театра. В ней поднимаются наиболее острые вопросы новой театральной реальности, вобравшей в себя многие изменения социокультурной системы, произошедшие в России на сломе эпох. В новом культурном контексте остро встает проблема формализации театрального языка и постепенного вытеснения высокотехнологичным театром сценического дизайна и механики репертуарного театра и его гуманистической сущности.

Ключевые слова: театр, новая драма, режиссура, глобализация, постмодернистская парадигма, перформанс, культурная индустрия, арт-конверсия, модернизация.

Abstract. Anna Vislova's article New Russian theatre in the context of modernization gives analysis of modern actual dramaturgy and stage direction under conditions of globalization and new cultural policy aimed at modernizing Russian theatre. The article covers particularly burning issues of new theatrical reality, which has adopted a number of changes in socio-cultural system in Russia at the turn of ages. The new cultural context faces the problem of formalization of theatrical language and gradual supplanting of stage design and mechanics of repertory theatre with its humanistic nature by high-tech theatre.

Keywords: theatre, new drama, stage direction, globalization, post-modernist paradigm, performance, cultural industry, art-conversion, modernization.

Слом эпох и этапов художественного сознания, обрыв связи времен и поколений, смена ценностной ориентации последних десятилетий в России породили острый духовный общественный кризис. Современный театр и русская классическая театральная традиция находятся сегодня в сложных, часто конфликтных взаимоотношениях. Наблюдается не столько их взаимосвязь, сколько напряженное противостояние. При этом инновационный процесс модернизации отечественного театра и классическая традиция взаимодействуют, как правило, в пространстве провокативного культурного дискурса. Инновационные процессы, которые происходят сегодня в отечественном театре, сложны и противоречивы, как и их генезис. С одной стороны, эти процессы направлены на модернизацию театра, с другой — очевидно несут в себе не столько созидательное, сколько деструктивное

начало. В результате подобных инноваций на отечественной модернизируемой сцене сегодня происходят последовательное вытеснение и разрушение гуманистической реалистической основы русского театра и замена ее техногенным и чужеродным ей по своей природе новым театральным канонам.

На самом деле культурное, а вслед за ним и театральное развитие сегодня все чаще подменяется искусственным технологическим развитием. Однако распространенное в эпоху глобализации всемирное внедрение новых технологий и инноваций на производстве и в культуре — процессы не идентичные один другому. Современное разнообразие театральных форм: постдраматический театр, невербальный театр, перформативный театр, цирковой театр, визуальный театр — скорее пресыщают глаз, нежели воспитывают дух. В результате мы имеем технический прогресс, но при этом ужасающий многих культурный регресс (подробнее см.: [1]).

XX в. на своем исходе подвел человечество к *глобализации*. Глобализация, как одна из главных характеристик современного мира, естественно охватила и театр. Выразилось это в движении театра к «*всемирности*». При этом следует отметить, что движение к «всемирности», как один из важнейших атрибутов искусства XX столетия, явно обнаружилось уже на рубеже XIX—XX вв., в переломный момент истории культуры, «когда система художественного мировоззрения XX в. только начинала складываться. С особенной интенсивностью этот процесс происходил в сфере отношения к традиции, к опыту предыдущих веков истории искусства» [2, 360]. Иными словами, глобализация театра, отчетливо проявившаяся в конце XX в., намечалась уже в его начале. Параллельно с движением к всемирности в мировом театре стали проявляться общие тенденции развития и перемен в театральном искусстве.

На рубеже XX—XXI вв. Россия пережила и продолжает переживать всеохватные качественные изменения всей социокультурной системы. Масштаб и радикальное качество этих изменений дают основания говорить о происходящей в эти годы смене парадигм или, как считают некоторые, смене типа цивилизации. А может быть, точнее было бы говорить о смене мироощущения.

В отечественном театре эти перемены начали проявляться не в первые годы перестройки, а примерно через десять лет, с середины и конца 1990-х гг., когда в театр пришли новые поколения режиссеров, драматургов, актеров. Соответственно информационную поддержку *новому русскому театру* начали оказывать театральные критики нового поколения.

Драматургия конца 1990 — 2000-х гг. представлена в первую очередь авторами «*новой драмы*» — это В. Сигарев («Пластилин»), «Чер-

ное молоко», «Фантомные боли» и др.), братья О. и В. Пресняковы («Терроризм», «Изображая жертву», «Половое покрытие», «Приход тела» и др.) братья В. и М. Дурненковы («Культурный слой», «Голубой вагон» и др.), И. Вырыпаев («Кислород», «Июль» и др.), М. Курочкин («Трансфер», «Имаго» и др.), О. Богаев («Русская народная почта», «Фаллоимитатор» и др.), Ю. Клавдиев («Я — пулеметчик», «Пойдем, нас ждет машина» и др.), А. Железцов («Красной ниткой» и др.), К. Драгунская («Яблочный вор» и др.) и др. Современную режиссуру представляют В. Мирзоев, Ю. Бутусов, А. Могучий, В. Шамиров, В. Агеев, К. Серебренников, В. Рыжаков, Н. Чусова, О. Субботина, К. Богомолов, М. Гацалов и др.

Основными площадками, на которых зарождалась и получила возможность прокатываться «новая драма», стали *Центр драматургии и режиссуры А. Казанцева и М. Роцина*, открывшийся в 1998 г., и «*Teatr doc.*» (художественный руководитель — М. Угаров), открывшийся в 2002 г. Спустя еще три года, в 2005 г., в Москве открылась третья подобная экспериментальная площадка — театр «*Практика*» под руководством Э. Боякова. Некоторые театральные критики считают, что «новая драма» напрямую вышла из Л. Петрушевской и В. Сорокина. При этом, однако, признают, что «большинство драматургов (в массе своей не москвичи) считают драматургические модели вообще не из театральной реальности, а из сценарной технологии арт-хаусного европейского кино. Отсюда — рваный ритм эпизодов, агрессия языка, флеш-бэки, покadroвое членение» [3, 129]. «Новая драма» началась с самовыражения ее авторов. Эта тактическая задача сразу перекрыла ее художественную стратегию, если таковая вообще была. Задачи понимания сегодняшней жизни, проникновения в ее суть, в причины ее нарастающих вновь антагонистических противоречий вряд ли входили в очерченный постмодернистским дискурсом круг задач авторов новой драмы. Предпочитая реальной жизни абстрактную метафизику или маргинальный уклон, они, похоже, без сожаления разошлись с традицией русской литературы и русской классической драматургии. В конечном итоге они покинули русскую почву в онтологическом смысле этого слова. «Новая драма» выросла на отречении от многих смыслов, определяющих русские идентичность и ментальность.

Сегодня многие театральные деятели отмечают: русский театр впервые в своей истории теряет сознание своей призванности к совершенствованию мира, страны, человека, к тому, что в начале XX в. называли жизнестроением, а в 1960—1970-е гг. — театральным мессианством. Сейчас эти понятия часто вызывают ироническую ухмылку, но без них русское сценическое искусство постепенно скудеет, его корни иссушаются и смысл утрачивается.

Генезис формирования нового русского театра в конце XX в., во многом проистекает из отторжения прежней социокультурной парадигмы, ее слома и вхождения в *постмодернистскую культурную парадигму*. Существование и развитие театра неотделимы от общества и его культуры. Соответственно процессы, происходившие в обществе и культурном сознании нации в эти годы, их глубинная трансформация, обозначившая, с одной стороны, социальный раскол и атомизацию общества, а с другой — его нарастающую апатию и конформизм, как и перестройка всей культурной политики государства, нашли свое специфическое преломление в искусстве театра.

В культуре в 1990-е был взят курс на постмодернистскую эстетику, которая утвердила *плюралистическую эстетическую парадигму*, что привело к расшатыванию и внутренней трансформации категориальной системы и понятийного аппарата классической эстетики. Постмодерн, как известно, не приемлет категорию «сущность», таким образом отказываясь от категориально-понятийной иерархии, и оставляет невостребованными термины «цель», «замысел», предпочитая им другие, такие как «игра», «случай». Если модерн стремился к «определенности», то постмодерн тяготеет к «неопределенности». В современной эстетике категория прекрасного уступила место категории интересного, так же как оценочная категория ушла не только из искусства, но и из жизни. Интересность того или иного явления стала важнее того, «хорошо» это или «плохо».

Добро и зло, прекрасное и уродливое, возвышенное и низменное, идеальное и безобразное стали равноценны и равноправны в современном культурном сознании и искусстве. В этом смысле теория относительности, открытая Эйнштейном, оказалась для XX в. пророческой не только в области физики, но и в более глобальном масштабе.

Социально-культурная энтропия, переживаемая современным российским обществом, повлекла за собой не только распад всей системы ценностей, но и распад цельности мировосприятия, потерю культурно-эстетической ориентации. Результатом этого в театре, как и во всей постсоветской культуре, явилось закономерное торжество стилистики постмодернизма с ее установкой на «иронический модус», или пастиш, редуцированную форму пародии, цитатную интертекстуальную конфигурацию.

Это, в свою очередь, нашло выражение в широком распространении в постсоветском искусстве, в том числе и театральном, *эстетического эклектизма и теории деконструкции*, отвергающей классическую гносеологическую парадигму репрезентации смыслового театра.

Главное отличие новой театральной эстетики основывается на *особом языке и стиле новой драматургии*, сбрасывающей с корабля современности не только прежние идеалы и ценности, но и прежнюю

стилистику вместе со всей ее содержательно-мировоззренческой составляющей. Курс на связь с реальной жизнью и ее нравственное осмысление этой эстетикой был практически отменен. В 1990-е гг. новые театральные деятели решительно отказались от всех прежних религий театра в пользу единственной оставшейся — религии Успеха. А успех сегодняшнего театра зависит, в первую очередь, от точности попадания в интересы и вкусы молодого, обеспеченного потребителя.

Заметным явлением на московской сцене конца XX — начала XXI в. стал акционизм — искусство жестких, порой эксгибиционистских перформансов, в которых актуализированы телесность, физическая агрессия, ненормативная лексика. Сегодня можно определенно говорить об очевидном перформативном повороте современного театра. *Перформативная культура* стала неотъемлемой частью художественного воспитания новых поколений, в том числе — и едва ли не в первую очередь — театральных режиссеров. *Перформанс* сегодня, как справедливо отмечает И. Роднянская, выступает не как визуальный или театральный жанр, а как суммарная характеристика всех культурных жестов постсовременности, где вместо атакующей авторитарности наблюдается «успокоительная неавторитетность как новая добродетель» [4, 34—35]. Отсюда такая любовь современного искусства, в том числе и театрального, к акциям — своеобразным одномоментным действиям напоказ. Эти творения не создают традиции, что свидетельствует если не о конце искусства в прежнем его бытовании, то о патовой ситуации, содержащей и несущей нестабильность и неопределенность в искусстве в настоящем и будущем. Подавляющее большинство режиссеров из широко развернувшегося в последнее десятилетие так называемого «поколения “ноль”» прямо или косвенно обращаются в своих постановках к перформансу, в основе которого чаще всего лежат интертекстуальность, монтажная структура, коллаж и актуализированное коммуникативное действие. Эпатаж, провокационность — органичные свойства перформанса. Именно такая стилистика в основе новой отечественной драматургии и большинства ее постановок: «Терроризм» (2002, МХАТ им. Чехова, реж. К. Серебренников), «Изображая жертву» (2004, МХТ им. Чехова, реж. К. Серебренников), «Половое покрытие» (2004, Центр драматургии и режиссуры п/р А. Казанцева и М. Рощина, реж. О. Субботина) и «Приход тела» (2010, ЦДР А. Казанцева и М. Рощина, реж. М. Гацалов) братьев Пресняковых, «Трансфер» М. Курочкина (2003, Центр драматургии и режиссуры, реж. М. Угаров), «Красной ниткой» А. Железцова (2003, Центр драматургии и режиссуры, реж. В. Панков), «Кислород» (2003, Театр дос., реж. В. Рыжаков) и «Июль» И. Вырыпаева (2006, театр «Практика», реж. В. Рыжаков), «Хлам» М. Дурненкова (2008, ЦДР А. Казанцева и М. Рощина, реж. М. Гацалов) и др.

Произошедшая смена парадигм кардинально изменила лицо современного отечественного театра. Основную линию интенций и тенденций нарождающегося нового русского театра можно определить как *направление от «театра для людей» «к рынку культурных услуг»*. Иными словами, это путь отхода как от классического русского «театра-кафедры», «театра-храма», так и от советского театра, театра с ярко выраженной гражданской и идейной позициями, театра демократического, открытого и общедоступного для всех к театру: 1) с одной стороны, *элитарному, клубному или корпоративному*, рассчитанному на очень ограниченный, «свой», избранный, круг людей; 2) к театру, часто нацеленному на *деструкцию любых смыслов* или на уравнивание смысла с бессмысленностью; 3) и к театру, с другой стороны, как *продукту массовой культуры* посредственного, а часто и весьма низкого художественного уровня.

Наблюдается *актуализация понятий «свой» — «чужой»*, в том числе применительно к театру. На глазах образуется *дифференциация культурного сознания нации*, отражающая социальное и имущественное неравенство. Театральная эстетика и драматургия довольно четко дифференцируются по возрастному критерию, отражающему разную культуру и менталитет поколений и т. д.

Налицо *новая ценностная ориентация театра*, его новые художественные ориентиры и интересы, которые порой оказываются некими вторичными отражениями отдельных направлений и процессов, происходивших некоторое время назад в западном театре и культурном сознании XX в.

Сущность нового русского театра в значительной степени определяют его *рыночная ориентация* и начавшаяся *коммерциализация*. Ни для кого не секрет, что идеологическая зависимость-несвобода советского театра сменилась экономической несвободой-зависимостью театра постсоветского. Сегодня театр, как бы к этому не относиться, — часть «общества потребления». Общедоступность и высокий культурный уровень театра трудно совмещаются с его коммерциализацией. Разрешение этого противоречия во многом лежит не только в социально-экономической сфере, но и в разработке взвешенной и грамотной культурной политики государства.

Новое режиссерское поколение сегодня активно осваивает и продвигает так называемый *постдраматический театр*, который формируется под большим влиянием современного европейского театра. А путь последнего, как и путь европейской культуры, так или иначе, давно коррелируется с выбором пути, завещанным Шпенглером, а именно — *amor fati* (любовь к судьбе. — *лат.*). «Релятивизм — фатализм Шпенглера не оставляет идейных стимулов для противоборства с духом цивилизации, кроме одного, эстетического: “фаустовская”

европейская культура пленяет эстета Шпенглера утонченностью и богатством своего “цветения”, но морфолог-инвентаризатор культур не видит в ней сверхфеноменальной значимости — истины и смысла, ради спасения, сохранения чего только и стоило бы вступить в противоборство с “духом времени”» [5, 15]. Истина и смысл также довольно давно находятся «по ту сторону» поисков современного европейского театра. В культурное постмодернистское сознание прочно внедрено новое понимание истины — только как слова, как элемента текста.

Театр сегодня становится частью современных культурных индустрий. В контексте новой модернизации осуществляется активная формализация русского театра. При этом наблюдается его уход от языка психологического реализма, языка «жизни человеческого духа» к языку жизни человеческого тела, т. е. телесному, пластическому, визуальному и звуковому языку. Носителями основных семем этого языка становятся физический аппарат актера, его моторика, пластика и вся внешняя, визуально-акустическая составляющая театрального спектакля, включающая видео и компьютерные технологии, мощную звуковую систему, почти обязательный перкуссионный комплект инструментов и проч. Театр переживания под мощным натиском компьютеризации искусства уступает место театру представления, театру аттракционов, театру механистическому, театру открытых и закрытых формальных кодов-приемов, в котором на первый план выходят четкая структурность, динамика, ритм, свет, звук, биомеханика актера и геометрия сценографии. Неясно еще — можно ли говорить о наступлении постчеловеческого, постгуманистического театра, но очевидно, что современный режиссер сегодня сосредоточен не столько на поисках внутренних психологических ходов, мотивировок и нюансов духовной работы актера, сколько на выстраивании пластической мизансцены и определенной геометрической визуально-звуковой сценической конструкции. В определенном смысле уже можно констатировать рождение и утверждение высокотехнологичного театра сценического дизайна и механики.

Вместе с тем, очевидно, что Россия сегодня является периферийной фабрикой, производящей продукцию на основе чужих технологий, а не культурным центром по созданию своих творческих продуктов. Культурная индустрия разворачивается здесь в определенном, также заимствованном направлении, прежде всего по пути создания так называемых арт-кластеров — многофункциональных творческих объединений, действующих на замкнутой территории бывших промышленных и иных городских объектов. Таким образом, наша бывшая промышленная индустрия конвертируется в культурную. Естественно, что наиболее интенсивно эта арт-конверсия проявилась в

Москве. Тут возникли такие творческие кластеры, как Центр творческих индустрий «ПРОЕКТ-ФАБРИКА», Центр дизайна «Artplay», Центр современного искусства «Винзавод», Клуб и творческое объединение «Газгольдер», Культурный центр «АРТСтрелка», Центр современной культуры «Гараж» и др. Под крышами этих центров сосуществуют мастерские и студии, объединяющие представителей различных творческих индустрий (от дизайна и архитектуры до театра, кино, мультипликации и современной музыки). Следом за Москвой в короткое время подобную конверсию начали осуществлять и другие российские города. Творческий кластер считается самым ярким примером перехода от индустриальной эпохи к интеллектуально-цифровой эре, а также взаимодействия творчества и экономики. В частности, территории таких кластеров позволяют соединять современные театральные практики и культурные рынки. В результате вырастает новый тип организации культуры, которая у нас называется проектной, или «под задачу».

Содержательная сторона этой арт-конверсии сегодня исследуется меньше ее формы бытования. Именно новая непривычная и необычная форма нового пространства для театральных экспериментов невольно заслоняет пока весьма скудное художественное содержание разыгрываемых здесь большей частью перформансов. Очевидно, что данная арт-конверсия в театральной области задумывалась с целью возможной замены и частичного вытеснения со временем репертуарного театра. С другого фланга его вытеснению содействует разветвление антрепризы, различных открытых площадок и т. д. Параллельно у нас вымываются школа подготовки режиссеров репертуарного театра и сам тип данной организации. Идет последовательный, хотя и несколько завуалированный слом всей прежней театральной системы. Отечественная история, в том числе история культуры, наглядно демонстрирует, как легко в нашей стране вытаптывалась полностью культурная почва и расшатывался сам фундамент культуры с тем, чтобы в очередной раз начать все с чистого листа. Но продуктивна ли такая практика и плодотворна ли создаваемая альтернатива репертуарному театру? В целом подобные креатуры существуют и рассматриваются, с одной стороны, как ниша для формирования новой, сочетающейся с бизнесом богемной творческой среды, с другой — безусловно, как определенные центры «надлежащего» культурного влияния. Последнее очень напоминает то, что мы уже проходили в истории и в культуре. В частности, как надлежащее направление насаждался социалистический реализм. Все повторяется, только с противоположным знаком. Теперь насаждаются авангард, актуальные проекты и говорится о принуждении к современному искусству. Вопрос — стоит ли наступать снова на те же грабли?

Современный русский театр, как и все российское общество в целом, продолжает переживать сложное время кардинальных социокультурных перемен. Это время несет в себе массу неразрешимых до сих пор противоречий. Вопросов пока остается больше, чем находится на них ответов. Практически в 1990 — 2000 гг. культура, и театр в частности, были погружены в пространство эпистемологической неуверенности и торжества принципа неопределенности. Притом единство мирового театрального развития, о чем говорили многие современные исследователи театра, проявляло себя гораздо чаще в создании произведений, отмеченных общей печатью двусмысленности, несущих на себе след общих духовных опасностей. С окончанием нулевых годов культурная и общественная атмосфера все отчетливее накаляется, не только эстетические, но и антагонистические противоречия нарастают.

Время безучастно, и оно работает на формирование нового культурного и театрального пространства. С годами это пространство обживется и станет вполне привычным. Да оно уже и сегодня мало кого удивляет. Печально другое, что вся история развития не только отечественной культуры основывается на циклическом тотальном разрушении предшествующих культурных пластов, а через определенное время возвращения к ним и их возрождения на новом витке. Но многое в таком развитии утрачивается навсегда, не говоря уже о человеческой цене утверждения нового. Ломать, как известно, — не строить. Потерь, как человеческих, так и культурных, избежать не удалось еще ни при одном реформировании и модернизации. А принуждение к современному искусству, как любая форма насилия, вряд ли плодотворно для настоящего творчества и формирования культурного сознания нации. Несмотря на открытие новых, бывших индустриальных площадок и разворачивание театра в сторону культурных индустрий, к сожалению, его художественно-смысловое и гуманистическое пространство пока неумолимо сжимается.

В отечественном театральном пространстве его модернизация отмечена агрессивной экспансией не только иной культурной среды, приведшей к насаждаемой неумной вестернизации русского театра, его переориентации на практику западного арт-менеджмента, и погружению театра, как и всего вокруг, в поле тотальной психологии консьюмеризма, но и явно выраженной экспансией тинэйджерского, инфантильно-релятивистского сознания. Одними из целей этой экспансии являются упрощение и уплощение реальной картины этого мира, в частности, в искусстве, все настойчивее и определеннее стирающем и исключаящем из своего пространства человека и «слишком человеческое». Таков реально-исторический драматизм, хотя больше напрашивается слово «трагизм» модернизации русского теат-

ра рубежа XX—XXI вв. Такова в основном векторе своего развития пока до конца не осмыслившая и не осознавшая новые вызовы и противостояния современной действительности новая театральная реальность.

Литература

1. *Вислова А.В.* Русский театр на сломе эпох. Рубеж XX—XXI веков. М., 2009.
2. *Бартошевич А.В.* Всемирный театр как историческая реальность XX века // Театр XX века. Закономерности развития. М., 2003.
3. Эта новая, «новая», Новая драма // PRO SCAENIUM: Вопросы театра. М., 2008. Вып. 2.
4. *Роднянская И.* Пророки конца эона. Инволюционные модели культуры как актуальный симптом // Вопросы литературы. 2010. № 2.
5. *Гальцева Р.А.* Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.

Е.Ю. ЛЕКУС

Феномен «постмонументальности» в отечественной скульптуре рубежа XX—XXI веков

Аннотация. Дается социокультурный анализ монументальной отечественной скульптуры в контексте постмодернистской культурной парадигмы, исследуются феномен «постмонументальности» и его предпосылки, рассматриваются доминирующее и альтернативные художественно-парадигмальные направления скульптуры.

Ключевые слова: постмодернизм, парадигмальное направление, парадигмальная функция, монументальная и постмонументальная скульптура.

Abstract. The article gives a socio-cultural analysis of the monumental Russian sculpture in the context of postmodern cultural paradigm, examines the phenomenon of «postmonumental» and its background are dominating and alternative artistic-paradigmatic areas of the sculpture.

Keywords: postmodernism, paradigmatic areas, paradigmatic function, monumental and postmonumental sculpture.

Для начала необходимо оговориться: если рассматривать монументальную и монументально-декоративную пластику в контексте

общей социокультурной ситуации в России рубежа XX—XXI вв., то она соотносится с понятием «постмодерн» («постмодерная кондичия»). В этом случае постмодерной следует считать всю скульптуру данного этапа. Если же речь идет о постмодернизме как культурной стратегии в эстетической сфере, то можно выделить в качестве доминирующего художественно-парадигмального направления в отечественной монументальной пластике постмодернистское, а в качестве альтернативных (маргинальных) — «классическое» и модернистское направления. Мы рассматриваем проблему во втором контексте.

Постмодернистская монументальная пластика — явление крайне специфическое, к которому категория «монументальное», используемая в традиционном смысле, относится весьма опосредованно.

В эстетике под монументальностью понимается «эстетическое качество произведения искусства, достигаемое определенной мерой художественного обобщения, придающее им величие, масштабное звучание и большую общественную значимость» [1, 214].

При этом монументальность не всегда означает физически большие масштабы произведения. В данном случае речь идет скорее о «наполнении» этих масштабов наиболее актуальными для конкретной исторической эпохи смыслами и ценностями и определенных способах их художественно-формального выражения.

Монументальная скульптура, обладая ярко выраженной идеологичностью, экстравертным характером и такими художественными характеристиками, как высокая степень формального обобщения, лаконизм идейного содержания и художественно-пластического решения, ясность ритмического строя и тектоничность, — т. е. всем тем, что и наделяет ее свойством монументальности, — является эффективным инструментом контроля над общественным сознанием со стороны власти, заинтересованной в распространении официальной идеологии; одновременно она выступает символическим выражением общественного договора между властью и социумом, так как несет в себе гуманистические смыслы и ценности своей эпохи, которые могут не совпадать с официально признанными, но которые власть не может игнорировать. В данном случае художник вынужден искать разрешения противоречия между властью и обществом через создание монументальных произведений — форм художественной легитимации идейных приоритетов.

Монументальность и идеологичность, которыми обладает монументальная скульптура, в совокупности наделяют ее качеством *парадигмальности*. Вследствие этого становится возможным утверждать, что монументальная скульптура выполняет в социокультурном пространстве функции, сходные с функциями культурной парадигмы. Этим объясняется то, что значение монументальной скульптуры су-

щественно возрастает в периоды смены культурных парадигм — в те исторические моменты, когда происходит социокультурная перекодировка, возникают и начинают формироваться новые общезначимые идеи и ценности.

В России второй половины XX столетия активный процесс такой социокультурной перекодировки начался в 1980-х — 1990-х гг. и получил весьма характерное для своего времени выражение в монументальной пластике. Означивание, основанное на «радикальном отказе от идеи референции» и знаменующее собой «пафосную ориентацию культуры постмодерна на кардинальное преодоление логоцентризма» [2, 383], стало одной из главных причин, по которой понятие «монументальность» применительно к произведениям постмодернистской скульптуры, по нашему мнению, требует принципиального пересмотра.

Монументальная скульптура, призванная фиксировать исторически, идеологически, социально и культурно значимые идеи и ценности, является своеобразным маркером опыта человечества, развития общественного и индивидуального сознания, мировоззренческой эволюции. Иначе говоря, *важнейшей функцией монументальной пластики в социокультурном пространстве является воплощение в художественно-образных формах фундаментальных смыслов своей эпохи (парадигмальная функция)*. В постмодернистском мире, воспринимаемом как текст, смысл которого не изначален, а производится в процессе «чтения», не предполагается создания устойчивых смысловых форм.

В таком случае, какой же должна быть монументальная скульптура, которой имманентен исторический и идеологический характер, в постисторический период развития общества и культуры? Очевидно, что феномен постмодернистской монументальной скульптуры несет в себе серьезное противоречие: постмодернистская скульптура, которая формально претендует на статус монументальной, по сути таковой не является, если рассматривать понятие «монументальность» как устойчивую эстетическую категорию. В то же время произведения монументальной пластики этого периода «означивают» в социокультурном пространстве явления ризоморфного, плюралистичного, постисторического мира-текста, при этом сами выступая текстами (или интертекстами), и с этой точки зрения, так же как и «допостмодернистская» монументальная пластика, выполняют в социокультурном пространстве парадигмальную функцию.

Разрешение этого противоречия мы видим в том, чтобы рассматривать монументальную скульптуру постмодернизма как особый тип монументальной пластики, который, подчиняясь общему культурному контексту эпохи, *симулирует монументальность*. По сути, этот куль-

турный феномен представляет собой *постмонументальную* скульптуру.

Чем объясняется появление этого нового типа монументальной пластики? Мы склонны полагать, что истоки этого феномена следует искать в *художественном видении*, главных *идее* и *принципе*, а также в особом *типе художественного образа* постмодернистского искусства.

Основная отличительная особенность постмодернистского *художественного видения* заключается в ацентричности картины мира, создаваемой искусством⁵². Полный отказ от лого-антропоцентризма нашел выражение в концепциях «смерти субъекта», «смерти Автора», «смерти героя», «смерти Бога», в логотомии. Безсубъектное бытие, утверждение «наличного бытия человека как ничто» [4, 63], свидетельствуют об упразднении любых форм отношений в постмодернистском искусстве, определяя его стохастический, стихийный характер.

Ризоморфная по своей природе *художественная картина мира* постмодернизма находится в состоянии «радикальной плюралистичности», и этот плюрализм «предстает как «единый центр постмодерна» [5, 205]. Это мир «диссонантной красоты» и «дисгармоничной гармонии», где «раздробленное единство» порождено отчетливым тяготением к «разъятию и столкновению» [5, 205].

В художественной картине мира всегда проявляется отношение человека к реальности. Поскольку реальность постмодернизма мыслится как текст, то логически возникает *идея замещения реальности знаками реальности* (этот процесс был подробно описан Ж. Бодрийяром), иначе говоря, ее симуляция. Благодаря этому художественный эксперимент превратился в бесконечный акт преобразования, в котором возникает лишь иллюзия новизны, а «вся реальность сделалась игрой в реальность» [6, 152].

Симуляция реальности художником, ее замена ее же знаками, осуществляется при помощи *принципа интертекстуальности*, при использовании которого художественный текст возникает в процессе взаимодействия с семиотическим культурным пространством прошлого и настоящего через интериоризацию внешнего [7, 182]. Этот процесс редуцирования разнообразных форм реальности к тексту, к знаку, завершается обращением к пустому знаку — *симулякру*, который становится господствующим в монументальной скульптуре и в искусстве в целом *типом художественного образа*, где интерпрета-

⁵² Наиболее полно характерные особенности искусства постмодернизма были выявлены и проанализированы И. Хассаном [3, 25—45].

ция отрывается от содержания и становится полностью самостоятельной.

В силу всех этих особенностей произведения отечественной пластики, несмотря на их зачастую внушительные размеры, претензию на историчность и общественную значимость, лишены качества монументальности в традиционном его понимании: на смену пафосу (от греч. *pathos* — чувство, страсть, страдание) приходит помпезность, вместо торжественности появляются театральность и ирония, возвышенность трансформируется в прозаизм, внутренний динамизм и эмоциональность образов заменяются статичностью или механистичностью жеста, акцент с гуманистического аспекта и субъектности смещается в сторону «телесности», нередко игнорируются и композиционные принципы, характерные для монументальной скульптуры, благодаря чему целый ряд произведений может быть отнесен к многократно увеличенной в размерах мелкой пластике (например, скульптура «Городовой» (А.С. Чаркин), памятник Павлу I (В.Э. Горевой), памятник Петру I (З.К. Церетели) в Санкт-Петербурге или памятник Ю. Никулину (А.И. Рукавишников) в Москве и др.).

Так же уходит в прошлое принцип ансамблевости, который подразумевает связь монументальной скульптуры с архитектурной ситуацией или конкретным зданием и отвечающий за установку произведений в общественно значимых пространствах. Постмонументальная скульптура «возникает» в самых неожиданных местах: «вылезает» из стены или из люка, «сидит» на подоконнике или тротуаре, «прячется» за углом дома и т. д.

В отечественной городской скульптуре рубежа XX—XXI вв. прослеживаются три параллельные тенденции: элитарная, традиционная и массовая (китч). В первом слое формируются и апробируются новые идеи, в том числе и альтернативные постмодернистской художественной парадигме⁵³. Лучшие образцы постмонументальной пластики относятся именно к этому слою (например, памятник Петру I М. Шемякина). В основе второго слоя лежат профессионально освоенные, устоявшиеся нормы и ценности; он ориентирован на массового потребителя, обладающего элементарным культурным опытом. Здесь ассимилируются и превращаются в «стандарт» идеи, рожденные в первом слое. Тут же можно встретить примеры «классической» и авангардно-модернистской скульптуры, для характеристики которых, как правило, не требуются кавычки при использовании термина «монументаль-

⁵³ Примером альтернативного парадигмального направления в монументальной скульптуре является метамодернизм, представленный ансамблем «Первая скрипка» в сквере композитора А. Петрова в Санкт-Петербурге, выполненный ТО «Студия Креативной Вещи» (установлен в 2008 г.).

ность» (например, памятник академику А.Д. Сахарову работы Л. К. Лазарева в СПб). Третий слой рассчитан на неразвитое эстетическое восприятие. Для образцов этого слоя характерны гиперреалистичность и интерактивность, обеспечивающие быстрое «усваивание» культурного продукта. Здесь упраздняется различие между реальным и симуляционным, возвышенным и грандиозным, исчезает иерархия художественного и нехудожественного, уникального и серийного, авторского и безымянного, нивелируется иерархия жанров («серийные» памятники дворникам, фотографам, трубочистам, водопроводчикам, «первым учительницам», влюбленным и т. п.).

Завершая этот небольшой экскурс в современную историю «пост-монументальной» скульптуры, необходимо отметить, что сегодня в обществе, науке, культуре постепенно начинают формироваться тенденции, свидетельствующие о зарождения новой культурной парадигмы, идущей на смену постмодернистской. Какой она будет, покажет ближайшее время и... новые произведения монументальной скульптуры.

Литература

1. Эстетика: Словарь / Под ред. А.А. Беляева и др. М., 1989.
2. Грицанов А.А. Означивание // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Под ред. А.А. Грицанова. Минск, 2007.
3. Hassan I. Toward a Concept of Postmodernism // The Postmodern Turn. Ithaca. 1987.
4. Булавка Л.А. К феноменологии симулятивного бытия // Философские науки. 2012. № 10.
5. Лиссман К.П. Философия современного искусства. Введение. СПб., 2011.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2006.
7. Грицанов А.А. Интертекстуальность // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Под ред. А.А. Грицанова. Минск, 2007.

V

**АКТУАЛЬНАЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ**

С.В. БИРЮКОВ

Постреформизм в современной России: к новой стратегии эволюционного развития

Аннотация. Рассматриваются проблемы современной России — проблемы современной модернизации, новой стратегии эволюционного гармоничного развития, комплексного Русского проекта.

Ключевые слова: Россия, постреформизм, модернизация, Русский проект, развитие.

Abstract. The article is devoted to modern Russia's problems that concerns problem of the modernization, new strategy of balanced evolutionary development, the complex Russian project.

Keywords: Russia, post-reformism, Russian project, development.

Современная Россия только приступает к переосмыслению результатов и наследия либеральных реформ 1990-х гг. Российские экономисты, социологи, демографы и политологи неоднократно давали оценку различным аспектам этих масштабных преобразований. Вместе с тем комплексный анализ этого трансформационного процесса до конца не проведен, равно как и не установлена генетическая связь деяний российских реформаторов новейшего периода с предшествующими попытками модернизации российского общества и экономики (генетически связанные с ними «вестернизаторские реформы» Петра Первого и «великий перелом» 1920—1930-х гг.). Тем актуальнее проанализировать феномен российского *либерального реформизма* с позиций философии *постреформизма*, которая сегодня еще только заявляет свои права на жизнь. Каковы же родовые черты новейшего российского либерализма и шире — российского радикального реформизма?

1. Российский либерализм традиционно имел *мессианскую, квазиэлитарную окраску*, претендуя не просто на знание универсальных законов развития, но также на право опережать объективную логику исторического процесса, исходя из соображений реформаторской целесообразности. Наличие у объекта реформирования — России — собственных законов и логики исторического развития игнорировалось либо категорически отрицалось (см.: [1, 110—113]).

2. Российские либеральные идеологи изначально отдавали формирование стратегии реформ в руки узкой группы «прогрессоров»

(«архитекторов», «прорабов» и др.), которые противопоставляли себя «косному большинству народа» и получали своеобразную индульгенцию на свои действия, оказываясь по ту сторону традиционной морали и системы оценок, что формировало установки в духе своеобразно понятого идеологического фанатизма.

3. За «либеральными прогрессистами» изначально закреплялась презумпция невинности независимо от результатов и издержек проводимых ими преобразований, в то время как за «консервативным большинством народа» — презумпция виновности, что призвано было нейтрализовать всякую критику и недовольство в адрес стратегов и реализаторов преобразований.

4. «Консервативное большинство» российского народа в результате лишалось какой-либо субъектности в процессе преобразований, рассматривалось как не имеющее самостоятельной ценности вне связи с так называемым реформаторским контекстом.

5. Культурно-цивилизационная почва России изначально рассматривалась как архаичная и однозначно подлежащая глубокой переделке вплоть до смены культурного кода (к чему призывал бывший советник президента Б. Ельцина философ А. Ракитов).

6. Любая рефлексия относительно характера и результатов подобных реформ была возможна только в рамках либерально-западнического дискурса, и поэтому их последствия с точки зрения культурно-цивилизационной специфики России принципиально не оценивались [2]. Как следствие, практически не оставалось места для разработки альтернативной стратегии реформ.

7. Реализуемые подобным образом либеральные (и шире — вестернизированные) реформы порождали в российском обществе масштабные социальные издержки, расколы и девиации, воспроизводили эффект «блокированного общества», формировали предпосылки для будущих масштабных потрясений.

8. На практике складывалась парадоксальная ситуация, когда либеральное (или так называемое прогрессистское) по своим целям и идеологии, но при этом глубоко авторитарное по своим методам государство эксплуатировало консервативное большинство общества, опираясь на его традиционную и коллективистскую этику (которые постепенно разрушались в процессе очередных модернизаций). Подобный синтез «элитарного либерализма» и «просвещенного патриотизма» для масс лежит в основе и современных российских политических стратегий.

При этом у либеральных преобразований 1990-х гг. имелись и качественные отличия от генетически и технологически сходных с ними предшествующих попыток радикальных преобразований. Эти разли-

чия касались прежде всего долгосрочных целей и общей стратегии инициированных реформ. По сути, либеральные реформы 1990-х гг. представляли собой попытку утилизации страны и ее ресурсов в интересах нацеленной на интеграцию в мировое сообщество вестернизированной элиты. Задача модернизации самой страны, ее экономики и общества, в отличие от предыдущих попыток «вестернизаторских реформ», даже не ставилась — речь шла всего лишь о модернизации элиты [3]. В этом процессе были возможны отступления, уступки и тактические паузы, но его смысл, характер и направленность практически не изменялись начиная с 1992 г.

В свою очередь, начавшееся осенью 2011 г. противостояние условных Болотной и Поклонной являет собой конфликт готовых продолжить в более радикальной форме процессы утилизации страны и модернизации элиты либералов с условными государственными патриотами, которые также хотели бы интеграции в мировую элиту, но самой системой своих интересов более тесно связаны со страной, ее экономикой и военно-промышленным комплексом, и потому были не столь радикальны в своих подходах. При этом политические парадигмы обеих сторон различаются не столь существенно. Подтверждением этому являются те реформы, которые были инициированы российским правительством в течение 2012 г., когда пошла на убыль активность внесистемной оппозиции, пик которой пришелся на прошлую зиму. Среди последних следует упомянуть:

- ратификацию присоединения страны к ВТО;
- так называемое бюджетное правило — законодательно закрепляющее количественные параметры нашей дани в пользу США — не менее 7% от ВВП в резервный фонд, что становится еще зримее, если напомнить, что это примерно половина всего федерального бюджета;
- сворачивание остатков социального государства, в том числе вступление в силу 83-го Федерального закона, хотя и несколько прикрыто, но недвусмысленно коммерциализирующего здравоохранение, образование, культуру и соцзащиту;
- принятие закона об образовании, среди прочего, снимающего планку верхней границы оплаты малообеспеченными семьями детских садов и т. п.;

Конструктивной альтернативой в современных условиях, на наш взгляд, является не торжество утилизационного либерализма и не новый застой с целью сохранения условно-патриотического консенсуса (в его официальной версии), а переход к тому, что мы определяем как *рефлективную национальную модернизацию*.

Национальная модернизация — процесс создания социальных, политических, экономических и идеологических форм, позволяющих русским (и шире — россиянам) обрести форму политической нации и дать достойный ответ на современные вызовы. Все остальные варианты («подмораживание» России либо очередной виток либеральных преобразований) означают упадок, деградацию и возможный итоговый распад исторической России.

Что же даст искомая национальная модернизация падающей в пост-модернистское болото стране?

1. Только пройдя через процесс национальной модернизации, Россия может стать полноценным национальным государством, а не постимперским конгломератом и, избавившись от лишних иллюзий, определиться во времени и пространстве.

2. Только осуществив подобную модернизацию, русские смогут создать политическую систему и власть, отвечающую их интересам, воплотить национальную модель гражданского общества. Национальная модернизация означает преодоление раскола на элиту и народ и комплекса отстающей по отношению к Западу страны.

3. Без национальной модернизации русские и россияне всегда будут иметь вместо национальной элиты касту манипуляторов, навязывающую им очередные идеологические симулякры, а любые разговоры о национальном возрождении останутся профанацией либо несбыточной мечтой. Национальная же модернизация означает эмансипацию укрепляющегося гражданского общества из-под спуда безнационально-бюрократического государства.

4. Без национальной модернизации русские, россияне никогда не смогут создать последовательно ориентированной на национальное развитие (и при этом не изолированной) модели экономики, в рамках которой они не были бы объектами неслыханной эксплуатации либо ограбления в рамках той или иной версии колониального уклада.

5. Без прохождения через горнило национальной модернизации «русская идея» никогда не воплотится в конкретную политическую форму, оставаясь фантомом, а русская культура и цивилизация будут обречены на исчезновение и распад.

При этом, начиная разговор о национальной модернизации применительно к России, следует помнить о многочисленных «исторических ловушках» на пути ее реализации, которые могут привести к ее итоговой неудаче.

Во-первых, все предыдущие модернизации были *квазинациональными* по форме и по содержанию — т. е. осуществлялись *за счет* интересов большинства народа, много дав государству, и не слишком много — самому государствообразующему народу.

Во-вторых, если стоящая на повестке дня модернизация экономической и политической систем будет заменена *имитацией* и *вялотекущей деградацией*, русские могут сойти с исторической сцены в качестве нации и исторического субъекта.

В-третьих, коммунистический проект, при всем его провиденциализме, оказался тупиковым вариантом вненациональной модернизации, создав в итоге общество, не способное к национальной рефлексии и саморазвитию и пришедшее через стагнацию к историческому крушению.

В-четвертых, либеральная модернизация, несмотря на одержимость модернизаторов, в любой своей версии будет обречена на итоговый провал из-за неприятия большинством россиян проекта либералов-космополитов.

Ключевыми предпосылками стратегии «постреформистского развития», на наш взгляд, являются:

- честный и объективный анализ опыта предшествующих попыток реформирования страны с учетом культурно-цивилизационной специфики России;
- прекращение «холодной войны» между российским государством и обществом, новый виток которой начался в 1990-е гг. — для чего необходим диалог элиты и различных сегментов общества в целях выживания и развития;
- эволюционное преодоление феномена антинационального гражданского общества, существующего сегодня в нашей стране;
- одновременный отказ как от апологетики современного состояния российского государства под прикрытием ложно понятой идеи державности, так и от радикальных призывов к его минимизации и демонтажу, чего требуют многие российские либералы и радикальные группы русских националистов;
- разработка полноценной стратегии восстановления российского народа (включая его комплексную морально-психологическую и культурно-цивилизационную реабилитацию), что является необходимым условием любой последующей модернизации;
- отказ от любых стратегий в духе «фасадного реформирования», последовательное превращение Российского государства в инструмент национального развития, а не в средство согласования корпоративно-элитарных интересов (чем оно фактически является сегодня);
- эволюционное восстановление системообразующих институтов, подвергшихся разрушению и депривации в 1990-е гг., без которых невозможны полноценное функционирование и развитие россий-

ского общества (семьи, школы, местного самоуправления, профсоюзов и др.).

Среди других практических мер, которые необходимо реализовать уже в ближайшее время, следует назвать следующие.

- Формирование новой социально-политической силы, отстаивающей принципы суверенитета и национального развития с учетом современных глобальных угроз и вызовов. Эта сила должна быть самостоятельной и не являться продолжением либо филиалом любой из действующих политических партий или известных политических сил.

- Начало формирования качественно новой национально-государственной элиты, ориентированной не на корпоративные интересы, а на цели выживания и самоутверждения России в глобальном мире. Существующая сегодня в России политическая и экономическая элиты принципиально не способны ответить на вызовы времени, реагировать на требования изменяющегося российского общества и отражать его интересы. С каждым днем их поведение вызывает все большую критику и вопросы.

- Консолидация политического, экономического и интеллектуального потенциалов страны для того, чтобы подготовиться к новой волне экономического кризиса, который прогнозируется многими экспертами и способен привести к масштабному перераспределению власти и влияния в мире. Россия должна не просто смягчить эффекты кризиса, но предложить и реализовать самостоятельную долгосрочную стратегию антикризисного и посткризисного развития, сохраняющую и укрепляющую ее роль в качестве самостоятельного геополитического и геоэкономического субъекта.

- Планомерная консолидация общества в духовной сфере, элиминирование долгое время насаждавшейся идеологии социал-дарвинизма, ориентация на наследие традиционных конфессий — их ценности, этику, догматику, мораль и образ жизни. Альтернативами этому подходу являются духовный распад и окончательное торжество «общества постмодерна».

- Разработка эволюционной стратегии гармонизации межэтнических отношений на основе принципа единства в многообразии и российской версии модели со-общественной демократии, способной артикулировать и согласовать интересы разных этнических групп. Этнический национализм должен быть вытеснен идеологией российского просвещенного патриотизма, не умаляющей интересы и ценности народов России.

Все это в совокупности означает возвращение к логике комплексного *Русского проекта* — что станет не просто возвращением россиянам и России статуса исторического субъекта (вместо утилизационно-

го материала), но и сформулирует русскую версию конца истории. Именно это, на наш взгляд, и должно стать главным результатом современных постреформистских рефлексий — без чего дальнейшее полноценное развитие страны и сохранение ее культурно-цивилизационного своеобразия и политической субъектности просто невозможны.

Литература

1. *Шафаревич И.Р.* Россия и мировая катастрофа // Наш современник. 1993. № 1.
2. *Шафаревич И.Р.* Русский народ в битве цивилизаций. М., 2011.
3. *Кургинян С.Е.* Аналитика судьбы. Россия и агония модерна // Завтра. 2012. 22 авг.

А.А. КОВАЛЕНКО

Политическое самоопределение стран Центральной и Восточной Европы: между евроскептицизмом и национализмом

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования новой политической общности людей Центральной и Восточной Европы. Особое внимание уделяется современным геополитическим проектам с учетом вызовов глобализации. Объектами исследования являются геополитические проекты Польши, Венгрии, Болгарии, Украины, стран Балтии и ряда других государств.

Ключевые слова: геополитика, европейская идентичность, Восточная Европа, евроскептицизм, национализм, глобализация.

Abstract. This article is devoted to the formation of a new political identity of the people of Central and Eastern Europe. Special attention is paid on the geopolitical projects of the certain states that feel challenge their own national statehood and try to articulate a clear political response to the challenges of globalization. Objects of research are geopolitical projects in Poland, Hungary, Bulgaria, Ukraine, the Baltic and some other states.

Keywords: Geopolitics, European identity, Eastern Europe, euroscepticism, nationalism, globalization.

Наряду с «право-консервативной» волной и нарастанием евроскептицистских настроений в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) предпринимаются попытки сформулировать собственно «политический ответ» на вызовы современности. В данном случае, на наш взгляд, следует говорить не о возобладавшем «антиевропеизме», а о своеобразном «альтеревропеизме» — т. е. о попытке стран ЦВЕ вернуться к «исконным европейским ценностям», к числу которых относятся национальная государственность, христианская религия, традиционные мораль и трудовая этика. Заявляя о себе и своих интересах, Центральная и Восточная Европа хотят быть услышанными в Брюсселе и других столицах «Старой Европы».

Одной из форм «национального ответа» восточноевропейских стран на современный общеевропейский кризис стало выдвижение собственных геополитических проектов. В этих проектах выразилось стремление многих из них компенсировать свою «вторичность» и заполнить идеологический и политический «вакуум», возникший вследствие кризиса уже самого «общеевропейского проекта» и его оснований, усугубленного современными социально-экономическими трудностями последних лет.

Следует помнить, что Восточная Европа — это единство судьбы, истории, менталитета и традиций, особое геополитическое пространство, волею судеб так и не обретшее свою геополитическую субъектность. Данное обстоятельство отмечали многие восточноевропейские интеллектуалы. «Что такое Средняя Европа? — спрашивает чех М. Кундера. — Зона находящихся между Германией и Россией малых наций... Малая — это такая нация, существование которой в любой момент может зависнуть на волоске, которая может исчезнуть и знает это. Французы, русские и англичане не задают себе вопроса, уцелеет ли их нация. Средняя Европа, отчизна малых наций, создала собственное мировоззрение, основанное на глубоком недоверии к истории. Богиня истории Гегеля и Маркса... — это история победителей. А нации Средней Европы не победительницы. Неотделимые от истории всей Европы и не могущие без нее жить, они, жертвы и аутсайдеры, стали словно обратной стороной этой истории. Оригинальность и мудрость их культур вытекают из полного разочарований исторического опыта» [1, 7].

Вышеперечисленные обстоятельства предопределили сложность и противоречивость исканий восточноевропейских геополитиков. Своеобразной интеллектуальной провокацией для «восточноевропейской геополитики» в свое время явилась нашумевшая книга Ф. Науманна «Срединная Европа» (1915). Написанная видным политическим публицистом и депутатом германского Рейхстага, книга посвящена обос-

нованию стабилизирующей и доминирующей роли Германии в рамках обозначенного им пространства «Срединной» (Центральной) Европы. Проект Науманна предполагал объединение Рейха с Австро-Венгерской монархией с последующим присоединением к этому «ядру» всех восточно- и центральноевропейских государств. Согласно ему, следовало «мыслить это пространство как некоторое целое, как составленный из многих членов братский союз, как оборонный союз, как экономическую область» [2, 3]. Наряду с привлекательностью идеи Центральной Европы как самодостаточного «большого пространства» восточноевропейских мыслителей в проекте Науманна смущала идея «мягкой ассимиляции» в его рамках восточноевропейских наций.

В качестве своеобразной альтернативы концепций «государств-нации» и «самоопределения наций вплоть до отделения», приведших в свое время к распаду многонациональной и относительно толерантной в «национальном вопросе» Австро-Венгрии, в 1930-е гг. выступила идея сохранения единого культурного пространства бывшей империи, соединяющего множество народов. Одну из заслуживающих внимания версий этой идеи выдвинул и научно обосновал Карл Реннер — видный представитель австро-марксизма, видный австрийский конституционалист и социолог права, дважды занимавший пост канцлера Австрийской республики — в 1919—1920-х гг. (когда он был главой австрийской делегации на Парижской конференции) и в 1945 г. Впоследствии Реннер стал президентом Австрии и занимал этот пост до своей смерти в 1950 г.

Примечательно, что проект Реннера (чеха по происхождению), предлагавшего в свое время преобразование империи в своего рода многонациональную федерацию, являлся содержательной альтернативой восточноевропейскому национализму «малых наций», набравшему силу в странах ЦВЕ после Первой мировой войны. В своей книге «Нация. Миф и реальность», написанной в 1937—1938 гг. и увидевшей свет в 1964 г., К. Реннер выдвинул идею «персональной автономии» в качестве ответа на неудавшуюся «организацию наций в многоязычные государства на базе фиксированных или юридически устоявшихся границ» [3, 97]. Автор одновременно констатировал, что «место проживания» становится «все более второстепенным фактором для национального самосознания» и задавался вопросом о том, почему нельзя юридически определить нацию как некоторый род союза личностей, как «личностную корпорацию» — т. е. так, как в течение долгого времени определяли принадлежность к религиозным общинам.

В своей книге К. Реннер, в частности, отмечал, что накануне Первой мировой войны эта идея в рамках публичного права успешно реализовалась «в двух наиболее сложных территориях бывшей Австрии, Моравии и Буковине» и что она также была первоначально введена в отклоненный проект Конституции Боснии и Герцеговины. Эта новелла, выглядевшая совершенно по-новому, по мнению Реннера, «была не чем иным, как повторением того, что саксонцы Трансильвании создали в течение веков в рамках своих национальных университетов».

Сам Реннер объяснил значение заявленного им принципа следующим образом: «Персональное разграничение предполагает, что принадлежность к нации — это не фактическое качество индивида, функция его лингвистической способности, но “национальная принадлежность”, вписанная в “национальный кадастр” — своеобразный “список гражданства”, установленный для каждой нации. Последний предполагает, что подобный “список” представителей определенной национальности превращает ее в “корпорацию публичного права”, которая сама конституирует себя через выборы. Это создает для “национальной общности” публичные и частные права, позволяя ей участвовать в законодательстве и управлении. И не общность проживания, но именно культура нации должна рассматриваться в качестве “субстрата политических институтов, на основе которого создается право меньшинств”».

Тем самым «задним числом» констатировалась не только упущенная в свое время возможность сохранения единства исторической многонациональной Австро-Венгрии, но и постулировалось сохранение единства входивших в империю народов Центральной и Восточной Европы, рассматривая авторов в качестве участников не только общего культурного, но и в известном смысле и «политического пространства».

Впрочем, связанные с проектом К. Реннера иллюзии в отношении сохранения единства стран ЦВЕ были разрушены самим мыслителем, в сознании которого идея «немецкой общности» в итоге победила идею «наднационального единства». Так, именно в 1938 г. социал-демократ К. Реннер активно приветствовал аншлюсс Австрии, «поглощенной» фашистской Германией. Вот что он заявил 3 апреля 1938 г. на страницах «Neues Wiener Tageblatt»: «Аншлюсс совершен; и это исторический факт, это подлинное удовлетворение после унижений 1918 и 1919 годов <...>. Я должен был бы отречься от всего моего прошлого в качестве “пионера” теории о праве наций распоряжаться собой и в качестве теоретика, и в качестве человека австро-германского государства, если я не приветствую со всей радостью великое историческое событие объединения немецкой нации» [3, 15].

Собственно, «восточноевропейская геополитика» и представляет собой ответ на попытку подобного «растворения себя» в рамках некоего условного «большого пространства» под эгидой Германии или России. При этом надежды на Австро-Венгрию с точки зрения возможности преобразования ее имперской структуры в более гибкую и плюралистическую модель устройства рассеялись достаточно быстро. По мнению М. Кундеры, в начале XX в. у Австро-Венгерской империи «была уникальная возможность сделать из Центральной Европы единое сильное государство. Но, увы, высоколобый германский национализм не позволил австрийцам выполнить их центральноевропейскую миссию. Они не смогли создать федерацию равноправных наций, и этот их провал стал бедой для всей Европы» [1, 7]. После этого объединительная «миссия» перешла к самим странам Восточной Европы — с сохранением известной ориентации на Вену как исторический и культурный центр для народов, регионов, этнических групп и городов ЦВЕ [4, 265].

Своеобразным «триггером» восточноевропейского национализма стала Первая мировая война, освободившая восточноевропейские страны от обломков империй и оставившая их один на один с масштабными политическими вызовами, ответом на которые и стал выбор «национально-консервативного» пути развития. Война разрушила «универсалистский» проект Австро-Венгерской империи, открыв путь восточноевропейскому национализму как единственно возможному основанию новых национальных государств. Разочарование в идее «общего культурного пространства» для народов ЦВЕ стимулировало подъем «малых» восточноевропейских национализмов. В результате для восточноевропейских наций в начале XX в. национализм выступил как средство структурирования социального пространства «в национальных категориях». В практике стран ЦВЕ в первой трети XX в. утвердилось понимание легитимности государства и государственной власти через консолидированную на основе общей культуры и истории этнонацию [5, 61], претендующую на свое «особое место в истории». В итоге процесс «нациестроительства» в странах ЦВЕ в первые два десятилетия XX в. создал предпосылки для «праворадикальной геополитики» с заявлением амбициозных проектов и территориальных претензий.

В результате именно авторитарно-консервативные режимы установились на месте полуфеодальных, полукапиталистических, квазипарламентских монархий пережившей «геополитическое крушение» Центральной Европы. Поражение профашистских режимов стран ЦВЕ в результате Второй мировой войны вытеснило тему этнического национализма на второй план. Наряду с этим, набиравшая силу и

вес идея «единой Европы», пусть и разделенной на время «железным занавесом», доминировала в умах виднейших восточноевропейских интеллектуалов — будь то Чеслав Милош, Вацлав Гавел или Иштван Сабо.

Отныне для восточноевропейских мыслителей речь шла о сохранении странами ЦВЕ своего самобытного лица и об обретении своего «особого места» в рамках «общевропейского пространства»; ими были заявлены два основных подхода к решению этой задачи. В рамках первого геополитическая мысль Восточной Европы вдохновлялась идеей макрорегиональных «больших пространств», или «пан-регионов» (под которыми мыслилась вся Восточная Европа либо те или иные ее сегменты), а в рамках второго — стремлением определить рамки «жизненного пространства», необходимого для выживания определенного восточноевропейского этноса с сохранением его «исторической государственности», языка и культуры.

В качестве яркого примера альтернативного панъевропеизму подхода в русле теории «больших пространств» можно назвать идеи польского историка национально-демократического толка Станислава Буковецкого, который в период между Первой и Второй мировыми войнами определял создание федерации «малых» государств, расположенных на пространстве от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Пелопонесса [6, 70].

В то же время эпоха Второй мировой войны сделала любые дискуссии о создании «срединно-европейского» альянса «малых» государств неактуальными, а послевоенный раздел Европы по «блоковому» принципу окончательно «маргинализировал» эту проблематику. Либерализация второй половины 1950-х гг. и подъем национального самосознания в странах ЦВЕ в 1960—1970-е гг. стимулировали возрождение интереса к проблематике «Срединной Европы». Вместе с возвращением стран ЦВЕ в пространство «Большой Европы» возродились не только старые политические комплексы, но и уходящие глубоко в историю политические идеи.

Сегодня в известном смысле повторяется ситуация, вызвавшая к жизни «малые» восточноевропейские национализмы. Неудачи в процессе «демократического транзита» также вызывают к жизни право-консервативные проекты начала XX в. [3, 19]. Набирающие популярность «крайне правые» партии стран ЦВЕ возрождают «традиционное» толкование «народности», которая понимается ими в следующих основных значениях: 1) «гомогенная» этническая общность, положенная в основу этнонации; 2) этнолингвистическая общность, формирующая единое «культурное пространство»; 3) «сообщество судьбы», предполагающее наличие общей миссии (в том числе геополити-

ческой); 4) «политический организм», связанный общими символами, верность которым обеспечивает историческую преемственность и единство нации.

В итоге геополитика «малых имперских проектов» для стран ЦВЕ является логическим завершением процесса восстановления «единства исторической нации», без чего последний не будет принципиально завершённым, а многочисленные «разрывы» в ходе национальной истории не будут преодолены. «Сообщество судьбы», считающее условными утверждённые в результате двух мировых войн государственные границы и желающее расширить свое «жизненное пространство», неизбежно нуждается в территориальной экспансии. Подобные устремления все более явно бросают вызов проекту «Единой Европы» и общеевропейским ценностям. Геополитические проекты, подобные проекту «Великая Венгрия» или «Великая Румыния», оказывают все более заметное влияние на ситуацию в упомянутых странах и в соседних с ними государствах ЦВЕ.

Венгерский и румынский проекты представляют собой своеобразную версию «регионального ирредентизма» для ряда территорий сопредельных государств с включением последнего в собственное «большое пространство». В то же время польские геостратеги пытаются распространять свое влияние на сопредельные государства через культурно-политический «soft power» и широкий альянс с *de jure* суверенными государствами (примером этого является идея «покровительства» Польши над Украиной и Белоруссией под эгидой ЕС).

Некоторые проекты, выдержанные в духе «единства стран ЦВЕ», стремятся сочетать идею «общности судьбы» восточноевропейских народов с идеей этнического национализма. Одним из регионов, претендующих на свою «долю» культурно-исторического наследия Австро-Венгрии, является современная украинская Галичина. Причем подобные претензии иногда принимают откровенно гротескную политизированную форму. Пример этому — творчество скандально знаменитого украинского писателя, уроженца Станислава (Ивано-Франковск), лауреата немецкой премии Гердера Ю. Андруховича. В своих статьях и эссе он настойчиво проводит в жизнь тему принадлежности Западной Украины, и прежде всего Галичины, к Центральной Европе, а также о благотворности австрийского влияния на судьбу галичан [7, 61]. Некоторые из выводов писателя звучат достаточно полемически. Андрухович убежден в том, что Крым и Донбасс политически являются частью российской нации, поэтому надо дать возможность этим регионам отделиться от Украины [7; 8].

Менее категоричное обоснование принадлежности Галичины к цивилизационному пространству Центральной и Восточной Европы

предлагает львовский политический эксперт В. Павлив. В своих произведениях он последовательно отстаивает теорию ментально-культурной «отдельности Галичины» и обращается к воображаемому галицкому народу, выступает за широкую автономию Западной Украины, или Галиции, считая галичан отдельной общностью — с общими культурой, ментальностью, традицией [9]. По мнению Павлива, большинство избирателей Галичины и Львова являются носителями консервативно-либеральных или же либеральных взглядов, а не националистических, но не отстаивают их активно. Галичане покорны власти и богобоязненны. Они вложили много усилий в украинский проект, и поэтому им трудно начать новый собственный галицкий проект. Галицкий проект должен быть направлен на построение Галичины в составе всей Украины, «или в каком-то другом виде», и соответствовать интересам Галичины. Галицкий политиком должен сосредоточиться в первую очередь на интересах Галичины, а не Украины [10].

В своей статье «Почему галичане не любят украинцев?», написанной для украинской газеты «Левый берег», Павлив пространно обосновывает свою точку зрения. По его мнению, «в данном контексте под галичанами следует понимать тех обитателей и выходцев из Галичины, которые свою галицкую идентичность ставят выше украинской. Для них украинцы — это те, что за Збручем (река на границе Тернопольской и Хмельницкой областей Украины), а также галицкие украинские патриоты, соборники и националисты. “Нелюбовь” эта не имеет в себе ненависти или враждебности, а, скорее, разочарование и досаду, которые граничат с пренебрежением. Братским пренебрежением, которое граничит с сочувствием. Галичане думают об украинцах так, как высказался когда-то Владимир Винниченко: “Несчастливая, темная, беспомощная нация!”».

Павлив приводит в своей статье любопытный факт, свидетельствующий об особой «цивилизационной идентичности» галичан. Согласно его рассказу, «18 августа в одной из центральных кофеен Львова (а скорее всего — не в одной и не только Львова) соберутся настоящие галичане, чтобы отметить 180 лет со дня рождения Франца-Иосифа Габсбурга — любимейшего правителя земель, которые входят в настоящее время в состав Западной Украины. Именно этот руководитель Австро-Венгерской империи, по мнению галичан, сделал народу Галичины, Буковины и Закарпатья столько добра, сколько не сделала ни одна следующая власть. Включительно со всеми президентами и правительствами независимого украинского государства», — говорится в материале. Как полагает львовский интеллектуал, «культурный европейский монарх дал русинам право на развитие национальной школы, на создание в университете кафедры их пись-

менности, уравнивал в правах униатское духовенство с римско-католическим и предоставил статус автономии Галичине и Буковине. Но важнейшее, что он дал — это образец хорошего правителя, справедливого и заботливого отца всех народов, которые принадлежали к его империи», — продолжает свою мысль Павлив.

В отличие от радикальных националистов из доминирующего в трех областях Галичины ВО «Свобода», Павлив выступает за «возрождение традиций галицкой толерантности и мультикультурности, поликонфессиональности и гармоничного сосуществования представителей различных этнических групп и субэтносов, населяющих ныне Галичину» и против «идей реваншизма, неонацизма и других экстрем», за «развитие местного патриотизма без деления по признакам национального происхождения, создание гражданского общества в регионе» [11].

По мнению Павлива, до середины XIX в. политической элиты «русской Галичины» не существовало, кроме небольшой группы интеллигенции, связанной с клерикальными кругами. После проникновения светских идей либерализм не успел закрепиться, поскольку эта традиция была уничтожена украинским национализмом. Ввиду того, что польская культура и администрация доминировали в Галичине, украинские националисты всю свою риторику и методы деятельности унаследовали от польских националистов. Большинство жертв террористической деятельности ОУН, с точки зрения Павлива, были галичане «русского происхождения», стремившиеся к компромиссу с поляками, которые придерживались идей либерализма и желали некоторого отмежевания от Церкви.

В свою очередь, свой взгляд на возможность и необходимость сохранения «культурно-цивилизационного единства» стран и народов ЦВЕ высказывают представители современной польской геополитики. Говоря о польской геополитике, следует помнить, что территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы для поляков имеют собирательное название «кресы». Эти земли некогда были частью Речи Посполитой, и ментально многие поляки до сих пор считают их неотъемлемой частью польской истории. Исследованию данной тематики посвящают свои труды многие польские историки, писатели и этнографы [12, 5].

Как указывал видный деятель западнорусского движения XIX в. М. Коялович, продвигаясь на восток, Польша поглощала непольский этнический элемент, силясь его «переварить», окатоличить и полонизировать. Обрастая западнорусскими территориями (до брака литовского князя Ягайлы с польской королевой Ядвигой и подписания Кревской (1385), а затем и Люблинской унии (1569), большинство

литовцев были православными и ментально близкими к русским, а их переход в католичество при Ягайле был уже не крещением, а перекрещиванием), Речь Посполитая «усекала» Русский мир, вбирая в себя западнорусский и литовский элементы, превращаясь в многонациональное государство, но с единственной приемлемой религией — католичеством. Православие считалось ересью, схизмой, подвергалось преследованиям и искоренению (подробно об этом — у того же Кояловича и других западнорусских ученых).

В свою очередь, разделы Польши и особенно утрата ею «кресов» болезненно отразились на польском национальном сознании. «Кресы» сделали неотъемлемой частью польского национального мифа, особенно в его культурном измерении. На «кресах» родились, жили и творили многие деятели польской истории и культуры (Юлиуш Словацкий, Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич, Юзеф Залесский, Северин Гоцинский). Без них нет польской культуры и польской истории, ведь это — польские Пожарские, Тургеневы, Пушкины, Чеховы.

В то же время именно в 1945 г. Варшава окончательно поняла, что Западная Украина и Белоруссия для нее навсегда потеряны. В 1960-х ряд зарубежных польских мыслителей (Ежи Гедройц, Юлиуш Мерошевский) предложили пересмотреть отношение к «кресам»: отказаться от них в территориальном плане, признав государственную субъектность Украины, Белоруссии и Литвы, но сохранить как часть польского культурного мифа, как неотъемлемую составляющую польской национальной героики. Эта теория получила название «ULB» (т. е. Украина — Литва — Белоруссия). Ее адепты, признавая государственность Киева, Минска и Вильнюса и легитимность идеи их национального строительства, призывали к тому же и Москву. Тот же Гедройц говорил, что только взаимный отказ Польши и России от Украины и Белоруссии приведет к нормализации отношений в Восточной Европе.

В то же время польские СМИ подвергают критике идею триединой Великой России, но благостно воспринимают концепцию Речи Посполитой Четырех Народов, предложенную польским этнографом Ярославом Лещинским (поляки + литовцы + украинцы + белорусы), и так называемой Новой Речи Посполитой (Польша + Украина + Белоруссия + Литва + Латвия). Таким образом, интеграционистские идеологии польской геополитики продолжают работать.

Какой же выбор предстоит сделать в этом контексте Восточной Европе? Как представляется, странам ЦВЕ следует отказаться от неконструктивных форм «евроскептицизма» и «политической идентичности», от этнического национализма, заявив конструктивную аль-

тернативу современной модели евроинтеграции, обнаруживающей свой кризис.

В этом контексте необходимо вернуться к истолкованной в новом ключе концепции «больших пространств», которая оказалась в значительной степени, дискредитированной из-за одностороннего характера ее изначального толкования. В то же время представляется возможным и иное, плюралистическое, прочтение этой доктрины, рассматривающее «большие пространства» как добровольное и естественное объединение народов и стран в единые культурные, экономические и политические сообщества на основе существующих многовековых связей. Именно такое «большое пространство» на основе принципов равноправия конституирующих субъектов и модели «многоуровневой идентичности» и могут попытаться создать сегодня страны Восточной Европы. Последнее явилось бы достойным ответом на вызовы евроскептицизма, демодернизации, национализма и изоляционизма [13, 502], дав шанс странам ЦВЕ выйти из состояния «бессубъектности» и превратиться в своеобразный «геополитический мост», связывающий Восток и Запад. Таким образом, ЦВЕ перестанет позиционировать себя как некая «периферия» или «антипод» «Большой Европы», но сможет осознать и реализовать себя как полноценный геополитический макрорегион, являющийся неотъемлемой частью общеевропейского цивилизационного пространства.

Литература

1. *Kundera M.* Трагедия Центральной Европы // <http://www.proza.ru/2005/12/16-142> (исходный текст: Kundera M. What is Central Europe? // The New York Review of Books. Vol. 31. 1984).
2. *Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, 1915.
3. *Renner K.* Nation, Mythe et Realite. Paris, 1964.
4. *Wolff-Poweska A.* Mitteleuropa Das gelobte land? // Deutsche Studien. 1988. Nr. 103.
5. *Riedel S.* Politisierung von Ethnizität in Transformations- gesellschaften. Das Beispiel Südosteuropa // WeltTrends. 2003.
6. *Bukowiecki S.* Polityka Polski niedpodleglej. Warszawa, 1922.
7. *Андрухович Ю.И.* Центрально-восточная ревизия. М., 2000.
8. *Андрухович Ю.И.* Если победят оранжевые, то Крыму и Донбассу нужно дать возможность отделиться // www.unian.net. 22.07.2010.
9. *Павлів В.* Я галицький автономіст, а цілісність Української держави для мене менш цікава // <http://polemika.com.ua/news-93919.html>.

10. *Павлів В.* «Український націоналізм в Галичині брутально придушив ростки лібералізму». Інтерв'юіровал Александр Чаленко // http://revizor.ua/news/presidents/20111219_pavliv.
11. Рух відродження Галичини // www.zaxid.net. 28 /12/2012.
12. *Гулевич В.* От какого наследства нам предлагают отказаться? // Киевский телеграф. 2012. 17 февр.
13. *Riedel S.* EU-Minderheitspolitik als Instrument der Integration // Osteuropa. 2002. Nr. 4.

VI

РЕЦЕНЗИИ И ОТКЛИКИ

Ф.И. ГИРЕНОК

По поводу книги Ю.М. Осипова «Обретение»*

Аннотация. В статье рецензируется книга Ю.М. Осипова «Обретение». Особое внимание автор уделяет вопросам современной экономики.

Ключевые слова: финансовый капитализм, деньги, товар.

Abstract. In article U.M. Osipov's book «Finding» is reviewed. The author pays special attention to questions of modern economy.

Keywords: financial capitalism, money, goods.

Профессор Ю.М. Осипов долго искал свою книгу и, не найдя, написал свою — «Обретение».

Юрия Михайловича трудно поместить в какой-либо раздел науки. Еще труднее его отнести к какой-либо философской традиции. Кто он? Постмодернист? Нет. Позитивист? Нет. Марксист? Нет. Кантианец? Нет. Когда мне говорят, что он экономист, я улыбаюсь. «Если производство, — говорит Осипов, — каких-нибудь сапог или того же мыла объявлялось согласно ученому глубокомыслию экономикой, то чем же тогда являлось производство человека или того же знания, как и самой науки?..» (С. 14). Он, скорее, фурия экономики, ее метафизический овод, кто кусает, жалит и не дает покоя экономистам, требуя от них невозможного, т. е. трансгрессии, выхода за пределы экономики с тем, чтобы взглянуть на нее со стороны иного.

Тот, кто говорит, что Осипов философ, я прошу взять «Обретение». Вот, что он пишет о философии: «Философия в ядре своем — весть о неизвестном» (С. 12), т. е. знание о неизвестном. Да как же можно знать о том, что мы не знаем? А зачем, — говорит Осипов, — знать о том, что мы и так уже знаем. Осипов, как Кузанский, говорит о философии как ученом незнании.

Может быть, Осипов пророк, проповедник? Раздел под названием «Сотворение» я рекомендовал к обязательному чтению для магистров. Вот любимый мой фрагмент: «Верить или не верить в Бога? Глупый и пустой вопрос: признавая человека в человеке, ничего попросту не остается, как признать Бога, да что признать, просто констатировать,

* Размышления о книге: Осипов М.Ю. Обретение. — М.: ТЕИС, 2011. — 591 с.

что Бог есть и что Он, будучи иномирным... э-э... феноменом, прямо в человеке и присутствует, даже если человек этот атеист и безбожник» (С. 136). И далее: «Но все пошло у Христа, видно не так, как ему думалось...». Человек не желал пойти за Ним, не желал становиться иным. Я давно уже заметил, что у Осипова особый взгляд на отношения между Богом и человеком. Мне иногда кажется, что Осипов, как когда-то С. Булгаков, хочет Бога защитить от человека.

«Быть русским невозможно», — говорит Осипов, и ты с ним соглашаешься. И дело не в том, что есть русские и еще есть россияне, не русские россияне. Кто бы ты ни был, но в России твоя жизнь должна быть служением. Здесь мы на службе. Здесь «воображение правит миром», — цитирует Осипов Наполеона.

Среди того, что я искал, все ли я нашел в «Обретении»? Нет, не все.

1. Если экономика — это движение вещей, опосредованных деньгами, то что с ней происходит тогда, когда сами деньги становятся товаром? Если деньги товар, то верна ли формула «деньги—товар—деньги»?

2. Допустим, что деньги существуют в головах людей. Но ведь есть еще и акции — это плод нашего воображения. И разные финансовые производные не совсем материальные вещи. Как же деньгам удается оставаться деньгами?

3. Если товар — это не только вещь, но и вещи без локализации в пространстве, то чем этот товар отличается от денег? Или этот товар — не совсем товар?

4. Не является ли финансовый капитализм тем странным образованием, которое возникает не благодаря новому технологическому уклону, а благодаря тому, что сознание и язык разошлись и между ними образовалась трещина, а мир стал жить в «визуальной комнате», в зеркальном шаре, в котором бесконечно умножилось «я», которое само себя не узнает.

За «Обретением» мы ждем новые сочинения Ю.М. Осипова, с новыми вопросами и новыми ответами. Читайте Осипова, и мир станет понятнее.

Ю.М. ОСИПОВ

Постреформизм и развитие*

Аннотация. Проблемы сегодняшнего дня — выход страны на путь жизнеспособного саморазвития, ее переход к новому, более совершенному состоянию, прорыв к всестороннему развитию.

Ключевые слова: Россия, развитие, реформы.

Abstract. The article concerns today's problems that are an exit of the country to a way of viable self-development, transition to newer perfect condition, break to a full development.

Keywords: Russia, development, reforms.

Российские власти наконец-то заговорили о *развитии страны*, не о пресловутых инновациях, за которые можно принимать все, что угодно, где угодно и по каким угодно мотивам, а именно о *развитии* как о феномене, не нуждающемся ни в каком особенном трактовании, кроме того, что развитие это переход (перевод) целостного организма в другое — более сложное, высокое и совершенное состояние, либо потенциально заложенное в самом организме и лишь выявляемое реальностью (от начала до конца существования организма), либо достигаемое в ходе жизнедеятельности организма как заимствуемое извне при условии реального движения организма навстречу заимствуемому образу будущего состояния.

В любом случае развитие — дело, деяние или свершение *всего* социо-хозяйственного организма, касающееся не отдельных черт, частей и моментов организма, его бытия, а *всей* системы организма, способа, характера или формы его существования в целом.

Примером собственного, «изнутри», эволюционного и импрессионного развития большого социо-хозяйственного организма служат качественные перемены в бытии Российской империи, ее социума и хозяйства, имевшие место на рубеже XIX—XX вв., а примером стимулированного, «извне», революционного и экспрессивного развития служат качественные перемены в бытии того же СССР времен первых пятилеток (1930-е прежде всего годы).

Главное, что и в Российской империи, и в СССР имело место именно *развитие*, хотя тогда же имело место и инновирование, но как внутренний, органический, встроенный момент *развития*.

* К выходу в свет: Постреформизм и развитие / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.; Киев, 2013. — 458 с.

Ныне, в 2000-е гг., в начале XXI в. Россия стоит перед острейшей потребностью не инновирования, да еще и типа «там и сям», а именно развития — всего организма и всем организмом. Задача грандиозная, еще толком в стране не осмысленная, но уже стоящая перед Россией во всю свою виртуально-проективную мощь.

В 1990-е и перводесятилетские 2000-е гг. о развитии никто в стране всерьез не помышлял, ибо все мысли «деловых людей» и не самых деловых «управленцев» были заняты частным грабительско-присвоительным накоплением — благо было что грабить! — грабили с упоением огромное «пост»-советское материально-производственно-потребительное наследство. Теперь же, когда грабительство прошло свою «первопроходскую» и даже стабилизационную фазы, приходится вольно или невольно задумываться и над... *развитием*... как раз и всего награбленного, ибо последнее в жестокой общемировой конкурентно-поглодительной схватке никак без целостного развития России не устоит.

И дело тут не только в инновировании самого по себе награбленного и присвоенного, а в развитии именно *всей* страны, без чего никакое награбленное и присвоенное, пусть и инновлируемое, не выживет.

Либо *вся* страна суверенно развивается, либо все награбленное и присвоенное становится через какое-то время... собственностью более сильных грабителей-присвоителей, а они всегда, как известно, тут как тут. Не оффшорный Кипр является для Российского грабокапитала опорой и защитой, а целостно развивающаяся, т. е. системно-сложная и идущая вверх, Россия.

И тут совершенно гадкая для грабокапитала дилемма: развитие страны вроде бы явно уже нужно, но... в режиме грабонакопительства страна развиваться не может. Сам же грабокапитал и является тут главным препятствием на пути потребного России и самому ему развития.

Понимают ли это российские всех властей предрержащие? Понимают, при этом понимая еще и то, что страна ныне, ежели сама по себе, то лишь в спровоцированном грабонакоплением *тупике неразвития*, из которого никакого автоматического самовыхода нет!

И опять, как это было всегда в России, взоры всех разработелей обращаются к... государственной власти: либо она, либо... *никто!* И очень не хочется либералам всех мастей никакого ответственного дирижизма со стороны центральной власти, а без власти и ее властного дирижизма в России никак не обойтись.

Куда ни кинь, а всюду вылезает неразвитие со стороны грабокапитала и выступает возможность развития со стороны власти — правда, вообще власти, а не той конкретно, что нынче в стране. Развитию

страны поэтому должно предшествовать — с опережением хотя бы на полгода — развитие самой власти — доведение властного организма до способности управлять искомым общенациональным развитием. Выходит, что потребна новая — уже «развитивная» — *административная революция* — что во власти, что по всей стране!

Что есть сегодня развитие? Вопрос не праздный, ибо это уже не одно лишь строительство новых предприятий и инфраструктур, хотя это тоже необходимо, — сегодня это более всего изменение образа, качества и состояния 1) человека, 2) социума, 3) жизни и 4) жизнеотправления, то бишь перемены не столько вширь, сколько вглубь, что как раз и возможно не только с развитым научно-техническим сектором, но и большой *идейно-духовной работой* или с *работающей идеологией*, чего в стране вообще сегодня нет, а то, что есть, вроде телевидения со всем его постмодерновым маразмом, работает по заведенному «передовым» западнизмом графику, а именно против человека, социума, жизни и жизнеотправления, труда и творчества, то бишь и самого развития.

Так что проблема развития в современной России — очень большая и каверзная проблема, далеко выходящая за рамки как материально-технической базы бытия, так и какого-то там непрерывного ее инновирования: это проблема *большой реформы*, причем реформы... *постреформенной*, реформы на марше — через *перестроение*, и перестроения *вырывательного*, — и только тогда страна сможет выйти на путь жизнеспособного саморазвития.

А времени нет, совершенно нет, но для того и метафизика истории, как и метафизика России, чтобы *разрешить неразрешимые задачи* — главное тут, очень захотеть и проявить волю, а что и как — решает уже сама текущая действительность!

Проблема развития сегодняшнего российского бытия давно в центре внимания научно-размыслительного сообщества, сформировавшегося вокруг Центра общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, тесно сотрудничающего с экономическим факультетом МГУ в лице прежде всего лаборатории философии хозяйства.

Учитывая остроту «развитивного» момента, Центр общественных наук и экономический факультет провели 5—7 декабря 2012 г. международную научную конференцию «Постреформизм на службе России: вырыв к развитию», на которой случилась большая заинтересованная дискуссия, позволившая весьма продуктивно осмыслить сложную проблематику и выйти затем на письменный материал, вошедший в данную монографию.

Плодотворно сотрудничающий с ЦОН при МГУ и экономическим факультетом МГУ украинский вуз — Национальный университет государственной налоговой службы Украины любезно согласился издать монографию, — и не только по причине присутствия среди авторов монографии украинских коллег, но и в силу явной адекватности проблематики и содержания книги социо-хозяйственной обстановке в Украине.

Так родилась актуальная и весьма содержательная научно-исследовательская работа, которую авторский коллектив представляет вниманию небезразличного читателя.

В.П. ОКЕАНСКИЙ

Компетенции без компетентности: новые угрозы качеству образования*

Аннотация. В статье указана колоссальная опасность формализующего вектора, наметившегося в процессе модернизации образования, интерпретируемой здесь как его окончательное убийство.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, образование, фундаментальность, аналитизм, симулякры, посредственность, дестандартизация.

Abstract. This paper presents an enormous danger of the formalizing vector emerging in the modernization of education, interpreted here as his final murder.

Keywords: competence, competency, education, basic, analytic abilities, simulacrum, ordinariness, destandardization.

В одном ряду декосмизирующих признаков макрокультурного «кризиса современного мира» [1], а точнее — его полного духовного упадка, выступают такие дегенеративные модели, как «философия без Мудрости», «даосизм без Дао», «христианство без Христа», «империя без императора», «успешность без успевания», «косметика без космоса», «экономика без хозяйства», «общественность без человека», «посредничество без сердца», «текстуальность без автора», «форматив-

* К дискуссии по проблемам образования (см.: Философия хозяйства. 2013. № 1).

Работа выполнена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки России в рамках соглашения № 14.В37.21.0030.

ность без содержания»; где-то здесь же обнаруживают себя и «компетенции без компетентности».

Компетентность — это знания, компетенции же — всего лишь соответствия... Наступательное подверствывание под вышеуказанную логику учебных программ всей нашей модернизирующейся образовательной системы, к чему ныне обозначен тотальный призыв, вознамеривается уничтожить на корню холистический и логоцентрический смысл образования в том виде, в каком он макроисторически оформился на протяжении нескольких тысячелетий, когда — пусть и весьма по-разному, но по большому счету — учили Истине.

Сегодня вырождение единого фундаментального знания в прагматическое многознайство псевдознатоков, которое, как отмечал еще Гераклит, «уму не научает», а целостного понимания реальности — в обладании разнохарактерной информацией о ней, что по сути является переходом от «знаниевой» модели образования к «умениевой» — все это представляет собой глубокую антропологическую катастрофу, возвращающую человека из стадии «разумной» в стадию «умелую», т. е. имеет место очевидное, контролируемое и, похоже, управляемое одичание. Правда, в этом грандиозном управлении роль гештальтов оказывается несоизмеримо могущественнее любых комитетов, которым этот процесс может быть подконтролен... Идеи, как всегда, бывают сильнее людей.

Принципиально аналитический характер компетенций не позволяет сформироваться ни проблемному знанию, ни целостному мыслительному опыту — на месте последних оказываются обычные для современного мира симулякры. А потому мы можем говорить здесь об агрессивном вторжении постмодернистской контркультуры в человеческую жизнь.

Ницше однажды заметил, что «образование в больших государствах будет в лучшем случае делом посредственным, подобно тому, как пища в больших кухнях приготавливается в лучшем случае посредственно». На наш взгляд, эта констатация вполне справедлива.

Но посредственный характер всеобщего образования, например, в советское послевоенное время сначала выражался в требовании всеобщего среднего образования. Далее дело пошло куда хуже, поскольку последнее в позднесоветский период стало трансформироваться в уже неписаное требование обязательного высшего образования, предназначенного для легитимной антропологической пригодности, что, в частности, выражалось известной циничной формулой: «Без бумажки ты — букашка, а с бумажкой — человек».

Таким образом, само высшее образование объективно было поставлено на понижающий конвейер. Тотальная коррупция в этой си-

стеме на исходе XX столетия привела к торжеству оглуляющих процессов: полному нивелированию проблемного характера образования, нигилистическому отношению к инерционно сохраняющимся ценностным требованиям его фундаментальности, вышеуказанному переходу от «знаниевой» к «умениевой» парадигме — т. е. к несомненной общеантропологической деградации, позволяющей сегодня культурфилософам (от Фукуямы до Тульчинского и Дугина) диагностировать «конец истории» человечества и начало «постчеловеческой эры».

В 1990-е гг. активно внедрялись риторика творчества и технологии креативности, которые больше тормозили живое учительское творческое отношение к своей предметной области, препятствуя ее саморазвертыванию — сегодня требования соответствий убивают последнюю возможность знания.

В принципе еще в середине XX столетия крупнейший европейский мыслитель М. Хайдеггер в одной из наиболее известных и читаемых его довоенных работ отмечал следующее: «Решительное развитие современного производственного характера науки создает соответственно и новую породу людей. Ученый исчезает. Его сменяет исследователь, включенный в штат исследовательского предприятия. Это, а не культивирование учености, придает его работе злободневность. Исследователю уже не нужна дома библиотека. Кроме того, он везде проездом. Он проводит обсуждения на конференциях и получает информацию на конгрессах. Он связан заказами издателей. Они теперь, между прочим, определяют, какие надо писать книги» [2, 99—100].

Если в середине XIX в. А.С. Хомяков мог позволить себе остроумно заметить о столичных интеллектуалах: «В Петербурге все понимают, но ничему не сочувствуют», — то в наши дни под угрозой оказывается само понимание, место которого все больше занимает оперирование информацией... «В прежние времена, — говорили в старом Китае, — у людей был живой ум: достаточно им было услышать одну единственную фразу, и они отказывались от дальнейшего обучения».

Западная идея «непрерывного образования» далеко отстоит от нашей народной пословицы «Век живи — век учись» — примерно так же, как самодовольная недоумочность современного антропологического типа предельно далека от евангельской духовной нищеты с ее метафизической жаждой (Мф. 5, 3).

Качество образования стало бы реальностью в совершенно иных условиях, исходно предполагающих его полную дестандартизацию, артистическую эксклюзивность и питающую небесную глубину. Но это был бы радикальный конец современной дегенеративной цивилизации и начало новой культуры, а такие вещи не моделируются на научных семинарах и постигаются всегда уже задним числом.

То позитивное, что может предложить здесь отечественная интеллектуальная культура, преимущественно выражено замечательными словами С.Н. Булгакова: «Церковная ограда должна вместить в себя не один дом для инвалидов и богадельню, для которых в ней находилось место до сих пор, но и рабочую мастерскую, и ученый кабинет, и художественную студию» [3, 75].

Литература

1. *Генон Р.* Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М., 2004.
2. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / Сост. П.С. Гуревич. М., 1986.
3. *Булгаков С.Н.* Церковь и культура // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991.

П.Н. ЕВСТРАТОВ

«Мы помним...»*

Аннотация. В рецензии рассказывается о книге воспоминаний и размышлений о Великой Отечественной войне «Мы помним...», вышедшей на основе проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов», об актуальности и важности воспитания патриотизма у молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, герои, подвиг, ветераны, труженики тыла, патриотизм, память, поколения.

Abstract. The review it devoted to the book of memories and reflections about the Great Patriotic War "We remember ..." that is out on the basis of the "I Am Proud of a Fathers', Grandfathers' and Great-grandfathers' Feat" project, urgency and importance of patriotic education of youth in modern conditions.

Keywords: Great Patriotic War, heroes, feat, war veterans, rear toilers, patriotism, memory, generations.

Это название книги, родившейся на тульской земле в честь Победы в Великой Отечественной войне, в результате осуществления под

* Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений: В 2 т. / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К, 2010, 2012. — 512, 444 с.

эгидой администрации Тульской области проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов». Первый том вышел в свет в 2010 г. по случаю 65-летия Победы, второй том (в двух частях), посвященный 70-летию битвы под Москвой и героической обороне Тулы, — в 2012 г. Авторы проекта и редакторы-составители — директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова профессор Ю.М. Осипов и профессор Тульского филиала РГТЭУ Л.И. Ростовцева.

Вполне закономерно, что данный проект возник именно в Туле. Еще в конце XV в. этот город превратился в главный форпост на южных границах русского государства. Весь мир знает о Великой победе на Куликовом поле. Большую роль в защите границ российского государства сыграли знаменитые лесные массивы — тульские засеки, созданные в XVI в. и выступающие как часть засечной черты. Они протянулись через тульские, калужские и рязанские земли и служили надежным барьером от иноземных захватчиков.

В XX в. немецко-фашистские завоеватели после триумфального марша по Европе остановили свое шествие и потерпели первое крупное поражение именно под Тулой и Москвой. Стратегия «молниеносной войны», обеспечивавшая им легкие победы на Западе, оказалась несостоятельной против СССР. Под Москвой и под Тулой потерпел крах план «блицкриг», и уже в 1941 г. перед всем миром была развеяна легенда о непобедимости гитлеровской армии. В срыве «молниеносной войны» огромную роль сыграли героические защитники Брестской крепости и городов-героев: Ленинграда, Минска, Смоленска, Киева, Одессы, Севастополя, Тулы, Москвы. Беспрецедентный подвиг и самоотверженность населения и воинских частей этих городов сковали крупные силы врага в тот период, когда он рвался через Тулу к сердцу нашей Родины — Москве.

Однако к сегодняшнему дню большинство ветеранов Великой Отечественной войны ушли из жизни, а оставшиеся стареют. И чем дальше уходят в историю события того грозного времени, тем отчетливее и яснее становится необходимость выяснения роли и значения того времени для наших современников, особенно для детей и молодежи. Связь с прошлым становится все более зыбкой. С уходом непосредственных участников войны

исчезает личная сопричастность к тем далеким героическим событиям, навсегда теряются живые трепетные нити, связывающие нас с тем легендарным временем.

Стремление сохранить в веках дух того героического времени, всего пережитого легендарным поколением победителей, показать внутренние истоки той Великой Победы в крайне трудные 1940-е гг. обусловило появление проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов,

прадедов», на основе которого и была создана замечательная книга «Мы помним...». Решению этой задачи помогали свидетельства не только оставшихся в живых непосредственных участников тех событий, творцов этой героической истории, но и молодого поколения, вступающего в жизнь: студентов, школьников, детей, внуков, правнуков, — рассказавших в книге о своих героях со слов родителей, бабушек и дедушек, а также благодаря сохранившимся в семьях документам (письмам, дневникам, фотографиям и др.). Они обстоятельно поведали о характере, работоспособности, заботах своих знаменитых предков.

В книгах представлены очерки четырех поколений о людях, ковавших Великую победу, прошедших суровыми фронтовыми дорогами, о тех, кто непосильным трудом в тылу приближал победу над врагом. У каждого героя очерка в неимоверно трудных условиях всегда сохранялась надежда и было стремление отдавать все силы служению своей стране, своему народу. Эти коротенькие рассказы помогают понять основы нравственности, моральную силу поколения освободителей, истоки их героизма, мужества, самопожертвования во имя своей Отчизны, своего народа. Я тоже участвовал в первой книге, изданной в 2010 г., перечитывал ее уже не раз, поэтому и расскажу о ней.

В предисловии Ю.М. Осипов показывает, что такое война, какие страдания и потери она несет в каждую семью, каждому человеку и государству в целом. А инициатор проекта Л.И. Ростовцева исследует слагаемые патриотизма ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла, подчеркивает, что он неизбежен и жизненно необходим и в современных условиях с точки зрения и государства, и отдельной личности. Быть патриотом — значит ощущать связь своей духовной жизни с духовной культурой своего народа. Отсюда патриот приобретает неиссякаемую творческую энергию, необходимую для развития своей Родины и укрепления ее обороноспособности.

Об истоках патриотизма, героизма, основах нравственности и самопожертвовании подробно и обстоятельно говорится в очерке Т.М. Осиповой «Лиза. Воскрешение из забвения». В девичью разведывательно-диверсионную группу во главе с Катей Пожарской в/ч 9903 входила погибшая в своем четвертом бою Лиза Беневская, тетьа автора. Молодые девушки шли защищать свою землю, свое Отечество, своих предков, свою семью, не посвящая в подробности своих близких. «Так надо», — сказала Лиза. Потому так долго она считалась пропавшей без вести, пока московские школьники-поисковики не нашли родственников погибшей девушки. Этот очерк открывает первый том проекта, потому что именно он вдохновил на разработку проекта и создание книги, и, как мне представляется, в силу особой роли

в войне разведки. Знаменитый маршал Советского Союза Г.К. Жуков, называя основные факторы, определившие историческую победу советских войск под Москвой, особо подчеркивал роль разведки. «Нашей разведке — писал он, — удалось одновременно установить сосредоточение ударных группировок противника на флангах фронта обороны и правильно определить направление главных ударов». Разведывательная группа Кати Пожарской также решала эту задачу. Лиза Беневская и ее подруги из любви к своему Отечеству, своей земле не жалели себя. Важную роль в воспитании юных героев сыграла их семья.

В очерке Л.А. Вознесенского о своем дяде, Николае Алексеевиче Вознесенском, уроженце Тульской области, обстоятельно охарактеризована личность выдающегося ученого и практика-экономиста, академика, председателя Госплана СССР. Убедительно показан его вклад в Победу советского народа в Великой Отечественной войне. Н.А. Вознесенский «с предельной точностью и оперативностью руководил важнейшими экономическими процессами: переключения гражданских отраслей на нужды обороны, перераспределения всех экономических и трудовых ресурсов страны в интересах фронта, создания системы снабжения фронта и тыла». Именно об этом писал Н.К. Байбаков в 1955 г. в своей книге «От Сталина до Ельцина», когда был Председателем Госплана СССР. Чувство гордости за туляков рождается также, когда читаешь и об Александре Алексеевиче Вознесенском, ректоре Ленинградского университета, эвакуации его в Саратов, его отношении к студентам и своим коллегам-преподавателям.

В книге «Мы помним...» с предельной объективностью на основе архивных, литературных источников, воспоминаний очевидцев показаны последствия 45-дневной оккупации Ясной Поляны, представлены материалы поисковых групп, маршрутов памяти. В главе «По дорогам войны» приводятся воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла.

Одна из глав посвящена воспоминаниям военного детства известными учеными. Интересно и честно передает дух войны Ю.М. Осипов. В.С. Кутепов рассказывает о своем отце, полковнике Семене Федоровиче Кутепове, ставшем прообразом генерала Серпилина в книге К. Симонова «Живые и мертвые». А.А. Соболевская и А.П. Попов вспоминают о своем тяжелом военном детстве и детстве современников.

Далее идут воспоминания об отцах и дедах. Этот раздел в проекте занимает самый большой объем, в нем работы 26 авторов: преподавателей и учителей, библиотекарей и медсестер, поэтов и священника. Они рассказывают о своих самых близких родных: об отцах и мате-

рях, дедах и бабушках, прадедах и прабабушках, об их вкладе в Победу в Великой войне, о преодолении трудностей, возникавших на их жизненном пути.

Вторая часть книги посвящена историям, сохранившимся в семьях школьников и студентов. Здесь видна *времен связующая нить*. «Познать историю не только умом, но и сердцем — это значит узнать, понять и пережить историю в живых человеческих лицах и судьбах, почувствовать их боль и надежды, приобщиться к поискам ответов на вечные человеческие вопросы, а значит постичь оставленные нам в наследство ценности» (С. 308).

Война на разных этапах для каждого человека, каждой семьи, да и страны в целом складывалась по-разному. И когда враг наступал и захватывал наши земли, и когда освобождались от вражеской оккупации город за городом, деревня за деревней, и когда война уже заканчивалась, и жены встречали своих мужей, матери — сыновей...

В статьях и очерках студентов высших и средних учебных заведений, школьников старших классов четко прослеживаются желание жить в мире, следовать ключевой заповеди христианства — не делай людям того, чего не желаешь сам, стремление к более глубокому изучению истории. «Хочешь знать будущее — изучай прошлое».

Очень показательны и трогательны до слез статьи учащихся профессиональных училищ из районов Тульской области. Вот что пишет учащаяся 2 курса «Профессионального лица № 1» г. Новомосковска Оля Ли в статье «Я буду искать своего прадеда!»: «Я стою у мемориального комплекса в Урванском лесу вместе со своими сокурсниками. Мы здесь потому, что сегодня 23 февраля 2010 г., и мой город в День защитника Отечества отдает дань памяти своим героям. Это они поздней осенью 1941 г., когда враг рвался к Москве, отдали свои жизни и остались здесь навсегда, отстояли столицу» (С. 378). Она слушает выступления и видит, как людской поток движется к мемориальному комплексу, как на могильные плиты ложатся живые цветы, как возлагают венки к Вечному огню. Звучит военный салют. И в эти минуты она дает себе обещание — найти могилу своего прадеда Горохова Валерия Ивановича, 1903 г. рождения, ушедшего на фронт в первые дни войны, воевавшего под Москвой, пропавшего без вести в декабре 1941 г. Она видела, как прабабушка всю оставшуюся жизнь ждала своего Василия, хранила ему верность и любила до конца своей жизни и умерла в 1995 г., когда ей исполнилось 90 лет. Что пришлось ей пережить? Однако бабушка всегда оставалась доброй и веселой, искренне любила своих детей, потом внуков, правнуков, и все они выросли достойными детьми своих родителей. А Оля еще раз твердо сказала: «Я буду искать своего прадеда!».

С особым чувством читаются письма-статьи школьников 5—10 классов из разных районов Тульской области. Вот их названия: «Я этой силы частица...», «Они свой долг исполнили сполна», «Пожелтевшие страницы дневника моего деда», «Я горжусь своей бабушкой», «Военное детство моей бабушки», «Я горжусь своим прадедом», «Все они несомненно герои» и т. д. Школьники с восторгом пишут о простых солдатах Великой Отечественной войны, офицерах и генералах, ученых и конструкторах военной техники. Так, ученица 8 класса Бородинской СОШ № 1 (бывший шахтерский поселок) Киреевского района Тульской области Барина Виктория Дмитриевна начинает свое письмо следующими словами: «Каждый день, просыпаясь утром, я мысленно благодарю за подаренную мне жизнь человека, который смотрит на меня с портрета. Это мой прадед — Михаил Ильич Кошкин, главный конструктор легендарного танка «Т-34», отец тридцать четверки, как называли его танкисты. Я никогда не видела дедушку Мишу, однако много знаю о его жизни и работе. Дух нашего семейного гения хранит его дочь, моя прабабушка, Елизавета Михайловна Кошкина, которая и познакомила меня заочно с прадедушкой» (С. 403).

Практически во всех семьях в небольших городах, рабочих поселках, сельских поселениях сохранилась традиция подробно рассказывать о членах своей семьи, хранить фотографии, подчеркивать заслуги каждого члена семьи перед Отечеством. Виктория Дмитриевна Барина подробно описывает весь жизненный путь дедушки со дня рождения — какие лишения испытывала семья, какие трудные ситуации пришлось пережить, как закалялся его характер, как стал не просто великим человеком, а патриотом Родины, бойцом за счастье других. Михаил Ильич ушел из жизни в 42 года, он заслужил все почести после смерти (умер 26. 09. 1940, затяжная простуда при испытании танка, воспаление легких). В 1942 г. ему присуждена Государственная премия I степени, а в 1990 г. было присвоено звание Героя Социалистического труда. В Харькове воздвигнут памятник «Главному конструктору и создателю танка Т-34 Михаилу Ильичу Кошкину». Рассекает волны корабль «Конструктор Кошкин». На всем нашем многотрудном пути к Победе от Москвы до Берлина воздвигнуто немало постаментов, на которых установлен Т-34. Такой танк установлен и в Могилевском сквере в Туле около Педагогического университета.

А заключает свою статью Виктория замечательными словами: «Я горжусь подвигом своего деда. Считаю Михаила Ильича настоящим патриотом, верным сыном своего Отечества. Я пока не решила, какой профессии посвящу свою жизнь, но знаю точно: память деда опорочена не будет» (С. 406).

Дети, выросшие в шахтерских поселках, хорошо знают, чем занимались их родители, а родители, в свою очередь, с ранних лет стремились незаметно, без назиданий, показать, что такое работа в шахте, как выглядит шахтер, выезжая на поверхность, как общество высоко ценит его труд. Поэтому школьники были уверены в себе и, чем бы они ни занимались, они не опорочат своих родителей, своих дедушек и бабушек. Для этих ребят и девочек не важно, где работают их родители — на шахтах, в оборонной промышленности, на машиностроительных заводах, в сельском хозяйстве, в отраслях перерабатывающей промышленности — главное, что они занимаются созидательным трудом, создают продукт для удовлетворения потребностей человека, что от опыта, знаний родителей, их труда зависит благосостояние народа и безопасность нашей Родины. А в заключение всегда звучат слова: «Я — внук (внучка), Я — правнучка (правнук) солдат Великой Отечественной войны. Я — потомок тех далеких, неизвестных мне русских людей, которые когда-то на Куликовом поле, в Отечественной войне 1812 г., в Великой Отечественной войне отстояли наше право быть одним огромным народом. Именно в этих молодых людях, в этом поколении просматривается будущее нашего Отечества.

В.Н. YERZNKYAN

Paradigmatic Knowledge *

Аннотация. В рецензии анализируется монография «Парадигматичность знания» Веселина Драшковича и соавторов. В монографии исследуется новая парадигматическая роль знания в современном обществе, в котором единственной определенностью являются неопределенность и постоянные изменения. «Знание — сила» только в развитой институциональной среде, в которой в полной мере реализована ось «знание—инновации—институты—развитие».

Ключевые слова: парадигматичность, экономика знаний, новая экономика, инновации, интеллектуальный и социальный капитал.

Abstract. The Review examine the monograph «Paradigmatic knowledge» by Veselin Draskovic, Radislav Jokovic and Mimo Draskovic. The monograph examines the new paradigmatic Role of knowledge in modern society, where the only certainty is uncertainty and permanent

* Рецензия на: Draskovic V., Jovovic R., Draskovic M. Paradigmatichnost znanja. — Kotor, 2013.

change. Knowledge is power only in a developed institutionalized environment, where the axis knowledge-innovation-institutions-development is fully implemented.

Keywords: paradigmatics, knowledge economy, new economy, innovation, intellectual and social capital.

The authors wrote inspirational 278 pages scientific monograph «Paradigmatic knowledge» as a rare, high-quality and durable ode to knowledge. Why ode? Because the authors skillfully select major thoughts and researches on the knowledge and put them in the function of their own research, by which critically rethink paradigmatic of «new economy» and «knowledge economy» and emphasize the broader and undisputed paradigm — knowledge. In addition, they connect paradigmatic knowledge with developed institutional environment, and this idea represents the distinct contribution of their work.

The text of the book is clear, concise, concentrated, high-quality, methodologically and technically flawlessly shaped, with a lot of elected citations, which are carefully selected and adapted to the thematic context. Instead of retelling, I will focus on some key sentences of the authors from the preface and short excerpts of the reviewers of the text. The authors conclude: «In the last 15 years, the importance of the many issues related to the knowledge and its management is rapidly growing, both in academic and research circles... The success and stability of modern companies predominantly depend on the continuity of innovation. It imposes a shortened life cycle of goods and services. Economic growth and development depend on the continuity of technological revolutions that change the structural characteristics of the socio-economic relations. In all these fields, knowledge is an obligating component, and therefore it imposes, among other things, the idea of its paradigmatics... Paradigmatic knowledge is indisputable today for several reasons, but primarily because of its dominant importance for the future of humanity and sustainable development. In addition, another reason is the number of theoretical concepts containing knowledge: a) the concept of knowledge as the only unlimited resource and the key factor for sustainable development, b) the concept of knowledge as a product, because production of knowledge is the most important determinant of modern economics, c) the concept of codified knowledge, which becomes the most important component of the economic relations, d) the concept of economy knowledge and society knowledge as the most important consequences of information society development, and e) the concept of the new economy (hereinafter n. e.) as questionable theoretical and methodological construction, found in the jargon and articles of many authors... The complexity, uncertainty and

variability of the environment are the only constant components in the life of an organization. Under those circumstances, the sustainability of any business system requires knowledge, its use and continuous growth. This is also the reason to accept the idea of paradigmatic knowledge». (the preface)

Although the authors advocate the paradigmatic knowledge in general and civilizational terms of its outstanding achievements in recent decades, they correctly state: «In view of the new paradigm... new economy deserves that title only in terms of creating a completely new economic reality, business skills, new nature of the company, its structure and organization... No matter how more or less paradigmatic significance has been affixed to new economy, period of its creation caused significant and revolutionary changes, which have been scientifically monitored, analyzed and researched. Economic science and economic reality have entered a new epoch long time ago, which can be defined as pluralistic institutional and economic synergetics. It rests on the evolution of complex, dynamic, open and virtual business systems based on the principles of flexible self-organization, equal and “floating” (mobile, temporary) cooperation between partners and limited autonomy. It is expected that the rapid changes of the economic reality (influenced by new economy), the structure of contradictions, priorities, value system and criteria, affect the development of many new directions of economic thought».

In the book, the authors point out in the original way: «The growing role and value of the knowledge in creating a competitive advantage in modern turbulent conditions, where the only certainty is uncertainty; The imperative necessity of forcing its maximum and the broadest use at all levels and in all segments of society; The need for continuous learning and acquiring new knowledge, without whom sustainable development of economy and society would be hard to imagine; The fact that developed institutional environment is the most important condition for creating a successful model of knowledge use and management; The need for civilized relation towards the knowledge; The need for adequate investment in knowledge, expansion of knowledge and specialization of existing and available knowledge; The need for productive use of other people's knowledge and innovation to the highest extent; The need for an impartial selection, evaluation, and appreciation of knowledge at all levels and in all sectors of society; and The need for a critical attitude towards the quasi-knowledge».

I was particularly impressed with the following critical, warning and welcome remarks by the authors: «The future will only exacerbate the stated need for knowledge. That is particularly important in the current situation of hyper-producing graduations without real coverage in

knowledge. Hopefully, in this region will soon really respect and motivate knowledge, not just mention it, rhetorically and formally, in the media, and essentially bypass the reality. We believe that the evaluation criteria and standards of knowledge transfer should and must be at the highest possible level, in every way. This is the only solution for a successful future and for overcoming all of the crisis. In the field of knowledge there is no room for improvisation, omissions, concealment and manipulation».

Throughout the text, the authors prove their basic idea that «knowledge is power», but only in a developed institutionalized environment. Ignorance is weakness... But ignorance (conscious or unconscious) can sometimes be used as a successful and interesting method of a primitive tool of so-called «elite» and alibi-reformers for initiating mass delusions, confusions, replacement thesis, etc.. And it may sound (and it is) absurd, paradoxical and illogical.

This manuscript is structured in three parts, forming a compact unit and logical step in the historical, research and methodological point of view. A consideration of paradigmatic knowledge begins with the characteristics and phenomena of n. e., the knowledge society and economic network, further expanding of the knowledge economy and its major determinants (knowledge, innovation, intellectual and social capital). It ends with many complex aspects and models of knowledge management.

In the review of Professor E. Popov (Member of Russian Academy of Sciences Chief Secretary of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences) expressed compliments to authors, who have wide experience in preparing of «Montenegrin Journal of Economics» and who organized the prestigious international scientific conference in October 2012 (in Kotor, Montenegro). Having got the text in mother tongue of the authors, Professor Popov was not able to point out numerous qualities which characterize the considered book. However, he will certainly do in its upcoming edition in Russian and English, as the known publishers are interested in publishing of the book. Popov declared: «This new monograph is devoted to the problem of knowledge application in economics. Here one may see many spheres of application and the authors analyzed this spheres: new economy, society of knowledge and network economy. Also the monograph was divided on several perspective sections. Growing role and importance of knowledge, the necessity of constant learning, the importance of knowledge, the connection between economy of knowledge and knowledge management, and other items discussed in the book. To my mind this monograph titled «Paradigmatic of Knowledge» will be the good handbook and scientific investigation for the scientist who take part in the knowledge economy researches».

Professor M. Jaksic (University of Belgrade, Faculty of Economics, Serbia) pointed out that the authors have dedicated this book to «unbreakable and increasingly important connection between education, knowledge, innovation and competitive advantage of nations, because the sources of wealth of nations today must be seek in these intangible factors. In the book, the authors discuss the growing role of knowledge to create competitive advantages in the present conditions of uncertainty. It imposes determinants such as: innovation, sustainability, inclusive institutions, stimulative regulatory environment, continuous learning and acquiring new knowledge, investing in knowledge, dissemination of knowledge, and the improvement of existing available knowledge. The guiding idea of the authors is that dominant importance of knowledge primarily determines the development strategies and appropriate policies at national and corporate levels, and that the development of knowledge requires developed and stable institutional conditions».

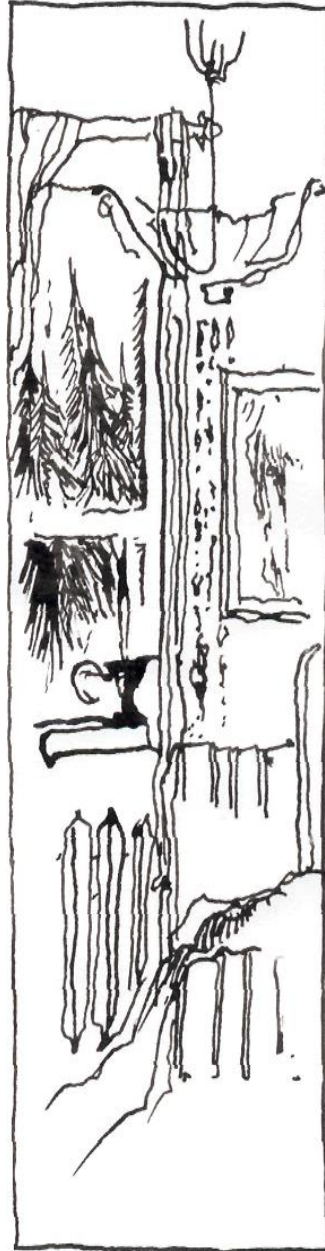
Jaksic further stated that «academic, scientific founded, open and comprehensive analysis characterize their general theoretical approach, which allows the authors to comprehensively and thoroughly, without apriorism and exclusiveness explain important issues in the modern society and economy. And just — the axis knowledge-innovation-institutions-development — is what separates successful from unsuccessful, prosperous from stagnating, and allows the former climb up on the world scale of the social and economic development. These important drivers of the social and economic development are explained when the authors write that the knowledge economy has formed until recently — unseen phenomenon — an open economy virtualization, its dematerialization and great independence of national borders. Economic, political, civil and social power in the world will not only determine the amount of resources which possess the specific social and/or national community, its size and economic power, but knowledge and skills to use their resources of the most efficient manner».

The authors suggest that continuing learning is the precondition for achieving «knowledge society, pointing to the consequences that it has on the learning organization and the enterprise economy, the nature of institutions, the establishment of the network of relations, the growing importance of supporting regulatory mechanisms of the body, which, like a spider web should encourage networking of key stakeholders. The authors point to the extraordinary importance of the link between paradigmatic knowledge and institutions, which can provide the overall social and economic progress in terms of permanent changes. With great pleasure propose of this book for publication, which is by its nature a scientific monograph».

Professor D. Stoyanov (University of Rijeka, Faculty of Economic, Croatia) said: «Already in the first chapter of the manuscript “Paradigmatic knowledge” readers will be intrigued by the paradoxical chart, on which the supply curve has a negative slope, and the demand curve has a positive slope. Authors resolve the paradox, in a scientific, elegant and clever way. The new economy, the knowledge economy, virtual economy, information economy, or cyber economy, transform the image of neo-classical paradigm in the new history, which is in front of us: In the situation of network resources, supply and demand curves are changing traditional place. The authors in an expertly and authoritative manner are accessing explication and explanation of the main tendencies of the modern development in the areas dominated by knowledge and affirmative attitude towards it: the new economy, the knowledge economy and the knowledge management. They point out that this is the world of a civilization breakthrough, and paradigmatic phenomenon that deserves a comprehensive review... The authors in a lucid manner and farseeing, unlike the neoclassical static and their structural abstraction, and neoliberal fog, conclude that for the development of knowledge economy, in addition to investments and other factors influence, the developed and stable institutional conditions are necessary, and that the revolutionary changes in the role of knowledge in the new economy are a proof of its paradigmatic nature... Monograph “Paradigmatics of knowledge” is such a scientific paper which will not leave anyone indifferent, and everyone will learn from it a lot, even those who believe that they know everything about the new economy. It is our honor and pleasure to propose a publisher to print this, above all, long-awaited manuscript».

Almost eagerly anticipating the publication of this extremely high-quality and avant-garde manuscript in Russian and English, by some of the famous publishers I take this opportunity to heartily recommend it to Montenegrin and regional scientific communitys, and to the wider reading circles. This will be the best evidence of the need to continually expand knowledge and a variety of viewpoints on the same issues and phenomena.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

2 марта 2013 г. на факультете управления Варшавского университета состоялся международный симпозиум «Системное перестроение и новый облик объединенной Европы. Польша и Россия в актуальном международном контексте», в котором приняли участие члены АФХ доктора наук К. Рычь (Варшава, Польша), Ю.М. Осипов, В.Т. Рязанов (СПб.), С.С. Мишуров (Иваново), кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), К.А. Зимарин (Лимассол, Кипр), Е.С. Зотова, научный сотрудник Т.С. Сухина.

Системное перестроение и новый облик объединенной Европы

Аннотация. Представлен краткий обзор докладов на польско-русском симпозиуме, прошедшем в Варшаве 2 марта 2013 г., посвященном проблемам Польши и России в актуальном международном контексте.

Ключевые слова: Польша, Россия, объединенная Европа, кризис, государство.

Abstract. Succinct reports overview of the Polish-Russian symposium, held in Warsaw on March 2, 2013, devoted to the problems of Poland and Russia in the current international context.

Keywords: Poland, Russia, united Europe, crisis, state.

После приветственного слова декана факультета менеджмента Варшавского университета профессора Яна Турины председательствующий на симпозиуме с польской стороны профессор Варшавского университета К. Рычь обозначил проблематику симпозиума: что происходит в Европе, в Польше и в России в современных условиях, каково течение кризиса и каковы перспективы в будущем; изменяется ли Европа и вообще вся мировая экономика; как Польше и России взаимовыгодно сотрудничать.

Профессор К. Рычь напомнил, что Польша и Россия, их экономики, тесно связаны исторически. Но сейчас главным экономическим партнером Польши является Германия; экспорт в Германию в 6 раз больше, чем в Россию; по импорту в Польшу Россия тоже не на 1-м месте, хотя является главным поставщиком нефти и газа. При этом нет никаких важных причин, препятствующих интенсификации польско-русских экономических отношений. Тем не менее профессор подчеркнул, что экономические отношения это не самое главное, важно чтобы отношения были цивилизованными, дружескими, конструктивными. Он поставил ряд вопросов: 1) заинтересована ли Россия в укреплении связей и заключении договоров с Европейским сою-

зом или с отдельными странами ЕС?, 2) что означает вхождение Польши в еврозону — шанс или ловушку?, 3) какие нужны отношения с Россией, чтобы было взаимовыгодно?

Далее К. Рычь передал слово сопредседателю симпозиума профессору Ю.М. Осипову, который выступил с докладом на тему «Европа и мир: от истории к современности». Ю.М. Осипов подчеркнул, что именно Европа, реализовав Ренессанс и увлекшись Просвещением, создала новый мир, обеспечила движение прогресса по экспоненте, оторвалась от прошлого и распространила свое культурно-колониальное влияние на весь мир, сделав его европейским. Многовековая мечта Европы — стать Новым Римом. Но только после Второй мировой войны возникли реальные условия для внутриевропейской мирной консолидации, объединения и создания единой Европы. Все предпринятые в предыдущие эпохи попытки создать в Европе империю не удавались, империи рассыпались, вплоть до Австро-Венгерской, Германской, включая и вновь было возникший Третий рейх.

Ю.М. Осипов согласился с К. Рычем, что главное — не экономический кризис, а то, что Европа не может оставаться такой, какая она есть. Ей надо измениться, найти новую форму бытия. Если Европа хочет быть Римом, то надо устанавливать единое правление, вполне и центральное. А как это сделать, если существуют национальные государства со всеми между ними противоречиями? Однако, чтобы преодолеть имеющиеся ныне проблемы, Европе придется стать более авторитарной, империльной, централизованной:

«Европе надо сейчас переставать быть Европой, становиться не европейской уже империей. Вроде бы это невозможно, это фантастика. Но политика — искусство невозможного, и все основные трансформационные процессы происходят, когда они невозможны. Похоже, что в Европе нарастает некая Антиевропа, которая хочет покончить с Европой, как хотели Наполеон, Гитлер. Кризис носит апокалиптический характер — из него нет видимого выхода. Либо произойдет чудо и Европа сохранится консолидированной, но станет другой, либо — у нее нет никаких общих перспектив. Тут мы можем вспомнить В.И. Ленина с его критикой тезиса “Соединенных Штатов Европы”... С одной стороны, Европа показала, что можно объединяться, а с другой — нынешние проблемы, делающие Ленина опять актуальным».

Ю.М. Осипов обратил внимание, что по сравнению с Европой у России сейчас одно серьезное преимущество — свой глубокий кризис она прошла в 1990-е гг., отказавшись от советского империализма, но не перестав быть для себя империей. Россия играет на мировом гео-

политическом поле — между Европой, США и Китаем, и другого выхода, кроме затяжной игры, для нее сейчас нет. В чем заинтересована Россия? В сильной Европе. Поскольку мир сейчас мутационный и турбулентный, брать на себя слишком определенную стратегию Россия не может. Главная задача сейчас — сосредоточиться, встать на ноги. И вряд ли она сейчас будет вступать в тесные альянсы с кем-либо.

По мнению Ю.М. Осипова, в Европе имеет место что-то вроде перехода от демократического древнего Рима к Риму имперскому, как во времена Юлия Цезаря. Перед Европой открывается целый пучок возможностей, и может произойти все, что угодно. А у России же остается возможность маневра, что не предполагает обязательного вхождения в Европу.

Далее с докладом на тему «Объединенная Европа перед лицом системного кризиса: экономика и политика» выступил профессор В.Т. Рязанов. Он рассмотрел проблемы, отчетливо проявившиеся в ходе кризиса: «Кризис последних лет фактически завершил нынешнюю волну глобализации, если под ней понимать попытку замещения наднациональными регуляторами национальных регуляторов. И сейчас возникает не менее сложная проблема: как соотносятся экономические возможности региональных союзов с ролью национальных государств».

Одним из способов выхода из кризисов, по мнению В.Т. Рязанова, может быть укрепление региональных союзов. В мире существует уже около 20 достаточно плотных экономических союзов и 280 торговых соглашений. Самым амбициозным и продвинутым интеграционным проектом является ЕС, и именно ЕС не смог избежать кризиса, более того, основные сложности касаются именно ЕС. Отсюда России и другим странам приходится очень внимательно относиться к интеграционным процессам, изучать имеющиеся возможности и ограничения.

Рассматривая интеграционные процессы в Европе, профессор Рязанов обратил внимание на то, что наряду с дополнительными возможностями развития, интегрирующиеся страны сталкиваются с ограничениями и пределами, мешающими успешной интеграции:

1. Культурная и экономическая близость стран.
2. Близость уровней и характера экономического развития. Одна из проблем — усиливающаяся дифференциация внутри ЕС — 1:8.
3. Разная эффективность управления на общеевропейском и национальном уровнях. Централизация ведет к чрезмерной бюрократизации, которая может оказаться серьезным фактором, способным изменить характер и конфигурацию Европейского союза. Кризис проявил

проблемы и ограничения в управлении, требуются серьезные перемены, которые должны изменить природу всего Европейского союза

Профессор В.Т. Рязанов отметил, что объединенная Европа — эта давняя политическая европейская мечта — пока остается мечтой, достижению которой все еще мешают противоречия и различия в уровнях развития между интеграционными странами:

1. Нравится это кому-то или нет, но в экономике самым эффективным управляющим центром является государство. Государства должны вернуться в экономическую жизнь, возможно, в каком-то новом качестве.

2. Интеграционные союзы следует строить на принципах равномерного участия в международном разделении труда, а не просто встраивания стран в глобальные цепочки. Отсюда потребность в новой модели экономической интеграции, в которой учитывались бы интересы большинства стран, и присутствовало бы равноправие в этом интеграционном процессе.

В своем докладе на тему «Европейский союз, Польша и Россия в контексте взаимосвязи мирового и внутреннего рынков» профессор В.В. Кашицын рассмотрел ряд вопросов, стоящих перед Польшей и Россией в современных условиях. Проанализировав динамику основных количественных показателей, характеризующих экономическое развитие Польши за последние 50 лет, он отметил, что, несмотря на рост валового внутреннего продукта и доли валового внутреннего продукта страны в мировом валовом внутреннем продукте, лишь в 2012 г. этот показатель сравнялся с 1970-м г. Наблюдается рост внутреннего валового продукта на душу населения, но при этом характерна большая волатильность — степень колебаний динамики темпов роста очень велика.

На взгляд В.В. Кашицына, современный кризис отличается эффектом наложения кризиса на кризис, а потому оттягивать, амортизировать или ликвидировать циклические колебания существующими методами уже невозможно.

Какие есть пути преодоления возникших проблем и какие в связи с этим возникают вопросы?

1. Всегда эффективно объединение, оно возможно двумя способами: 1-й — путем подавления и поглощения, 2-й — путем объединения и кооперации. Сейчас доминирует методология поглощения.

2. Возможно ли вообще объединение посредством кооперации в конкурентном поле?

3. Возможно ли перейти от унитарной глобализации к многополярной конкуренции?

Кооперация, базирующаяся на добросовестной конкуренции, маловероятна и очень проблематична. Страны ЕС пытаются балансировать на интеграционном поле. Основная причина создания ЕС — стремление объединить усилия, чтобы быть одним из мощных центров в мировом хозяйстве, но внутренние проблемы ЕС привели к ряду существенных проблем. Высшим критерием является выравнивание показателей внутри объединения, но дифференциация растет по всем показателям все 50 лет, в связи с чем усугубляются проблемы, что видно на примере, прежде всего, южных стран. Ленинский взгляд на СШЕ не абсолютен, но по-прежнему актуален.

Профессор С.С. Мишуков выступил с докладом на тему «Международные экономические отношения: регионально-психологический аспект», в котором на примере аналогичных по структуре регионов России, Польши и Германии рассмотрел характерные для процессов глобализации проблемы — конфликт между интересами интернационализированных элит и потребностями местных градообразующих отраслей.

Основной вывод, к которому приходит С.С. Мишуков — необходимость не только реиндустриализации, но и ресубъективизации. Региональные сообщества потеряли возможность выступать в роли самостоятельных субъектов. Уже почти нет субъектов, привязанных к земле. Каким образом прикрепить элиту к земле? Функцию создания коллективного субъекта для местного сообщества может выполнить интеллектуальная элита, которая является хранителем мифов, формирующих сознание и способствующих формированию национального самоощущения. Именно интеллектуальная элита способна выполнить функцию прикрепления элиты и ее интересов к родной земле, что в перспективе потребует переориентации механизмов взаимодействия региональной элиты и элиты глобальной. Альтернативой глобализации как формы глобальной власти может быть интернационализация, в которой каждый субъект сохраняет свою национальную идентичность. Взаимодействие осознающих свою идентичность субъектов может быть спасительным решением для процессов интеграции, испытывающих сегодня значительные космополитические трудности.

Руководитель одного из банков К.А. Зимарин сказал в своем выступлении, что текущие проблемы Европы во многом связаны с тем, что в Европе существует налицо разрыв в уровнях социальной жизни и экономической жизни. Единая Европа уже сложилась, сейчас нет вопроса — быть единой Европе или не быть, а есть вопрос — какой быть единой Европе. Сейчас просматривается тенденция: крупные европейские банки будут все более и более превращаться в паневропейские банки. Мелкие и средние банки будут исчезать. Поэтому идея

централизации не обязательно должна проводиться в рамках идеологии Ленина и Каутского. Есть вполне обоснованные практикой экономические механизмы, которые ведут сегодня к централизации экономической жизни в Европе. Европейский экономический кризис с профессиональной точки зрения, по мнению К.А. Зимарина, во многом уже преодолен, и абсолютно понятно, что делать дальше: банки должны быть докапитализированы. Это будет происходить либо путем привлечения новых вкладчиков, акционеров, либо через дальнейшее укрупнение самих банков. Все больше и больше будет происходить разрыв между национальным уровнем и международным финансовым верхом. Важно, что национальные регуляторы, потеряв уже эмиссионные центры, теряют понемногу и надзорные функции. Как все это будет сочетаться с политикой социального государства? Европа — это общество не только свободно передвигающихся без визы людей, использующих единую валюту, но, прежде всего, общество людей, объединенных единым стандартом жизни. Как такой сильный финансовый надзор будет сочетаться при абсолютно разном социально-экономическом развитии стран с единым стандартом потребления? Это как раз тот главный вопрос, на который предстоит ответить объединенной Европе в ближайшем будущем.

Т.С. Сухина

* * *

12 марта 2013 г. состоялось очередное заседание теоретического семинара «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Неувядаемое учение (к 500-летию создания проникательным и мудрым Никколо Макиавелли страшного и бессмертного произведения “Государь”», на котором выступили доктор наук Ю.М. Осипов, Г.Р. Наумова, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, кандидаты наук М.Н. Глазунов, И.П. Смирнов, Е.Х. Хабибуллина, научный сотрудник А.А. Антропов, координатор проектов «Диалог цивилизаций» С.П. Шевчуков.

* * *

20—21 марта 2013 г. в г. Москве под эгидой Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Института экономики Российской Академии наук состоялся Московский экономический форум. На пленарной конференции форума «Экономическая свобода и социальная справедливость: уроки мирового экономического кризиса» выступил директор ЦОН, президент АФХ Ю.М. Осипов.

21 марта 2013 г. в рамках Московского экономического форума был проведен круглый стол: «Развитие: что, как, кто?». С основным

докладом выступил доктор экономических наук Ю.М. Осипов. На круглом столе выступили доктора наук М.Л. Альпидовская, Е.А. Жуков, Л.А. Карасева, Е.А. Карцев, С.С. Мишуров (Иваново), Г.Р. Наумова, В.П. Орешин, И.В. Пшеницын, В.В. Чекмарев (Кострома), Т.Н. Юдина, кандидаты наук Ю.Н. Москалев (Н.Новгород), Е.В. Шелкопляс (Иваново), специалист Н.О. Глаголева, соискатель И.И. Рудяк. В дискуссии также приняли участие Е.С. Зотова, Е.В. Косов, О.Б. Лемешонок, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына, И.В. Шевченко, С.П. Шевчуков, Н.Б. Шулевский.

* * *

5 июня 2012 г. в Нанкинском университете и 8 июня 2012 г. в Шанхайском университете (Китай) состоялись научные и учебно-методические конференции «Межкультурный диалог России и Китая: проблемы и перспективы». По приглашению китайской стороны с докладом выступил профессор МГУ, член ФЭУС В.Ф. Шаповалов. Публикуем краткое содержание доклада.

В.Ф. ШАПОВАЛОВ

Характерные черты и особенности российской цивилизации

Аннотация. Дается краткая характеристика фундаментальных черт российской цивилизации, сохраняющихся практически на всем протяжении ее истории и составляющих основу ее существования и развития. Раскрываются понятия этно-конфессионального ядра, культурно-генетического кода цивилизации и целого ряда других, показаны некоторые особенности русской культуры.

Ключевые слова: российская цивилизация, этно-конфессиональное ядро, культурно-генетический код, общественный идеал, ценности, образ жизни и мысли в России, место в мировом сообществе.

Abstract. The report was dedicated to scientific description of some basic features of Russian civilization during whole it's history to be founder it's existing and development. The report considers concepts ethnic-confessional nuclear, cultural code of civilization and some others.

Keywords: Russian Civilization, ethnic-confessional nuclear, cultural code, Russian ideal social, values, life and thought in Russia, place in the world community.

Россия — самостоятельная цивилизация, страна-цивилизация в мировом сообществе цивилизаций. Одна из ее особенностей — расположение на двух континентах — в Европе и в Азии. Поэтому она вобрала в себя элементы культуры как европейского, так и азиатского регионов. Однако было бы неправильным квалифицировать ее как евразийскую цивилизацию. В этой связи следует признать, что концепция евразийцев, при всех ее достоинствах, не полна. Она не учитывает того факта, что европейские и азиатские элементы слились в России в нерасчленимое единство, образовали новое качество. Это новое качество и выражается в понятии «российская цивилизация».

Российская цивилизация исторически сформировалась вокруг ее этно-конфессионального ядра — русского (древнерусского) народа и православного христианства. Это ядро сплотило вокруг себя множество народов различной религиозной, расовой и культурной принадлежности. К числу основных факторов, определяющих характерные черты и особенности российской цивилизации, относятся природно-климатические условия, многонациональность и многоконфессиональность. Этно-конфессиональное ядро и природно-географические условия предопределили культурно-генетический код российской цивилизации. Под культурно-генетическим кодом понимается особая программа, в известной мере аналогичная генетической программе развития живого организма. Вместе с тем аналогия с генетикой в данном случае имеет условный характер.

Культурно-генетический код ни в коей мере жестко не предопределяет ни общественно-политического устройства цивилизации, ни ее экономического уклада, хотя, несомненно, оказывает на них влияние в составе большой совокупности факторов. В наибольшей степени он устойчив в рамках повседневной жизни людей, в рамках «мира повседневности», поскольку повседневность протекает в тесной связи с природно-климатическими условиями той географической территории, на которой располагается цивилизация. Надо также учесть, что повседневность, как правило, тесно связана с семьей, она есть по преимуществу общение в кругу родителей и близких родственников. А именно семья как первичная клеточка общества является основой сохранения традиций и передачи их от поколения к поколению.

Культурно-генетический код есть то, что делает данную цивилизацию «тем, что она есть», сохраняет ее собственное «я» — то, благодаря чему она остается сама собой. Иначе говоря, культурно-генетический код составляет сердцевину того, что принято называть «национальной идентичностью» как страны в целом (в нашем случае

— России), так и отдельной личности, без понимания и чувственного восприятия чего невозможно ощущать себя россиянином, русским.

Надо отметить, что национальная идентичность России, основанная на этно-конфессиональном ядре и культурно-генетическом коде, на протяжении практически всей истории России постоянно подвергалась давлению извне, главным образом, со стороны стран Запада. Такое давление и попытки сломать культурное своеобразие России обусловлены многими причинами, в частности, существенными различиями между Россией и Западом, а также противоречиями геополитических интересов. В силу этих причин установление равноправного диалога между Россией и Западом часто превращается в трудную задачу. В последние годы попытки подравнять все страны под один стандарт, который руководство США считает единственно верным, заметно активизировались. Однако есть все основания полагать, что Россия, как и другие страны, найдет в себе силы, сохраняя свою самобытность, идти вместе с тем по пути научно-технической и экономической модернизации.

По словам Н.А. Бердяева, «есть сходство между географией природной и географией душевной» [1, 36]. Равнинный характер территории, широта и необъятность российских просторов, суровость климатических условий при неустойчивости и переменчивости погоды — эти и другие факторы существенно повлияли и влияют сегодня (несмотря на значительную урбанизацию) на менталитет россиян, вне зависимости от их этнической и иной принадлежности. К числу свойств российской ментальности следует отнести широту мысли и взгляда, деловой материализм, высокую оценку воинского духа и воинской доблести, а также склонность к юмору, розыгрышу, шутке («смешливость в природе русского крестьянина» — А.С. Пушкин [2, 112]).

Особенности российской цивилизации связаны в первую очередь с ее основными ценностями. Такими ценностями являются, во-первых, справедливость — понятая как наказание за зло и воздаяние за добро, во-вторых, красота в собственно эстетическом смысле — в отличие от западного понимания красоты, как правило, связанного с целесообразностью.

Значительную роль в культуре российской цивилизации занимает понятие любви, трактуемой часто не только в плане отношений между людьми, но и как универсальная, космическая сила. Особенно ярко отражаются роль и значение любви в русской классической литературе и философии. Тесно связаны с понятием любви и такие понятия, как милосердие, сострадание, помощь слабым, забота «об униженных

и оскорбленных». Они также нашли свое яркое выражение в русской классической литературе и философии XIX в.

В русской культуре с любовью связываются различные стороны жизни и деятельности человека — познание, творчество и др.

Роль российской цивилизации в мировом сообществе определяется заинтересованностью в обеспечении мировой стабильности, поскольку Россия обладает всеми необходимыми внутренними условиями и источниками экономического роста и политической самостоятельности. По этой причине она не заинтересована в агрессии по отношению к другим странам. По той же причине внутреннее стабильное развитие России во многом способствует поддержанию стабильности в обширном прилегающем к ней регионе, а также и в мире в целом. Как показывает исторический опыт, внутренняя дестабилизация России приводила к войнам и иным потрясениям — на обширных пространствах за ее пределами⁵⁴.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1995.
2. *Пушкин А.С.* Записки на дороге // Пушкин А.С. Соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1960.

⁵⁴ Автор выражает признательность китайской стороне за приглашение и внимание во время пребывания в Китае. Особая благодарность профессору Ван Дзясину, заведующему отделением русского языка факультета иностранных языков Нанкинского университета.

* * *

Анонсы

Ломоносовские чтения — 2013

**ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

Инновационное развитие экономики России: региональное разнообразие

17—19 апреля 2013

Секция лаборатории философии хозяйства

Неоиндустриализация как проективно регулируемый инновационный процесс

России необходима неоиндустриализация, осуществляемая вполне проективно под водительством и при участии государственно-корпорационного неодирижизма. Дело тут не в идейных симпатиях, а в жесткой необходимости. А потому: обоснование, концепции, механизмы!

18 апреля 2013 г.

Круглый стол

Российские университеты: что происходит?

19 апреля 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

II РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СИМПОЗИУМ

Русская мысль в Париже: Н.А. Бердяев

Русский эсхатологический экзистенциализм. Вестничество под прищотром апокалипсиса. Вехи в ннкуда или же в иной мир. Учение о богочеловечестве и искания человека в Боге. Философия конца и... начала.

Париж, апрель 2013 г.

* * *

V МЕЖДУНАРОДНЫЕ ФИЛОСОФСКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ

**«Философия финансовой цивилизации: человек
в мире денег»**

КРУГЛЫЙ СТОЛ

**Учение о ноосфере через призму философии хозяйства
и финансоведения**

(к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского)

Ноосфера — сфера сознания, как человеческого — индивидуально-го и общественного, так и — в предположении — космического, а также — для религиозного сознания — божественного. Сфера слова, языков, понятий, чисел, счета, смыслов, мудрости. Сфера духо-идеальной организации человеческого, — надо полагать, и божественного тоже, бытия. Сфера Софии и Логоса, как и антиСофии и антиЛогоса. Сфера хозяйства, но и сфера экономики, денег и финансов, экономического счета и расчета. Современный кризис ноосферы со стороны человечества. Патаноосфера и нарастающая апокалиптика. Движение по пути очищения и преобразования. Мечты В.И. Вернадского.

16 мая 2013 г.

Львов, Львовский институт банковского дела

* * *

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ

**Украина и Россия, Россия и Украина:
особость, общность и совместность.
Экзистенциальная историческая драма**

Две родственные страны, два братских народа, одна цивилизация, общая история, народнохозяйственное переплетение, но наряду со взаимным тяготением — невзаимное отталкивание. Развод с не-

приятню или же приятню без развода? Искусство компромисса и практика взаимоприемлемой совместности. Не слияние, а единение — на основе и в рамках союзнической солидарности. Новые времена, новые реалии, обновленное сознание, обновленное взаимопонимание. Совместная будущность. Не в Европе и не в Евразии, а в Евро-Азии. Текущая мировая апокалиптика и острая проблематика совместного выживания. Преодоление исторической коллизии — конец затянувшейся экзистенциальной драмы!

20 мая 2013 г.

Ирпень, Национальный университет налоговой службы
Украины

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

***Своеобразие отечественной хозяйственной мысли
в контексте мировой экономической науки
и современный поиск новых парадигмальных решений***

Считается, что самое большое, на что будто бы была способна и остается способной отечественная экономическая мысль — повторять и в лучшем случае приспособлять к российскому контексту внешнюю для России, в основном европейскую (западную), науку, идти в ее фарватере. Нельзя сказать, что таковой весьма незавидной данности в стране нет, но, содержание и значение российской мысли к столь не благовидной ситуации, конечно же, не сводится. Отечественная экономическая мысль всегда отличалась своеобразием, обусловленным исторической, культурно-цивилизационной, институциональной спецификой России, ее элитарного и общественного сознания, национального менталитета. Недаром в России был создан глубокомысленный «Домострой», имевший, кстати, западноевропейские аналоги, а также появились такие мыслители, как И. Посошков со своим поразительным учением о скудости и богатстве, о вещественном и невещественном богатствах, как и о многом другом жизненно важном, что содержалось в его комплексном труде «Книга о скудости и богатстве», на полвека опередившем известное смитовское сочинение «Исследование о природе и причинах богатства народов», в котором знаменитый шотландец уделил внимание лишь материальному богатству, как «второй Посошков — В. Кокорев», продол-

живший посошковское учение о правде, духовности и праведных законах, указывающий на феномен духоугашения как главную причину экономических провалов Российской империи, как личность-университет, мыслитель-энциклопедист М. Ломоносов, стоявший у истоков создания Императорского Вольного Экономического Общества, целью которого было «приращение земледелия и домостроительства», как выдающиеся экономисты А. Шторх с его теорией цивилизации, а также Н. Мордвинов, А. Бутовский, видевшие и фиксировавшие особенности российской хозяйственной жизни и в силу своего лояльного отношения к российскому феодализму зачисленные советской и либерально-буржуазной историей науки, как, собственно, и гениальный Посошков, в разряд ретроградных крепостников, достойных лишь осуждения и забвения, как замечательные хозяйственные практики А. Болотов, А. Фет (автор «Лирического хозяйства») и А. Энгельгард («Письма из деревни»). Бесспорный вклад в отечественную и мировую экономическую мысль внесли так называемые русские народники: А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Огарев, П. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Ткачев, В. Воронцов, С. Южаков, Н. Даниельсон, С. Кривенко, а также опять же так называемые славянофилы: И. Киреевский, А. Хомяков, Ю. Самарин, К. Аксаков, идеи которых были прямо обусловлены самобытностью России, существенным отличием ее хозяйственной жизни от по-капиталистически развивавшейся Европы. Плодотворно трудились в России и своеобразно мыслили вполне общечеловеческие М. Туган-Барановский, А. Чупров, Д. Менделеев, Н. Кондратьев, А. Чаянов. В начале XX в. усилиями выдающегося мыслителя С. Булгакова в России возникла не имеющая аналогов в мире философия хозяйства — вполне самостоятельное и истинно новаторское учение — обязанная своим появлением кризису широко распространенным на Западе и в тогдашней России политической экономии, позитивистской философии и атеизма. Брошенная в забвение в советское время, тотально окрашенного марксизмом, отечественная философия хозяйства возродилась на рубеже XX — XXI вв. и имеет возможность ныне плодотворно развиваться. Не смогли обойти специфику России и не отразить в своих трудах и сторонники западных научно-практических школ — что смит-рикардианской, что той же марксистской — в частности В.И. Ленин и И.В. Сталин — уже как строители нового, социалистического по замыслу, хозяйства. Несомненным своеобразием отличалась и советская экономическая наука, создавшая целостную систему общественного — государственного и кооперативного — планового хозяйства. Настало время непредвзято и основательно «осмыслить мысль» — российскую экономическую мысль, и сделать это в контексте мировой экономической мысли, причем осмыслить

как мысль своеобразную, принадлежащую российской цивилизации, отражающую отечественные реалии. Это было бы верно и справедливо как с патриотической, так и с международной, а лучше бы сказать — с мировой, точек зрения, и тем самым обогатить содержательно поиск новых парадигм экономической науки и хозяйственного развития.

20—21 июня 2013 г.

**МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус
(пр. Вернадского)**

*** * ***

VII ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

**Публичная коллективная лекция профессоров
Ю.М. Осипова, Л.А. Тутова и Н.Б. Шулевского**

на тему:

***Философия хозяйства как антикризисное
мировоззренческое учение***

Философия хозяйства родилась в начале XX в. в ответ на большой комплексный кризис европейской цивилизации, российской империльности, гуманистического мировоззрения, рационально-материалистической и позитивистско-прагматической философии, физикалистической обществоведческой науки, а также христианской религиозности и набравшего силу атеизма. И возродилась философия хозяйства на рубеже XX—XXI вв. вследствие все того же кризиса, его новой волны, ознаменовавшей переход от кризиса Модерна к кризисному уже по своей сути Постмодерну. Предложение иного мировоззрения — историческая миссия философии хозяйства.

Октябрь 2013 г.

МГУ, экономический факультет

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

Кризис в угоду человечеству: потери, перемены, обретения

Кризис бывает, чтобы человеку убедиться, понять, осознать, изменить и измениться, как и потерять и обрести. Так по преимуществу и случается, что вовсе не значит, что в необходимой мере и в нужном направлении. Ныне даже не кризис, а кризисное состояние всего бытия, если не вообще кризисное бытие. Кризис общепланетарен, он не во всем заметен, во многом скрыт, вялотекуч, хотя и неотвратимо упорен, раскатист, крайне затейлив, а потому особенно коварен, почти безысходен, всю апокалиптичен. Контекстные причины и внутренние пружины кризиса. Что говорит человечеству нынешний кризис, что можно от него ожидать и на что рассчитывать человечеству? Если не на выход, то на какие последствия? Антикризисная функция философии хозяйства.

19 ноября 2013 г., в 15 часов

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика

Современный планетарный мир — мир международного обустройства, региональной и мировой интеграции, тотальной глобализации. Всесторонне и плотно организованное хозяйственное пространство. Мир больших оргсистем. Мир-экономика, а наряду с ним и мир-политика. Евразия, постсоветское пространство, Россия и тяготеющие к взаимодействию евразийские и постсоветские субъекты-государства. Евразийская интеграционная концепция, ее отличие от европейской и любой имперской. Россия, Китай, Индия — основные строительные игроки в Евразии, их возможное целостное взаимодей-

ствии. Не слияние и не союз, а договорный комплекс на основе и в рамках международной воспроизводственной солидарности. Проблемы, шансы, разрешения. Искомые плоды.

Секции:

1. Евразия как пространство интеграционных возможностей.
2. Экономика больших целостных пространств и Евразия.
3. Евразийская стратегия: замыслы и реальности.

4—6 декабря 2013 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2013 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (eszotova@mail.ru) до 15 января 2014 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2013 г.

Контактный телефон: +7(495)9394183.

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания (*osipov.msu@mail.ru*).

БУГАЯН ИЛЬЯ РУБЕНОВИЧ,

академик-секретарь АФХ, д.э.н., профессор, Северо-Кавказская академия государственной службы (г. Ростов-на-Дону) (*irb@rcit.ru*).

РОДИНА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, директор, Ярославский филиал Финансового университета при Правительстве РФ (*galina-rodina@mail.ru*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

БОЙКО-БОЙЧУК ОЛЕГ ВАДИМОВИЧ,

к.т.н., президент, Агентство концептуального анализа, проектирования и управления «Концепт» (Киев, Украина) (*l_boyko-boychuk@ukr.net*).

ЭЛОЯН МАРИНА РИНАЛЬДОВНА,

действительный член АФХ, д.ф.н., доцент, профессор, Азовский технологический институт Донского государственного технического университета (*marina.eloyan@mail.ru*).

СОКОЛОВ РОМАН ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московская финансово-промышленная академия (*Orient-express@rambler.ru*).

ЯКОВЕЦ ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА,

действительный член АФХ, член-корреспондент РАЕН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева (*tzag@mail.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (*agrystsenco@ief.org.ua*).

РУДАКОВА ИСКРА ЕВСЕЕВНА,
д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*iskrrud@migmail.ru*).

КУРНОСОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА,
к.э.н., доцент, кафедра экономической теории, Московский государственный институт (университет) международных отношений (*iskrrud@migmail.ru*).

КОРНЯКОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономической теории, Ярославский государственный технический университет (*vi-korn1@rambler.ru*).

АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА,
ассистент, Ярославский государственный технический университет (*ashatan1985@mail.ru*).

ЕГОРОВ ДМИТРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,
д.ф.н., профессор, Псковский филиал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики (*nemo13@mail.ru*).

СОКОЛОВ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ,
аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ (*freifalke@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,
действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, кафедра философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,
к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

ХРИСТОКИН ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра философии и политологии, Национальный университет налоговой службы Украины (г. Ирпень) (*christokin gena@mail.ru*).

ФАТЕНКОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии, факультет социальных наук, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (*kfa@fsn.unn.ru*).

ГРИШИН ВАДИМ ВАСИЛЬЕВИЧ,
к.ф.н., доцент, кафедра философии и истории мировоззрения, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (*vadimgrishin61@mail.ru*).

БУЛАВКА ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА,
д.ф.н., главный научный сотрудник, Российский институт культу-
рологии (*bulavka81@inbox.ru*).

ВИСЛОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА,
к. искусств., ведущий научный сотрудник, Российский институт
культурологии (*anna_vislova@mail.ru*).

ЛЕКУС ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА,
аспирант, кафедра философии, культурологи и политологии, Мос-
ковский гуманитарный университет (*lekus_elena@mail.ru*).

БИРЮКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.полит.н., профессор, Кемеровский
государственный университет (*birs.07@mail.ru*).

КОВАЛЕНКО АНДРЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,
аспирант, социологический факультет МГУ (*supergri@rambler.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,
действительный член АФХ, д.филол.н., профессор, заведующий
кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель, Центр
кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского гос-
ударственного университета; заведующий кафедрой гуманитарных и
общих дисциплин (*ocean_65@mail.ru*).

ЕВСТРАТОВ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ,
д.э.н, профессор (Тула) (*rostovtseva@rambler.ru*).

ЕРЗНКЯН БАГРАТ АЙКОВИЧ,
д.э.н., профессор, Центральный экономико-математический инсти-
тут РАН (*erz@cemi.rssi.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономи-
ческий факультет МГУ (*tssmsu@mail.ru*).

ШАПОВАЛОВ ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ,
д.ф.н., профессор, кафедра истории российского государства, фа-
культет государственного управления МГУ
(*shapovaloff007@gmail.com*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2013 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.